

**МАРИАННА
АЛФЕРОВА**

**ХРУСТАЛЬНЫЙ
ЛАБИРИНТ**

ЧЕРНЫЯ

АРКЕОЛОГ

Марианна Владимировна Алферова

Хрустальный лабиринт

Серия «Черный археолог», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152140

Аннотация

Он – ЧЕРНЫЙ АРХЕОЛОГ космической эры. «Индиана Джонс» эпохи, когда грандиозный технологический скачок вынес корабли землян в открытый космос.

«Расхититель гробниц», при одном упоминании имени которого обитатели десятков планет скрежещут зубами, жвалами, роговыми пластинами и всем прочим!

Он – гроза космических сфинксов. Джентльмен в белом смокинге, с тросточкой в руке, цветком кактуса – в петлице, громадным багажом знаний – в голове и нежной любовью к текиле – в сердце.

Он – человек, способный проникнуть – и проникающий – в сокровищницы древних цивилизаций ЛЮБОГО МИРА.

Он – профессор Платон Рассольников по прозвищу Атлантида. Авантюрист и герой от космической археологии!..

...Райские Утехи. Шикарная планета-курорт, с которой Атлантиде внезапно приходит СТРАННОЕ послание от друга и коллеги – Альфреда Кормапа. Послание, смысла которого

отправитель объяснить не успевают, потому что гибнет при загадочных обстоятельствах.

Рассольников начинает собственное расследование случившегося, и пока что его единственная зацепка – информация о раскопках, которые Кормам вел на тихой планетке по имени Эгейское Море...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	32
ГЛАВА 3	81
ГЛАВА 4	136
ГЛАВА 5	168
ГЛАВА 6	191
ГЛАВА 7	227
ГЛАВА 8	248
ГЛАВА 9	297
ГЛАВА 10	317
ГЛАВА 11	431
ГЛАВА 12	451
ГЛАВА 13	476
ГЛАВА 14	481
ЭПИЛОГ	490
ЭПИЛОГ 2	495

Хрустальный лабиринт

Марианна Алферова

ГЛАВА 1

Документ 1.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Сканирование вновь дало отрицательный результат.

Проводить дальнейшее сканирование Океана бессмысленно.

Продолжаю наблюдение за объектом. Джи-джи-ду вне опасности.

Кто видел настоящий хрусталь в веке тридцатом? Когда на межзвездном лайнере «Кир-2», медленно плывущем к точке входа в гиперпространство, вам предложат «Черную собаку» в хрустальном бокале, не верьте, что бокал настоящий. Ведь даже текила может быть поддельной. Ныне все имитируется, любые атомы можно заставить построиться в нужном порядке. Нынешние криэйторы гордятся своей властью и смотрят на прочих свысока: мы создаем, а у вас нет выбора. Хотя на самом деле выбор есть. И если в спешке перескакивать с одной базы на другую, с одной разоренной планеты на следующую, то всегда можно отыскать кусочек подлинности, созданный по прихоти щедрой на выдумки Природы.

А хрусталь... На планете Гласе есть бесконечный Хрустальный лабиринт. Лабиринт, который свел профессора Рассольникова с Альфредом Корманом. Корман был из той породы фанатиков, что помешались на лабиринте. А профессор всегда относился к легендам со здоровой долей скептицизма. Не то чтобы Платон Рассольников не верил в рассказы о Хозяине лабиринта и таинственных и кровавых жертвоприношениях. Эти легенды, судя по всему, не очень старинные, казались не более достоверными, чем сочинения Гомера. Однако любая поэма должна приводить к стенам Илиона, а в любых стенах археолога должен ждать золотой клад. Прежде всего – чёрного археолога, потому как служители науки клянутся, что черепки их интересуют куда больше золотых масок фараонов. Кладоискатели показывали друг другу голограммы алтаря и драгоценных даров. Но как добраться до сокровищ, никто не знал. То, что из Хрустального лабиринта не вынесли еще ни единой вещицы, более всего и заинтриговало Платона. Он привык находить артефакты там, где другие терпели неудачу. Но было одно препятствие, которое стоило учесть: лабиринт редко кого отпускал живым. А те, кому удалось вырваться, болтали несусветные глупости. Из этих бредовых рассказов истомленных голодом и жаждой искателей древностей сложились легенды о Хозяине и жертвоприношениях.

И все же профессор Рассольников решил последовать за Корманом. Причина... О причине пока не будем говорить.

Ради чего человек рискует? Не ждите искреннего ответа на этот вопрос. Корыстолюбие порицается, но еще больше порицается бескорыстие, ибо оно считается разновидностью безумия. Но быть безумцем – не самое плохое занятие в нашем мире. Профессор Рассольников тоже немного безумен – недаром он носит прозвище Атлантида.

Альфред Корман – археолог, скульптор и разнорабочий по совместительству, был ровесником Платона, но казался мальчишкой. Худощав, узкоплеч, длинноног, с копной черных вьющихся волос, с прозрачными глазами ангела, который пытается выдать себя за местного сумасшедшего. Альфред среди черных археологов был свой, имел кличку «Гектор» и всюду, где бывал, оставлял зашифрованные надписи о своих успехах и неудачах – по неписаному правилу черных археологов. Впрочем, неудач было куда больше. Зато Альфред создал три теории, одну смелее другой, причем все три противоречили друг другу. Идти в лабиринт Гектор не боялся, ибо верил в Хозяина хрустальной спирали, и заявлял, что жертва для заклятия уже готова.

На всякий случай Платон взял с собой бластер «фараон» и к нему три сменных батареи. Корман носил с собой мало-мощный «арминий», и не на поясе в кобуре, а под мышкой. Но дело не в мощности оружия. Почему? Да потому, что Гектор все равно победит.

– Но Гектор же проиграл! – возразил профессор Рассольников. – Победил Ахиллес.

– Нет, это только иллюзия временного лабиринта. Погрешность слишком маленького отрезка времени. На крошечном промежутке истина непременно искажается, и все уверены, сотни лет уверены, что победил Ахилл. Но чем больше проходит лет, тем очевиднее победа Гектора. С каждым тысячелетием очевиднее.

Профессор Рассольников пожимал плечами, слушая рассуждения Кормана. И немного завидовал, сам не зная чему. Быть может, способности археолога-разнорабочего на ходу создавать теории, которые не требовали доказательств в силу своей безумности.

Лабиринт Гласса был обманом от начала и до конца. В его стеклянной прозрачности заключался первый и главный обман. Кажется, что видишь все вокруг, но то, что ты видишь – ложь. Здесь ни в чем нельзя быть уверенным. Обманчивый и хрупкий мир после первого шага начинает двоиться и ведет смельчака сразу множеством путей. Оружие лучше держать в кобуре – разряд бластера обрушит потолок на головы археологам. Пусть свод укреплен металлическими арками – все равно он пугающе хрупок. Когда был построен лабиринт? Зачем? Никто не знает ответа. Круглая форма арок со временем превратилась в овальную. Если смотреть издали из одной галереи на Другую, то арки начинают казаться единой цепью, сковавшей лабиринт. Металл прочен, но не вечен, и обручи во многих местах сплющило так, что они превратились в лежащие на боку сильно вытянутые буквы «о».

Говорили, что часть лабиринта засыпано, но карты пока не составил никто. После трех суток блуждания по лабиринту Платон все чаще называл его хрустальным гробом. Тем более что мумии в лабиринте попадались часто. Правда, они не представляли особого интереса – то были останки застрывших здесь навсегда археологов. Карманы и сумки незадачливых предшественников Платон Атлантида на всякий случай обыскал. У одного трупа в нагрудном кармашке нашлась записка с емким словом: «Дерьмо». Другой вырезал на хрустальной поверхности целую строку ругательств. Третий резал стены бластером, пока галерея не обрушилась ему на голову и не погребла несчастного в прозрачном саркофаге.

Хрустальный гроб... цепи... как в сказке. Не хватало только принцессы. Был «фараон». Впрочем, толку от него никакого. Потому что никто на них не собирался нападать. На вторые сутки перестали попадаться мумии, и Платон понял, что они заблудились. Кто бы мог подумать, что так просто заблудиться в прозрачных галереях. Порой пленники видели вдали солнечный свет, клочок синего неба и плотно-коричневые, а не прозрачные скалы. Но едва они пытались отыскать галерею, ведущую к этой спасительной непрозрачности, как тут же теряли из виду и небо, и скальную оправу желанной синевы, и опять начиналось бесцельное шатание по призрачным переходам. Когда пошли третьи сутки, Корман остановился в одном из тупиков перед хрустальной глыбой и спросил у Платона:

– Может, пора подумать о жертве? – при этом тонкие губы Кормана сложились в ехидную улыбочку. Он поглаживал хрустальную глыбу, как будто она была его союзником в предстоящем деле.

– Жертва будет кровавой? – поинтересовался профессор. За недолгое время их знакомства профессор убедился, что его товарищ никогда не говорит серьезно. Порой это сильно утомляло.

– А как же! – весело воскликнул Корман и подмигнул хрустальной глыбе.

Платон невольно проверил, на месте ли бластер, и облегченно вздохнул, обнаружив, что рукоять «фараона» торчит из кобуры.

– С жертвоприношением подождем! – профессор Расольников постарался говорить так же весело, как и Корман.

Запас воды и питательных таблеток они взяли с собой только на шестеро суток. Но в лабиринте томила постоянная жажда. И вода кончилась быстро, все попытки экономить были так же бесполезны, как красная полоса на прозрачной стене, которую Платон вел от самого входа, но которая ни за что не желала стать нитью Ариадны и вывести археологов назад. Не помогли и зарубки на хрустальных колоннах: к исходу третьих суток все колонны на их пути были с отметинами. При этом Атлантида уже начал путать, какие сделаны его рукой, а какие оставлены предшественниками. Возможно, предшественников не было, или они не уродовали мо-

лекулярными резаками хрустальные столбы. Свои собственные метки археолог начинал воспринимать как чужие. Чтобы перебить жажду, профессор положил под язык сразу две питательные таблетки. Пить захотелось еще сильнее.

«Платон Атлантида умер в лабиринте от жажды» – уже мерещились ему заголовки в новостях. «Платон Атлантида сгинул, как таинственный материк...» «Ха-ха. Платон в лабиринте...» Почему-то все эпитафии в его мозгу превращались в издевки.

И вдруг он увидел текущую по прозрачной стене воду. Вода рябила, и бесконечные аркады казались погруженными в голубое озеро. Атлантида прижался к стене и лизнул поверхность, по которой – как почудилось ему – тек водный поток. Язык обожгло от нестерпимой горечи. Влаги не было: одна стена медленно скользила по поверхности другой, и это движение создавало иллюзию водного потока. Платон схватился за рукоять бластера. Но тут же вспомнил о мумии в хрустальном саркофаге и обломки арок, нависшие над последним приютом потерявшего терпение кладоискателя. Стены лабиринта перемещались. Бесполезны все зарубки и метки. Пленникам отсюда не выйти никогда!

А Корман выглядел беззаботным, только шуточки его становились все ехиднее. Впрочем, жажда его тоже мучила: Платон заметил, как его напарник на исходе третьих суток несколько раз приложился к пустой фляге. Потеряв надежду, они продолжали идти. Что толку! Вновь и вновь они замыка-

ли очередное красное кольцо и выходили к исходной точке. И так, пока не кончился синтезатор краски. В хрустальном лабиринте барахлили приборы и не работала связь. И лишь далеко впереди время от времени возникало синее пятно выхода, дарующего свободу. Маячило до тех пор, пока из синего не превратилось в черное. Прошли еще одни сутки. Тогда они остановились. Возможно, они сделали новый круг, на этот раз бездоказательный и потому как бы мнимый. Платон выругался позаковыристее, но уже без злости, расстелил спальник на прозрачном полу и лег. Под ним проходили одна под другой пять или шесть галерей. Возможно, их больше, но другие едва угадывались по синеватым полосам в глубине. Колонны нижних ярусов прорастали сквозь верхние и распускались лепестками арок под потолком. Один ряд над другим, насколько можно разглядеть. Профессор на всякий случай сделал несколько голограмм. Если пленники выйдут наконец... Но выйдут ли? Усталость подавляла все чувства, даже желание спастись. Болели пятки и икры. Спина разламывалась вдоль хребта – вещмешок оказался устаревшей системы, без антигравитатора. Усталость затмила даже страх. Попроси Корман «фараон», профессор отдал бы, не задумываясь. Но Фред попросил лишь молекулярный резак. Зачем? Уж не собирается ли Корман прорезать проход сквозь галереи?

Но нет – у того были иные планы.

– Отлично! Можно сделать памятник нам обоим. Глупо

лежать в могиле без памятника.

Удивительно, но после этих слов своего странного товарища Платон мгновенно заснул безмятежным сном. Как потом выяснилось, спал он почти сутки. А когда проснулся, увидел над собой хрустальную женщину. У нее была непропорционально маленькая голова, квадратные груди (причем левая заметно больше правой), треугольный живот, худые бедра и толстые икры. Платон смотрел на эту стеклянную красотку и почему-то ощущал во рту солоноватый привкус крови. Потом сообразил, что во время слишком долгого сна прикусил щеку.

– Что это? – поинтересовался он у Кормана.

– Наш памятник.

– Это?..

– Да, обнаженная женщина! По-моему, не самый плохой памятник на могиле двух холостых и не старых мужчин.

– Она... – Платон брезгливо скривил губы. – Не особенно привлекательна.

– Чем тебе не нравится моя Елена Прекрасная? – вызывающе спросил Корман. В прозрачных его глазах прыгали безумные огоньки. Платон подумал, что Корман спятил. Но почему-то не стал проверять, на месте ли «фараон».

– Я ради нее и десять минут, не то что десять лет, не стал бы осаждать Илион.

Профессор поднялся, взвалил на плечи мешок и двинулся по ближайшей хрустальной галерее. Сутки назад они уже

проходили здесь – кровавая полоса ясно об этом говорила. Платон шел вдоль красной линии, пытаясь отыскать какой-то боковой ход, куда они не заглядывали прежде. Профессор так старательно глядел по сторонам, что не заметил, как впереди возникло синее полукружье неба под аркой непрозрачного свода. Археолог не помнил, когда исчезла кровавая линия, сделанная его рукой. Но она исчезла. Они с Корманом стояли у выхода из лабиринта.

– Хозяину лабиринта понравилась твоя Елена, – усмехнулся Атлантида.

– У него лучше вкус, чем у тебя, – отозвался Корман. – И помни, я спас тебе жизнь.

– Я запомню, что именно ты затащил меня в эту ловушку. Почему однажды утром Платон вспомнил об этом не слишком приятном приключении? После лабиринта они с Корманом больше года шлялись с планеты на планету, попадали из одного переплета в другой, ничего стоящего не нашли, Корман едва не лишился ноги, Платон – своего счета в банке, дальнейшее сотрудничество было признано нецелесообразным, и друзья расстались. С тех пор прошло почти два года, и Корман никак не давал о себе знать. Значит, ничего интересного не нашел. Если б нашел – прислал бы весточку. Или кто-нибудь другой сообщил непременно. Да и что он мог найти – человек наития, бессистемный дилетант, слишком порывистый, чтобы упорно идти к цели, слишком упрямый, чтобы видеть собственные ошибки?

Две недели отдыха профессор Платон Рассольников выторговал сам у себя после долгих споров. Да, одна половина его существа доказывала, что надо немедленно искать стабилизирующую полусферы, на существование которой смутно намекали манускрипты Адониса. Вторая требовала отбыть на какую-нибудь отдаленную планетку Галактики, собраться с мыслями и систематизировать все, что удалось собрать за последние годы. А собрать удалось немало, хотя ценность некоторых находок была более чем сомнительной. Но надо же и отдохнуть, в конце концов, не безумно и бездумно, как отдыхается в казино Земли-дубль, или на пляжах Геи-Квадриус. А вдумчиво, последовательно, с перспективой. «Я всегда отдыхаю с перспективой», – заявлял его странный друг Альфред Корман, то ли сумасшедший, то ли гений, которому профессор Рассольников был обязан жизнью. Впрочем, как убедился Атлантида вскоре после их знакомства, Корман все делал с перспективой, но почему-то обратной. Да, именно по сложным живописным законам: сначала немножко, потом побольше, еще больше, а потом все меньше, меньше, меньше. «Нелепо, но по законам прямой перспективы возможно только убывание», – это была еще одна из шуток Альфреда. Шутка, если вдуматься, не особенно смешная. Но в шутки Кормана лучше не вдумываться.

Наступало время перепутья... Впереди нечто значительное... Нет, не отдых по системе Кормана, а рождение Новой теории. Это особое чувство. Бывает, голова напоминает не

светлую сферу, а чугунный шар, мыслей – ни грана, и все же в глубине души таится уверенность, что вот-вот будет найдено решение. И оно всегда находится. Лежит камнем на дороге, надо лишь об него споткнуться. Это так же непреложно, как то, что на планете, вращающейся вокруг собственной оси, есть ночь и день. Свет и тень. Бодрствование и сон.

«Мне нужна планета, где есть ночь и день. Остальное – излишки», – решил Платон.

Итак, надо работать, а не отдыхать. Отдыхать он будет на каком-нибудь «Райском уголке», и без всякой перспективы, если не считать таковой возможность очутиться вечером в койке сногшибательной красоты.

Да, теория пока не вылупилась, но она плавала в мозгу зародышем. Желток, не получивший белка, еще не создавший собственную скорлупу теоретических выкладок. И чтобы все это создать, надо изолироваться от зудящих вызовов Галактического Интернета, от постоянной трепотни друзей, от визитов знакомых и незнакомых женщин (тут Платон Атлантида с сожалением вздохнул) и стать совершенно одиноким. Но где в Тридцатом веке можно почувствовать себя одиноким, отгороженным от мира, если этот мир пророс сквозь тебя спорами бесчисленных информсетей? Разве что на замерзшем метеорите. Эй, господа, ищу замерзший метеорит, подарите кусок необитаемого льда на две недели. А после этого можете растопить и утилизировать.

В «Сфере отдыха» метеорит для профессора Рассольни-

кова не нашли, зато отыскивали уединенную планету «Крон-3» и преподнесли, как райское яблочко, завернутое в чек в пять тысяч кредитов. Пять тысяч кредитов за две недели. Видно, яблочко в самом деле уникальное.

Что ни говори, а Галактика наша многообразна. В ней можно обнаружить все. Даже вполне приличную планету со сменой дня и ночи, с несумасшедшей силой тяготения – всего 1,42g, и это при том, что этот шарик никого практически не интересуется. Есть какая-то база, поселение то ли изгоев, то ли сектантов, и штук семь или восемь полностью заброшенных деревушек. Представьте пригодный для жизни поселок, в котором нет связи. Звучит восхитительно. Сообщение «нет связи» у современного человека вызывает легкую панику, холод в спине и учащенное сердцебиение, но Платон именно об этом и мечтал. Нет связи! Это значит, что все двадцать четыре, простите, двадцать семь часов местных суток твои. И археолог направился на планету «Крон-3» в надежде на две недели перспективной работы.

Уже на планете выяснилось, что атмосфера Третьего Крона не пригодна для дыхания, так что придется либо выходить наружу в скафандре, либо сидеть безвылазно в жилом модуле. Скафандры в комплекте из пяти штук предлагались прямо в космопорте за умеренную плату. Правда, все – устаревшего образца. Причем настолько устаревшего, что Платон целых полчаса изучал инструкцию. Возможно, именно в таком скафандре Армстронг делал первые шаги по Луне.

Прогулки в скафандре? Интересно, как они способствуют творческому процессу? Профессор Рассольников любил размышлять во время прогулок. Надо лишь найти нужный темп, и тогда покажется, что ты идешь в ногу со временем – оно по своему вектору, ты – по своему; так создается иллюзия временной невесомости. Все мысли, еще не явившиеся в этот мир, начинают хаотическое парение, и ты можешь поймать любую, самую дерзкую, и объявить своей собственностью. И с этого мига время начнет суетиться и делать тебе гадости. Но это уже не имеет значения – потому что ты знаешь, как уязвить его и остановить, и даже – опередить. Пусть злобствует, пусть пытается отыграться: миг торжества уже не отнять.

Но прогулка в скафандре лишает тебя свободы, необходимой для сражения со временем. Создавать новые теории, гуляя в скафандре, все равно, что думать, стоя в очереди на посадку в космопорте или у дантиста. Почему-то в этих двух местах очереди не изживаются. Будто там существуют особые споры, и очереди множатся вновь и вновь. Когда профессор Рассольников чего-то ожидал, все мысли из его головы испарялись, оставалось лишь чувство бешенства. В такие минуты время брало над ним верх. Платон чувствовал себя распятым на всех трех координатах пространства, и бесцельно потраченное время загоняло в его мозг серебряный гвоздь. А сознание, что кто-то способен естественно существовать в графленых клеточках, возводило его мучения в

кубическую степень.

Итак, сразу по прибытии стало ясно, что искать новую теорию придется не во время прогулок по незнакомой планете, а меряя шагами отнюдь не обширные квадратные метры жилого блока. Однако все пять скафандров Платон взял с собой и направился в «дачный поселок» – так мысленно окрестил он место своего будущего затворничества.

Дачный поселок... Мерещился домик, окруженный деревьями на берегу неспешно текущей сиреневой речушки. Что-то старинное... запахи... дорожки, посыпанные золотым песком... Цветы в горшках на подоконнике. Не муляжи, а настоящие, настойчиво требующие поливки сигнальными писклявыми чипами.

Опустив глайдер на ровной площадке перед жилыми блоками, профессор Рассольников выпрыгнул из машины и огляделся. Все скалы вокруг покрывал толстый слой ржавой пыли. Она припорошила крыши, создала причудливый рельефный узор на стенах, и даже на брошенном вездеходе выросли ветвистые кораллы цвета запекшейся крови. Археолог неспешно направился к двери жилого блока. Внутри что-то громко щелкнуло, включился свет, и вокруг Платона стало медленно расти красное облако. Тогда археолог понял, что это не пыль, а живые организмы. Он не был особенно большим поклонником живого. Мертвое куда интереснее и прибыльнее. И безопаснее. Мертвому не надо бороться за жизнь.

Двери раздвинулись, и поток воздуха обрушился на Платона. Вокруг закружился красно-ржавый вихрь.

– Ухватитесь за ручки, – посоветовал домовой комп скучным голосом и закашлялся, как живой человек.

Теперь профессор заметил две ручки по бокам двери, изрядно затертые и изъеденные ржавчиной (или крошечными насекомыми?). Сопротивляться напору воздушного потока стало проще.

– Можно войти, – сообщил комп, решив, что обдувание прошло нормально. И вновь кашлянул, на этот раз будто прочищая горло.

Платон вступил в шлюз. Сверху на него обрушился густой комок сине-зеленой слизи. Она облепила археолога с головы до ног. Не комок, а настоящий комище.

– Биологическая обработка, – сообщил комп. – Френд очистит ваш комбинезон от кровавиков за семь минут три секунды.

Семь минут! Платон представил, как после каждой прогулки эта сине-зеленая масса с добрым именем френд будет ползать по комбинезону, пожирая остатки красной ржавчины. За эти семь минут и три секунды археолог непременно забудет все мудрые мысли, которые изволили поселиться в его мозгу на прогулке. Нет, от прогулок придется отказаться.

– Дать отсчет времени? – поинтересовался комп.

– Не надо, – огрызнулся профессор Рассольников.

Да, видать, справедливо эта планета не пользуется попу-

лярностью. Семь минут показались семью часами.

Наконец френд медленно спустился на пол и, сыто урча, пополз к черному отверстию в углу. Черную эту нору Платон окрестил «Собачьей будкой». В давние времена люди держали собак для охраны. Часто на цепи и в маленьких домиках-будках. Бедные псы... Бедные люди. Лязгнули двери второго шлюза, и профессор, наконец, вступил вовнутрь жилого блока. Автоматически вспыхнули лампы под потолком. Серые ровные стены. Серый потолок. И с него причудливыми фестонами свешивалась вуаль мохнатой паутины.

– Убрать паутину, – потребовал гость, снимая шлем. Тут же скафандр сбежал к ногам археолога змеиной шкурой.

– Невозможно. То, что вы называете паутиной – это биопротивник кровавиков. Дополнительная защита. Неразумная. Полезность – сорок два процента.

Платон ругнулся и прошел в спальню. Постель автоматически вывалилась из стены – вся затканная седой паутиной.

– Паутину не уничтожать. Влезать внутрь спальника с предосторожностями, раздвинув отверстие, – наставлял домовой комп.

– Он же к утру меня спеленает окончательно, и я задохнусь! – запротестовал Атлантида.

– Лицо перед сном намажьте специальной мазью.

Седая паутина на стене заколыхалась и поползла в угол. Среди ажурных лохмотьев образовались уплотнения.

– Кровавики просочились? – спросил археолог, находя си-

туаацию забавной. Жаль, что нет рядом Кормана: шуткам не было бы конца. Черт... В последние дни он все время вспоминает Кормана. Надо было перед отлетом узнать, как дела у этого парня.

– Кровавики постоянно просачиваются. Рекомендуется поселить на домашний костюм и на скафандр лоскутки дру- жественной паутины.

Сомнений не было: место перспективного труда выбрано неудачно. Зародыш теории, плавающий в мозгу профессора Рассольникова, спешно закукливался, чтобы погрузиться в тайники памяти до лучших времен.

Черт с ней, с теорией! Надо срочно распаковать багаж, пока дружественная паутина не погребла его в одной из комнат. С дороги хотелось есть. А еще больше – выпить: в багажном контейнере хранился ящик текилы и пакет с лимонами.

«Надеюсь, кровавики не любят текилу», – подбодрил сам себя профессор Рассольников.

Багаж нашелся на удивление быстро – в ближайшей комнате, уже затканной серыми нитями. Отбив у паутины добычу, археолог прошел в гостиную и уселся на стул, аккуратно отогнув лохмотья паутины.

– К вам посетитель, – сообщил домовой комп.

Платон вздрогнул от неожиданности. Он забрался на эту мерзкую планету, чтобы гарантировать себе полное, стопроцентное одиночество, куда профессор Биттнер не сможет слать свои назойливые указания, где будет молчать Интер-

нет... Ради одиночества археолог готов был улечься на кровать с паутиной и прогуливаться в скафандре в обществе кровавиков. И вдруг через полчаса после прибытия – посетитель!

– Кого еще черт принес? – прошипел Атлантида.

– Курьер. Галактический курьер.

– Что – ко мне галактический курьер? – переспросил он, не веря ушам.

– Именно к вам, профессор Рассольников. Впустить?

– Валяй.

Платон подумал почему-то о профессоре Биттнере. Пожалуй, ему по карману воспользоваться галактической курьерской службой. А больше никому. То есть, разумеется, есть масса людей, которые могут прислать курьера. Но им до профессора Рассольникова нет никакого дела. И какое дело у Биттнера? Какой-нибудь сверхвыгодный заказ? С годами Атлантида убедился, что все заказы Биттнера обычно заканчиваются большими убытками. Но Платон решил не отказываться. То есть не отказываться сразу. Остаться на планете с кровавиками и охранительной паутиной ему уже расхотелось. Придумать новую теорию можно и в населенном месте – это решение далось неожиданно легко. Подойдет что-нибудь банальное: виноцветное море, белые барашки, острова с пальмами. Красотки с идеальными фигурами и ослепительными улыбками. И тяготение, чтобы чуточку меньше земного, и...

Шлюзовые двери распахнулись, и в жилой блок бодрым шагом отставного сержанта вошел покрытый защитным чехлом андроид.

«Посланец не от Биттнера, – решил Платон. – Профессор Биттнер потребовал бы курьера-человека».

Посланец протянул Рассольникову коробку, поверхность которой вспухла пузырями после общения с сине-зеленым френдом. Платон глянул на электронный жетон. «Отправитель Альфред Корман». Надо же! Еще сегодня утром профессор вспоминал о своем друге-дилетанте. Одно странно: его приятель всегда без единого кредита и вдруг... курьер.

Платон вытащил из кармашка молекулярный резак и вскрыл коробку. Внутри лежало нечто. Бесформенный обломок. Серо-зелено-желтый. Явно подвергшийся воздействию очень высоких температур материал. Форма – внезапно застывшая булькающая густая жидкость, но с одной стороны скол или срез и поверхность идеально ровная. Осколок чего-то большего. Как все мы. А рядом с этой в прошлом бурлящей, а ныне холодной и немой субстанцией, прямоугольник странного белого пластика с надписью. Платон взял прямоугольник, повертел в пальцах. Да это же никакой не пластик, а бумага. Самая настоящая плотная бумага. Археологу ли это не знать! Платон зачем-то даже понюхал бумажный прямоугольник. Пахло духами. Очень тонкий аромат. На бумажной карточке было написано: «Елена Прекрасная». И все.

Елена Прекрасная... Атлантида вспомнил хрустальную статую, пожертвованную Корманом Хозяину лабиринта. А что если этот осколок – часть прежнего творения его друга? Кто знает, может, хрустальная Елена привела кого-нибудь в такой восторг, что неведомый поклонник не пожалел на красоту разряда десинтера? Но к чему профессору Рассольникову остатки этой несчастной Елены? Что означала эта посылка? Зачем ее вообще прислали, да еще с курьером? Возможно, Корман пытался связаться по Интернету, не смог, нанял курьера... Значит, торопился. Очень торопился.

– Больше сообщений нет? – спросил Платон.

Даже если глядеть на андроида сквозь мутноватую пленку защитного чехла, его нельзя принять за человека. Более того, на некоторых планетах на лоб андроидам ставят синие номера. Чтобы их сразу можно было отличить от людей. А кое-кто из людей вслед малюет себе на лбу синие цифры, пытаясь укрыться под личиной андроида. Не на всех планетах выгодно быть человеком. На некоторых даже опасно. После того, как профессора Рассольникова едва не сожгли живьем на... Нет, об этом лучше не вспоминать.

Ну что ж, придется вернуться в космопорт, чтобы связаться по Интернету с Корманом. И как Альфред только узнал, где искать старого друга? Два года не виделись и... Не то, чтобы Платон очень хотел выяснить, что означает посылка. Скорее всего – это очередная дурацкая шутка Кормана. И от прочих его шуточек отличается лишь одним – ценой. Очень

дорогая шутка. Корман любил загадывать загадки и наблюдать, как товарищ мучается, но не может разгадать головоломку. Сколько раз уже Платон клялся, что не будет поддаваться на нелепые провокации Кормана, и всякий раз попадался в одну и ту же ловушку: самолюбие не позволяло просто пожать плечами и отвернуться. Ну что ж, Корман позабавился еще раз... Но профессору Рассольникову хотелось покинуть место отдыха, и с каждой секундой все сильнее. Послание Кормана было лишь причиной, толчком...

Итак, пять тысяч кредитов выброшено в безвоздушное пространство. Эх, если бы археологи могли находить выброшенные на ветер деньги.

Космопорт Крона-3 был погружен в спячку с вечера до утра и с утра до вечера. В маленьком непрезентабельном зальчике две служительницы, воспринимая свою работу как несправедливую и долгую ссылку, ожесточенно болтали. Диспетчер в полудреме, смежив один глаз и прищулив второй, обзирал вверенное ему пространство. Кровавиков не было видно, полотнищ паутины тоже. Зато под стульями и возле ячеек камер хранения застыли небольшие комья сине-зеленых френ-дов. В первый раз после посадки Платон их не заметил, занятый изучением инструкции к древним скафандрам.

– Мне нужна тахионная связь, – обратился Платон к диспетчеру.

Обе девицы перестали болтать и посмотрели на Платона. Обоим было сильно за шестьдесят – даже по нынешним меркам возраст далеко не юный.

Диспетчер махнул рукой в угол.

Платон запросил связь с Корманом. Девицы продолжали его разглядывать. Чего они так на него уставились? Вроде бы одет он обычно: трикотажный комбинезон, удобный для надевания под скафандр, в руках черный кейс. Обычный путешественник. Ну, молод, ну, хорош собой...

Одна из девиц хихикнула.

И тут дали связь. Но вместо худого лица Кормана с высоким лбом, острыми скулами и тонкой прорезью ехидного рта, на экране возникла курносая физиономия со светлыми остриженными ежиком волосами и тяжелой челюстью, занимавшей как минимум пол-лица. Поскольку на лбу у означенной личности не значилось синего номера, то Платон отважился предположить, что перед ним человек.

– Мне нужен Корман, – проговорил Платон, раздражаясь: он уже предчувствовал, что разговор с этим типом будет не особенно легким.

– Сожалею, но с этим джентльменом вы говорить не можете, – сообщил обладатель лошадиной челюсти. – Сержант Вил Дерпфельд к вашим услугам.

Тут только профессор Рассольников заметил ворот синей

форменной рубашки. Полицейский?!

– Мне нужен Альфред Корман! – заявил Атлантида, ощущая неприятную пустоту в желудке.

– Три дня назад господин Корман погиб.

– Погиб... Как? – Что за дурацкая шутка! Оказывается, не один Фред обожает розыгрыши. Ведь он только что отправил посылку. – Попал в катастрофу?

– Его убили.

Та-ак. Профессор Рассольников поморщился: его всегда охватывало чувство нелепости при известии о чьей-то смерти.

– Кто его убил? – спросил археолог.

– Это я и выясняю. Можете прилететь сюда?

– Куда – сюда? – Известие об убийстве приятеля так его обескуражило, что Платон не мог ориентироваться в происходящем. Ощущение чудовищной ошибки все нарастало.

– На планету Райский уголок.

Райский уголок? Планета с тропическим климатом, один из самых дорогих курортов в Галактике. Без миллиона кредитов туда нечего и соваться. Когда-то Платон мечтал там отдохнуть. И вот...

– У нас есть нуль-портал, – сообщил Вил. – Где вы сейчас находитесь?

– На Кроне-3.

Вил затряс головой, давая понять, что это название ему ничего не говорит.

– Я прибуду, – пообещал Платон. – Доберусь до Вояджера. И оттуда – сразу к вам.

– А что у вас с волосами, можно полюбопытствовать? – спросил Вил Дерпфельд. – Новая мода?

Платон поднес руку к голове. И ощутил под ладонью вместо прямых прядей что-то предательски мягкое, пушистое. Будто на голове у него примостился котенок.

– Да, новая мода! – профессор спешно отключил связь и бросился к зеркалу. На весь космопорт было одно-единственное зеркало, да и то в самом неприметном месте. Так и есть, прическа у профессора оказалась замечательная: огромная шапка пушистой дружественной паутины. Одна из шестидесятилетних девиц, заметив застывшего перед зеркалом пассажира, неспешно направилась к нему.

– За десять кредитов в нашей парикмахерской вас приведут в порядок, – проговорила она очень сочувственно.

– Десять кредитов?

– Вы предпочтете сохранить эту прическу? – Она окинула критическим взглядом прическу профессора. – Через десять часов паутина вступит в симбиоз с вашим организмом и тогда...

– Хорошо... – выдохнул Атлантида.

Десять кредитов, это, конечно, грабеж. Нетрудно предположить некий симбиоз между работниками парикмахерской и дружественной паутиной. Особенно, когда Платон увидел, что вторая девица залезает в парикмахерский комбинезон.

За три секунды мощный насос слизнул с его волос серые хлопья, потом профессора с ног до головы облили вонючим дез-составом. Все тело стало немилосердно чесаться, а волосы теперь напоминали проволоку. Девушка не слишком уверенно предложила вымыть клиенту голову, и даже что-то стала искать в шкафчике, выбрасывая на пол пустые флаконы.

Платон поспешил от мытья головы отказаться.

– Вы говорили с копом? – поинтересовалась парикмахерша, странно ухмыляясь и оглядывая Атлантиду. – Они во время любого разговора непременно пользуются детектором лжи.

– Я знаю, – буркнул Платон. Знать-то он знал, но почему-то во время беседы с Дерпфельдом об этом факте не вспомнил.

– Если хотите избежать неприятностей, то купите таблетки «антиправды». Одна штука под язык – и сорок восемь часов ни один детектор вас не возьмет за яйца.

– Я только свидетель, – сказал профессор не очень уверенно.

– Ха-ха... – последовал ответ.

Платон оценил всю многозначительность интонации этого краткого, но емкого восклицания, и купил в киоске блок таблеток «антиправды». Наверняка переплатил вдвое. Немного подумал и положил таблетку под язык.

Челнок на Вояджер прибудет через три часа. Три часа, вычеркнутые из жизни. Ожидание... Платон достал из кей-

са электронный жетон, снятый с посылки. Коробка с осколком была отправлена Фредом Корманом четыре дня назад. То есть за день до смерти. И в самом деле, с планеты Райский уголок. Почему-то Платон не обратил на этот факт внимания. Дорогущая планета. Говорят, проживание на ней дороже, чем на Старой Земле. На то и Рай.

ГЛАВА 2

РАЙСКИЙ УГОЛОК

Документ 2.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Новые данные отсутствуют. Объект ничего не предпринимает. Просмотр старых материалов не дает результатов. Почему не обеспечили охрану Корману? Почему так медлили? Теперь след потерян. Придется все начинать сначала. Прошу сообщить результаты расследования, как только они появятся.

Да, нуль-портал на планете Райский уголок был. Но это не облегчало жизнь путешественникам. Когда Платон шагнул из нуль-портала на зеркальный пол просторного зала, три охранника в сине-белой форме направили на него три «магнума» и хором взревели:

– Стоять!

Платон замер с поднятыми руками. Чип на багажном контейнере пропищал:

– Взрывчатки нет. Разрешение на ношение оружия имеется. Оружие опечатано и находится в багаже.

– У вас есть пропуск на планету? – спросил один из полицейских, но бластер не опустил.

– Нет никакого пропуска. Лицензия Межгалактического Археологического Общества есть, а вот пропуск...

– При чем здесь МГАО? На нашей планете нечего раскапывать. Вы будете отправлены назад за собственный счет, – сообщил полицейский, суровая с каждым словом. Его коллеги строили совершенно зверские рожи.

– Меня сюда вызвали! – повысил голос профессор Рассольников, и не менее гневно нахмурил брови в ответ. – Сержант Вил Дерпфельд хотел поговорить со мной как со свидетелем.

– А, Вил... – На физиономии старшего отразилось глубокое разочарование. И он, наконец, опустил свой «магнум». Его коллеги сделали то же самое. – Поль, свяжись-ка с сержантом Дерпфельдом и сообщи, что его свидетель явился. И пусть оформит пропуск по всем правилам хоть раз! А пока извольте пройти в силовую кабину и ждать там прибытия сержанта Дерпфельда.

Платона довольно бесцеремонно затолкали в прозрачный параллелепипед вместе с багажом. Вот дерьмо! Похоже на собачью будку... Не слишком ли часто эти будки стали попадаться на пути?

«Я – человек несуетный», – поспешил напомнить себе профессор Рассольников.

Но еще он был человеком с чувством собственного достоинства. Облаченный в белый костюм с бледно-лиловым цветком «*mamillaria blossfeldiana*» в петлице, в белой шляпе,

с тросточкой в руке, он уже представлял себя на набережной Райского уголка под испепеляющими взорами местных красавиц. А вместо этого пленение в тесной «собачьей будке». И парочка пожилых туристов пялится на него во все глаза, как будто он достопримечательность этой райской планеты. Иконы перешучиваются, поглядывают в сторону «будки» и заключают пари. Держать себя непринужденно, насколько это возможно в его положении, – вот все, что можно пока сделать. Но попробуйте изобразить чувство собственного достоинства в силовой кабине!

Вил Дерпфельд не торопился прибыть в зал ожидания. Платон промаялся целый час, глядя сквозь прочнейший стеклопласт на роскошные стеклянные пирамиды Райского уголка в обрамлении буйной, какой-то почти ненастоящей зелени. Деревья росли ярусами – пышные кроны сменялись переплетением лиан, чтобы внизу разостлаться цветущим кустарником. В яркой листве мелькали сочные оранжевые плоды, почему-то похожие не на фрукты, а на елочные игрушки. По мощеным разноцветным камнем аллеям прогуливались полуобнаженные парочки. И меж ними – полицейские в форме. Обилие полицейских... По штуке на каждого туриста. Платон всегда считал, что охрана должна быть незаметной. Если охрану выставляют напоказ, то либо не все ладно с самой системой охраны, либо у хозяина не все в порядке с психикой, и ему пора посетить психотерапевта. Или это какой-то особый шик – кичиться охраной?

Наконец Вил Дерпфельд явился. Этот начинающий полнеть белокурый гигант вовсе не торопился познакомиться со своим свидетелем. Однако пропуск принес. И профессор Рассольников был освобожден из временного плена. Пропуск был необычного вида – внешне полная иллюзия желтого лимона средних размеров с остреньким носиком. Его полагалось носить на шее, подвешенным на цепочке. Причем все время и так, чтобы было видно.

– На вашей планете все носят на шее такие «лимоны»? – не поверил Платон и глянул на пожилую пару в зале ожидания. Никаких «лимонов» на них не было.

– Это временный пропуск. Если вы – член клуба, то «песня» вам ни к чему. Мы называем эту штуку песней. В случае нарушения правил она начинает мурлыкать какую-нибудь песенку-дешевку. И вас тут же хватают под белые ручки и ведут. – О работе «лимона» сержант рассказывал с видимым удовольствием.

– Что-то вроде желтой звезды, – уяснил Платон.

– А что такое желтая звезда? – не понял полицейский.

– Это не относится к делу.

– Объясните, что такое желтая звезда, – Вил посуровел. – Я требую.

Профессор объяснил. Причем не очень кратко. Говорил минут пятнадцать. Вил Дерпфельд слушал внимательно. Потом удовлетворенно кивнул:

– Теперь я это знаю. – Будто галочку поставил против

«желтой звезды». – Едем в «Эдем». Это наш самый лучший отель. Знаете, что такое Эдем?

– Разумеется.

– Я тоже теперь это знаю. Выяснил в Интернете, – поведал сержант с гордостью. – Дорогая штука.

– Дорогая?

– Ну да, плата высока: всю жизнь не ругайся, баб не трогай, по морде никому не смей врезать, всяким неудачникам и лентяям помогай. И в награду номер с песнями и прочей дребеденью. Я предпочитаю номер с девочками.

«Тупица», – подумал Платон.

Полицейский глайдер ждал их на спецплощадке. У входа дежурил полицейский. На Платона коп посмотрел неприязненно, как на любой другой планете смотрят на арестованных. Нет, на арестованных, пожалуй, смотрят более дружелюбно. Обычно так на других планетах смотрят на осужденных. Причем на большие сроки и за что-нибудь мерзкое. Например, за кражу денег со счета пенсионного фонда служителей закона. Нетрудно догадаться, что причина тому – желтый лимон, висящий гирей на шее археолога.

– Я буду жить в «Эдеме»? – спросил Платон, усаживаясь на сиденье глайдера рядом с Дерпфельдом.

– Как же, разогнался! Полицейское управление оплачивает твое пребывание на планете, – сержант почему-то перешел «на ты». – «Эдем» нам не по карману. Так что мне ведено приютить тебя в моей норе. А в «Эдем» мы летим потому,

что именно там был убит Корман.

Выходит, погибшему по карману было проживание в «Эдеме». А ведь еще два года назад Фред не мог выложить на шахтерской планетке Адонис за комнатку несколько кредитов. Но этими сведениями Платон не стал делиться с полицейским.

– Давно знаешь Кормана? – Тот уже начал допрос.

– Около трех лет. Он спас мне жизнь. – Теперь, когда Корман мертв, можно в этом и признаться без ущерба для самолюбия.

– У него были враги?

– Куча. Но обычно этим людям нечем было заплатить за выпивку в дешевой забегаловке, так что приобрести пропуск в здешний рай...

– Пропуска на нашу планету не продаются, – прервал профессора Вил Дерпфельд. – Сюда можно попасть только по приглашению, вступив в клуб друзей Рая. Теперь ты это знаешь.

– Тем более, глупо спрашивать о врагах, – пожал плечами Атлантида. И пожалел, что не остался на Кроне-3. Симбиоз с паутиной уже не казался таким ужасным. Паутина хотя бы не выказывает каждую секунду свое превосходство.

– Они могли попасть сюда по приглашению, – настаивал полицейский. – Я... – он сделал заметное ударение на этом «я», – допускаю, что такое приглашение можно подделать.

Выходило, что начальство Дерпфельда таких допущений

не делало.

– Хочешь сказать, что Корман был членом клуба? – удар по самолюбию был весьма ощутим. А профессор Рассольников никогда не скрывал ни от себя, ни от других, что он человек честолюбивый.

– Разумеется, и он, и его жена.

– Фред женился? – Платон был удивлен. В который раз.

– Ну да. Забронировал номер в «Эдеме» на весь период медового месяца. Бедняга потрахал женушку две недели, и его кокнули.

Может, Альфред женился на какой-нибудь очень богатой пожилой дамочке, которой лет двести. Биокоррекция ныне творит чудеса. Столетние красотки выглядят как сорокалетние. А ради того, чтобы числиться в первой сотне галактических миллиардеров, можно забыть про год рождения своей жены. Впрочем, строить теории – это по части полиции, хотя вряд ли этот тип мог придумать какую-то версию, если судить по высоте его лба. Платон с сомнением окинул взглядом голову полицейского. Лоб, впрочем, был не таким уж и низким. Если не сравнивать его размеры с размерами челюсти.

Глайдер опустился прямо на огромный пруд. Внизу скользили рыбки, колебались седые водоросли. Сама поверхность была, как стекло, – антигравитационная пленка накрывала пруд невидимой крышкой.

– И где номер Кормана? – спросил археолог, оглядывая

белоснежную колоннаду, окружавшую пруд.

– Все ЭТО его номер. – Вил сделал широкий жест. – Там бассейн. Вон там прогулочный парк. В конце галереи столовая...

– Мы будем обедать?

– Нет. – Казалось, Дерпфельд не понимал шуток. Интересно, как он общался с Корманом? Вероятно, они не были знакомы. К взаимному удовольствию. – Конгресс «АнтиФоменко» хотел снять этот номер для своей конференции, но устроителям он оказался не по карману. Им пришлось довольствоваться более скромными помещениями. А вот «фоменковцы» проживали здесь целых две недели. Как раз незадолго до прибытия вашего друга.

– Они тоже члены планетарного клуба?

– Устроитель конференции. Остальные получают песни.

– Песни? Ах, да! Временные пропуска.

– Кстати, мне понравилась их последняя теория: никакой цивилизации на Старой Земле никогда не было. Ее выдумали отшельники с Тау Кита. По-моему, в этом что-то есть.

– А цивилизацию Тау Кита выдумали на Старой Земле. Круг замкнулся, получился парадокс первичности, и теперь никто не знает, какая цивилизация ложная, а какая истинная. Может быть, вернемся к делу Фреда?

– Я знаю, что за день до смерти Корман отправил тебе посылку. Что в ней было?

– Обломок неизвестно чего. И никаких разъяснений. –

Профессор Рассольников решил не сообщать о странной записке, а то придется рассказывать этому типу, кто такая Елена Прекрасная, Парис, Менелай и другие. Еще заставит читать «Илиаду» наизусть.

– Это «неизвестно что» при вас?

– В моем багаже.

– Нужен анализ. Не волнуйся, сперму и кровь не требую – только твой багаж.

– Сделать анализ можно. Если обещаешь сообщить мне результаты.

Дерпфельд стал думать. Причем думал довольно долго.

– Хорошо, если в данных не будет ничего секретного, так и быть, я наплюю на инструкции и намекну...

– В каком смысле – секретного?

– В секретном. А теперь глянь по сторонам и скажи, нет ли здесь чего-нибудь странного. Какой-нибудь заковыристой вещицы.

Они медленно шли по аллее, уставленной статуями из золотистого мрамора. Да, статуи золотистые, как лучи солнца на Старой Земле, а базы статуй из полированного черно-красного гранита. Поначалу Платон решил, что это голограммы. Но, коснувшись одной из мраморных красоток, убедился, что камень настоящий.

Аллея вела к одноэтажной вилле. Стеклопакетные двери раскрылись, и галерея вывела в просторный холл с мелким бассейном посередине. Пол был оригинален – прозрачное по-

крытие, а под ним – будто вмерзшие в лед человеческие тела – юноши и девушки, причем, совершенно обнаженные. Разумеется, голограммы. Но производило впечатление. Все двери холла находились в режиме невидимости. Платон открыл ближайшую. Оказалось – столовая. Круглая беседка с круглым столом посередине, и вокруг стола двенадцать стульев с золочеными подлокотниками. Выюнки, усыпанные голубыми и белыми цветками, обвивали ажурные колонки.

– Можно узнать, что здесь, собственно, принадлежит Корману и что – гостинице?

– Он купил мебель для этого номера.

Платон опустился на стул. Просто потому, что почувствовал настоящую потребность в поддержке. Дорогущий стул оказался не особенно удобным. Платон предпочитал сенсорные кресла, что приспособляются к своим седокам. Эти статуи и золоченая мебель так потрясли воображение профессора, что признание прозвучало как бы само собою:

– Я знаю, что два года назад господин Корман имел на счету двенадцать кредитов. Ровно столько, чтобы можно было не закрывать счет. А теперь... вот... эта мебель. Сколько же денег у него сейчас на счету? Разумеется, это тайна...

– Не тайна. Все те же двенадцать кредитов. Но продавцы мебели, как и прочего барахла – драгоценностей, одежды, антигравитационного оборудования и косметики, – считали твоего приятеля платежеспособным.

– Я хочу его видеть... То есть его тело.

– Не советую.

– Может быть, убит вовсе не он.

– Господина Кормана опознали, – веско заявил сержант.

– Не можешь предъявить его тело?

– Могу. Идем, раз тебе охота. Морг здесь. И хорошо, что с утра не ел.

– Где здесь?

– В номере. Этот номер «Эдема» предусматривает все, что может понадобиться современному человеку. Включая многоконфессиональную церковь, родильную палату, искусственную матку для взращивания зародыша и морг.

Блестящий ящик выкатился из холодильника и раскрылся сам собою, ибо он был создан лишь для того, чтобы хранить и чтобы раскрываться, равнодушно демонстрируя содержимое. Голова Кормана в ореоле густых черных волос казалась почти живой. Запрокинутое лицо. Острый подбородок. Нос с горбинкой – горбинка у мертвеца сделалась чуть заметнее. Шея с острым кадыком. Широкие плечи, опять же худые, и руки очень длинные, покрытые густыми темными волосами. Но от ключиц до самого лобка тело имело вид освежеванной туши из мясной лавки начала двадцатого века – тонкие пленки красного на белых ребрах, ямина, прежде вмещавшая внутренности, и сероватая белизна позвонков под слоем запекшейся крови.

Платон отвернулся, пытаясь справиться с конвульсивны-

ми спазмами желудка. И кинулся вон из морга. Да, хорошо, что он не ел – желудочный бунт прекратился после нескольких глубоких вдохов.

– Зачем? – прошептал Платон, когда из морга неспешной походочкой вышел Дерпфельд. – Зачем его вскрывали? Неужто нет больше сканеров и...

– Тело нашли в таком виде.

– Где? В морге?

– Нет. В спальне. И никаких намеков на внутренности. Как будто их кто-то сожрал. И даже крови почти не было. Чистые простыни – лишь несколько капель вокруг...

– Его убили в другом месте, а тело перенесли, – Платон иногда почитывал детективы, все больше классику, про те времена, когда не было молекулярных анализаторов и детекторов правды в каждом полицейском участке. Ныне все загадки разрешаются сразу или не разрешаются никогда. Слишком тороплива жизнь: вчерашнее преступление становится фактом прошлого, разгадано оно или нет. Статистика говорит – раскрываемость семьдесят процентов. И значит, тридцать не раскроют никогда. Тридцать безнаказанных преступлений из ста – запланированы. Статистика неопровержима. Странно даже, что Дерпфельд копается с этим делом. Видимо, процент семьдесят еще не достигнут на Райском уголке – и это объясняет все.

– Может быть, и так. Но это «другое место» пока не найдено.

– Что нужно от меня? – Платон чувствовал себя совершенно раздавленным. Если бы Вил Дерпфельд попросил его сейчас признаться в убийстве Кормана, он бы это сделал.

– Думал, ты что-то можешь прояснить. Зачем же я тебя притащил на Рай? Чтобы ты только ахал и блевал?

– Я не блевал.

– Но собирался. Честно говоря, я сильно разочарован.

– Я тоже. Мне надо зайти в бар и выпить.

– Пей, – милостиво разрешил полицейский. – Ты же не арестованный. Но выпивка за твой счет. И еще вопрос... – Дерпфельд чувствовал, что свидетель сейчас мягче воска и не торопился выпускать добычу. – Как у Кормана было со здоровьем? Какие-нибудь хронические заболевания?

– Никаких... Насколько я знаю, конечно. Были травмы... В экспедициях всегда что-то случается... Но он тут же о них забывал. Впрочем, у него не было ничего серьезного. – Археолог напряг свою генетически уплотненную память. – Если не считать случая в замке Семи башен. Кормана завалило в подземелье и раздробило ногу. Доктор Ежевикин его заштопал. Симпатичный такой старикан. У него был один недостаток: он все время поучал нас по всем вопросам.

– Вы брали с собой доктора? В экспедицию – доктора?.. Это же безумные бабки!

– Доктор Ежевикин – искатель приключений. Как я, как Корман. Ездил, так сказать, из любви к старине.

В первые дни знакомства профессор Рассольников считал

Кормана чистым служителем чистой науки – точной копией образа сумасшедшего ученого. Образа, который уже более десяти веков не сползает с экранов компов, годографов и с электронных страниц упрямо не желающих умирать книг. У Кормана никогда не было дома ни на одной из самых захудалых планет, он таскал свой старенький научный комп в кейсе, ел что попало, и даже к женщинам был равнодушен. В том смысле, что Фред не делал различия между живыми женщинами и андроидами для сексуальных услуг. Но однажды Корман признался Платону – кажется, они выпили тогда изрядно после провала очередной экспедиции – так вот, дилетант Корман признался своему другу профессору Рассольникову, что мечтает стать богачом. Да, да, очень-очень богатым. Галактическим миллиардером. И когда-нибудь на какой-нибудь планете он отыщет такое...

Что именно он должен отыскать, Фред не сообщил, многозначительно замолчав на полуслове. Но, видимо, знал, что искать, если в свадебное путешествие отправился на Райский уголок. Тогда к словам приятеля Платон отнесся, как к очередной шутке. Но, видимо, это был тот единственный случай, когда Фред говорил серьезно.

Все это обдумывал Атлантида, заказав порцию «Черной собаки» в баре. Великолепная золотая текила, кока-кола без химического привкуса, кубики льда и настоящая вишенка. О цене лучше не спрашивать. Профессор пил в одиночестве – Дерпфельд отправился в полицейский участок. В баре царил

полумрак, лишь столик светился. Постояв несколько минут, пока играла тихая музыка и кружились под потолком разноцветные светильники, столик медленно поднялся в воздух и поплыл на улицу, как будто ему надоели отделанные темными панелями стены, зеркальный пол и низкий потолок. Стул с Платоном последовал за столиком. Их что-то связывало – программа чипа или дружественная паутина. Биосистемы обычно надежнее, но профессор предпочитал добрую старую электронику. И стол, и стул выплыли в синее небо так плавно, что из бокала не пролилось ни капли. Столик со стулом скользнули меж пышных макушек местных пальм и опустились возле бассейна с изумрудной водой. Полупрозрачная раковина шезлонга парила в полуметре над песочным напылением дорожки.

Сидящая в шезлонге женщина улыбнулась Платону.

Как описать ее красоту? Своеобразная? Необыкновенная? Поразительная? Роскошная? Ни один эпитет не подходил. Все вместе слишком перегружали образ. Нарисовать, изваять – вот первое, что приходило в голову при виде этого тела. А потом – приступ отчаяния – не суметь. И никто не сумеет. Тут нужен Фидий или Лисипп. Все линии, все формы безупречны. В каждом изгибе плавность. Веки не просто прикрывали глаза, они их обводили, прочерчивая контур – никогда профессор прежде не видел таких глаз. Тонкие лепестки ноздрей были созданы резцом скульптора – иначе не скажешь. Такой овал лица бывает лишь у очень юных

особ. А губам не нужен контурный карандаш, сама природа обвела контур этого рта. Брови не требовали ни коррекции, ни подкрашивания – линия была идеальной – волосок к волоску. Серебристая чешуя напыленного купальника прикрывала тело незнакомки до колен. Но сквозь прозрачную чешую можно было разглядеть и розоватые холмики сосков, и темный треугольник внизу живота. Линии ее тела были так же идеальны, как и лицо. И никакой искусственности. Ноги длинные, но длина соразмерна с телом; талия тонкая, но не кажется перетянутой невидимым шнурком; груди упруги, но не напоминают втиснутые под кожу теннисные мячи.

Красавица меланхолически отколупывала чешуинки купальника и бросала их в воду. При этом время от времени она проводила рукой между ног, но этот жест не выглядел вульгарным – при ее красоте позволительно было делать все.

– Платон Атлантида, – представился археолог и слегка приподнял шляпу. При этом он не мог оторвать взгляда от роскошных золотых волос незнакомки – после купанья они немного спутались, их кольца завились в беспорядке. Невольно хотелось запустить пальцы в эти пряди...

Несколько секунд она его внимательного разглядывала. Разумеется, она заметила все, и то, что костюм слегка помят, и цветок кактуса в петлице, и дурацкий лимон на шее.

– Я слышала о тебе, и слышала что-то очень хорошее. Но что – не помню... – она разыгрывала дурочку, и ей это шло. – Или я слышала о каком-то другом Платоне?.. Впро-

чем, неважно! Как ты относишься к платонической любви, Платон?

– Равнодушен...

– Разве ее нет.

– Под платонической любовью философ Платон имел в виду любовь мужчины к мужчине, которая не заканчивается физической близостью. Так что я отношусь к подобным эмоциям равнодушно.

– Елена, – представилась она. И замолкла многозначительно, ожидая, что он воскликнет: «Елена Прекрасная!» Но он промолчал. И этим немного разочаровал ее и озадачил. – Елена Корман, – добавила она. – Молодая вдова. – И при этом ни на секунду не омрачилась. – Мы недавно поженились с Альфредом.

Она? Дерпфельд сказал, что Корман женился... Но... эта красавица... Невероятно... Такая красотка подошла бы для молодого галактического миллиардера. Ясно, что она знала себе цену – тут уж сомнений никаких. И вдруг эта Елена рядом с худым угловатым Корманом, страдающим хроническим безденежьем – самым страшным заболеванием нашего мира.

– Поздравляю... – проговорил Платон хриплым голосом... И не отрываясь, смотрел на серебристый купальник. Все меньше и меньше оставалось на нем чешуинок. Тут только сообразил, что с венчанием поздно поздравлять.

– С чем поздравляешь? С вдовством? – усмехнулась Еле-

на. Зубы ее были белым-белы. Казалось, они светятся.

– Поздравляю себя с тем, что увидел вас, – вывернулся профессор Рассольников.

– А-а... – она одобрительно махнула ресницами. Улыбка дрогнула в уголках губ. Еще одна чешуинка купальника полетела в изумрудную воду.

Платон решил не задавать лишних вопросов. Не испытывал желания. Пусть Дерпфельд допрашивает Елену Прекрасную. А он...

– Не хочешь искупаться? – предложила она. – Вода чудесная. Ласковая. Улыбчивая вода.

Повинуясь ее приказу, шезлонг медленно поплыл над водой. Елена соскользнула в бассейн без плеска – ее идеальное тело вонзилось в изумрудную воду стрелой. Платон последовал за ней – прямо в costume. Под водой он попытался обнять ее восхитительное тело, но она ускользнула. Пока Платон всплывал на поверхность, успел потерять шляпу и сбросить пиджак.

– Только пиджак не теряй! – крикнула она и взмыла из воды прямо в раковину шезлонга – золотой поясок вокруг талии оказался антигравитационным шнуром дискретного действия.

– Богиня! – крикнул археолог, рассекая воду и устремляясь за неспешно плывущим шезлонгом.

– Я жду вас в холле, – небрежно бросила она через плечо, и раковина шезлонга помчалась быстрее.

Платон проснулся посреди ночи. Кровать была необъятна. Вся – пена. И в пене обнаженное тело Елены Прекрасной. Свет падал полотнищами, чередуя тьму со светом изумрудного оттенка. Не Луна – ибо у планеты Райский уголок нет спутников – искусственное освещение. Но светильник, парящий в высоте, казался самой настоящей Луною. Только эта Луна никогда не убывала – На Райском уголке всегда полнолуние. Ночи оборотней и влюбленных.

Платон поднялся. Ночь с вдовушкой была... как бы это выразиться... Ошеломительной. Платон прикинул, куда направиться первым делом: в туалет или в столовую. Решил, в туалет. Туалет в номере огромный, как кабинет ученого. Напротив унитаза – полка с электронными книгами в пластиковых обложках. Платон оглядел коллекцию: наверняка, она заказана Корманом. Хотя, кто знает, может быть, и Еленой Прекрасной. За тысячу лет непрерывной эмансипации женщины с трудом выучились читать в туалете. Профессор выбрал единственную книгу по археологии «Находки Эгейского моря» и опустился на унитаз, который любезно принял форму его тела.

«Эгейское море... Планета с множеством архипелагов, раскиданных по огромному Океану. Теплый Океан богат фауной и флорой, разумные местные существа – эгейцы – проводят большую часть жизни в воде. Дышат воздухом. Считается, что когда-то на Эгеиде было восемь материков, и разумная раса обитала на суше. Но после изменения климата

жители Эгеиды ушли в море. (См. Теорию о жителях Атлантиды)».

– Бред! – сказал Платон вслух. – Ушли в море и вырастили себе плавники?.. Я слышал эти байки раз сто. Обычная направленная мутация...

Археолог не успел больше ничего прочесть, ибо унитаз любезным тоном сообщил: «Вы беременны». Платон вскочил. Так и есть – под ним «разумный» толчок. Их давным-давно извели почти всюду. А вот на Райском уголке оставили. Этот бирюзовый шпион спешно анализировал любые выделения организма и автоматически сообщал по электронной почте эскулапу, чем вы больны или можете заболеть. По почте же несчастный пользователь туалета получал рекомендации, рецепты на лекарства и внушительный счет. Мода на подобные туалеты держалась несколько сотен лет. Кризис разумных туалетов случился после того, как одна злобная дама посетила двенадцать своих подруг, и у каждой опорожнила мочевой пузырь не в унитаз для гостей, а в «разумный» унитаз хозяйки. Все двенадцать подруг тут же получили сообщение о том, что у них – «венерины зубки» – мерзкое венерическое заболевание, пришедшее неизвестно с какой планеты – ни одна не претендовала на честь считаться родиной болезни. Дело в том, что промежность за две-три недели зарастала острыми полипами, похожими на зубы, и сношение с больной дамой оказывалось, так сказать, чревато... Ходили легенды, что эта болезнь свирепствовала

на Старой Земле в древние времена, но эпидемия прекратилась естественным путем, так как половые партнеры-мужчины уже не могли никому ничего передать. А следы о той эпидемии сохранились в мифах о красавицах, имеющих зубы в промежности, и в обычае многих первобытных народов укладывать в первую ночь в постель с невестой друга жениха. С вполне понятной целью обезопасить альфа-самца от потери достоинства. Согласно монгольским легендам, Чингисхан умер после ночи с такой зубастой красавицей. Хотя историки твердят, что престарелый завоеватель упал с лошади, но миф о роковой роли «венериных зубок» находит своих сторонников.

В современном мире любовные утехи обычно не заканчиваются столь плачевно – вживленные презервативы служат надежной защитой. Так вот, те несчастные дамы, узнав о страшном диагнозе, были в шоке. Особенно, когда получили счет на лечение и предложение внести первый взнос – двенадцать тысяч кредитов. Одна слабонервная старая дева выпрыгнула из окна.

После этого фирме-производительнице унитазов всучили многомиллионные иски... Унитазники сопротивлялись и предлагали пожертвовать несколько кредитов на поиск антибиотика против «венериных зубок». Средство от той болезни нашли, а мода на «умные» толчки прошла. Но на Райском уголке почему-то решили унитазы-шпионы оставить. У миллиардеров свои причуды. Однако Корман перепрограммиро-

вал свой так, что, получив отрицательный результат анализа на беременность, разумный унитаз сообщал: «Вы беременны» трагическим голосом. У Кормана всегда было специфическое чувство юмора.

Оценив шутку, Платон решил, что пора отправиться в столовую и выпить. Ужин накануне был очень неплох, но не столь поразителен, как великолепные чертоги. Блюда лишь назывались изысканно. Мясо оказалось суховатым, паштет грубоват, салат – пересолен. С кухней ресторанов Ройка не шло ни в какое сравнение. Но выбор вин был отменным. Хотя Платон, как всегда, отдавал предпочтение текиле. А что, если остаться здесь недельки на две и отдохнуть под видом свидетеля на великолепных пляжах, в роскошном номере, за который неведомо кто заплатил – не Корман же с его двенадцатью кредитами. И главное, в обществе суперкрасотки Елены.

Теорию новую не создашь, но черт с ней, с теорией. Разве Платон не заслужил отдых?..

Он вошел в столовую. Сказал: «Свет!»

Свет загорелся. За столом сидел гость. Маленький старичок с растрепанной седой шевелюрой, темными очень умными глазами. Нос картофелиной выделялся на загорелом морщинистом лице. Перед гостем стояла тарелка с жареным цыпленком. Платон сразу узнал старика – за те годы, что они не виделись, доктор Ежевикин почти не изменился. Даже манера одеваться была прежней: белая рубашка, пиджак или

куртка непременно с броским рисунком. Сейчас добавилась лишь одна деталь: желтый лимон-пропуск на цепочке. Ежевикин, как и Платон, не был членом клуба. Старик уплетал цыпленка за обе щеки. Увидев Платона, он энергично замахал руками, приглашая профессора к столу, и продолжал обгладывать куриную ножку. Атлантида достал из бара бутылку текилы. Общество Ежевикаина его не особенно радовало: более приставучего типа он не встречал во всей Галактике.

– Хочешь предложить мне выпить? – спросил старик, промакивая салфеткой губы. – Так вот, дружок, кажется, ты забыл, что я давно не пью ничего, кроме минеральной воды.

– Но появилась привычка есть в темноте?

– Да... так как-то спокойнее. Бедняга Фред...

Платон уселся за стол.

– Да, я помню – вы сохранили Альфреду ногу, когда того завалило в обломках.

– К сожалению, теперь Фреду я уже ничем не могу помочь, – вздохнул Ежевикин. – Хотя он прожил дольше, чем эта бедная птичка. Говорят, есть целые планеты-птичники. Там слой спрессованного навоза толщиной несколько метров.

– Ерунда. Вымысел Гринписа. Теперь повсюду умеют хозяйствовать. Ныне предпочитают сбалансированную сельскохозяйственную схему.

– Ты бывал на таких планетах? – взглянул на Платона Ежевикин.

– Нет... на них обычно нечего раскапывать.

– Вот и не говори, пока не увидишь! – Ежевикин строго повел пальцем из стороны в сторону перед носом Платона.

– Как погиб Фред? – спросил Атлантида. Тема спрессованного птичьего дерьма его не очень волновала.

– Умер. Его нашли в спальне. На собственной постели. Не на той, на которой ты трахал эту шлюшку Ленку. Есть вторая спальня. Ее опечатали, и несколько раз просматривали, просвечивали, разбирали по молекулам. Но ничего не нашли, кроме следов самого Кормана, и естественно, его супруги. И ничего криминального. Никаких орудий убийства. Его наверняка прикончили в другом месте, а труп перетащили.

– Жаль парня. Но я думаю, что загадки должен разгадывать Дерпфельд. Он справится.

– Он? Если ты потеряешь лимончик, что болтается у тебя на шее, даже его этот осел Дерпфельд не отыщет. Заказать тебе цыпленка? Жестковат и немного подсох. Но есть можно. Принесут через пятнадцать минут.

– Нет...

– А зачем тогда сюда прибыл, если есть не хочешь? Тебя вызвал Фред?

– Ну, вроде того.

– Были новые планы насчет раскопок?

– Возможно. Но ими Фред не успел поделиться.

– У парня было много планов. Не удивительно, что его убили. Надеюсь, у тебя есть подходящая версия? Ну, ты по-

нимаешь... – Ежевикин подался вперед и шепнул: – Кто убил Кормана?

– Не знаю. А вы... знаете?

– Версия есть. И у Дерпфельда есть. И у тебя она скоро появится. Вся сложность не в версии, а в том, как поймать убийцу. Как взять его за жопу. Сомневаюсь, что у Дерпфельда это получится. Эти твари очень хитры. Я пару раз с ними сталкивался... – Ежевикин загадочно улыбнулся. – Уж если они Фреда завалили, то тебя, наверняка, обведут вокруг пальца. И Дерпфельда тоже. Я бы на вашем месте был очень осторожен. Впрочем, Фред осторожничал, а что толку? И охрана не помогла. Скажу по секрету: охрана – видимость. Я всегда говорил, что все охранники на всех планетах зря хлеб едят!

Платон поднялся. В болтовне Ежевикина, как всегда, практически не было никакой информации. Он болтал ради того, чтобы болтать, и каждый раз – обычно на одну и ту же тему. Неэффективность охраны, людская глупость, экс-кременты – вот его любимые темы. В разговоре Ежевикин непременно затрагивал все три, а, исчерпав, опять шел по кругу. И так До тех пор, пока собеседник не отважился на бегство.

До рассвета еще далеко, но спать не хотелось. Вернуться в спальню и разбудить Елену и... Нет, лучше отложить венерины забавы до утра, когда над изумрудным морем начнет вставать солнце Рая. Профессор Рассольников направился в

кабинет Кормана. Комнату не опечатали.

Свет в кабинете загорался автоматически. И оглядывая совершенно голые стены, полупустой книжный шкаф и стеллажи, а также совершенно чистый стол, Платон понял, что недооценил местную полицию. На всякий случай он за чем-то открыл по очереди все ящики. Но мало что нашел. В верхнем сохранились две пачки визитных карточек с эмблемой «Эдема» на настоящей плотной бумаге. Одна, упакованная в пластик. Другая – распечатанная. Именно на такой Корман написал свое послание. Все карточки были чистые, кроме одной – в середине пачки. На ней рукой Кормана был записан стих:

«Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий Боги, чтоб славною песнею были они для потомков»¹

Видимо, полицейские не подумали, что в блоке чистых карточек может лежать одна с надписью. Платон положил исписанную карточку в карман. Корман обожал цитаты из Гомера, когда они с чем-то соотносились. С каким-то событием или... Наверняка, Альфред планировал загадать еще кому-нибудь хитрую головоломку, да не успел.

С чем могли соотноситься эти две строчки, профессор представить не мог. Разве что Корман намекал на собственную близкую смерть. Если он ее предвидел, конечно. Но, скорее всего, речь шла о чем-то другом. Но о чем? Чья погибель?

¹ Гомер, «Одиссея», песнь восьмая. Перевод В. Жуковского.

Закончив обследование стола, археолог перешел к книжному шкафу.

В шкафу – электронные книги. Но и так ясно, что библиотека несколько поредела после обыска. Ничего интересного: приключенческие «искалки» с видеоблоками, интерактивные детективы, немного классики. Кроме книг на стеллажах осталась лишь коллекция раковин с планеты Эгейское море. Несколько раковин были огромными – больше метра в длину, лихо закрученные спирали с острыми шипами, одни голубовато-серые снаружи, другие – золотистые, с прихотливым коричневым узором от сиены жженой до умбры жженой, и все непременно палевого оттенка внутри с огненными лессировками по краю. Коллекция разнообразная. Но такие сувениры не редкость на перекрестках Галактики: магазины галактического Интернета предлагают наборы раковин в первой тысяче своего ассортимента.

Платон взял одну, осмотрел. Привез их Альфред или купил в качестве сувенира, когда у него появились большие деньги? Археолог осмотрел вторую раковину – побольше... потом третью... На третьей почудилась какая-то надпись. Профессор поискал цифровую лупу. Нашел на стеллаже. Нет, лишь почудилось. Всего лишь дефект – в раковину врос какой-то осколок. Говорят, раковины с планеты Эгейское море светятся, если опустить их в воду. Платон прихватил с собой три самые большие и отправился в холл. Опустил эгейских «красоток» в мелкий бассейн. Они тут же стали

светиться. Две – красноватым светом, одна, самая большая, голубым. Красиво. Надо будет показать Елене. Хотя ее вряд ли можно поразить такой незатейливой забавой.

Атлантида вышел в сад – подышать сладким предутренним воздухом. Солнце уже всходило, и мир был полон восторженных предчувствий. Предчувствия, разумеется, не сбудутся. Но это не имеет значения. На Райском уголке хотелось изъясняться высокопарно. Поэтому Платон всегда относился к любой форме Рая настороженно: за пребывание в райских кущах всегда требуют непомерную плату, как верно заметил Дерпфельд. Наверняка, парень не такой идиот, каким старается казаться. Но люди обожают принимать маску за подлинное лицо.

Прохлада обволакивала, не вызывая дрожи. Ровно подстриженная трава блестела мелкими бусинками росы и серебрилась. В прохладе растворялось все – жар тела, тревога, нехорошие предчувствия. Женщина – настоящая, не андронид – в бело-голубой форме служительница отеля расставляла на лужайке заказанную на нынешний день мебель. Женщине было за сорок. Милашка. На Райском уголке не встретишь некрасивых женщин. Все – красавицы, начиная с прислуги и кончая миллиардершей. Но то не естественная красота, ибо Рай – неестественное место.

Расставляя стулья, женщина в бело-голубой униформе заученно улыбалась. Почему ей не пристегнули белых ангельских крылышек на спину? Да, да, крылышки непременно

но нужны. И еще нужен антигравитационный пояс. Ангелочек-прислуга...

Не смешно.

– Вы были знакомы с Альфредом Корманом? – спросил Атлантида.

– Нам не положено говорить о клиентах. – Возможно, женщина тоже принимала таблетки антиправды – голос ее звучал так ровно, будто она рассуждала о погоде на Райском уголке, – а здесь погода всегда изумительная.

– Этот клиент мертв. А я должен найти убийцу.

Ее взгляд уперся в висящий на цепочке лимон.

– Разве вы – коп? – Она недоверчиво покачала головой, продолжая улыбаться. На полицейского профессор Рассольников был явно не похож.

– Я – частный детектив. И – кстати – убийца разгуливает на свободе. Вам не страшно? – Платон вдруг подумал, что все обитатели Рая должны быть трусливы. Ведь героизм – это всегда до Рая. А здесь подвиги ни к чему.

Женщина нахмурилась.

– Незадолго до его смерти... часа за четыре... или около этого. Я видела господина Кормана в саду. Он сидел в этом кресле. – Она положила руку на спинку садового кресла из настоящих деревянных реечек. – И он спросил меня: снятся ли мне сны? Я сказала: «Да». – «Хорошие?» – «Я принимаю таблетки „Райский сон"». – «Я тоже принимаю. Но не помогает. С первого дня, как я здесь, мне снится такое...» – он

замолчал.

– Что именно ему снилось?

– «Красная полоса, – сказал он. – Красная бесконечная полоса». Он был бледен, как мел, несмотря на загар. Он боялся.

Корман боялся собственных снов? Невероятно... Здесь все невероятно... А существует ли вероятность в Раю? И какие сны должны сниться здесь? Быть может, в самом деле только ужасные?

Альфред говорил о красной полосе. В хрустальном лабиринте они вели такую от входа в надежде, что она их выведет. Но не вывела. Красная полоса... Полоса раздела... Нет, не надо строить пока теории. Рано.

Елена вышла к завтраку в шелковом пеньюаре, не напылением, а из удивительно тонкой и легкой ткани. На ощупь ткань была, как лепесток розы, и переливалась, меняя цвет от лимонного до ярко-розового. Никогда прежде Платон не встречал ничего подобного.

«Шелк с планеты Тарантул», – сообразил Атлантида. На самом деле это не шелк, а паутина местных пауков. Причем окраска натуральная. Паутина встречается удивительных оттенков. Ибо пауки не прячутся, не пугают, а привлекают жертвы. Мухи и бабочки стремятся умереть в объятиях хищников. Их яд вызывает экстаз. Несколько часов экстаза, пока убийца пьет кровь. За это не жалко отдать короткую мушиную жизнь. Экстаз, пережитый жертвой, добавля-

ет яркости паутине, сотканной пауком. Ничто в этом мире не пропадает зря.

– Фред бывал на планете Эгейское море? – спросил, как бы между прочим, Платон.

Завтрак был скудноват: яичница с искусственным беконом и бутерброды с изумрудной икрой и кофе. Кофе жидкий, икра пахла чем-то синтетическим.

– Почему вас это интересует?

– Я нашел в его кабинете коллекцию раковин с Эгеиды. Вот и спросил.

– Да, кажется, был... – Елена положила в рот ложечку изумрудной икры. – Завтракай, Тони. Пока нас с тобой не выставили из этого шикарного номера.

– Все говорят, что ваш муж был богат.

– Да, был. И я так считала. А когда его убили, выяснилось, что на счету Фреда осталось двенадцать кредитов. Занятно.

Не слишком ли часто упоминают эти двенадцать кредитов все, кому не лень? Профессор отметил про себя, что ему начинает нравиться роль частного детектива.

– Однако вас не попросили уехать.

– Номер оплачен на месяц вперед. А вот питание – нет. Но люди нынче стали альтруистами. Никто не позволит умереть бедной вдове с голода в этих роскошных апартаментах. Так что мне приносят поесть. Не самое лучшее. То есть то, что обычные клиенты есть ни за что не будут. Пересоленная икра или пережаренное мясо. Если я не смогу заплатить, они

позволят мне убраться. Если смогу – слупят бешеные деньги за эту вонючую икру. Вы замечали, как мало в мире хороших поваров?

– Как и хороших археологов, – ввернул Платон. – Фред Корман был хорошим археологом.

Она с силой оттолкнула от себя хрустальную вазочку, та упала и разбилась. Икра забрызгала пол и ноги Атлантиды: он сидел за столом в одних шортах. Да еще пропуск-лимон на цепочке.

– Он был трусом! И все время чего-то боялся. Вскакивал по ночам. А когда я попросила перевести пару миллионов на мое имя, как разорался! Бог мой! Он бегал по холлу в одних трусах и визжал, как резаный. Пришлось звать старика Ежевикаина, тот его успокаивал, прыскал какой-то аэрозоль. Представляете, молодой здоровый парень, а из страха держал личного врача и платил ему бешеные деньги. За что? За то, чтобы тот сидел, целый день ничего не делая, и разгадывал дурацкие шарады. И каков результат? Фреда прикончили, а денежки исчезли. Может, ты знаешь, куда Фред дел свои денежки? – зло спросила Елена.

– Не знаю. – Профессор вертел в руках свой лимон-пропуск. – Если твои дела так плохи, зачем же сидеть здесь и питаться пересоленной икрой?

– Зачем? – Елена изумленно глянула на археолога. – Неужели не понимаешь? На Райский уголок не часто удается попасть. Думаю, здесь найдется парочка холостяков, которые

тяготятся своим одиночеством. – И, заметив, что Платон насторожился, она расхохоталась. – Не бойся, милашка, люди с лимоном на шее меня не интересуют. Днем я стараюсь общаться лишь с членами клуба. Однако они очень осторожны. И прежде чем забраться к кому-нибудь в постель, стараются заключить любовный контракт: мол, не обязуюсь и ответственности не несу... А я человек стихийный и терпеть не могу контракты. Ах, если бы ты, Тони, оказался миллиардером!

Она глянула на профессора очень выразительно: так удав глядит на кролика, с которым решил устроить симбиоз. А Платон решил, что в отсутствии миллиардов тоже есть своя прелесть. Во всяком случае, забираясь в постель к очередной красотке, не надо оберегать свой счет и всякий раз заключать любовный контракт. Платон тоже предпочитал стихийный порыв. Особенно без серьезных последствий.

– Профессор Рассольников! – взревел Дерпфельд, появляясь на пороге столовой. – Что ты делаешь?

– Завтракаю, что же еще? – Платон стряхнул с колена комок изумрудной икры. – Ты завтракал? Я знаю, у копов всегда проблемы с питанием. Как и у археологов. Присоединяйся. Икра дерьмовая, но у меня есть экотаблетки.

Сержант оставил щедрое предложение без внимания.

– Откуда взялись раковины в бассейне?

– Я их положил. Взял из кабинета Кормана и опустил в воду.

– Зачем? – Взгляд Дерпфельда буквально сверлил Атлантиду.

– Эгейские раковины светятся в воде. Вот я и решил немного украсить холл. По-моему, вышло неплохо.

– Иди сюда! – Дерпфельд энергично взмахнул рукой. – Скорей же!

Профессор пожал плечами, но последовал за полицейским. Две раковины лежали на камнях, окаймлявших бассейн. А третья, самая большая, светящаяся голубым, осталась в воде.

– Смотри! – Дерпфельд ткнул пальцем в голубую раковину. – Да смотрите же внимательно!

Платон наклонился над бассейном. На фоне голубого красным горели буквы.

«Десять миллиардов кредитов – цена Жи-джи-ду».

Сердце в груди археолога аж подпрыгнуло... Десять миллиардов. Да, с такими деньгами можно хоть всю жизнь бездельничать на Райском уголке. Черный археолог, как и любой кладоискатель, по неписаному кодексу непременно оставит своему собрату сообщение на развалинах: «Здесь я нашел золотой клад, а ты не найдешь ни хрена». Чтобы незадачливый коллега глотал слюну, изучая надпись. Сообщение на раковине предназначалась именно Атлантиде. Десять

миллиардов... У профессора потемнело в глазах – будто он одним залпом осушил полную чашу яда. Качественный яд – прожег до самых печенок. Яд тот зовется завистью, и противоядия от него до сих пор не найдено. Что толку убеждать себя: я лучше, я умнее – от этого яд доставляет лишь больше мучений. Если рассудить честно, то Корман трепло, ничтожество, дилетант. Так нет же, отыскал какой-то неведомый Жи-джиу и... И его убили. Но это так, это последствия. Сначала он получил миллиарды. А что отыскал профессор Рассольников? Много чего. Только в итоге каждый раз получал в награду солидную фигу.

Нет, не стоит отравлять себя завистью. Лучше треснуть Фортуны по гнилым зубам и включиться в игру, предложенную шутником Фредом. И в этот раз уж наверняка выиграть.

Что же подразумевал Корман под названием Жи-джиу?

Нетрудно предположить, что клад был найден на планете Эгейское море, – раз Корман оставил свое послание на раковине. Но что за клад? И куда делись деньги? И почему в Интернете не было никаких сообщений о находке?

– Нашел десять миллиардов? Клад? – спросил профессор Рассольников – скорее, у себя самого, чем у Дерпфельда. – И что такое Жи-джиу? На каком это хоть языке? Может, на эгейском, раз это раковины с Эгейского моря? Ты не знаешь эгейского?

– Пока нет.

– Я тоже. Кстати, там, в кабинете, среди пустых карточек

я нашел одну с запиской. Поначалу не придавал ей значение, но теперь она кажется мне очень важной.

Платон процитировал записку:

«Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий Боги, чтоб славную песнею были они для потомков».

– Ну и что это значит? – Дерпфельд ждал немедленных объяснений.

– Это Гомер. Цитата из восьмой песни «Одиссеи». Гомер... Эгейское море. Тут явная связь.

– Отлично. Теперь я это знаю. Это как-то связано с убийством?

– Возможно, это связано с кладом, который Корман нашел... на Эгейде? – высказав предположение, Платон внимательно глянул на Дерпфельда.

– Клад на Эгейском море. Смерть в «Эдеме». И между ними послание Гомера. Ничего не понимаю, – чистосердечно признался сержант. – Но связь есть?

– Связь есть, – подтвердил Платон. – И Альфред Корман чего-то или кого-то смертельно боялся.

– На меня он не произвел впечатления испуганного человека. Хотя, была одна странная вещь... Я встречался с ним несколько раз. Он хотел пригласить на Райский уголок то одного своего приятеля, то другого, просил оформить пропуск. И, кстати, залог вносил тут же, по первому требованию. А залог велик... Но всякий раз отменял приглашение.

– Меня он тоже хотел пригласить? – с улыбкой спросил

Платон, уверенный, что услышит в ответ «да». И ошибся.

– Тебя – нет! – заявил Дерпфельд. – О тебе речи не было.

Платон не ожидал, что это его заденет. Но задело. Какая мелочь! Какая чепуха... наплевать! Профессор Рассольников вернулся в столовую и налил себе текилы.

– Твой Корман – сволочь! – сказал он с улыбкой Елене.

Один глоток, и тут же обида показалась смешной и нелепой.

– Он и тебя надул? – вдовушка расхохоталась. – Он всех надул. Но никто не посмеет удалиться. Мы все на поводке. Будем плясать вокруг его выпотрошенного трупa. Где вы, пропавшие миллиарды? Ау! Кстати, ты знаешь, что полиция Райского уголка обещала заплатить один процент от найденных денег? Нет? Значит, и тут тебя надули. – Она поднялась. – А с меня копы взяли расписку, что я согласна на этот грабительский процент.

– Я собирался поведать профессору об обещанной награде. – Дерпфельд уселся за стол и принялся метать в рот ветчину – кусок за куском.

Елена удалилась. Шелковистая паутина ее пеньюара шелестела при каждом шаге. Дерпфельд перестал жевать и провожал взглядом красотку. Ткань сверкала, подчеркивая каждую округлость тела.

– Хороша, дрянь. И главное, не поддельная... – Дерпфельд спешно глотнул и едва не подавился.

– А ты был женат, сержант?

– Был. Однажды. Когда еще служил в военном флоте Лиги. Милашки из баров мне не нравились – слишком потасканные и сплошь – дешевая биокоррекция. Вот я и решил отыскать девочку в брачном агентстве. Я тогда не знал, что искательницы мужей заказывают себе компьютерное омоложение – это гораздо дешевле биокоррекции. Так что по тахионной связи со мной общалась двадцатилетняя очаровашка, а на встречу прибыла столетняя старуха, сумевшая наскрести сотню кредитов на реставрацию лишь титек и мордашки. Кожа на шее у нее была, как выдавшая виды обивка кресел межпланетного челнока, задница – сплошные бугры... – Дерпфельд содрогнулся. – Она содрала с меня неустойку – тысячу кредитов плюс деньги на обратный перелет. С тех пор я предпочитаю пробовать товар наощупь. А твой дружок Корман хапнул первосортный экземпляр.

– Дружок Корман... – передразнил Платон. – Меня не было в списке гостей.

– Зато он упомянул тебя в статье о посещении Хрустального лабиринта. Статья затерялась на одном из сайтов МГАО и обнаружилась совершенно случайно, когда я запустил программу возвращения отправленных в архив сайтов. Из всех неархивированных разделов статья была изъята. Не было ее и в личном компе Кормана.

– Ты не пытался восстановить стертые файлы?

– Корман механически уничтожил часть памяти. Но вы же были с ним в лабиринте вдвоем. Что там особенного про-

изошло?

Платон рассказал. Сержант слушал внимательно. Что-то просил повторить, задавал наводящие вопросы. Ничего интересного. Абсолютно ничего.

– Может, он что-то особенное упомянул в статье?..

– Он сообщил куда меньше, чем ты. Но что-то он хотел скрыть. Весь вопрос – что...

«Не строить теории, – вновь одернул себя Платон. – Гипотеза появится сама... Надо только подождать».

Ждать он терпеть не мог.

Сообщения о раскопках на планете Эгейское море были скупы и однообразны. Где там можно найти клад в десять миллиардов? Гробницы? Нет никаких гробниц на Эгеиде. Храмы с сокровищами? Про храмы есть глухие упоминания. Каждый известный род эгейцев имел своего собственного бога и свое святилище. Их развалины встречаются повсюду. Еще сохранились общие храмы Восьми материков. По храму на каждом из крупных архипелагов.

«Согласно некоторым данным, в храмах Эгеиды находятся уникальные алмазы. Лишь алмаз свыше пяти тысяч каратов достоин был богов Эгеиды. Так что знаменитый «Куллинан» – крошка по сравнению с храмовыми сокровищами планеты. Самые уникальные сокровища таил храм Северно-

го материка, который теперь находится на Северном архипелаге».

Кто знает, может, Корман стащил из храма пару таких камешков? Жаль, Платона не было рядом. Пришел, взял, рассовал по карманам. Чушь, конечно... Но кто знает... Грабить храмы для черного археолога – привычное дело. Вся проблема в том, что такие действия не находят понимания у аборигенов.

«Развито изобразительное искусство»... – Это сообщение ничем не подтверждалось.

Развито искусство... Как будто искусство – это земледелие или производство пластика.

А вдруг что-нибудь уникальное? Вот именно – что-нибудь! Культура Эгеиды считается второсортной. Каждая планета высоко ценит лишь собственное и презирает чужое. Чтобы иметь цену галактического масштаба, надо принадлежать к признанным цивилизациям. Эгеида такой милости не удостоена. Да она и не претендует, не рекламирует себя. Напротив, таится. Кое-что предьявляет, но как будто стыдливо. Вот данные по раскопкам на Южном архипелаге: несколько десятков примитивных золотых вещей, украшения из раковин, ларцы из лазурита. Да, золото на планете есть. Но сколько золота надо вывезти на десять миллиардов, если нынче цена на галактической бирже – пять с половиной кредитов за одну тройскую унцию?

М-да... На себе не унесешь – это точно.

Известный специалист по Эгеиде советовал вести раскопки на новом шельфе. Именно там и только там, доказывал он, погребены сокровища планеты. В затопленных дворцах остались уникальные произведения искусства и сокровища царских фамилий. И, главное, – родовые храмы, которых бесчисленное множество. Там ждут своего часа бесценные артефакты периода Восьми материков.

Но если Фред разграбил чей-то личный храмик и обогатился на десять миллиардов, то почему бы и Платону не заняться тем же? Профессор Рассольников ощутил привычное волнение. Запах сокровищ! Он его чувствовал.

«Это глупая шутка!» – хотелось крикнуть Платону, пока Дерпфельд излагал ему свой план. Но не стал кричать. Потому как полицейский не шутил, а вполне серьезно предлагал профессору Рассольникову вести раскопки на планете Эгейское море. Раскопки за счет полиции Райского уголка. Предложение не столько заманчивое, сколько удивительное. Обычно раскопки черных археологов финансируют авантюристы и сумасшедшие. Никак не полиция. Кажется, подобный патрон у Платона Атлантиды объявился впервые.

– Но зачем?!

– Работа под прикрытием. Слышал?

– Может быть... – начал было профессор.

– Мы изображаем археологов, внедряемся в среду и собираем материалы, – принялся излагать план действий сержант. – Все ниточки тянутся к этой планете. Там был найден клад. И убили Кормана жители Эгейского моря – это точно. Нам лишь надо отыскать улики. И узнать, что он нашел. Как только мы это узнаем, то пойдем, кто убийца.

– Чего тут понимать? За десять миллиардов любой прикончит любого.

– Да? – Дерпфельд нахмурился. – Значит, и ты мог убить Кормана?

– Мог. Но, во-первых, я не знал, что он разбогател, а во-вторых, был далеко.

– Да? Надо проверить твоё алиби. А то вдруг, в самом деле, – твоих рук дело?

– А может – это ты? Сам-то что делал в момент его смерти?

– Ладно, я снимаю обвинения... Корман знал, что его убьют. Он не отдыхать прибыл на Райский уголок – прятаться, учитывая закрытость планеты и совершенную охрану. Но все равно эгейцы его убили.

– Почему ты решил, что именно жители Эгейского моря? – Профессор Рассольников не скрывал сарказма. – Из-за раковин?

– Нет, из-за вида трупа. Так разделявают труп, прежде чем бросить в море, только жители Эгейского моря. Это их почерк.

– Религиозный обряд?..

– Что-то вроде этого.

Платону не нравилась эта версия. Она была поверхностной, слепленной наспех. И потому не убеждала.

– Кстати, я выяснил, что означает «Джи-джиду», – сообщил сержант. – С эгейского на космолингв можно перевести как «прозрачность», «невидимость», «алмазность».

– «Алмазность»? Что такое «алмазность»? Может, «алмазов»? То есть записка гласит: «Такова цена алмазов». – Платон сделал усилие, подавляя невольное волнение. И опустил глаза, старательно разглядывая пол. Он знал, что глаза у него сейчас предательски блестят.

– Может быть... – согласился Дерпфельд. – Эгейский, как мне сказали – непростой язык, вряд ли Корман знал его досконально. Решил блистануть и ошибся.

«Нет, – подумал профессор. – Не похоже, что Корман так «блистанул». Но алмазность... алмазы – это где-то рядом. Надо только, чтобы коп не догадался».

– Кстати, готов анализ моего осколка? – спросил он небрежно. – То есть осколка, присланного Корманом.

– Готов, разумеется. Результатец странный. Хотя ничего секретного. Это кусок композита. И он подвергся воздействию высоких температур. Из него штампуют гробы для перевозки жмуриков в космосе. Сам знаешь, гробы держат в негерметичном отсеке и потому... Родственники не любят, когда физиономия трупа немного поджаривается или распу-

хает.

Кусок гроба... Вот мерзавец! Итак, это очередная шутка Кормана. Разбогател, заполучил красавицу-жену и решил подшутить над другом. В самом деле, смешно: Корман на Райском уголке, Платон – на Кроне-3 в обществе френдов и защитной паутины. Отыскав клад стоимостью в десять миллиардов, можно позволить себе какие угодно шутки.

Затея Дерпфельда и его начальства Платону совсем не нравилась. Но отказаться он не мог. Отказаться – это признать, что Корман был умнее, догадливее и... талантливее. Алмазность... алмазы... Дудки! Атлантида разгадает эту загадку, и шутнику Корману не удастся над ним посмеяться – даже с того света.

Профессор Рассольников не питал никаких иллюзий на счет щедрости полиции: из списка оборудования – причем весьма скромного – Дерпфельд тут же вычеркнул половину. От фрахта космолета сержант отказался, заявив, что их вместе со всем имуществом доставит до нужной пересадочной базы полицейский челнок.

– Кстати, не думай, что получить лицензию на археологические работы было так просто. Единая лицензия на Эгиде не действует. Необходимо разрешение местных властей, с одной стороны, а с другой – виза Службы Безопасности Лиги Миров, – сообщил сержант.

– Они-то при чем? – подивился Атлантида. – Разве эта планета находилась в зоне военных действий?

– Нет, никогда. И, кажется, на самой Эгеиде давным-давно не воюют. Но разрешение Службы Безопасности требуется.

– Если так, то Корман получил и то, и другое? Или он...

– Проник тайком? Я тоже сначала так думал. Нет, он действовал официально. А лицензию ему помог получить доктор Бреген. Глава филиала галактического концерна «Гибрид». Теперь ты это знаешь.

– «Вся таблица Менделеева в нашем кармане», – вспомнил Платон слова рекламы.

– Именно... Точно сказано – у них в кармане. У них полгалактики в кармане.

– В молодости ты были антигалактистом?

– Нет... – ухмыльнулся сержант. – В молодости я был военным пилотом и ругался только с начальством. Антигалактистов в космофлот не берут. И что ты все ворчишь?

– Я не ворчу – я шучу. Как Корман. Он всегда шутил. И вот теперь сыграл с нами свою последнюю шутку. Кстати, мы должны договориться заранее, как будем делить найденные сокровища. Таков обычай искателей древностей.

– Я не кладоискатель, а полицейский. – Тон сержанта сделался суров. – И все найденные сокровища поступят в распоряжение полицейского управления Рая.

– А нам? – изумился Платон.

– Нам – приз за найденные миллиарды Кормана.

Профессор Рассольников нахмурился. Ну, раз так... То

ни полицейское управление, ни сержант не получают ничего из того, что найдет Платон Атлантида.

Профессор Рассольников был не настолько наивен, чтобы поверить, что можно соперничать с полицией на равных. Да, Вил Дерпфельд сыграл неплохо роль идиота-копа из пятисотсерийного компьютерного шоу. Но поскольку он не учился в высшей политической актерской школе, а пользовался простенькой инструкцией, которую можно найти в Интернете, да собственными способностями, то от его игры разлило дилетантством за парсек. Ну что ж, профессор Рассольников тоже может сыграть наивного ученого, который верит в нерушимость договоров и страшно удивлен тем, что его так открыто пытаются надуть.

– Да, да, мы теперь партнеры, сержант! – бормочет наивный профессор. – Но почему-то партнеры неравноценные. Ты не ознакомил меня с конфискованными материалами убитого. А там может быть скрыта важная для меня информация.

Дерпфельд пытался ускользнуть, доказывал, что в материалах нет ничего интересного, но Платон не уступал. Пришлось предоставить в распоряжение археолога диск с копиями конфискованных материалов. Ничего интересного там, в самом деле, не было. И главное – не осталось отчетов о

работе на планете Эгейское море. Были только две карты. Первая – реконструкция недавнего прошлого планеты, когда на Эгеиде существовали восемь материков. Но после того, как произошло потепление, растаяли полярные льды, и уровень Океана поднялся, над водой остались лишь многочисленные острова. Совсем другой рельеф демонстрировала вторая карта. Новый шельф, возникший после затопления, был отмечен жирной штриховкой. Кроме этой штриховки, никаких особых значков не было. Над островком «Дальний» к северо-западу от Северного Архипелага стояла надпись «Пергам».

Был еще дневник, который Альфред вел, но всего несколько дней и только в самом начале экспедиции. Записи обрывались загадочным словом «Крто»... А потом – ни строчки. На раскопки ему было отпущено два месяца. Корман же пробыл на планете месяц и три дня и покинул Эгейское море. Согласно данным полиции, при нем не было никакого багажа. Если не считать личных вещей и коллекции раковин.

И все. Не густо.

Пергам? Что Корман подразумевал под этим? Библиотека? Пергамент? Алтарь? Гадать пока бесполезно, слишком мало материала. Но то, что ни первое, ни второе, ни третье, можно быть уверенным. Альфред Корман не гадал простных загадок. Ассоциации у парня возникали самые невероятные.

Попытка восстановить утраченные записи дневника ничего не дала.

«КРТО...» – что значат эти четыре буквы?

Платон попытался связать Пергам с буквами – «КРТО». Но никак не связывалось.

Оставив материалы Кормана в покое, профессор заказал новую модификацию подводного костюма-адаптера, несколько землесосов для подводных работ и два кресла-антиграва модели «антигеморрой». На Эгеиде кресла-антигравы очень популярны.

Полицейский корабль оказался примитивной летающей тюрьмой.

Со скоростью черепахи он перебирался с планеты на планету, наполняя свои трюмы преступниками, сбежавшими из-под залога подследственными и безденежными, начинающими карьеру копами. Молодые копы все были необыкновенно жирные, с одышкой, и во время болтанки, когда генераторы искусственной гравитации работали в переходном режиме, блевали все разом, будто по команде.

Шланг сборника «блевантина» у одного из кресел лопнул. И тут как раз напрочь вырубилась все генераторы гравитации. Комья густой желто-рыжей массы закружили в воздухе...

– Я сейчас кончу... – завопил один из арестованных в обезьяннике.

Генераторы включились, причем с тройной перегрузкой, и комья блевотины градом обрушились на будущих копов.

А из-за решеток клеток неслись однообразные реплики на счет задниц охранников и таящегося в них наслаждения. Из Рая профессор Рассольников сразу же попал в ад.

ГЛАВА 3

ПЛАНЕТА ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

Документ 3.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Объект готовится к каким-то действиям, несомненно, связанным с Джи-джи-ду. Веду наблюдения. Срочно требуется помощь. Прибытие гостей лишь осложнит положение. Им все равно ничего не добиться. Будут только мешать.

Фирма «Гибрид» вела добычу полезных ископаемых на старом шельфе. Здание космопорта в стиле космомодерна на острове Каменном украшали ее рекламные щиты. Посередине просторного холла высилась трехметровая голограмма, изображавшая главу филиала Ганса Брегена в обнимку с императором Эгеиды. Человек и эгеец были одного роста. Эгеец опирался на раздвоенный хвост и обнимал главу филиала человеческими руками и изображал человеческую улыбку на человеческом лице.

– Разве эгейцы... – начал было Платон.

– Не здесь и не сейчас, – остерег его сержант. – Улыбайся. Галактика обожает, когда люди улыбаются. И мы улыбаемся. Даже когда хотим блевать.

«Но ведь эгейцы не гуманоиды. Рук у них нет, а голова, скорее, похожа на морду нерпы», – закончил про себя фразу Атлантида. Он был упрям и собственные мысли, как и собственные дела, любил доводить до конца.

Две милые девушки гуманоидного вида, а на самом деле амфибии с планеты Тритон, внимательно изучили пропуска с эмблемой Лиги Миров, снабженные голограммами Службы безопасности, и мило защебетали о том, что рады, счастливы, надеются... А главное, представитель филиала фирмы «Гибрид» уже ожидает гостей. Девушки щебетали и щебетали, и почти с нежностью касались гостей. Жужжал какой-то агрегат под потолком. И археолога охватило странное беспокойство. Будто он не в холле космопорта, а в пчелином улье. Он обернулся. С просторного, как брачная постель, дивана поднялся молодой человек в безупречно белом костюме. Профессор Рассольников растерянно моргнул – не свое ли отражение он видит? И нервно поправил цветок кактуса в петлице. «Отражение» поправлять цветок в петлице не стало. А цветок у сотрудника был, хотя и не «*tamillaria blossfeldiana*».

– Я здесь по поручению Ганса Брегена, – сообщил молодой человек. – Андрей Королев. Заведующий отделом по внешним контактам. Прошу за мной. Ганс Бреген вас уже ждет.

У зав. отделом по внешним контактам было красивое, явно откорректированное лицо, очень светлые волосы и осле-

пительная улыбка. Профессору Рассольникову Андрей показался чем-то схожим с новеньким андроидом. Чем именно – сразу не понять. Но что-то общее было.

– Господин Бреген ждет? – переспросил Вил Дерпфельд и огляделся. – Где именно?

– На своей базе. Он прислал за вами личный глайдер.

Как видно, Бреген был самой важной персоной на планете, важнее императора и его свиты. Но это гостей не удивило.

Серебристый глайдер с голограммой «Гибрида» на борту взмыл в небо. Внизу вокруг расположенного на высоком плато космодрома тянулась мелкая лагуна, на поверхности изумрудной воды сверкали крупные серебряные чешуины.

– Что это? – спросил Платон у зав. отдела по внешним контактам.

– Солнечные батареи. Увеличить! – последовал приказ чипу на прозрачной боковине. – Ну, как, здорово? Последняя модель глайдеров, как вы успели заметить. Наш филиал располагает двенадцатью такими машинами.

Сразу вместо крупных чешуинок перед глазами археолога возникли блюдца солнечных батарей. У берега на мелководье они стояли почти вплотную друг другу. А дальше, мористее, все реже и реже, лоя уже не только прямой, но и отраженный свет. Подвижные опоры поворачивали блюдца вслед за светилом, как чашечки огромных цветов.

– Кстати, у нас есть свой пассажирский космический челнок. Если понадобится, он к вашим услугам, – продолжал

фанфаронить зав. по внешним сношениям.

Глайдер взял выше: за солнечными батареями сразу шли ряды волновых ловушек. Проходя сквозь силовые неводы, волны уже не дыбились, а лишь тихо поплескивали, отдав свою энергию жадным поглотителям. Никогда Океан не сможет здесь побуйствовать всласть – стоит волнам подняться чуть выше, и вскормленные энергией самих волн ловушки накроют их и заставят смириться. Наблюдателен был создатель волновых неводов – ничего не скажешь. Приметил, что в жизни всегда так: тяжкой дланью давят нас те, кого мы сами и вскормили.

Ганс Бреген возглавлял филиал фирмы «Гибрид» на планете Эгейское море уже девять лет и три месяца. Сам он непосредственно на планете не проживал. На высоте около двух километров его станция медленно Дрейфовала над поверхностью единого Океана, счастливо минуя на своем пути тайфуны и шторма. Из прозрачной кабины станции Бреген мог часами любоваться волнующимся внизу виноцветным морем, находя некоторое очарование в однообразии морской планеты. Да, господин Бреген любил Океан и редко появлялся на многочисленных архипелагах.

Когда на экране его компа возникла физиономия Вила Дерпфельда, Бреген невольно раздражился. Приезд нынешней экспедиции Брегена несколько озадачил. Во-первых, союз полицейского с археологом был замечателен сам по себе (Дерпфельд не считал нужным скрывать от почти всемо-

гущего господина Брегена свою профессию – все равно тот узнает). Во-вторых, эти двое собирались заняться на планете раскопками на новом шельфе, не сообщив заранее, что планируют найти. В-третьих, они не просили их спонсировать. И это было самым странным. Ибо у Брегена все просили денег. Даже император Эгеиды. Всему странному нельзя доверять. Бреген и не доверял, подозревая не слишком умелую ловушку.

Однако с гостями представитель фирмы был любезен. Улыбка, как лакированная наклейка, скупые жесты, спокойный тон. Такой же спокойный, как расцветка пластика на стенах, обивка мебели или узор его просторного халата. Ибо на провинциальной планете Бреген с утра до вечера ходил в халате и даже представителей Лиги Миров встречал непременно в нем. Халат был символом уюта и удобства. Бреген обожал уют.

– Моя фирма ведет разработки полезных ископаемых на старом шельфе. К археологическим находкам мы относимся с должным пиететом, – сообщил директор филиала, предваряя все возможные упреки со стороны поклонников старины. – Если моим рабочим попадается какой-нибудь артефакт, его тут же передадут директору столичного музея. Причем, прошу заметить, безвозмездно.

– Мы наслышаны о вашей щедрости и вашей образованности! – Восторг сержанта казался почти искренним. – Могу я задать вопрос? – От прежних нагловатых и пошлых манер

полицейского не осталось и следа.

Ну конечно! Кто же сомневался, что будут вопросы. Зачем же полицейскому покидать Райский уголок и тащиться на Эгеиду? Лишь для того, чтобы задавать и задавать вопросы. И получать на них лживые ответы.

– Вы были знакомы с археологом Альфредом Корманом? Разумеется, Корман, мелкая галактическая мусоринка, но, может быть, вы что-то запомнили?

Бреген кивнул. Едва заметно. Будто сомневался, стоит ли отвечать на вопрос или...

– Я знаком на планете с каждым человеком.

– Он вел раскопки по вашему заказу?

– Нет... Он действовал на свой страх и риск. Я лишь частично спонсировал его. Кажется, он сообщил как бы между прочим, что получил грант от МГАО. Но не уверен... Честно говоря, любая галактическая фирма обязана покровительствовать науке и культуре. Вот я и решил немного помочь этому Корману. Молодой начинающий археолог, к тому же поэт и скульптор. Я не мог отказать. Но не особенно интересовался его работой, прошу заметить.

– Вы часто с ним виделись? Не обязательно отвечать на вопрос, но все же...

– Несколько раз. Пять или шесть – не более. Наверное, все-таки – шесть. Он был у меня на обеде через день после прибытия. Да... был. Но если хотите знать точно, обратитесь к секретарше. В ее компе все записано.

– Ну, зачем же! В конце концов – это не имеет значения: пять или шесть... Корман сообщил вам о своих успехах?

– Нет, он был немногословен, я не настаивал. Мы беседовали об умирании Галактической культуры, и сошлись во взглядах. Последний раз мы встретились с господином Корманом в Столице на приеме у императора.

– Его принимал сам император?!

Дерпфельд и Платон переглянулись.

– И... у вас были еще какие-то дела с ним?

– Он просил у меня охрану. Двадцать пять человек. Да, именно человек. И заплатил за все. Что, прошу заметить, само по себе удивительно. Такая охрана стоит чрезвычайно дорого.

– Вы не заподозрили, что он обнаружил на планете что-нибудь ценное? Его поведение более чем странное и...

– Разумеется, заподозрил, – нахмурил брови Бреген. – И решил, что он ведет себя некрасиво. Если археолог что-то нашел, то должен был объявить о находке и поблагодарить спонсоров. К тому же по закону произведения искусства с Эгейского моря нельзя вывозить просто так. Половина найденного остается здесь. Я потребовал предъявить клад. А он, нагло глядя мне в глаза, предложил осмотреть его вещи. Мои люди перерыли весь его багаж. И... Он ничего не вез с планеты... абсолютно ничего. Ах да... коллекцию раковин. Обычные раковины – их можно купить в любом киоске пересадочной базы. Ширпотреб... Не терплю ширпотреба. Кстати, не

хотите выпить? У меня отличный погреб с дорогими винами.

Бреген сказал ровно столько, сколько хотел, и демонстративно переменял тему разговора.

– Погреб на летающей базе? – усомнился полицейский.

– Местонахождение в пространстве не имеет значения.

Идемте, и убедитесь сами.

Погреб был как настоящий. Даже пахло сыростью и плесенью. От зеленоватых камней веяло прохладой. И темные бутылки покрывал тонкий седой налет.

– Восхитительный погреб! – воскликнул Дерпфельд. – Только истинный художник мог создать такое. Я потрясен! Клянусь Галактикой, потрясен!

Бреген сдержанно улыбнулся: было видно, что он польщен.

– Что предпочитаете? Токайское? Бургундское? Я на Эгиде более девяти лет, и все время пополняю свою коллекцию. Разумеется, эти вина не со Старой Земли, а с новых планет, но вкус превосходен, могу заверить. Вы, профессор, наверняка оцените.

– Предпочитаю текилу, – не слишком любезно отозвался Атлантида. Просто для того, чтобы позлить Брегена. Этот тип явно что-то скрывал. Причем, как будто даже намекая, что скрывает. Будто издевался.

– А вы что думаете? – обратился глава филиала к Дерпфельду.

– Восхитительный художник... Только истинный по-

греб... – Дерпфельд сбился и замолчал. Его неловкое смущение было красноречивее льстивых слов.

– Я думаю, зачем Корману понадобилось двадцать пять человек охраны? – Вдруг спросил профессор Рассольников, видя, что сержант полностью деморализован и вести дальнейшее наступление не способен. – Его кто-то пытался убить? Кто-то ему угрожал?

– Нет, не заметил... Он, правда, поссорился с Крто... Но это особый разговор. С кем же еще ссориться, как не с местными властями? Но на то она и провинция... – Бреген многозначительно вздохнул.

Платон не подал вида, что имя Крто ему знакомо.

– Кто такой Крто? – спросил Дерпфельд.

– Архонт Северного архипелага. Изрядный мерзавец, надо сказать. Но с ним можно договориться... Ну да вы с ним еще познакомитесь.

Видимо, Крто чем-то не устраивал главу филиала, но не сильно ему мешал.

– Выпьем за успех вашей экспедиции, – Бреген налил вино в хрустальные бокалы (настоящий хрусталь, не пластик – уж археологу не знать ли!). – Если захотите часть артефактов утаить от архонта, то... – он многозначительно улыбнулся. – Буду рад оказать вам любезность.

Как видно, Бреген не особенно чтит закон. Зато блюл свои интересы.

– Что, собственно, вас интересует? – свой вопрос Бреген

задал как бы между прочим.

– Культура Восьми материков, – отвечал Атлантида. – А если быть точным – религиозные родовые культы и храмы.

Что же такое вывоз Корман с планеты? Явно находка была невелика по размерам. Явно – что-то совершенно экстраординарное. Знает Бреген? Догадывается? Наверняка, что-то знает. И быть может, в доле...

– Кстати, советую у меня в филиале поменять несколько сотен кредитов на пластиковые жетоны. Жетоны там внизу, – слово «внизу» Бреген произнес с нескрываемым презрением, – в большом почете.

– На архипелаге нет банков? – удивился Атлантида.

– На острове Сомнения я видел лишь один симпьютер для связи с банком Лионский межпланетный кредит. Так что обратитесь лучше к господину Королеву: он поможет провести вам все нужные финансовые операции.

На Райском уголке у Кормана была охрана, в Раю всех и каждого охраняют круглосуточно. Но все равно эгейцы настигли его там и убили. Загадка лишь в том, как они проникли на планету. Дерпфельд не уставал повторять, что безопаснее Рая планеты нет. Он лично проверил все временные пропуска, выданные после прибытия Кормана. Ни одного поддельного. И, главное, все прибывшие люди положительные и никак не могут быть замешаны в этом деле. Если не считать... Его жену...

– А что, если Елена и прикончила Фреда? – предположил

профессор Рассольников.

– У нее алиби, – парировал сержант.

– Тогда Кормана прикончили участники конгресса «АнтиФоменко».

– Исключено. Просто потому что приглашенные на конгресс стали прибывать на другой день после смерти твоего дружка.

– Тогда фоменковцы.

– Они уже убыли. А что, твой Корман был противником Фоменко?

– Мы на эту тему не говорили, – дипломатично ускользнул от опасного разговора Платон, ибо не знал, к какой группе принадлежал Дерпфельд.

Глава филиала распорядился доставить профессора Рассольникова и сержанта Дерпфельда вместе с багажом на глайдере фирмы в объятия местной таможни.

Внизу плескался Океан – он то принимал совершенно невозможный фиолетовый оттенок, то отливал веселой синью, то зеленел до травянистой изумрудности, кипя белым прибоем вокруг островов. За ним можно было наблюдать часами.

Все многочисленные архипелаги Эгеиды делятся на два вида: дикие острова и острова Блаженства. Названия говорили сами за себя.

– Острова, должно быть, кишат туристами, – предположил Платон.

Толстые отцы и матери семейств, галдящая ребятня, разноцветные панамы, катера, парусные лодки, летающие шезлонги, глайдеры службы спасения, многоярусные отели, рестораны и...

Слева проплыли несколько островов – на серых скалах шапки густой зелени. Белый вихрь – это птицы кружили над идущим близко к поверхности косяком рыбы. И ни одного катера, ни одного паруса.

– Остров Сомнения, – сообщил пилот. – Через минуту спускаемся. Сейчас спокойный сезон, почти все население Эгеиды в Океане. На островах остались лишь стражи и администраторы суши.

Острова Блаженства встречали Океан выставленными далеко в море белыми зубьями волнорезов. Ни один самый мощный тайфун не мог угрожать блаженству охраняемых, самая высокая волна не могла достигнуть толпящихся на скалистых уступах разноцветных домиков. Изумрудная вода на мелководье такая яркая, что глаза слепило. Пышная зелень венчала островные холмы мохнатой шапкой. Но вся она была какого-то одинакового ядовитого оттенка, будто разлили огромную банку краски по серым и желтым скалам.

– Кстати, знаешь, как с латыни переводится на космолингв «Гибрид»? – спросил Платон.

– Нет. В полицейской академии латынь не проходят.

– Ублюдок.

– Что?!.. А, гибрид – значит ублюдок? Очень хорошо. Те-

перь я буду это знать.

Знал Дерпфельд, как переводится «гибрид». Лишь изобразил удивление. Очень некстати вспомнилось выпотрошенное тело Кормана.

«Да, друг Тони, и как только ты умудрился влезть в эту мерзкую историю?» – обратился профессор сам к себе сочувственно.

А что если сообщение про десять миллиардов Дерпфельд изобразил на раковине сам? И нет никаких миллиардов... А что тогда есть?

Уже на таможне Платон и сержант повстречались с аборигенами. С глайдерской площадки гости напрямик прошли в здание таможни. Старинные разноцветные стекла витражей давно осыпались из массивных окон, и теперь бесцветные, давно не мытые стекла пропускали серый скучный свет в просторный холл. Тучный пожилой администратор и не менее тучные молодые стражи выстроились в ряд, ожидая. Администратор сидел в кресле на антигравитационной подушке, одна рука его намертво срослась с каким-то хитрым грифелем, а вторая, обтянутая порыжелой пластиковой перчаткой, бессильно лежала на подлокотнике кресла. Лицо администратора, покрытое красными и черными пятнами ожогов, здорово смахивало на человеческое. И волосы, черные и густые, тоже напоминали человеческие. В то время как тело (так и хотелось сказать туша) имело вид туго набитой колбасы, на конце которой вместо хвостика раскинулся

кожистый раздвоенный плавник.

– Раскопки? И кто же вам разрешил? – спросил таможенник с каким-то наигранным равнодушием. Рука – та, что без грифеля – приподнялась, попыталась сделать какой-то жест, но ничего не изобразила, и шлепнулась с неживым звуком на подлокотник.

Платон почему-то подумал о руке администратора, как о чем-то самостоятельном.

– ЮНЕСКО и МГАО, – отвечал сержант Дерпфельд. – У вашей планеты есть договоренность с Лигой Миров. Раз в год по взаимному согласию вы предоставляете научной экспедиции возможность работать на Эгейском море в течение двух месяцев. В прошлом году здесь работал Альфред Корман.

Имя не произвело впечатления.

– Это по части архонта Крто. А я могу дать вам визу на посещение Северного архипелага.

– И где нам найти этого вашего архонта?

Администратор пару минут переговаривался со своими подчиненными на местном языке – где было много согласных, но, в принципе, язык был довольно интересный. И Платон подумал, что у эгейцев должно быть много поэтов, ибо порой рифмы проскальзывали в словах сами собою.

– Архонт Крто ждет вас в своей приемной. Страж Стато как раз направляется туда и вас проводит. – И администратор вновь поднял руку и в этот раз без колебаний изобразил

в воздухе вертикальную черту.

Страж Стато был сама любезность и тут же кинулся показывать путь.

– Я – заместитель Крто и... как говорят люди – его правая рука, – эгеец издал какой-то нутрянной звук. – А у меня правая рука – «фараон». Вот! – Стато грозно потряс рукой-бластером. – Идемте, тут совсем недалеко.

Он выкатился в кресле на колесиках из зала таможни. Люди последовали за ним. Сразу за воротами начинались густые заросли, и в них – одна-единственная дорога, идущая в гору.

Антигравитационная подвеска на кресле стража была слабовата, и потому там, где поверхность была ровной, он не летел, а примитивно катился на четырех колесиках, пользуясь автономным приводом. Дорога была весьма ухабиста и строилась давно. Между брусчаткой буйно рвалась к солнцу сочная зелень. Кое-где заросли отступали, и тогда наружу выглядывали розовые или желтые стены старинных домиков. Но чаще можно было разглядеть только черепицу крыши или угловую башенку. Растительность лезла из всех щелей, умудряясь закрепиться на каменных оградах и стенах домов, оккупировала подоконники и даже крыши. Любая тонкая полоска грунта тут же становилась зеленым ковром. Постепенно заросли отступили, вместо плотной стены остались отдельные островки. Жилища, как заметил Платон, были все очень давними и обветшалыми; если их и ремонтиро-

вали, то наспех. Двери делались широкие, непременно двустворчатые, а окна, напротив, маленькими. Зато при каждом доме имелся открытый бассейн, обложенный камнем, чаще всего неглубокий, но непременно с каким-нибудь игривым фонтанчиком. Дорога, по которой они шли, была совершенно пустынной.

Лицо Стато сплошь покрывали красные ожоги, ярко-рыжие волосы стянуты на затылке в хвост, правая рука намертво соединялась с бластером «фараон». Левая кисть покрыта черной перчаткой, и на черном – желтые и красные заплаты. Добавьте ко всему этому бронежилет, из-под которого высывались рукава драного свитера, нижнюю часть туловища, втиснутую в серебристый мешок – и облик Стато будет полным. Ах, нет, мы забыли упомянуть глаза – черные, выпуклые, очень выразительные с красноватыми белками.

– Может, завернем, и осмотрим дачные постройки наследного принца Ртхама? – предложил Стато. – Всего двадцать кредитов с носа за экскурсию.

– А принц не рассердится?

– Принц, как и вся императорская семья, сейчас в Столице. А дворцы здесь близко...

Стато махнул желтой левой рукой в сторону видневшихся над зелеными купами красных крыш. И тут перчатка слетела с руки, и перед изумленными взглядами людей предстали лентообразные щупальца, которые шли от самого плеча. До локтя они были стянуты эластичными кольцами, а уж потом

распадались на семь ленточек серо-коричневого цвета.

– Простите, – сказал Стато, подобрал перчатку, но надевать не стал. – Срок годности перчатки давно вышел, но приходится носить – ничего другого больше нет. А за службу платят такие гроши... – И он очень выразительно посмотрел на археологов.

Атлантида извлек из кармана пластиковый жетончик на десять кредитов и протянул эгейцу. Тот подпрыгнул от восторга – вместе с креслом.

– Вторая «рука» такая же? – полюбопытствовал Вил Дерпфельд.

– Да... Но ее сбросить гораздо труднее. А вот маску можно снять. Когда мы на суше, нам приходится закрывать кожу от лучей светила. Иначе она вся покроется язвами.

– А что... лица у вас не людские? – поинтересовался профессор Рассольников и сам себя обозвал идиотом: почему он не посмотрел материалы по Эгеиде более внимательно!

– Человекоподобие – мода нынешнего императора. Он сказал: «Мы будем, как люди». И мы надели маски людей... И купили парики. В обязательном порядке, по двадцать кредитов с каждой головы. Говорят, у эгейцев прежде росли волосы на теле. И весьма буйно. А теперь мы облысели, нигде ни волоска – ни на голове, ни на груди, ни на прочих местах.

– И на тебе маска? – спросил сержант.

– Ну да, маска, – в горле Стато забулькало, будто он собирался блевать. Но блевать он не стал, а сдернул маску вместе

с париком. Явилось лицо с темно-коричневой кожей, гладкое, влажное, заостренное, с вислыми складками вокруг рта. Нос Стато конвульсивно задергался, будто эгеец собирался чихнуть. Но не чихнул. И вдруг побледнел – опять же только нос и немного кожа вокруг губ, а губы посерели. – Что это у вас? – спросил Стато, и одно из щупальцев обвилось вокруг запястья сержанта.

– Сервисный браслет. Ты что, никогда не видел? Все люди носят сервисные браслеты. Правда, тут у вас со связью и обслуживанием дерьмово, так что браслет на девять десятых бездействует.

– У людей не такие браслеты... Я видел... – Стато схватил второй лентой-щупальцем за руку Платона. – Вот у него другой... А моя сервисюга похожа на камень. Она здесь. – Стато хлопнул себя рукой с бластером по груди. Впечатляющий жест.

– Ну да, мой – военного образца, – согласился коп. – Что с того....

– Ты военный?

– Офицер запаса.

Стато задумался. Глубоко. Но о чем – неясно. Потом напялил свою драную маску, засунул щупальца в перчатку и спросил:

– Ну что, идем в гости к принцу?

– Вот что, приятель, давай-ка лучше навестим нашего любезного Крто, а уж потом оправимся на экскурсию, – пред-

ложил профессор Рассольников.

– Любезного? – переспросил страж, и в горле его вновь раздалось бульканье. Видимо, эти рвотные спазмы обозначали гомерический хохот.

Стато покатился по дороге, весело тарыхтел дешевый моторчик, а Дерпфельд и археолог шагали следом. Страж болтал без умолку на довольно приличном космолингве. Впрочем, разговор его был довольно однообразным – он называл все подряд, что попадалось им на пути: счетный дом, склады, заповедник, музей... Казалось, все административные здания и жилые постройки хаотически перемешаны. Однако вскоре Платону удалось установить закономерность: дома попрочнее и после ремонта принадлежали администрации. Жилые постройки больше походили на развалины, просшие буйной зеленью. И никаких туристов. Ни единого. А воздух пропитан запахом морской соли и водорослей. Сколько обитателям пустынных миров, где нет ни кислорода, ни воды, мечталось о подобном рае. Но Атлантида не стал спрашивать, почему нет туристов. Интуиция подсказывала: с этим вопросом стоит повременить.

Дорожка уперлась в массивное приземистое здание с узкими окнами. Над входом висела металлическая доска с надписью на эгейском и на космолингве: «Управление Северным архипелагом». То есть эгейского Платон не знал, но предположил, что надписи дублируют друг друга. Ах, после гибели нашей цивилизации повсюду в Галактике останутся

миллионы подобных Розеттских камней на радость грядущим Шампольонам.

– Как я посмотрю, у вас на планете много металла, – заметил Платон и кивнул на массивную табличку.

– Даже слишком много, в этом наша беда, – буркнул Стато и нахмурился.

Двери автоматически отворились. Никто не встретил посетителей в холле. Да и холла не было как такового. Они вошли сразу в кабину лифта-антиграва, который умчал их на третий этаж. Стато остался в кабине, а перед посетителями раскрылись металлические сверкающие двери, археолог и сержант шагнули напрямик в кабинет Крто. Здесь стены сплошь украшали великолепные живописные панно. Вернее, профессор Рассольников поначалу принял панно за живописные. Потом, взглядевшись, понял, – мозаика. Но вместо камешков или смальты использовались разноцветные раковины самых невероятных оттенков. Великолепные пейзажи. Перламутровая полоса горизонта и фиолетовые волны... Море казалось настоящим, бурлило на рифах, и хлопья пены срывались с гребня и летели... Но никак не могли долететь до огромного стола архонта.

Стол был совершенно пуст, если не считать синего шара посередине. Когда гости вошли, шар слегка повернулся, и стал виден черный мертвый зрачок. Платон изумился. Компьютер с процессором на углеродных нанотрубках. Неужели это старье еще где-то эксплуатируют? Кто бы мог подумать!

Архонт Крто восседал за этим столом на темном, обитом кожей кресле-антиграве. Так и хотелось сказать: человек... Ибо маска Крто великолепно имитировала человеческое лицо – оливковая гладкая кожей, отливающая синевой на щеках, длинные иссиня-черные волосы парика доходили наместнику до плеч. Черные, выпуклые, как у всех эгейцев глаза, смотрели на гостей не особенно дружелюбно. Могучие руки с длинными гибкими пальцами Крто держал скрещенными на груди. Перчатки великолепно имитировали человеческую плоть: казалось, под кожей играют мускулы. Имитация. Век имитации. Одна раса имитирует другую. Люди господствуют в Галактике. И значит, другие миры плодят псевдолюдей.

Наряд архонта, правда, мало напоминал человеческий: гибкий нагрудник был покрыт тонкими пластинами панциря эгейской черепахи – солнечный янтарный оттенок с зелеными прожилками. Ворот и прорези для «рук» были отделаны густой темно-коричневой бахромой, а хвост упакован в чехол из черной тончайшей кожи какой-то морской твари.

– Пребывание людей на нашей планете строго регламентировано, – сообщил архонт, а, услышав про раскопки, нахмурился. – И что надо МГАО на нашей планете? Прошлое народа – дело каждого народа. Эгейцев чужое прошлое не интересует, – заявил он не слишком любезно.

– Вы отказываетесь выполнять договор?

– Я могу препятствовать... – в тоне Крто был нескрывае-

мый вызов. – Или содействовать. На ваше усмотрение.

«По-моему, это вымогательство», – заметил про себя Платон и не огорчился. В принципе, он предпочитал иметь дело с продажными, а не с честными чиновниками. Честные всегда перепортят много крови, и, в конце концов, угрожают все дело. Вымогатель обычно не мешает работе, хотя и пробивает брешь в кредитной карте. Да, вымогатель куда лучше. Если, конечно, не берет слишком много.

– Без вашей помощи мы ничего не сможем сделать на Эгиде! – голос Дерпфельда сделался сахарным до приторности. – Ваше могущество на Северном архипелаге безгранично.

Крто удовлетворенно кивнул: как раз в этом он не сомневался.

– Надеюсь, мы достигнем понимания...

– Вас интересует старый шельф или новый? – Крто, видимо, прикидывал, сколько можно содрать с посетителей.

– И тот, и другой.

– Раскопки на старом шельфе запрещены. – Лицо Крто было неподвижно, как и положено маске, лишь губы шевелились. Зато глаза были выразительны: надменность сменялась издевкой, насмешка – пренебрежением. Выражение глаз обычно у всех гуманоидов и псевдогуманоидов одинаковое. Хотя прочая мимика может быть совершенно различной.

– Сколько вы хотите? – спросил Платон, надеясь, что сум-

ма окажется не слишком большой. Черному археологу не привыкать давать взятки чиновнику.

– Десять тысяч, – в глазах эгейца мелькнула некая безуминка. Нечто, похожее на восторг. Будто все блага, которые может предоставить наш щедрый мир, разом возникли в его не в меру разыгравшемся воображении.

– Десять тысяч? У нас же есть разрешение Лиги Миров! – возмутился Платон. – И согласно заключенному соглашению...

– Вам наверняка захочется нарушить какой-нибудь из параграфов, – предположил Крто. – И мне придется вмешаться. А это... неприятно.

– Платите, – шепнул Дерпфельд археологу, – полиция Райского уголка возместит все расходы.

В этом профессор Рассольников как раз сомневался.

– Там в углу банковский симпьютер. Можете немедленно произвести расчет, – невозмутимо сообщил Крто, давая понять, что все возражения – пустая трата сил.

Платон вспомнил надпись на раковине. «Десять миллиардов»... Чтобы узнать тайну десяти миллиардов, можно заплатить десять тысяч.

– Куда перевести деньги? – спросил Атлантида, уступив веским доводам чиновника.

– На мой счет в банке Лионский межпланетный кредит.

С такой восхитительной наглостью Платону еще встречаться не приходилось. Он подошел к симпьютеру. Наверняка

ка это тот единственный, о котором говорил Бреген.

– Как относится ваше начальство к коррупции? – не удержался археолог от ехидного вопроса.

– Поощряет. Это главный источник дохода на Эгеиде. – Кажется, Крто был не лишен чувства юмора. – Теперь мы можем заключить стандартное соглашение. – Перед Платоном на стол лег лист бумаги, выделанный из морских водорослей. Кажется, это была первая планета, где чиновники использовали бумагу.

Платон прочел:

«1. Археолог должен подчиняться требованиям закона Эгеиды о памятниках древности от седьмого дня начала 567 года Морской Эры и всем возможным в будущем дополнениям к этому закону.

2. Археолог несет все расходы по содержанию чиновника, который будет наблюдать за раскопками, представляя интересы Эгеиды.

3. Археолог несет все расходы по ведению раскопок.

4. Обнаруженные архитектурные памятники археолог не имеет права разрушать частично или полностью. Легко транспортируемые вещи следует передать непосредственно наблюдающему чиновнику для хранения.

5. Все находки согласно составленному реестру будут разделены пополам: одна половина принадлежит археологу, вторая – правительству Эгеиды.

6. Укрытие находок карается штрафом в десятикратном

размере их стоимости.

7. По соглашению сторон часть находок может быть выкуплена археологом у правительства Эгеиды.

8. При наличии лицензии и справки о справедливом разделе найденные артефакты облагаются таможенной пошлиной из расчета 0,5 процента их оценочной стоимости (оценка производится комиссией Северного архипелага)».

Отвратительная бумага. Но профессор вынужден был поставить под ней свою личную голограмму.

– Какой именно район вас интересует? – Крто повернулся к объемному изображению Северного архипелага на стене за его спиной. – Остров Вдохновения? Или остров Волка? На острове Волка можно копать даже на суше, не только на шельфе.

– Я бы хотел начать с Дальнего. Как с самого дальнего. – Атлантида поморщился. Неудачный получился каламбур.

Но Платон был готов поклясться, что Крто побледнел. Вернее, побледнел нос и кожа вокруг губ. Скорее всего, кровь так отлила от его собственного лица, что стало казаться, будто побледнела маска.

– Нет, – сказал архонт резко. – Дальний для раскопок закрыт. Строжайше.

– Но... – начал было Дерпфельд, быстро сообразивший, что его напарник-интеллектуал выбрал Дальний не зря.

– Закрытая зона, – Крто провел в воздухе горизонтальную черту. Очень энергичное «нет».

– А что может предложить остров Волка? Кроме пустующих развалин – ничего, – возразил Платон. Что на самом деле там можно найти, профессор не знал и ляпнул наудачу.

– На новом шельфе находятся развалины большого города. В том числе все культурные и храмовые здания, – сообщил Крто. – Если вас интересует именно культура Эгеиды, вы найдете там много интересного. Можете копать два месяца, как обозначено в договоре. Но только под наблюдением стража. Я вам дам охрану. Стато! – крикнул архонт. Двери лифта открылись, и охранник вкатился в комнату. – Эти – двое – твои. И смотри, чтобы не улизнули и не натворили бед. И помни, что Дальний – закрытая зона для иностранцев.

– Стража их никогда не пустит на Дальний.

– И ты не пускай. – Однако Крто тут же переменял строгий тон на самый любезный: полученные десять тысяч обзывали: – Если вам понадобится мое содействие, заходите. И... – он сделал паузу и внимательно посмотрел на посетителей. – Мой вам совет: на Эгеиде имейте всегда с собой пропуск. Даже ведя подводные раскопки, все равно имейте при себе пропуск. Даже в клозете не расставайтесь с пропуском.

Профессор подумал поначалу, что Крто не слишком удачно пошутил. Потом понял, что ничего шутиwego в его словах нет. Архонт давал свой совет совершенно серьезно. И считал, что сообщает жизненно важную информацию.

Одно можно было сказать с уверенностью: этот Крто не производил впечатления кроткого существа.

– Что вас интересует? – спросил Стато, когда они покинули резиденцию архонта, и по очереди нацелил свой «фараон» в грудь сержанту и археологу. При этом маска его ничего не выражала – как и положено маске. А глаза... В глазах была печаль.

– Остров Волка, – отвечал Платон, внимательно наблюдая за движениями руки охранника. А что, если пальнет...

– Волк так Волк... – буркнул Стато. – И как насчет с экскурсии по дворцам принца? Торопитесь, а то принц может скоро вернуться. Всего двадцать кредитов с носа.

Археолог переглянулся с полицейским. Вряд ли в царских дворцах они найдут что-то ценное для следствия... Но почему бы не попробовать?

– А там есть на что посмотреть? – с сомнением спросил Атлантида.

– Найдете... Но сорок кредитов вперед.

Как только эгеец получил пластиковую карточку на сорок кредитов, он тут же радостно стукнул рукой-бластером по рукояти кресла и скомандовал:

– Теперь на нашу базу, и я на глайдере вмиг домчу вас до острова Вдохновения.

– Ты же сказал, что дворцы там... Вот и крыша виднеется.

– Это не дворцы. Это склады продовольствия. А все дворцы на Вдохновении. И Крто живет на Вдохновении. И я – тоже. А остров Сомнения – это лишь административный центр.

Как и на острове Сомнения, на Вдохновении почти не было обитателей. Если не считать двух стражей, что сидели на набережной в креслах. Один дремал. Другой бросал свободной левой рукой камешки в море. Море едва плескалось. Запах водорослей был лекарственно едок. Когда глайдер сел на вымощенной серым плиточным камнем площади, один из охранников остался на месте, а второй лениво покатил по неровной брусчатке к незванным гостям.

– Это археологи, хотят осмотреть дворцы, – сообщил Стато.

– Двадцать кредитов с носа, – заявил страж. Его космолингв был чудовищно невнятен. Возможно, маска мешала – она порвалась и была залита сгустками клея.

– Но мы же заплатили по двадцать кредитов, – напомнил профессор Рассольников.

– А мне по трепангу, – буркнул охранник. – У меня антигравитационная подвеска сдохла. Что ж мне, по булыжнику теперь весь сезон кататься, наращивая мозоли на заднице.

– Это Морив, с ним лучше не ссориться, – доверитель-

но сообщил Стато. – Особенно, если вы будете работать на шельфе Вдохновения. Он приглядывает за тем, что творится на шельфе вокруг острова. Я тут не властен.

– А тому тоже надо заплатить по двадцатке? – спросил Вил Дерпфельд, указывая на стражника, что остался на набережной и продолжал меланхолично бросать камни в убегающие волны.

– Нет. Криг – стоик. Он прочел сочинения землянского философа Эпиктета и заявил, что ему в жизни ничего не надо. Ну... Лишь самое необходимое, чтобы продлить существование. Он смотрит на волны и подавляет в себе все эмоции, все желания. Так идем во дворец?

– Я бы предпочел сначала перекусить, – заявил сержант.

– О, это, пожалуйста, у нас отлично кормят! – Сразу оживился Морив. – И дешево.

Странно все-таки, что такая планета не развивает туристический бизнес. Вода в море как парное молоко, песок на пляже теплый и шелковистый на ощупь. Платон не отказал себе в удовольствии окунуться перед обедом. Он вошел в воду и проплыл кролем сотню метров. Лег на спину. Вокруг него колебались прозрачные колокольчики медуз. За колокольцами тянулись в воде пучки зеленоватых и красноватых щупальцев. Здешние мелкие медузы не ядовиты – другое

дело крупные сверкающие шары – вот тех надо опасаться. Эгейцы варят из мелких медуз суп с приправой из морского лука и мясом морских ежей, – это им успел рассказать Стато, пока они летели на остров Вдохновения. Мысль о супе, пусть даже и таком экзотическом, заставила повернуть назад, к берегу.

Платон заметил, что кто-то из стражей наблюдает за ним издалека, но едва археолог направился к набережной, как наблюдатель мгновенно умчался на кресле-антиграве. У этого эгейца, в отличие от Стато, кресло было в полном порядке.

«Кто-то из шпионов Крто», – решил археолог.

На всей набережной, довольно длинной, облицованной массивными серо-красными плитами, нашлась одна-единственная крошечная таверна, которую обслуживал старик-эгеец, ухватками похожий на охранника. Только вместо бластера десница его сжилась с грилем. И едва гости вошли, как он швырнул перед ними прямо на стол огромную, золотистую, только что обжаренную рыбину. Капли масла забрызгали белоснежный костюм профессора Рассольникова.

– Поосторожнее! – крикнул Атлантида.

– Рыба вкусная, – отозвался хозяин и, развернув кресло, собирался скрыться на кухне.

– Я не привык к подобному обращению. – Платон упер тросточку в стену и преградил хозяину путь.

– Рыба вкусная, – повторил хозяин. – Ты же не пробовал! Попробуй... –И издал булькающий звук – рассмеялся. Надо

полагать, добродушно.

Тыкать в хозяина тросточкой было после этого нелепо. Профессор Рассольников почувствовал себя неловко и освободил проход.

Посреди таверны стоял один-единственный длинный высокий стол. И вокруг ни сидений, ни табуретов. Тарелок не было. Все, что предложил им хозяин – это неровные прямоугольники толстой серой бумаги из водорослей. На эти листы раскладывали куски рыбы. Пробовать рыбу придется стоя. Неудобство касалось лишь людей: эгейцы уже расположились вокруг стола на своих креслах, и Стато принялся разделять рыбину своими щупальцами. Перчатку он снял и засунул за пояс. Морив и Криг наблюдали за его действиями. Морив – нетерпеливо. Криг – со стоической покорностью, глядя на блюдо печальными глазами, лишь изредка вытирая драной перчаткой струйку слюны.

– Рыба в самом деле отличная, клянусь прибором! – подтвердил Стато, отправляя здоровущий кусок себе в рот. – Да вы пробуйте, не стесняйтесь.

– Закуски мало берете, – сообщил хозяин на местном наречии, а Стато тут же перевел.

Мало? Платон изумленно глянул на рыбину. Да им вдвоем с сержантом ее за три дня не съесть. Хозяин поставил на стол бутылку темного, пахнущего водорослями пива и укатил на кухню на своем тархтящем кресле.

Из задней комнатки выползли еще двое стражей. У одно

кожа была ржаво-коричневой и шелушилась; у другого, напротив, совершенно белая.

– Рыба! Гостевой взнос! – крикнул Стато, и все пятеро тут же запустили свои щупальца в сочную рыбью плоть. В кружки-раковины полилось темное пиво. Платон согласился, что закуски в самом деле оказалось мало. Пришлось заказать еще одну рыбину. Стражи были ненасытны. Когда и сержант, и археолог уже не могли проглотить ни кусочка, пятеро охранников продолжали обглаживать скелеты и шарить голодными взглядами по стойке и столу.

– Уйдем, – шепнул Дерпфельд, – а то они сожрут и нас заодно.

Платон толкнул в бок Стато и указал на дверь.

– Еще, – неожиданно возвысил голос стоик Криг. – Мы не наелись.

– Разве я должен вас кормить? – удивился археолог.

– Конечно, как же иначе? Тем более, рыба теперь вкусная. – Криг рыгнул. – Ты – гость. По гостевому обычаю. По нашему обычаю. Мы любим гостей. Гостевой взнос – традиция. Нам угощение от гостей...

Стато что-то сказал на местном наречии. Платон, разумеется, почти ничего не понял. Несколько раз прозвучало имя Крто. И несколько раз Стато энергично провел в воздухе горизонтальную черту.

– Но как же гостевой обычай, – настаивал Криг. Говорил он беззлобно, нудным канючливым тоном. – Надо... И рыба

сейчас не горькая. Это потому что Бреген ушел со стадом от нашего архипелага. Мы столько ждали, три года ели горькую рыбу, а теперь, когда, наконец, стало все хорошо...

– Все благодарят за гостевой взнос, – объявил Стато на космолингве. – И Морив благодарит. И Криг.

Криг вновь рыгнул.

– Все получилось отлично, – пообещал Стато. – А сейчас вас ждет дворец.

Остальные стражи, разом потеряв к людям всякий интерес, прикрыли веки, разинули рты и запели что-то заунывное, пронзительное. Голоса у всех были столь высокие, что хотелось заткнуть уши и бежать. Немедленно. Археолог ринулся из таверны. Сержант за ним. Стато выплыл не сразу: пел вместе с другими минут десять.

По мраморной лестнице они поднялись к дворцу.

Экскурсовод из Стато был никудышный. Он водил гостей по переходам дворца и время от времени пояснял: «Это дворец». Как будто посетители сами не видели, что это дворец. Великолепный и одновременно однообразный. Анфилады покоев, похожих друг на друга – почти в каждом бассейн с фонтаном, стены облицованы янтарными наборными панелями или перламутровыми раковинами, сложенными в узоры. Попадались и росписи, но довольно простые, хотя и

не лишённые изящества: синие и белые волны и меж ними животные, похожие на дельфинов. Мозаичные полы изображали непременно море и диковинных чудищ. Пол одной из зал был стеклянным. Внизу плескалась вода удивительного аметистового оттенка. Казалось, хозяин хотел поразить обилием комнат, пристраивая один покой к другому, и никак не мог остановиться. У задней стены дворца возились пять или шесть эгейцев, складывая из камня новые стены. Эти были без масок – кожа их для защиты от солнца была натерта красной глиной. У одного из строителей на голове красовалась драная трикотажная шапка. Дворцы пустовали.

– А где все эгейцы? – спросил профессор Рассольников.

– Император и принцы в столице. А все остальные в море. Сезон рождений кончился, – объяснил Стато. – Но принцы появятся... Когда в Столице станет слишком жарко, они заглянут на Северный непременно. А мы, стражи, охраняем острова Блаженства, чтобы не расхитили имущество во время морского сезона. Два года назад из дворца принца пытались украсть кресла-антигравы. Так я пресек! – гордо заявил Стато.

Лишь в одном из мелких каналов Платон заметил трех отдыхающих эгейцев, прикорнувших в тени буйных прибрежных зарослей. Они лежали, наполовину погрузившись в воду, и о чем-то переговаривались. Лица у всех троих были вытянутые, с острыми носами, кожа ржаво-коричневая, черепа – абсолютно лысые. Ленточки щупальцев колыхались в

воде, как змеи. Никакой одежды на эгейцах не было. Туловище продолговатое, с длинной толстой шеей, узкими покатыми плечами, с заметным утолщением в области тазовых костей и коротким хвостом, что заканчивался раздвоенным плавником. Вид таков, будто человек забрался в толстый коричневый костюм вместе с руками, пришел к плечам пучки лент, обрил голову. Нет, эгейцы будут покрупнее людей. В каждой туше, что ворочалась с боку на бок во влажном песке, было не менее ста двадцати килограммов.

– Это возвращенцы, – небрежно бросил Стато, не останавливаясь возле троицы. – Они собирают рыбок, что ползают по деревьям, и едят эту гадость. Их девиз: возврат на сушу. Архонт выделил им для жизни старый стадион. А Столица все время требует, чтобы их выселили...

Возвращенцы, завидев стража и посетителей, достали раковины и принялись изо всех сил в них дудеть. Звук был неприятный, визгливый.

– И что, кроме этих троих возвращенцев и строителей, никого нет? А как же управление архипелагом, и все прочее? – поинтересовался Атлантида.

– Все есть там. На острове Сомнения.

– А можно осмотреть храм? Говорят, где-то здесь на архипелаге сохранился великолепный храм Северного материка.

– Храм есть, – подтвердил Стато. – Он в самом деле замечательный. Сто кредитов с носа.

– Что?! – вспыхнул Дерпфельд. Но тут же остыл. И сми-

рился.

Стато, получив жетоны, периодически включал привод-антиграв и весело подпрыгивал на дороге к храму.

Дорога шла в гору: храм стоял на холме. Пологие участки чередовались со ступенями.

Зачем вам ступени? – подивился профессор Рассольников. – Ведь вы не умеете ходить. А ползать или катиться по ступеням неудобно.

– Это традиция... Каждая минута жизни – ступень. Ступени нужны, чтобы об этих минутах помнить. Вот и храм. Старинное здание. Стоит уже тысячу лет. Без ремонта.

Здание действительно было грандиозное. Плоский купол, портик из восьми массивных гранитных колонн, циклопические стены. Не без трепета Платон ступил внутрь. Храм освещался сосудами с зеленоватой светящейся жидкостью. Ровные серые стены. Настолько ровные, что кажутся отполированными. Ни росписи, ни рельефов. Пол из желтоватых плотно пригнанных плит. Купол выкрашен синим. И на фоне синего – звезды... Алмазы? Платон поднес к глазам цифровой бинокль и едва не закричал от разочарования. Всего лишь какие-то морские светящиеся раковины.

– Но храм пуст... – заметил археолог, опуская бинокль.

– Конечно... – в горле Стато заклокотал смешок. – Имен-

но. Почему-то все люди считают, что в наших храмах полно сокровищ. Но боги невидимы. Они тут... – Стато махнул рукой, и перчатка слетела. – Вот Корман тоже допытывался, нет ли где алмазов. Кто-то рассказал ему, что в храме стоит алмазная статуя Нмо Невидимого и Всемогущего, бога неба. Он прилип ко мне, как минога, даже угрожал. «Где алмазная статуя, свинья?» – кричал Корман. Что такое «свинья»? Вы не знаете? Корман тоже не захотел объяснить.

– Почему он решил, что здесь должна быть алмазная статуя? – Атлантида с трудом подавил волнение.

– «Невидимый», «прозрачный» и «алмазный», – одно и то же на эгейском языке.

– И давно храм пустует? – спросил небрежно профессор Рассольников, решив не объяснять Стато, что за животное «свинья», тем более, то сам Платон никогда этой «свиньи» живьем не видел. Пробовал как-то свинину. Помнится, жирный кусок, обжаренный до аппетитной корочки, очень вкусный. И безумно дорогой...

– Да храм всегда был пустой. Как построили, так и стоит. Мы Нмо именуем «Невидимый и Всемогущий», а людям чудится – «алмазный». Уж не первый такой путаник алмазы ищет, клянусь прибоем.

Ну что ж, еще одна ложная легенда, как Хрустальный лабиринт. Пустоты времени, заполненные человеческой фантазией.

Они вышли наружу. Атлантида как бы между прочим два-

жды обошел храм. Нет ли под храмом сокровищницы, куда ведет замаскированный вход? Ничего подозрительного Платон не заметил. Присел на ступени храма. Со скалы открывался прекрасный вид на лежащую внизу долину. За нею плескался безбрежный Океан.

– Я хочу осмотреть тот дом под красной крышей, – археолог указал на виллу возле самого берега. Почему он остановил свой выбор именно на этой крыше, профессор Рассольников сказать не мог.

– Этот дом не для осмотра. Это резиденция архонта Крто.

– Так заглянем архонту в гости.

Стато обеспокоился.

– Вас пригласили? Крто пригласил вас?

– А как же! Крто был так любезен. Сказал: «В любое время дня и ночи».

– Крто так и сказал?.. – Видимо, лицо под драной маской стража так исказилось, что сама маска задергалась и приобрела совершенно идиотское выражение.

– Я же сказал– «любезный Крто», – со смехом отвечал Атлантида. – Идем, идем! Он будет рад.

Дверь им отворила женщина. Ее маска, так же отлично сделанная, как и у Крто, создавала полную иллюзию смуглого личика без пятен ожогов. Правда, личико не слишком красивое по нынешним человеческим стандартам Галактики. Вздернутый носик и пухлый рот придавали женской маске наивно-детское выражение. Черные густые локоны парика

были тщательно расчесаны и покрыты лаком. На руках перчатки выше локтей – темная бахрома какого-то изысканного наряда скрывала линию перехода от перчаток к подлинной плоти. Однако дама была при оружии – маломощный бластер «арминий» она держала заткнутым за поясок из металлических пластинок и колечек. В отличие от средств передвижения стражей ее кресло-антиграв было в полном порядке. При виде гостей она поднялась чуть выше, чтобы лицо ее было вровень с лицами археолога и сержанта.

– Привет! – сказала она звонким голосом. – Я – Имма. Женщина Крто. И, кстати, тоже страж, как Стато. Что-то случилось? Вам нужна помощь?

Стато почему-то занервничал, потер пятно на лбу. И... оторвал кусок кожи.

– Почему ты не купил новую маску? – обеспокоилась Имма. – Ты сожжешь себе лицо, Стато!

– Подождет, – буркнул тот. – С долгами бы рассчитаться...

– Ты увлекаешься! – она нарисовала пальчиком перчатки в воздухе крест. Знак осуждения – догадался Платон.

– Этих господ пригласил Крто... Но я... не могу их оставить ни на минуту.

Имма внимательно посмотрела на гостей. Что она испытывала при этом, какие эмоции – не понять. Маска все скрывала. Но что-то испытывала. Потому что застыла в своем кресле на пороге неподвижно, и лишь переводила взгляд с сержанта на археолога и вновь на сержанта.

– Может, ты угостишь нас пивом? Да и перекусить неплохо, а то мы оголодали, – заявил Стато, хотя они ели пару часов назад.

– Ах да, конечно. А у вас есть с собой гостевой взнос?

– Гостевой взнос? – Атлантида сунул руку в карман и извлек несколько пластиковых жетонов. Меж ними застрял пропуск. Имма тут же его выхватила.

– Это пропуск, мой пропуск... – Профессор Рассольников вспомнил строгие наставления архонта.

Имма несколько секунд внимательно рассматривала голограмму.

– Я вижу, – сказала она, наконец, по-прежнему не отрывая глаз от пропуска. – Вижу и... проверяю. Я же – страж.

– Все в порядке?

– Виза таможни присутствует. Голограмма Службы Безопасности тоже.

Она небрежно махнула рукой сверху вниз, бросила Платону пропуск, а у него из пальцев все так же ловко выхватила пару пластиковых жетонов. И тогда, наконец, впустила гостей.

Весь центр внутреннего помещения занимал огромный бассейн. Слева располагались какие-то комнатки, отгороженные кожаными занавесками. Справа вдоль бассейна помещался длиннющий стол. За стол хозяева и гости усаживались прямо в своих креслах-антигравах, так что сидений вокруг стола опять же не нашлось. Людям пришлось стоя пить

пиво и заедать какими-то копчеными коричневыми кусочками. Если судить по запаху – морепродукты. Но очень даже съедобные.

– Мы будем вести раскопки на шельфе острова Волка, – сообщил Дерпфельд. – Говорят, там много развалин.

– Остров Волка? Мерзкое место! – Имма передернула плечами совершенно по-человечески. – Мерзкое... Из эгейцев постоянно там никто не живет.

Ее космолингв был великолепен, даже лучше, чем у Крто. Хотя акцент все же чувствовался.

– Стато, будь добр, принеси пиво, – попросила она и хлопала эгейца по затылку.

Стато тут же помчался на кухню. Кухня была за одной из кожаных занавесок.

– И долго вы пробудете на планете? – спросила она, понижая голос так, чтобы страж не услышал.

– У нас разрешение на два месяца работ, – невольно профессор Рассольников тоже заговорил шепотом. – Это очень мало. Но таков договор.

– И все время на острове Волка?

– Немного там... немного здесь... Хотим осмотреть шельф возле Вдохновения, – Платон старался говорить с легкой небрежностью, как будто предстоящие работы мало для него значили. Так, рутина, и все проводится для галочки. Ну, придумали обмен... Ну, выполняют договор... а зачем? Скажите на милость – зачем?

– А еще где? – Имма едва слышно шевельнула губами.

– Я бы покопался вокруг Дальнего... – продолжал профессор. – Но Крто запретил...

Она спешно опустила голову, так что черные локоны парика засыпали лицо.

– Нет, туда – нет... Не надо... – шепнула она. И вдруг схватила археолога за руку. Что-то в этом жесте было совершенно неожиданным.

– Если вы проникнете на Дальний, вас убьют.

– Убьют? Кто?

– Стадо... там появляется стадо... – прошептала Имма, по-прежнему не поднимая головы, будто боялась взглянуть Атлантиде в лицо. Что может означать подобная манера поведения эгейцев?

– Вранье! – заявил Дерпфельд довольно громко. Имма вздрогнула и оглянулась. – Стадо опасно лишь во время гона. А до этих дней еще далеко. Я теперь это знаю.

– Да, далеко... но... – Она глубоко вздохнула. – Есть другие... они откололись от стада и живут... там... и могут убить. В любое время.

«Врет, сочиняет буквально на ходу, – решил Платон. – Но зачем?»

– Да не пойдем мы на Дальний, не волнуйтесь... – пообещал археолог. – Нельзя, так нельзя...

Имма явно еще что-то хотела спросить, но не успела: наружная дверь со скрипом поднялась, и в комнату влетел Кр-

то на своем стульчаке-антиграве. Тут только Платон вспомнил, что хозяин их не приглашал. Однако профессор не расперялся, воскликнул радостно:

– Рад, что мы вас дождались! Осматривали дворцы принца, ну и к вам заглянули. Уж больно люблю стиль космического модерна. Не могу пройти мимо. Не могу и все. Когда у меня будет дом на Старой Земле, то непременно именно в стиле космомодерна!

«Разве это космомодерн?» – было написано на физиономии Дерпфельда. Он даже рот открыл, чтобы спросить. Но промолчал. И сунул в рот кусок морепродукта. И даже что-то изобразил губами. Кажется, улыбку. И тут же кинулся льстить:

– Восхитительный дом! Только истинный художник мог создать такое! Я потрясен. Клянусь Галактикой, я потрясен!

Несомненно, в первую секунду Крто, увидев гостей, готов был зарычать от возмущения. Но лезть его обезоружила – маслом разлилась по волне гнева, и наместник лишь буркнул:

– Надеюсь, дорогая, гости не все пиво вылакали?

– Пива еще три бутылки, – заявил Стато, выползая с кухни, держа бутылку под мышкой. – А рыбка у Иммы восхитительная. Как всегда.

– Я восхищен... – вновь попытался подольститься сержант.

– Рад, что вы оставили мне немного, – буркнул Крто и,

подлетев к бассейну, выпрыгнул с кресла прямо в воду, окатив гостей фонтаном брызг.

– Они не просто так, они гостевой взнос внесли! – крикнул Стато, наклоняясь над самым бассейном.

Архонт вынырнул, забрал у Стато бутылку пива, глотнул и нырнул назад в воду. Если бы эгейцы принимали участие в Галактической Олимпиаде по плаванию, то все призы достались бы им – с такой скоростью Крто рассекал воду, прижав руки к телу и пользуясь лишь хвостом. Вода так и кипела вокруг него. Наплававшись, он выпрыгнул из воды и шлепнулся на бортик. Тут же встал на раздвоенный хвост, и... вся его удивительная ловкость пропала. Он неуклюже подпрыгивал и рисковал в любой момент потерять равновесие, добираясь до своего кресла-антиграва, которое оставил слишком далеко от края бассейна. Очувившись, наконец, в кресле, он подлетел к столу. Залпом выпил из раковины-стакана пиво и внимательно посмотрел на Имму. Потом перевел взгляд на Дерпфельда. Потом – на Платона. Однако ничего не сказал и ни о чем не спросил. Маска его оставалась совершенно бесстрашной. Лишь в глазах вспыхнули синие зловещие огоньки.

– Профессор Рассольников, я заглянул на сайт МГАО, – голос Крто звучал странно – то ли уважительно, то ли насмешливо. – Ваше имя упомянуто тридцать один раз. Поменьше, чем мидий на затонувшей барже, но все же...

«А ведь он – гадина», – подумал про себя Атлантида.

– Но вот имя Дерпфельда... я не нашел... то есть нашел, но в разделе «земная археология». Некий Вил Дерпфельд раскапывал Трою после Шлимана. Странно, не так ли? – Странно, что этот эгеец что-то слышал про Трою, Шлимана и Вила Дерпфельда. Бред...

– Ничего странного, – и не подумал смущаться сержант. – Я в археологии новичок – практикант профессора Рассольникова. Так что неудивительно, что обо мне на сайте МГАО нет ни слова.

– Вы взяли себе псевдоним? – продолжал допытываться Крто. Как-то незаметно следователь и подозреваемый поменялись местами. Теперь архонт, уже не скрываясь, допрашивал копа.

– Нет, это мое подлинное имя. А с тем Дерпфельдом обычное совпадение.

– Вы староваты для практиканта. Уж скорее господину Рассольникову по годам больше подходит эта роль.

«Мерзавец!» – опять же мысленно выругался Атлантида.

– Я не сразу пришел в археологию, – продолжал выкручиваться сержант. – До этого я был военным летчиком. Но потом решил сменить профессию. Можете проверить. Мое имя до сих пор числится в списках астронавтов запаса Лиги. Ах, извините, у вас наверняка нет доступа к этим файлам.

– А-а... – протянул Крто и вдруг ослабил напор. – Что же вы сразу не сказали! – в голосе его послышалась досада. Но он тут же попытался эту досаду скрыть, и изобразил любез-

ную человеческую улыбку. Довольно правдоподобно изобразил.

– Думаю, мы еще встретимся, и не раз, – тут же попытался отыграться сержант. – Ведь мы не можем безвылазно сидеть на острове Волка. К тому же, без вашей помощи нам никак не обойтись.

Крто промямлил нечто неопределенное. При всем желании его слова нельзя было принять за любезное приглашение.

– Я рад, что ваш дом открыт для нас в любое время дня и ночи, – беспардонно заявил профессор Рассольников. – Но мы не будем злоупотреблять вашим гостеприимством.

– А я что, должен жить на этом гнусном Волке, пока они копают шельф? – возмутился вдруг Стато. – И где жить? Там же никто не живет. Можно утром проснуться, а от твоего хвоста останется один скелет – крабы за ночь обглодали.

– Возьми с собой жилой блок, – посоветовал Крто.

– Жилой блок уплыл во время прошлой экспедиции, когда этот Корман нас всех кинул, как дохлых рыбин.

– Вы знакомы с Корманом? – очень ловко встрял в разговор Дерпфельд. Хотя имя Кормана Стато уже упоминал.

Имма глянула на Крто. В глазах ее был не испуг – ужас... Руки задрожали, и она спешно их стиснула. Крто, заметив это, положил свою ладонь на ее два сжатых кулачка. Жест – явно подражание человеческому, но на человеческий мало похожий: Крто будто муху прихлопывал. Да, а если дру-

гой император введет моду подражания внешности и манерам разумных тиранозавров, бедным эгейцам придется срочно переучиваться.

– Корман вел раскопки, – сухо сказал Крто. – Стато его сопровождал. Господин Корман пробыл на острове Волка месяц, потом уехал.

– Он ничего не нашел, – спешно добавил Стато. – Ничегошеньки. – И залпом допил из раковины пиво. – Выдохлось, зараза...

– Стато! – укоряюще воскликнула Имма.

– А в чем дело? Пиво выдохлось... я сказал – зараза. Зараза – и камень... То есть точка – как говорят люди. В нашем языке – камень и точка – одно и то же слово. Уронить камень – значит, поставить точку...

– А что раскапывал Корман? – прервал Дерпфельд, неумелую попытку Стато увести разговор от неприятной темы.

– Затопленные руины вокруг Волка. Но там, на шельфе ничего нет. Совершенно ничего, клянусь прибором!

– Зачем же тогда нас вы туда посылаете? – спросил Платон.

У Стато побелел нос, он умоляюще глянул на Крто.

– Там много развалин и много старинных построек. – В отличие от Стато, архонт не собирался смущаться. – Но нет

драгоценных металлов. А господина Кормана интересовало только золото. К сожалению. Он не обращал внимания на предметы эгейской культуры. Уверяю вас, там остались развалины многочисленных храмов. Здания, акведуки, часовни, дороги, склады. Что вас интересует?

– Альфреда Кормана зверски убили, вы знаете? – вдруг спросил Дерпфельд.

Эгейцы застыли. Будто их накрыло десятым валом – так говорят на Эгеиде – здесь десятый вал – самый высокий. Имма тихо ахнула. Стато поднес к губам свою раковину и сделал судорожный глоток, позабыв, что его раковина пуста. В огромных черных глазах Крто вновь вспыхнули синие нехорошие огоньки.

– Нет, не знал, – признался архонт. – Но рад это слышать. Рад, что он сдох. – В горле у наместника булькнуло – что означало короткий смешок.

– Убили? – переспросила Имма. – Но как же... – Она поначалу поразилась, потом вздохнула, – как показалось Платону – с облегчением. То есть, если бы Имма была человеком, Платон принял бы этот вздох за вздох облегчения.

– Я веду расследование убийства, – продолжал Дерпфельд, не снижая напора, но уже чувствуя, что какой-то важный момент упущен и вряд ли что-то ценное можно вытянуть из Крто. А Имме или Стато архонт не даст говорить – он достаточно умен. Сержант пожалел, что не сумел поговорить с Иммой наедине. – Мне сказали, что вы с ним поссорились.

– Вы меня подозреваете? – в глазах Крто мелькнула нескрываемая насмешка. Его человекоподобие раздражало.

– По моей версии его убили эгейцы. Так что я подозреваю всех жителей планеты. Но пока никого конкретно. Я могу подозревать всех: Стато, Имму, вас...

– Он хотел контрабандой вывести раковины, – неожиданно заговорила Имма и дерзко с вызовом глянула в лицо Дерпфельду. – Я как страж пыталась его задержать. И он оказал сопротивление.

– Он ударил вас? – уточнил Дерпфельд.

– Он... он... оскорбил. Словесно.

– Она – моя женщина. Единственная женщина, – Крто произнес слово «единственная» каким-то невозможным визгливым голосом. И вновь хлопнул Имму по руке, будто припечатал очередную муху. – Я никому не позволю ее оскорблять.

Рассказ Иммы и Крто был правдив. Вернее, почти правдив. Что-то они не договаривали. Несомненно. Платон это понял. Понял и Дерпфельд. И как показалось, и Крто догадался без труда, что ему не поверили.

Но Альфред Корман вез с планеты только раковины. И ничего больше. Как раз это было правдой.

– Стато, сколько у тебя жен? – спросил сержант, когда люди покинули не слишком гостеприимный дом архонта.

– Пока одна. Но на следующий год возьму новую. Непременно. Приходится экономить на всем.

– Даже на масках, – подсказал Дерпфельд.

– А маски, между прочим, дорогие, – обиделся Стато. – Импорт. Причем спецзаказ для Эгеиды. И всегда не хватает. Записываемся в очередь. А если без очереди – то надо пере-плачивать. Хорошо, через Крто можно достать без доплаты.

– Что ж не достал? – поддел его Атлантида.

– Он достал... – было видно, как под старой маской у Стато задергался нос. – Но я новую маску перепродал. Кредиты были нужны...

Смотритель гостиницы был стар, толст, неповоротлив, и едва умещался в кресле. Кресло под ним не взлетало – лишь подпрыгивало на несколько мгновений, что позволяло смотрителю перенестись через пару ступеней и вновь опуститься на каменные плиты. Маски смотритель не носил – на макушку он напялил трикотажный колпак с прорезями для глаз. А нос и щеки он припудрил мелом, защищаясь от солнца. К старости у эгейца выросли усы – короткие, торчащие во все стороны, очень жесткие и рыжие.

– Эти гости – мои друзья, – сообщил Стато смотрителю. – Помести их на лучшие койки и не забудь, в гостиницах не требуется гостевой взнос.

– Помню, – пробурчал старик. – Завтрак за мой счет. А обедают и ужинают пусть, где захотят. Есть какие-нибудь по-

желания?

– Мы пока не оборудовали свой домус-блок, так что связи у нас нет. Нельзя ли на полчаса арендовать ваш комп, чтобы выйти в Интернет, – спросил Дерп-фельд.

Старик, казалось, не понял, о чем его просят.

– Комп? – пробурчал он. – Откуда у меня комп? С чего он взял?.. Сервисюга? – он вытащил из-под драного свитера сервисный медальон. – Так по моей ни с кем переговариваться нельзя. Она лишь пищит, если шторм идет сильный. Да еще начинает верещать, когда заплывешь в запретную для тебя зону.

– Мне нужен компьютер. Вы, наверняка, заказываете белье и стулья для гостиницы и... уж не знаю, что еще вам нужно, через Интернет.

– Все нужное я покупаю на жетоны, когда брат Морива вместе с самкой притянут к берегу свою передвижную баржу. А чтоб не ошибиться, заказ делаю заранее. А то они в прошлый раз притащили какое-то старье гнилое, чтоб их десятым валом накрыло...

– Комп, подключенный к Интернету, есть только у Крто, – объяснил Стато. – Разумеется, когда на остров Вдохновения прибудет принц и его люди, они привезут свои компы. Но сейчас в межсезонье связи ни у кого нет. Да и не нужно это нам. Сами посудите, зачем? У стражей переговорники на одной волне работают, а прочим и такие безделки без надобности.

– Так уж и ни у кого! – не поверил Атлантида, просто потому, что такому заявлению вообще было трудно поверить. – Наверняка кто-нибудь тайком...

– Официально только у Крто, – заверил Стато. – Идемте, я выберу для вас лучшие койки. И не забудьте утром потребовать завтрак, а то останетесь голодными.

Наверняка Стато надеялся остаться на ужин, но его поторопились выпроводить. В отличие от эгейца, люди были не голодны. Зато и Платону, и сержанту срочно требовалось выпить.

Они были единственными постояльцами, но никто не спешил их обслужить. Не было ни портье, ни горничных, не нашлось даже отдельных номеров. Их койки стояли в большой общей комнате вокруг мелкого бассейна, наполненного мутно-зеленой водой. От воды пахло, как повсюду на Эгеиде – морем и водорослями. Низенькие металлические кровати с матрацами из кожи какого-то морского животного, набитые сухими водорослями, пронзительно скрипели при каждом движении. Маленькие подушечки из искусственного хлопка (явно импортного) набиты птичьим нежнейшим пухом (явно местным), почему-то все время соскальзывали на пол.

– Что ты думаешь обо всем этом, Вил? – вопрос Платон задал, не слишком надеясь на ответ.

– Тут на каждом шагу загадка. И все что-то скрывают. Бреген, Крто, Имма... Все.

– Почему нас не пускают на остров Дальний?

– С этим островом что-то связано такое... – глубокомысленно произнес Дерпфельд. – Но связь должен углядеть ты, интеллектуал. Что будем делать?

– Вести раскопки. Якобы. Дней пять я повожусь на шельфе вокруг острова Волка. Прикину что и как. А потом надену плотный костюм и отправлюсь в сторону Дальнего. На какой глубине меня не обнаружат сканеры Брегена?

– Метров пяти хватит. Ты вполне сойдешь за эгейца.

– Эгейцы куда крупнее.

– За молодого эгейца.

– А как мы избавимся от Стато?

– Очень просто. Попробуем подкупить. Насколько я понял, это не слишком трудно...

– Странно... Почему Корман оскорбил жену архонта? Насколько я помню, он не был хамом. Напротив – нормальный бабник. Или Крто потребовал с него слишком крупную взятку?

– Тут какая-то неувязка... ты интеллектуал... – напомнил Дерпфельд.

– Разгадка, скорее всего, довольно простая. В разговоре с представителями другой расы можно оскорбить незаметно. То, что для людей естественно, для них может стать смертельной обидой. Космопсихология сталкивается с этим на каждом шагу.

– Теперь я это знаю, – удовлетворенно заявил Дерпфельд, как будто сообщил о зачислении на свой счет новой сотни

кредитов.

– Возможно, Корман так же плохо изучил нравы и обычаи эгейцев, как и мы.

– Я изучил, – заявил Дерпфельд. – И весьма основательно.

– Да? Тогда скажи мне, что значит «единственная женщина»? Он что, за всю жизнь никого больше не трахал? У некоторых рас это принято. Но вряд ли у эгейцев. Насколько я знаю, они держат гаремы.

– И то правда: на Эгеиде развито многоженство. Представители высшего класса обычно держат по пять-шесть, а то и около десятка жен. Чем солиднее положение эгейца, тем больше его гарем. У Крто положение довольно высокое. Но у него единственная жена. Обычно одну жену имеют рядовые стражи. Такие, как Морив. Какой ты делаешь вывод?

– Пока никакого... Может быть, Крто – гомосексуалист, и держит жену лишь для виду. Ведь, кажется, у них нет детей?

– Логичное объяснение. Особенно, если учесть, как эгейцы чадолобивы. Но ты видел, как у архонта горят глаза, если разговор заходит об Имме? Держись от нее подальше, а то ненароком Крто тебе голову оторвет. Хотя в обычное время года эгейцы – безобидные и тупые существа.

– Что-то этот Крто мне не кажется таким уж безобидным.

Снаружи из бассейна доносились радостные крики и плеск воды: эгейский молодняк купался перед сном. Выглянув в окно, Атлантида насчитал десятка два детей и подростков. Младшие были куда больше похожи на людей – ли-

да почти человеческие, а щупальца напоминали удлиненные пальцы. И ручки были – очень коротенькие, однако локотки вполне заметны. С годами все это пряталось под слой мышц и жира, пальцы превращались в ленты-щупальца, лица вытягивались...

– Хорошая планета, – сказал Платон. – Но мне почему-то здесь не нравится.

Ночью, прихватив с собой фонари-невидимки, маленький землесос, сканер, мини-бур и лопату, археолог и сержант покинули гостиницу. Всю дорогу к храму бежали трусцой. Потом долго лежали на холодных плитах, пока сканер ползал по стенам и полу в поисках тайника или замурованного входа. Ничего. Никакого намека на дверь или тайник. Храм в самом деле был пуст. Но что тогда означали намеки Кормана на алмазы? И за что ему заплатили десять миллиардов?

ГЛАВА 4

ОСТРОВ ВОЛКА

Документ 4.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Данные о вооруженных силах планеты соответствуют информации, которой располагает СБГ. Войска сухопутного базирования состоят из наемников, в большинстве своем гуманоидов. Около двадцати процентов личного состава составляют негуманоиды с планет замедленного развития. Ни самих эгейцев, ни людей в составе войск нет. Численность личного состава не более ста тысяч. Военно-морской флот на планете практически отсутствует, что само по себе удивительно. Имеется несколько старинных линкоров, снабженных устаревшим оружием, и корабли сопровождения. Все они закуплены и привезены на планету после выработки ресурса на планете Нерей-2. Однако правительство Эгеиды упорно выдает эти старинные корабли за свои собственные. Службу на кораблях несут также наемники. О подводных лодках и подводных военных городах информации нет, хотя их существование не исключено. По неподтвержденным данным из самих эгейцев сформирован отряд пловцов-диверсантов. Обороноспособность планеты

в основном определяют военно-воздушные силы. Они располагают небольшим потенциалом и базируются на насыщенных или плавучих аэродромах и космодромах. Многочисленные отряды так называемых стражей несут исключительно полицейские функции. Стражи состав ляют уважаемую прослойку, хотя чиновники и бизнесмены Столицы привыкли относиться к стражам свысока. Существует также полувойенное формирование веселиста Слокса, назначение этого отряда неизвестно. Предположительно, этот секретный отряд базируется в Столице и располагает несколькими десятками самых современных глайдеров. Прошу особо обратить внимание на зоны, совершенно не поддающиеся сканированию. Передаю их местоположение на карте Эгеиды.

И все же Рай был щедр – даже по райским меркам. Свою лже-экспедицию он снабдил не только домус-блоком, оборудованием и компьютерами, но и новеньким глайдером. Машина была не хуже, чем у Ганса Брегена. Когда Стато увидел глайдер, то запищал от восторга.

– Двадцать кредитов... – бормотал Стато, поглаживая лентами-щупальцами сверкающую поверхность. – Двадцать кредитов...

– Что? – не понял профессор Рассольников.

– Подарите мне двадцать кредитов... ради этой прекрасной машины... иначе я не выдержу... умру... двадцать кредитов... Или сердце разорвется...

Двадцать кредитов пришлось отдать – чтобы вылечить

сердце эгейца.

Когда они поднялись с глайдерской площадки Вдохновения, обогнули остров, миновали новый шельф и уже летели над старым, то увидели внизу на фоне изумрудной воды сетчатую загородку. В ней плескались огромные пестрые рыбыны.

«Дохлые рыбыны», – подумал Платон.

– Что это? – спросил археолог.

– Кладбище, – отвечал Стато. – Внутренности мы вынуждены сжигать, чтобы болезнетворные бактерии не попали в воду. Но сжигать все тела слишком дорого, и мы их скармливаем молодым броненосцам. На берегу из уважения к старинным обычаям хоронят кусочек щупальца.

Понятно теперь, откуда эта пестрота: черная или коричневая кожа, белые слои сала, нежно-розовое мясо. А вон и броненосцы – их острые роговые клювы так и мелькают в розовой пене. Серо-зеленые панцири покрыты пупырчатыми наростами.

– А что потом делают с броненосцами?

– Убивают и едят. Их панцири идут на экспорт. На Южном архипелаге есть мастерские, где из костей панцирей делают украшения и шкатулки. Родственникам умерших, сдавших труп на утилизацию, платят по десять кредитов.

– Первая планета, где похороны приносят прибыль. А императора тоже скормят после смерти броненосцам? – поинтересовался профессор Рассольников.

Стато глянул на него в ужасе.

– Тела членов императорской фамилии сжигают целиком, пусть удостоюсь я хоть раз в жизни созерцать красоту их лиц. В Столице есть императорский крематорий. Все чиновники в чине императорского советника и выше, а также члены их семей кремируются.

– А тебя съедят? – поддел стража Платон. Но тот не обиделся. Во всяком случае, не подал виду.

– И меня. Я завещал десять кредитов за мое тело архонту. Но Крто тоже съедят. Если он не пойдет на повышение в Столицу. Но он не пойдет.

– Ты не веришь в своего начальника?

Стато смутился – принял насмешку археолога за чистую монету.

– Мне бы хотелось. Но Слокс не любит Крто. И потому для архонта прибой разбивается на Северном архипелаге.

– А кто такой Слокс? – вступил в разговор Дерпфельд, до этого делавший вид, что дремлет в кресле глайдера. Даже подробности погребального культа его не пробудили.

– Слокс? Веселист...

Внутри глайдера Стато сидел без маски. Нос у него побелел. Нос у эгейца – все. Бледнеет, когда эгеец пугается, дергается – когда смущен. И очень болезненный. Если бить, то непременно в нос. Сейчас Стато испугался. Причем сильно.

– Веселисты? Ты их боишься? – настаивал сержант. Со Стато он не церемонился, как с его начальником.

– Их все боятся. – Стато явно не хотелось говорить на эту тему. – Если они хотят кого-нибудь наказать, то идут на кладбище и покупают молодого броненосца. Кладбищенцы специально растят броненосцев без брони. Их кличут червями. После того как червь делает свое дело, его легко убить. Без брони червь очень уязвим. Если прошло сообщение, что выпущен червь, все сидят на берегу и ждут, пока его кто-нибудь уьет.

– Покупают? – переспросил Платон. – А другие, что, не могут купить червя?

– Могут, конечно. Кладбищенцы любому продадут – ограничений нет. Но даже у стражей не хватает кредитов купить червя. Черви очень дорогие. Архонт мог бы... Говорят, архонт южного архипелага постоянно покупает червей. Но Крто – нет.

– И как власти смотрят на эти торговые операции?

– Кладбищенцы – очень сильны. Эгеида слишком от них зависит. Если бы ни они, все эгейцы давно бы умерли от пандемий. Кстати, вблизи островов броненосцев нет, а вот в открытом Океане их надо опасаться. В Океане броненосцы всегда опасны, жуть как опасны – забормотал Стато, пугаясь в словах космолингва, как в неудобной одежде. – Они все видят и всегда... от них не укроешься. Их броня вся покрыта кальцитовыми кристаллами. Это такие микроскопические линзы, которые все вместе работают, как цифровая камера. Заметит, достигнет, уьет.

Профессор включил увеличение на боковой двери. И увидел, как броненосец одним ударом рассек выпотрошенный труп эгейца надвое. Раскрылась огромная пасть, клюв отъехал назад, вперед выдались три ряда разнонаправленных зубов. В палевой пасти исчез огромный кусок жирной рыхлой плоти. Мертвой плоти. Платон содрогнулся.

После того, как кончились все имена Нереид, Данаид и их мужей, по третьему разу поименовали Гигантов и Титанов, планеты стали называть, как кому в голову взбредет. Названия были самые удивительные. Популярен был древнеегипетский, так появилось сразу три планеты под названием Кемет. Кто-то пытался пустить в ход ненормативную лексику, но это безобразие комиссия Лиги Миров быстро прекратила. Местные самоназвания договорились не использовать: и так в космолингв просачивались словечки из многочисленных галактических языков, причем совершенно непроизносимые человеческим языком и режущие человеческое ухо. Все моря, материки, океаны, страны, острова и островки Старой Земли дали названия обитаемым планетам. Будто Земля чудесным образом разрослась до размеров Галактики, каждой своей клеточкой породив новый мир. Все эти Британии, Галлии, России невольно вызывали слабые вспышки ностальгии у потомков авантюристов, преступников, идеалистов, цини-

ков и любителей древностей.

Но планета Эгейское море наречена была отнюдь не случайно. Во-первых, почти всю поверхность планеты занимал Океан, и лишь крапины многочисленных архипелагов пятнали виноцветную воду. Во-вторых, тому, кто впервые попал на эту планету, непременно приходило на ум что-то древнее, и непременно классическое: мрамор, развалины и корабли с тяжелыми алыми парусами. Вот на тех двух островах должны сидеть в засаде Сцилла и Харибда, собирая кровавую дань; там – петь сладкоголосые сирены; здесь из зарослей выйдет Полифем и швырнет вслед убегающим гостям огромный камень. Что-то из детства, причем всеобщего – той юности человечества, когда и своя-то планета была неизведана, и каждый островок казался обиталищем чудищ, страшной и сладкой загадкой. Потом выяснилось, что чудищ на Старой Земле нет, а самые свирепые животные беззащитны перед главным зверем – человеком. И Земля превратилась в маленький шарик, населенный маленькими людьми, которым всегда и всюду тесно.

Пламя Конкисты не опалило Эгеиду. Она без сопротивления вступила в Лигу, послушно шла на уступки, сохраняя упорно лишь право жить по своим канонам, не допуская посторонних на свои острова. Эгеида относилась к нейтральным государствам. Но за это свое право планете пришлось дорого заплатить. Компания «Гибрид» тут же внедрилась в мягкое, незащищенное тело эгейского мира и начала

усиленными темпами разработку металлов на старом шельфе. Местные жители не сопротивлялись и не защищались – они покорно поступили в распоряжение компании. И вскоре хищные щупальца «Гибрида» объяли беззащитную планету, и хищные челюсти намертво впились в драгоценные породы шельфа.

За прошедшие двое суток со дня прибытия на планету Платон постарался хоть немного изучить прошлое Эгеиды. Впрочем, изучал он довольно однонаправленно, интересуясь одним вопросом: какая из находок Кормана могла стоить десять миллиардов? Особое внимание Платон уделил алмазам. Сии камешки на Эгеиде водились, но отнюдь не в больших количествах. К тому же самый крупный из найденных был около пятисот каратов. Неплохой орешек, но... Десять миллиардов за него не дадут.

Храмы, храмики, подводные города... Где же успел пожить Корман?

Постепенно профессора Рассольникова охватывала археологическая лихорадка. А вдруг и он найдет нечто ценное? Ведь Корман пробыл на планете месяц – и сумел. Неужто он, профессор Рассольников, не сможет?

Впрочем, данные по планете были весьма неполными. Чего стоит справочник, в предисловии к которому написано: «При подготовке книга несколько сокращена. Так, опущено описание подводных объектов, исключены разделы, посвященные псевдоакулам и броненосцам, поискам золота и со-

кровищ на новом шельфе, описание проекта „Молох“, осуществление которого заморозила Лига Миров. Небольшие сокращения произведены и в других разделах книги».

Замечательно! И что же осталось?! Впрочем, практически все сообщения по Эгеиде сопровождаются милыми примечаниями: опубликовано с сокращениями. К примеру, справочник по многочисленным островам Эгеиды: берем остров Дальний, и что же...

«Относится к классу диких островов, археологические объекты имеются, но не изучены...»

Исчерпывающая информация – ничего не скажешь.

Надо непременно попасть на Дальний...

На карте было написано «Пергам». Карл Хуманн нашел в Пергаме алтарь и заявил, что открыл целую эпоху в искусстве. Он считал свою находку «самым большим, оставшимся от древности произведением искусства»... А что если Корман тоже обнаружил какой-то древний алтарь? Такой же совершенный, как пергамский? А почему бы и нет?

На Эгеиде можно найти все, что угодно. Здесь менялись культурные эпохи. Была эпоха сухопутного развития, когда эгейцы жили на суше, а на поверхности планеты было восемь материков, связанные друг с другом цепочками перешейков. Потом ледники растаяли, вода затопила большую часть суши, и эгейцы ушли в море. Множество памятников оказалось под водой. Впрочем, для метаморфизовавшихся обитателей Эгеиды все они были доступны. Однако эгейцев по-

чему-то не интересовало их прошлое. Титаны Возрождения строили свои здания из обломков римских зданий, еще в девятнадцатом веке Колизей использовали как каменоломню. А сколько лет на территории Турции пережигали на известь античный мрамор?! Так и эгейцы разламывали остатки своих прежних строений, если те мешали их нынешнему образу жизни. К своему прошлому они относились с каким-то нарочитым равнодушием. Больше всего археологических находок не там, где культура более древняя, а там, где в исторической ткани случались разрывы. Когда наступают темные века, ветер времени дует особенно рьяно, я песок беспмятства замечает целые эпохи. Подлинный рай для археологов – где ни копни, везде находки и сокровища. Знай только копай без усталости...

А если в самом деле здесь отыщется алтарь наподобие Пергамского? Мысленно Платон уже видел заголовки в Интернете: голограммы вываливались в его кабинет и кружили в воздухе...

«Эгейский алтарь, раскопанный профессором Рассольниковым. Самое большое произведение искусства в Галактике»...

Стоп! Что-то не сходится... Десять миллиардов... Пергамский алтарь... Между этими двумя точками был слишком долгий путь. Нужны еще какие-то указания. Корман – любитель загадывать загадки – непременно их оставил. Должен был оставить. Но где?

К утру рисунок с обоев осыпался желтоватой пылью и устлал пол легким пухом. Домус-блок был автономный, он медленно дрейфовал вокруг острова Волка, на высоте двух метров над водой, и осторожное роптанье волн под полом прерывалось порой всплесками выскакивающих из воды рыб. Несколько любопытных особей сумели взлететь так высоко, что угнездились на подоконнике, а одна сквозь открытую раму заползла в комнату и теперь прыгала среди обойной пыли, обвалившаяся слипшимися желтыми катышками.

Платон сквозь сон слышал эти влажные шлепки, прерывающие его утреннюю дрему. Наконец он вскочил, схватил обваленную в пыли рыбину и вышвырнул за окно. Остров Волка, освещенный косыми лучами восходящего светила, казался в эту минуту засыпанным снегом: стаи огромных белых птиц расселись по ветвям так, что зелени почти не было видно. В утренних лучах оперение птиц сделалось бледно-розовыми. Первой мыслью было: как красиво. А второй: какой толщины слой птичьего помета образовался на крыше Домуса? Платон усмехнулся. Даже на такой планете, как Эгейское море, слишком много дерьма. И с этим ничего не поделаешь. Кто-то им питается. В Океане дерьмом кормится планктон. Планктон поедает рыбки, рыбок – рыбищи, рыбищ ловят столь многие, что и перечислять не стоит, ну а на вершине пирамиды утвердились на мощных хвостах псевдоакулы и броненосцы. Ах да, он забыл впихнуть в эту пи-

раמידу эгейцев. А куда их поставить? На вершину рядом с броненосцами? Им там будет неуютно. Но и низшей ступени они вроде как не заслужили. Вот же проблема: для разумных нет места. Они везде и нигде. Лишние. Тогда поставим памятник Уму и на вершину сей шаткой, но высокой колонны взгромоздим жителей Эгеиды. Пусть немного подумают над своим местом в этом мире.

Волки на Эгеиде исчезли давным-давно. Многие со смелой эпох исчезло без следа, но никто из эгейцев из-за этого не страдал ностальгией. Хотя, может, поначалу страдали. И потому эту часть материка, что осталась на поверхности, называли островом Волка.

Судя по всему, здесь было весьма многолюдно в прежние времена, а ныне никто не желал селиться. Развалины – свидетельства прежнего процветания – попадались повсюду.

– Нет охраны, вот никто и не желает оставаться на этих скалах, – пояснил Стато. – Раз в пять лет стадо непременно сюда прорывается. Когда я был здесь в прошлый раз с Корманом, то нашел пять полуразложившихся трупов. Представляете?! Мне пришлось их срочно утилизировать. Да еще проводить дезинфекционную обработку камней. После Семнадцатой Эгейской пандемии мы боремся с Океаном за каждый труп, – не без гордости заявил страж.

– Но вам заплатили по десять кредитов за каждый, – напомнил Платон.

Археолог и сержант немного побродили по острову, еще

точно не зная, что будут делать. Повсюду торчали острые зубья полуразрушенных стен. Прибрежная полоса была завалена рухнувшими сверху камнями, осколками колонн и не выдержавших тяжести времени сводов. Выше, на террасе, куда нынешние эгейцы редко забирались, громоздились развалины фундаментов, и еще выше шла полоса буйной зелени. Над зелеными кронами кружили птицы. Платон огляделся. На горизонте через равные промежутки поднимались вверх фонтаны воды. Как будто стадо китов плыло друг за другом на определенном расстоянии, плыло, но никуда не могло доплыть: это Бреген добывал на старом шельфе несметные сокровища Эгейды. Уж там точно речь идет о миллиардах... Может, стоит поискать разгадку в конторе Брегена? Только вряд ли господин Бреген позволит.

Но если вокруг островов Северного архипелага Океан был прозрачным, то на пляжи острова Волка мутные волны выносили мельчайшие черные и черно-фиолетовые частицы. Передвижная шахта «Гибрида» на старом шельфе работала слишком близко.

«Такое море и так засрать!» – подумал Атлантида с неожиданной злобой. И неприязнь к эгейцам вдруг всколыхнулась мутной волной.

– Послушай, Стато, вы, стражи, следите за трупами... А почему не следите за работой Брегена?

– За Брегенем следят веселисты. Проблемы с «Гибридом» стражей не касаются. Архонт Крто однажды разговаривал с

Брегенном, но прибыли веселисты, и Крто замолчал.

Профессор Рассольников зачерпнул горсть влажного песка вместе с черным порошком:

– Ты не находишь, что плохо следят?

– Плохо... – согласился страж. – Но веселисты, стражи, Бреген – это целый лабиринт, каждый идет по своей галерее.

– Эгейцы любят лабиринты?

– Любят жизнь! – Стато забулькал, то есть засмеялся. – А, вы не поняли! Лабиринт и жизнь на эгейском – одно и то же слово. Так что получается каламбур.

Археолог кивнул, давая понять, что оценил шутку.

– И что нужно, чтобы выйти из лабиринта? – поинтересовался Атлантида.

– Как что? Надо иметь цель...

Стато отказался жить вместе с Платоном и Дерпфельдом в их летающем доме и обосновался в автономном блоке на берегу. Он подчеркнуто держался на расстоянии, давая понять, что лезть в каждую мелочь не собирается. Содержать «своего» чиновника оказалось не слишком хлопотно. Впрочем, этот пункт был скорее условный: каждый день Стато притаскивал из моря штук пять или шесть солидных рыбин, потрошил виртуозно, скинув перчатку с шуйцы и зажав в каждом щупальце по лезвию, а потом Платон жарил рыбу в гриле до-

мус-блока, и все трое пообедали. Здешняя рыба сильно горчи-
ла, на всякий случай люди глотали после еды экотаблетки, а
Стато поглощал пиво из водорослей.

На третий день профессор и сержант решили отказаться
от здешних морепродуков: очередную рыбину пришлось вы-
бросить в Океан: есть ее было невозможно. Птицы тут же
слетелись на дохлятину. Платон наблюдал за кормежкой в
цифровой бинокль. У каждой второй твари был искривлен-
ный клюв, у каждой третьей – розовые наросты дикого мяса
на грудке и шее, у каждой пятой одна лапка короче другой
или заканчивалась обрубком.

А ведь теплое ласковое море – это буквально золотое дно.
Райский уголок по природным данным не годится Эгеиде в
подметки. Но Бреген тоже считает, что дно здесь золотое –
буквально. А Гринпис и Экологический комитет Лиги Ми-
ров как будто не видят, что творит «Гибрид». Но как сказал
сержант Дерпфельд, пусть экологией занимаются импотенты
и лесбиянки, да еще – гермафродиты. А нас интересуют рас-
копки, только раскопки и еще – кто убил Кормана.

– А где вел раскопки Корман? – спросил профессор Рас-
сольников у стража.

Эгеец повертел головой, прикидывая, где же работал
предыдущий искатель древностей.

– По-моему, там! – Он, наконец, ткнул перчаткой в сторо-
ну выдававшегося в море мыса. И перчатка в очередной раз
слетела с его «руки». – У вас есть какой-то план раскопок?

Мне бы лучше с ним ознакомиться заранее... – впрочем, он не настаивал.

– Обожаю изучать артефакты *in situ*², – заявил профессор Рассольников.

– Бойтесь медуз, – предупредил Стато. – Это вам не острова Блаженства. Здесь множество ядовитых огромных шаров. Мы называем их «кара подводная».

Сканирование с воздуха без труда выявило под водой массив затонувшего города. Центральная часть отделена от остальных развалин лентой каменной стены. Квадратики на месте жилых районов, кружки – за стеной в центре. Рассматривая изображения, Платон почувствовал знакомое нетерпение. Сокровища должны быть здесь – в этом профессор почти не сомневался. Неважно, кто убил Кормана, главное, что он сумел найти. Атлантида был уверен, что таинственная находка – это сокровища одного из многочисленных храмов. Скорее всего, алмазы. Пусть Дерпфельд думает, что раскопки служат лишь прикрытием следствия. Алмазов сержант не получит – уж об этом Атлантида позаботится.

Платон погружался. Только что слышался рокот идущих к берегу волн. И вот плеск исчез. В ушах – звук лопающихся пузырей. А внизу зеленая поляна, и мерное колыхание листьев создает иллюзию безопасности. Лучи света пронизывают воду. Однако вода мутновата. И травы умирают. Галька перемешана с песком и ржавыми листьями, а волокнистые

² *In situ* (лат.) – на месте. Археологический термин.

останки трав усеивают дно. Стайки желтых и красных рыбок что-то настойчиво ищут в морской траве, не обращая внимания на человека. Миг – и они кидаются наутек. А между пучками трав остаются клубки серебристых иголок с белыми пушистыми венчиками на концах. Эти клубки живые – они медленно ползут по гальке в поисках пищи.

Вот маленькое существо, покрытое густой шелковистой шерсткой. Этакая подводная мышка. Так и хочется погладить. Платон протягивает ладонь и тут же отдергивает. Боль пронизывает руку до локтя. То, что казалось гладкой шерсткой, на самом деле острейшие и тончайшие иголки. Профессор плывет дальше. В лицо ему ударяет маленький взрыв, археолога окутывают клубы красного и синего дыма – это вросшие в дно плотные коричневые существа, похожие на камни, выбрасывают в воду миллионы яйцеклеток и спермы. Жизнь... Жизнь повсюду. Даже в этих отравленных водах.

А вот огромный красный цветок, похожий на земную розу. Сорвать и подарить Елене... Миг, и лепестки перестраиваются; уже нет прекрасной розы – есть черный зев хищника, окруженный острыми зубами. И голубая рыбка, беспомощно взмахнув хвостом, исчезает в черной глотке.

И, наконец, медуза, та самая, о которой предупреждал Стато. Огромный прозрачный шар, по ребрам которого, переливаясь, бегут дорожки разноцветных огоньков. Так и хочется ухватиться за гроздья курчавых хвостиков. Не надо! Вот черная рыбка небрежно проплывает между ядовитыми

щупальцами. Своя... Глупая красно-желтая безмятежно следует за товаркой. Легкий укол, и желто-красная обездвижена, оплетена и готова для переваривания фиолетовыми пузырями внешнего желудка.

Костюм-адаптер с регулятором газовой смеси позволяет легко погружаться на глубину пятьдесят метров. Пока не стоит забираться так глубоко. На глубине десяти метров на шельфе нетрудно различить целый ряд геометрически правильных рельефов. Несомненно – это останки затопленного города. Сейчас археолог плывет над жилыми кварталами. Кроме стен, покрытых толстым слоем известковых отложений и нанесенного за долгие годы ила, – практически ничего. Где же центр древнего города с храмами? Ага, вот и стена. Она метра три шириной. В водах более теплых ее бы сплошь покрыли кораллы, а здесь лишь зеленая вуаль водорослей колеблется вокруг древней кладки. За стеной храмики, похожие на взломанные соты. Лепятся один к другому. Профессор постарался справиться с волнением. Сотни и сотни лет каждый род собирал сокровища в своем храме. Этаким древний родовой сейф. Сосед почтил своего бога. И я почту. Алмазы, золото, скульптуры... И теперь их надо только забрать... Красивая теория... Но...

Подводный детектор не реагировал. Платон переключал его с режима на режим. Напрасно! Агрегат упрямо не желал ничего сообщать. Даже керамика – ох уж эта керамика! – не попадалась. Платон ощутил противную пустоту разочарова-

ния, потом его охватила злость. Черт возьми! В любом ограбленном храме всегда можно найти что-то. Или почти всегда. А тут ничего! Профессор очистил землесосом один храм, второй, третий... Метод варварский, ибо мелкие и хрупкие предметы тут же превращались в пыль. На берегу Платон проанализирует все попавшее в лоток землесоса.

Атлантида покинул центральную часть и вновь поплыл над развалинами жилых кварталов. Вон там что-то торчит из ила. Оказалось – обломок пластиковой канализационной трубы. Какая ценная находка! Профессор поднял ее. Из трубы вылезло и пустилось наутек существо с множеством фиолетовых щупальцев. Следом наружу посыпались полупрозрачные удлиненные зернышки. Всего лишь мальки, сотни, тысячи мальков, у которых теперь нет шанса выжить. Настоящая сокровищница, которую археолог разорил.

За спиной мелькнула чья-то тень. Атлантида повернулся. Стато проплыл мимо как ни в чем не бывало. Сбросил перчатки, маску, оставил кресло на берегу. Теперь он в своей стихии. Нелепо человеку пытаться обнаружить сокровища под водой, если эгейцы могут легко и без всяких приспособлений обшаривать дно. Здесь сотни лет подряд промышляли жители Эгеиды. Находили скульптуры, посуду, монеты, любой осколок их тонкие щупальца могли извлечь из песка. Да, эгейцы равнодушны к своей древней культуре. Но не равнодушны к металлам, и значит, могли поднять все ценное... а неценное в процессе раскопок уничтожить. Платон

поплыл дальше. Стато – за ним. С помощью подъемника-антиграва Платон сдвинул одну из каменных глыб. Под ней сохранилось несколько деревянных обломков. Но едва он прикоснулся к одному из них, как кусок дерева превратился в густое черное облако. Фундаменты, однообразные, похожие друг на друга. Что такого, стоимостью в десять миллиардов, мог отыскать Корман в этих эгейских клетках?

На каменную плиту Платон сразу обратил внимание. Участок дна покрывал гладкий песок и посреди – эта плита, то ли сброшенная сюда кем-то, то ли перенесенная нарочно. На плите – ни наростов, ни ракушечника. Возможно, наросты какие-то были, но... Их счистили. На камне даже в мутноватой воде можно было различить рельеф: фигуры дерущихся воинов. Два войска шли друг на друга. Каждый воин стоял за другим в плотном строю, все вместе – маленькая армия, монолит. Так изображали войска рельефы древних египтян. Этот эгейских рельеф, несомненно, хранил следы архаики. Из тел воинов, что стояли впереди, торчали обломки то ли дротиков, то стрел – не поймешь. Или это морская вода изъязвила каменные тела не хуже стрел? Теперь уже вряд ли можно найти ответ. Время расправляется прежде всего с мелочами. И потому археологи так ценят именно мелочи. Те, которые гуманоиды или негуманоиды в своей повседневной

жизни никогда не замечают. Вот, к примеру, этот значок над головой одного из воинов – при первом взгляде похож на клубок ниток... Но, может быть, это изображение кометы, увиденной воинами в день гибели – дурной знак для одних, символ победы – для других.

И тут Атлантиде почудилось, что на него сверху движется что-то. Он поднял голову. На дно опускалось тело эгейца. Эгеец тонул? Платон изумился. Разве может эгеец утонуть? А вокруг тела судорожно извивались щупальца, бурые клубы вспухали и тут же таяли в воде. Тело коснулось дна... Археолог увидел, что из груди эгейца торчит металлическая полоса... Платон подплыл ближе. Меч с длинной неудобной рукоятью. А темные клубы в воде – это кровь... Эгеец был проткнут насквозь. Атлантида поднял голову. Наверху мелькали тени. Пять или шесть. Они кружили друг за другом. Блеснуло что-то... Еще одна вспышка. Мечи? Там, на поверхности, происходило сражение. Ну и ну! А еще Дерпфельд утверждал, что эгейцы в этот период безобидны.

Один из бойцов нырнул в глубину и поплыл, яростно работая хвостом. Он несся, как торпеда. За беглецом устремились сразу двое. Остальные продолжали кружить у поверхности. Платон счел за лучшее отплыть подальше: в силе и ловкости под водой состязаться с эгейцами ему не стоило. Другое дело суша. Один из преследователей настиг беглеца и ударил мечом. Не слишком профессионально – удар рассек лишь кожу и жир на загривке. Беглец перевернулся в во-

де, бурое облачко окутало тело, бесчисленные щупальца исполнили хаотический танец, но в следующий миг раненый поплыл дальше. А преследователи притормозили. Атлантиде это очень не понравилось. Особенно, как они переглядывались и подавали лентами-щупальцами знаки друг другу... Наверняка они переговаривались с помощью жестов. Археолог не знал, что делать: пуститься наутек? Или ожидать удара и... Морды эгейцев, лишённые масок, выражали что-то похожее на удивление. Но вряд ли эти двое были удивлены. Они оскалились, обнажая отнюдь не мелкие зубы, и поплыли на Платона, постепенно набирая скорость. У каждого в лентообразном щупальце был зажат самодельный меч с длинной рукоятью. Атлантида прицелился в того, что плыл впереди, из бластера. Эгеец заметил нацеленный в него «фараон» и вильнул в сторону...

Тут кто-то ухватил археолога за руку. Платон обернулся. Стато обвил щупальце вокруг его запястья и тащил за собой. Взмах человеческих ласт, удар эгейского хвоста, и они пустились наутек. Бессмысленное бегство. Их преследователи были куда проворнее. Платон хотел выстрелить, но Стато тащил и тащил его за собой, а рука археолога оказалась намертво захлестнута лентой щупальца. Они пытались пробиться к берегу. Археолог обернулся. Эгейцы были уже близко. И, главное, отрезали их от острова. Один преследователь вновь намного опередил другого. Клинок в его щупальцах довольно широкий, и острие кажется не особенно острым, закруг-

ленным даже. Таким клинком надо рубить, а не колоть. Но силы эгейцам, как видно, не занимать. Все семь щупальцев единым жгутом сплелись вокруг рукояти. Мгновение – и меч вонзится Платону меж лопаток. Атлантида перехватил бластер в левую руку и нажал на спусковой крючок. Но где же луч? Нажал на крючок еще раз и еще... Все с тем же эффектом. В этот момент Стато отпустил его руку. Платон отшвырнул бластер и выхватил нож. Вновь эгеец устремился в атаку. Махнул мечом. Но так медленно и так неумело, что археолог сумел ускользнуть от удара. И, поднырнув, вонзил нож эгейцу в горло. Ленты-щупальца раненого задергались в конвульсиях. Но некогда было наблюдать за агонией – второй преследователь был рядом. Атлантида нырнул – там, внизу, он оставил свой землесос. Археолог успел добраться до агрегата прежде эгейца. Теперь включить и... Сразу поднялось густое облако ила. Платон повернул сопло и направил на преследователя. Мощная труба вмиг засосала морду эгейца. Атлантида подплыл и ножом отсек щупальце вместе с мечом. Потом остальные укоротил наполовину и... лишь после этого выключил землесос. Эгеец рванулся к поверхности – запас воздуха в его легких давно иссяк. Платон, держа в одной руке трофейный меч, в другой нож, поплыл к берегу. Стато тут же присоединился к нему. Его щупальца изображали что-то похожее на победный танец. Археолог вынырнул на поверхность. Совсем рядом кипела белая пена прибоя. Берег был каменистый – крупная галька и повсюду валуны. Воз-

можно, эти камни – обломки прежних строений. За годы и годы волны прибоя обкатали их, превратив в гладкие бесформенные болванки. Платон выбрался из воды и присел на камни, сдернул маску адаптера. А что если остальные сейчас кинутся к берегу и... Ну уж на суше Атлантида им покажет! Из волн высунулась голова эгейца. Платон усмехнулся. Лучше расправиться с тварью сразу, пока он не добрался до кресла-антиграва. Мощное тело уже ползло по гальке, не обращая внимания на кипящую вокруг белую пену. Да это же Стато! Платон вздохнул с облегчением.

– Как ты их... как ты их... – восторженно бормотал Стато, на брюхе выползая на берег.

Тут археолог заметил парящего над водой в кресле-антиграве эгейца. Кресло было цвета морской волны, бронежилет, перчатки и маска – тоже. Даже волосы у эгейца были под цвет моря и напоминали водоросли. Незнакомец рассматривал поверхность Океана в какой-то прибор. Затем повернулся и принялся изучать Платона и Стато. Что делать, если этот тоже кинется в атаку? Хорошо, если с мечом... А если с бластером? Незнакомец убрал прибор и стал снижаться, явно направляясь к археологу и его спутнику.

– Что ему надо? – спросил Атлантида и поудобнее перехватил рукоять меча. Нож он уже вложил в кармашек-ножны на плече.

«Что если метнуть нож?»-мелькнула мысль. Платон не был уверен, что сможет попасть в шею – метать нож в бро-

ненагрудник не имело смысла.

– Он сейчас выразит тебе восхищение, – уверенно шепнул Стато.

Подлетев, зеленелицый резко осадил кресло и сказал на ломаном космолингве.

– Мгмо... всхищн...

Как ни странно, Стато оказался прав. Далее эгеец заговорил на своем языке. Стато переводил:

– Мгмо в восторге от действий великого воина. Великий воин так легко несет прибой смерти. Мгмо нижайше просит разрешения измерить интеллект великого воина.

– А если я откажусь? – Археолог разозлился. Его чуть не прикончили, а этот зеленолицый собрался измерять интеллект потенциальной добычи.

– Мгмо умоляет не отказывать ему в такой малости. Великий воин должен быть... – Стато задумался, подбирая подходящее слово. – Великодушен...

– Ну, хорошо, – профессор Рассольников согласился. – Но я и так могу сообщить...

– Нет, нет! Мгмо умоляет разрешить ему собрать данные о вашей превосходной личности.

– Кш-кш... – завершал эгеец.

Эгеец протянул археологу квадратный приборчик – и Платон узнал в нем универсальный измеритель К, правда, устаревшего образца. Впрочем, отвечать на вопросы не нужно – надо лишь приложить датчики к виску. Что профессор

и сделал.

– О! – восхищенно выдохнул Стато. А Мгмо залепетал на своем эгейском. Одно слово Платон узнал.

– Кш-кш... – лепетал пораженный эгеец. Что означало «восхищен, восхищен!»

Тем временем участники сражения по одному выбирались на ближайшие камни. Вытащили за собой и два трупа. Один – тот, что был убит в самом начале своими, второго прикончил Атлантида. Следом появился пострадавший. Он успел обмазать обрубки щупальцев какой-то дрянью, и теперь с них сочилась не кровь, а густая лиловая жидкость.

– Смерть, – прошептал Стато. Нос у стража побелел. И здоровяк-эгеец юркнул за спину профессора. – Такой легкий прибой смерти... Легкий прибой... легкий прибой... Больше не будет ступеней... ни одной ступени...

Мгмо извинился и полетел к потрепанному воинству. Из горла его рвались одни шипящие.

– Кажется, наш великолепный Мгмо разъярен, – заметил Атлантида с усмешкой.

– Он говорит, что его солдаты должны драться, как ты. Ты – великий воин. Это видно по твоему 10.

– Никогда не думал, что 10. определяет именно это... А еще говорят, что эгейцы агрессивны лишь в брачный период. В остальное время они милые тихие существа.

– Это так... – подтвердил Стато. – Застрыв в лабиринте, лучше не ссориться. Я предпочел бежать, а не драться.

– Ты туп, Стато, – эти слова Платон произнес с особым удовольствием. – Как мы могли удрать от эгейцев? Я плаваю куда медленнее. Нас бы непременно настигли. А у тебя одна рука сращена с бластером. Почему ты оставил бластер на берегу вместе с перчаткой? Ведь ты страж!

Лицо Стато – он был без маски, но все равно Платон именова́л лицом его морду – приобрело жалкое выражение.

– Я никогда не стрелял из своего оружия. В нем и батарей нет. Они стоят дорого, а разряжаются даже без стрельбы за три месяца.

– Но ты же страж! Зачем тогда тебе «фараон»?

– Для устрашения. Стражу положено.

– А эти ребята тыкали друг в друга мечами всерьез. И меня собирались прикончить.

– Они не стражи...

– Ах, вот как! И кто же они?

– Веселисты...

Платон вспомнил о выброшенном за ненадобностью собственном бластере.

– Ну-ка, Стато, достань со дна мой «фараон»! – приказал археолог тоном инквизитора – была когда-то на Старой Земле такая нужная профессия. – И поскорее. А то пожалуюсь на тебя Крто.

Страж пронзительно взвизгнул и пополз в кипящую пену прибора. Тем временем потрепанный отряд Мгмо, забрав с собой трупы и раненых, погрузился в воды Океана и от-

был в неизвестном направлении. Сам Мгмо полетел на своем стульчаке над самыми гребнями волн. Теперь Платон разглядел сине-белый глайдер, висящий Довольно далеко от берега. Ветер усиливался. Потемневшие волны уже все были увенчаны белыми наверхьями. Волны, накатывая, бежали все дальше и дальше, выбрасывая на берег камешки и пустые раковины. Вот какую-то тварь красную, семилапую, швырнуло на камни, вот волна вынесла к самым ногам археолога прозрачный камешек и поползла назад, утаскивая ажурными белыми щупальцами гальку в Океан. Археолог поднял преподнесенный Эгеидой подарок. И глазам своим не поверил. Он держал в пальцах алмаз. Не так чтобы очень большой, но... Каратов на пятнадцать будет. Платона с головой накрыла жаркая волна, кровь забилась в ушах. Он спешно спрятал дар Океана в кармашек на поясе и вскочил. Побежал вдоль кромки прибоя. Пена кипела вокруг его ног. Когда очередная волна отступала, археолог впивался взглядом в гальку. Вон там прозрачный камешек. Нет, показалось. Всего лишь отполированный волной кусок кварца. А вон там осколок стекла. Набежавшая волна сбила Атлантиду с ног. Он пополз к берегу, зарываясь пальцами в смешанный с камнями песок. Алмазы! Где вы... Его вновь накрыло и едва не утащило в Океан... И тут он пришел в себя. Нельзя подавать виду. Стато сейчас вернется – он не должен ничего заподозрить. Профессор Рассольников добрался до полоски сухого песка и сел на камень.

Так что же получается? Сокровища храмов существовали? Тогда почему храм Нмо стоит на скале совершенно пустой? А вдруг эгейцы выкинули собранные дары в Океан, пытаясь умиловить морского бога, когда моря наступали? Именно. Отняли у небесного бессильного божества и отдали всемогущему морскому...

Платон судорожно сглотнул. За какой-то месяц Корман отыскал алмазов на десять миллиардов! Невероятно! Раз Океан так легко расстаётся со своей добычей, там, на дне, должны быть несметные сокровища. Археолог провел ладонями по лицу, пытаясь успокоиться. Будем надеяться, что людская мимика для эгейца не слишком понятна.

А тут и Стато вынырнул. Приполз и отдал Атлантиде оружие. Так и есть! Батарей в бластере не было.

– Твоих рук дело?! – спросил сурово профессор.

Нос у Стато задергался. Смущен! Так смущен, что и словами не выразить. При этом страж не опустил в смущении голову, как это сделал бы человек, а преданно, по-собачьи смотрел в лицо Платону.

– Зачем?! – возмутился археолог.

– Чтобы ты не подстрелил меня ненароком. «Чтобы уравнять наши шансы», – уточнил Атлантида.

– Разве ты не должен меня охранять?

– Должен... Но кто знал, что мы встретимся с веселистами? Раньше они на этом острове никогда не появлялись. А если бы вы нашли что-то интересное, вы бы попытались из-

бавиться от меня.

– Интересное? Что ты подразумеваешь под словом «интересное»? И что здесь можно найти? Дно как будто вымели.

– Корман, он тоже ругался. Нырнет, поплавает, и ничего не достанет. Он даже землесос перестал с собой брать. И все больше времени просиживал в таверне. И... – Стато запнулся.

– И?

– А потом уехал...

Хитришь, Стато! Но хитрость твоя не стоит и кредита!

– Однако я кое-что нашел в отличие от Кормана. И ты сможешь поднять находку.

– Что нашел? – обеспокоился Стато. Нос побелел. Наверняка подумал про алмазы.

– Старинная плита лежит на дне. Плита с рельефом.

– А, плита... – Стато хрюкнул. Похоже на человеческий смех. Но Платон был уверен, что Стато не смеялся. – Плита – пожалуйста. Сейчас... Где?

Эгеец тут же нырнул. Пришлось лезть за ним и показывать, что именно поднять из воды. Иначе бы Стато, стараясь услужить, перетаскал бы на берег половину развалин затопленного города. Археолог при этом внимательно осматривал дно. Где могут быть остальные алмазы? Что если камни разбросаны хаотически по дну? Вряд ли... Должно быть какое-то морское хранилище, и профессор Рассольников его найдет.

Дерпфельд удивился. Не разыграл удивление, а именно удивился, слушая рассказ Платона о странном сражении. На что это могло быть похоже? На военное Учение, – вот первый ответ, который пришел на ум бывшему военному летчику. Учение, где сражаются на мечах?! В тридцатом веке! Глупая шутка! Уж скорее, это ролевая игра, местная планетная забава. И потом, все твердят о мирном нраве эгейцев. Что они безобидны, покорны, никогда никому не возражают. У них не было войн... И вдруг – мечи и сражение насмерть без видимой причины.

Профессору Рассольникову надоели постоянные заявления о мирных эгейцах, которые никогда не держали в руках оружия. Археолог бесцеремонно вытащил Дерпфельда из компьютерного кресла и повел в столовую. На полу лежала поднятая со дна плита с рельефом.

– Что скажешь? Я нашел ее сегодня на новом шельфе. Видишь – эгейцы дерутся. И не просто дерутся, а воюют. Убивают. Плита древняя, а рельеф – нет. Похоже на подражание или копию какого-то старинного изображения. Причем копию довольно точную.

– На основании одного рельефа ты разработал целую теорию?

– Я усомнился... Одного рельефа для сомнений вполне

достаточно. А ты говоришь совсем как профессора Галактической Сорбонны.

Платон взял цифровую лупу и принялся рассматривать рельеф. Да, из груди воина, того, что справа, торчит обломок копья или дротика. А у его противника над головой значок. Если рассмотреть внимательно, похоже на цветок с восемью лепестками... Или четыре знака бесконечности. Вряд ли у эгейцев этот значок означает то же, что у людей. Но некую непрерывность, или какую-то сложную систему – вполне. Линия одновременно замкнута и связана узлом. Описывая восьмерку, ты совершаешь слишком сложные движения, невольно хочется задуматься: что это значит? Священные щиты Древнего Рима имели такую же форму. Залог непобедимости, неуязвимости. Знак вечности.

А может быть, на Эгеиде повсюду растут цветы с восемью лепестками? Спросить у Стато? Но вряд ли страж силен в ботанике.

Про алмаз Платон ничего Дерпфельду не сказал. Сержанту совершенно не обязательно знать. И Стато – тоже. В конце концов алмаз – это не археологическая находка.

ГЛАВА 5

ПОСЛАНИЕ КОРМАНА

(продолжение)

Документ 5.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Как и Корман, гости могут напасть на след Джи-джиду.

Полагаю, что их жизнь в опасности. Объект активизировался. Срочно требую подкрепления. Ждать дольше невозможно. Шахтерские работы проходят вблизи опасной зоны.

Так, чтобы Дерпфельд не заметил, и Стато не засек, Платон проанализировал находку. Он не ошибся. Алмаз пятнадцать с половиной каратов.

Атлантида едва дождался утра – бежать на берег и... Но о поисках нечего было и думать. Океан не на шутку взъярился. Мрачные, почти черные валы, волоча на горбах узорные пенные сети, неостановимо катились под днищем домус-блока. Пришлось поднять домус выше – пол сделался мокрым от летящей пены. Когда пошел дождь, задраили все окна и входные люки. Ветер выл в ветряках, заряжая генераторы. Дом Развернулся к ветру своей узкой стеной, но все равно Дрейфовал, все дальше и дальше уплывая от острова Волка. Два-

жды приходилось включать двигатели и возвращать домус на прежнее место. Платон расхаживал по дрожащему жилищу и ругался сквозь зубы. Ему представлялось, как волны выносят на берег груды алмазов. Несколько раз он заглядывал в ангар и с сомнением смотрел на глайдер. А что если... Нет. Буря тут же сметет легкую машину. Пришлось заняться делами прозаическими. Голограмму найденной плиты отослали зрителю музеев в Столицу.

Ждать обиднее всего, когда ты в двух шагах от цели. Вместо того чтобы собирать на берегу алмазы, как грибы, Платон бессмысленно бродил по Интернету, побывал на сайте бредовых идей археологии, послал письмо Елене, у профессора Биттнера спросил, что тот знает об Эгеиде. Профессор мило улыбался и говорил: «Ничего, мой друг!» Потом тахионная связь прервалась, и стало совсем невмоготу. А тут еще Стато (весь день он, повинувшись приказу архонта, сидел на кухне и присматривал за своими подопечными), разинул пасть и запел. Платон ворвался с «фараоном» на кухню и пригрозил пристрелить эгейца, если тот немедленно не заткнется.

– Мы всегда поем, когда Океан ярится, – сообщил Стато. – Разве ты не чувствуешь, что в такие минуты надо петь. Мы слышим его песню, он должен слышать нашу.

Перед стражем на столе лежал клочок пластика, и на нем нацарапаны какие-то значки – все стрелочки и кружочки.

– Что это? Донесение? – Платон схватил кусок пластика.

– Да нет... – Нос эгейца задержался – смущен, значит. – Так, для себя записываю. Кое-что ваше... – Стато по своему обыкновению с собачьей преданностью глянул в глаза. – Как вы злитесь, глядя на Океан. Бегаете по дому туда-сюда, туда-сюда и злитесь. Это так... необычно...

– А вы, эгейцы, не злитесь?

– Только в период гона.

– И Крто не злится?

– Крто – архонт. Он генерирует в себе злость. Без злости нельзя быть архонтом. Самое трудное для архонта – контролировать злость.

Профессор отложил «фараон» и уселся напротив Стато.

– А слово «злость» имеет в эгейском двойной смысл?

– Конечно! В нашем языке все слова имеют несколько смыслов. «Злость» и «соль» обозначаются одним словом.

Одно из свидетельств древности языка. Кто знает, может быть, официальная наука неверно трактует историю культуры Эгейды?

– А «соль» и «смысл» – не синонимы?

– «Смысл» и «воздух» обозначены одним словом.

На следующее утро шторм не прекратился. Черные горы воды с мрачным упорством рвались к неведомой цели. Из Столицы пришел ответ:

«Рельефу не менее двух тысяч лет. Представляет археологическую ценность. Просьба немедленно отослать в музей истории Эгейды. Взгляните на другие образцы древнеэгей-

ского искусства».

Две тысячи лет! Профессор прослушал сообщение дважды. Что за ерунда! Все анализы, сделанные накануне, показывали, что да, плита старинная, и ей действительно около двух тысячелетий. Но потом ее заново обработали и нанесли рельеф два десятка лет тому назад. Неужели в столичном музее не могут отличить такую примитивную подделку от подлинного артефакта?

Смотритель музея Столицы был так любезен, что прислал вслед за ответом сорок голограмм древних рельефов. Изображения на них были практически двух видов. Либо как на том, что нашел Платон: два войска сходились в сражении лицом к лицу. Либо рельеф изображал лежащего эгейца, пронзенного пиками. Тело выгибалось дугой, из рта струей хлестала кровь. Похоже на ассирийские рельефы: там лев, пронзенный стрелой, точно так же извергает из пасти поток крови. Над головой умирающего опять же был выбит восьмиллистник. Скорее всего, это обряд жертвоприношения. Профессор просмотрел все голограммы. Пожалуй, тема жертвоприношений даже популярнее, чем тема сражений. Позы умирающих эгейцев, пики и цветки над головами – все повторялось от сюжета к сюжету.

– А вдруг рельеф сделан под впечатлением фактов земной истории, – предположил Вил Дерпфельд.

– С каких это пор ты сделался специалистом по археологии? – съязвил Платон.

– Я и не знал, что не могу высказывать свое мнение.

– Интеллектуал в нашей маленькой автономной группе – я, – напомнил Атлантида.

– Ну, хорошо, теперь буду это знать. Отдашь им рельеф?

– Разумеется. Изображение я скопировал. А сама плита не многого стоит. Десять миллиардов за нее не получишь. Впрочем, они обязаны мне за нее заплатить. Половина найденного – моя. Так что пусть переведут кредиты на мой счет.

– Наша... – уточнил сержант.

Уже перед самым закатом тучи вдруг разорвало, разнесло во все стороны, и явилось чисто вымытое янтарное небо. Лепестки яркого сусального золота вмиг вспыхнули на изломах темно-синих валов. Океан уже не ярился – ворчал.

Утром пришло сообщение из Столичного музея. «Укажите номер счета, и вам переведут две тысячи пятьсот кредитов. Если обнаружите еще находки подобного класса, высылайте. Мы оплатим немедленно». Ого, за этот новодел предлагают такую сумму?

А что если ради смеха... Жаль – нет времени. А то бы Платон сам изготовил десяток таких рельефов и выслал этим «поклонникам древности» в Столицу. Поработаешь пару часов молекулярным резаком – и две с половиной тысячи в кармане.

Но у Платона сейчас куда более важные дела. С рассветом археолог уже был на острове Волка. Отправляясь на Эгиду, профессор Рассольников прихватил полевой детектор

для поиска драгоценных камешков. Запасливость – хорошая черта черного археолога.

В рабочем комбинезоне, волоча за собой солидную грушу блока питания детектора с антигравитационным донцем и выставив черный хобот искателя, археолог двинулся вдоль прибрежной полосы. Океан сегодня был тихий, пристыженный после вчерашнего буйства. Волн почти не было – к берегу медленно подкрадывалась сплошная масса зеленоватой воды. И лишь у самого берега являлась из зеленой стеклянности крошечная волна, вскипала белыми бурунчиками на гальке и ластилась к ногам.

Археолог прошел метр, другой, сотню. Ничего. Еще сотню. Он карабкался по скалам, обходил валуны, вяз по щиколотку во влажном песке. Не веря детектору, кидался собирать прозрачные камушки и находил осколки стекла, обкатанные волнами; кварц или обсидиан... И повсюду черный и черно-фиолетовый мельчайший песок, искрящийся в лучах светила. Порой черный налет образовывал волнистый узор на гальке и песке. Неведомо зачем Платон положил в пакет немного покрытого черным налетом песка. Алмазы упорно не желали больше попадаться. А ведь был шторм. Весь берег должен быть ими усеян, если гипотеза профессора Рассольникова верна. А тут – ничего. Вот какой-то черепок, вот осколок бутылки...

А вот явился Стато. Поскольку его раздолбанное кресло тут же увязало в песке, а дорог на острове не было, следить

за подопечным при раскопках на берегу стражу было не с руки. Привод-антиграв он берег, выбрался из кресла, немного поползал вслед за археологом по камням, несколько раз задал вопрос, что ищет профессор. Узнав, что осколки витражей, удивился, но не слишком, и, скинув перчатки, даже стал перебирать гальку, и нашел несколько гладеньких стекляшек. Находки он тут же вручил Платону и, преданно глянув в глаза, спросил, сколько кредитов все это стоит. Профессор присел на камень – дело шло к полудню, Атлантида изрядно притомился. Несколько минут смотрел на стекляшки в цифровую лупу, а потом тяжело вздохнул и выкинул находки в Океан.

Что же выходит? Тот алмаз – случайность? И можно так ползать день за днем и ничего не найти. Где-то на дне есть хранилище драгоценностей. Корман его нашел – но как? Платону ничего не приходило в голову. Ни одной самой завальной гипотезы. Однако весь остаток дня и весь следующий профессор Рассольников упорно топтался на берегу. Но ни одного драгоценного камушка волны не пожелали ему преподнести.

Черный песок, найденный на берегу – это продукт горения «крота». Еще его именуют суперархеологом из-за способности выгрызть огромные каверны в скальных породах. А потом можно подтаскивать землесосы и забирать все, что теперь оказалось на поверхности. «Крот» и внешне похож на крота – черная пузатая капсула полметра длиной, она горит

и в воздухе, и под водой. Всем хороша, но есть один недостаток: продукты горения страшно токсичны и на планетах земного типа или хотя бы пригодных для проживания строгой-ше запрещены конвенцией Лиги Миров. Если Бреген грызет старый шельф с помощью «кротов», то ему грозит сто лет одиночества на планете Алькатрас в камере размером три на полтора метра. Но если Атлантида сообщит через Интернет о своей находке, то на другое утро какой-нибудь броненосец полакомится выпотрошенным телом профессора и его друга сержанта. Не забудут и Стато, и Крто... И вообще всех, кто имел дело с наивным профессором. А что если Корман решил... Нет, Корман никогда не страдал приступами идеализма. И своей шкурой он мог рисковать только ради своего кошелька.

Сожалееюще вздохнув, Платон выбросил пакетик в воды Океана.

От поисков алмазов пришлось отказаться точно так же, как и от титула защитника природы. Оставалась одна перспективная тема: рельефы. И еще загадочный остров Дальний. Но до него надо было добраться...

Дерпфельд тем временем занялся Стато. Продажному стражу была предложена тысяча кредитов за то, что он останется на острове, пока профессор Рассольников немного займется своими делами вдалеке. Где именно – сержант уточнять не стал.

Стато неожиданно уперся.

– Нет, – заявил он твердо. – Вы наверняка на Дальний нацелились. Я вас туда не пущу.

– Две тысячи, – сказал Дерпфельд сурово.

Стато схватился за грудь, пытаясь унять биение сердца. Новая маска, новые перчатки, новое кресло-антиграв... Но страж пересилил себя и выдохнул все то же: «Нет». После того, как прозвучала цифра три тысячи, Стато упал с кресла. После цифры «четыре» захрипел, после «пяти» впал в ступор. И торг был прекращен. Несчастный страж очухался только к вечеру.

– А может быть, вы мне заплатите пятьсот кредитов за что-нибудь другое? – с робкой надеждой обратился он к Дерпфельду.

– За что?

– А что вам нужно? Я, к примеру, могу показать самые древние постройки. И там, на дне Океана, лежат несколько древних кораблей... Тоже могу показать.

– Ты их показывал Корману?

– Предлагал. Но он даже не захотел нырять. Но вы...

– Что такое нашел Корман? – заорал, выходя из себя, Платон и швырнул на пол пачку пластиковых жетонов.

Стато скинул перчатку и принялся отчаянно, всеми семью щупальцами, чесать голову.

– Ничего! – взвизгнул Стато. – Клянусь прибором и агато-демоном, он ничего не находил!

– Ты лжешь! Он нашел сокровища в храме на дне...

– Нет, клянусь, нет! – И, включив антигравитационный привод, Стато ринулся вон из домуса.

Платон еще раз обошел развалины на острове. Если верить материалам Интернета по Эгеиде, этим камням как минимум шесть сотен лет, и они относятся еще к Цивилизации Восьми Материков. Платон обследовал несколько неплохо сохранившихся стен. Но рельефов на них не было. Возможно, когда-то были росписи или картины, выложенные из ракушек. Но ветер и вода оставили лишь голый камень. Несомненно, прежние обитатели протоэгейцы обожали громоздить камни друг на друга, возводя башни и лестницы, ведущие в небо. Им нравилось скалы распиливать на куски и складывать вновь, как требовала их фантазия. Они любили форму как таковую и не терпели хаоса, колебаний, аморфности, суеты. Они резали и обтачивали камни, и строили так, что игла не могла протиснуться в старые швы. Но море подступило и разрушило все со своеволием стихии. Заметно, что кое-где кладку пытались восстанавливать, хотя небрежно и наспех: наступающий Океан заставил забыть прежнее искусство. Потом и это занятие бросили. Платон пытался представить, как это было, когда моря – тогда еще только отдельные моря – день за днем, год за годом упорно глодали материки? Что делали эгейцы? Строили дамбы? Или покорились судьбе и глухо роптали? Или пытались поднять на террасы оборудование своих фабрик, имущество и дрались за каждый клочок суши? Или увозили почву и засыпали

прежде голые скалы в надежде сбросить хоть частицу ускользающей жизни? Или покорились Океану – уже Океану – и позволили все уничтожить, изменить и следом изменились сами? Атлантида обходил стену за стеной, террасу за террасой. Вот здесь, возможно, покоятся остатки какого-то строения, что находилось гораздо ниже. Его по камням перенесли с затапливаемого берега. Перенесли, и даже начали строить, но бросили на половине. Эти массивные плиты фундамента и могучие контрфорсы, несомненно, очень древние. Они стояли здесь до того, как сверху возвели новое строение. Верхняя кладка достаточно прочная. Но кто-то пытался расширить проем в стене и вырезал лучом бластера здоровый кусок. А вот нижних плит не тронул. Платон встал на колени. Ему показалось, что на лежащей внизу плите можно различить рельеф. Археолог вытащил из кармана комбинезона футляр из искусственной кожи, достал молекулярный резак и автоматическую щеточку. Вмиг участок был расчищен. Рельеф когда-то занимал несколько плит. Теперь над ним громоздился кусок стены. И что представляла скрытая часть рельефа, понять невозможно.

А вот на открытой части ясно можно было различить голову эгейца, правда, куда более человекоподобную, чем у нынешних обитателей Эгеиды. Голова эта была утыкана то ли иглами, то ли стрелами, и возле каждой такой «иглы» вырезан какой-то значок. Платон сфотографировал кусок рельефа, а из стыка между плитами вырезал кусочек затвердев-

шего раствора. В древнем бетоне эгейцы использовали вулканический пепел, калий-аргоновый метод позволит установить древность этого рельефа.

Господь Бог любит подбрасывать людям кусочки головоломки: найдите, свяжите... А они, собаки, не связываются... не ложатся. Далекo слишком. И не хватает какой-то ерунды. Промежуточного камешка, на который можно наступить, чтобы перепрыгнуть от одного факта к другому. И пока этого нужного камешка нет, теории создать нельзя. И любая блестящая гипотеза так и останется гипотезой.

Калий-аргоновый метод утверждал, что напольной плите не менее пяти тысяч лет. Платон устремился назад, к стене. Не долго думая, раскидал и разрезал все плиты, что покоились над остальной частью рельефа. Ненужные камни сбросил вниз. Он чувствовал себя Шлиманом, который роет огромный ров посреди холма Гиссарлык и крушит на своем пути древние памятники, лишь бы добраться до «своей» Трои. К концу дня открылась почти вся плита. Два эгейца стояли друг против друга. А за их спинами контурами были намечены фигуры десятков других. Чем-то напоминало тот рельеф, что Платон нашел на дне Океана. Но здесь два войска не дрались. Хотя головы их правителей (предводителей?) и были утыканы иглами или стрелами, но эти странные «венцы» еще ни о чем не говорили. Два эгейца протягивали друг другу руки в каком-то ритуальном действе. На древнем изображении не было и намека на оружие. Нетрудно просле-

дить, что иглы исходят из какого-то одного центра, но что это за центр, узнать было нельзя: на этом месте пол заканчивался, дальше шел узкий карниз и обрыв. Плато внизу было усеяно обломками. Спуститься и поискать среди этих камней недостающие куски? Идея более чем фантастическая. Однако профессор Рассольников верил в свою удачу. Светило уже висело над самой кромкой горизонта, когда Платон, включив мощный фонарь, принялся обшаривать камни нижнего плато. С помощью антигравитационных шнуров он перевернул две или три плиты, но ничего не нашел. Никаких намеков на рельефы. И вдруг под одним из камней что-то блеснуло. Платон отвалил кусок рухнувшей сверху колонны и вытащил из расселины кусочек металла и обрывок кожи. Что это?! В руках у него оказался кусок ремня с гравитационной пряжкой. Голограмма была повреждена, но нетрудно было разобрать знак космоблота Лиги Миров. Откуда здесь этот ремень? Может быть, Корман обронил? Он обожал военную форму и всякие военные побрякушки. По этому поводу у Альфреда были даже неприятности с военными патрулями.

Так что означает находка этой пряжки? Только то, что Корман был здесь. Профессор еще раз осмотрел ремень. Одно странно: его друг побывал на острове совсем недавно, а кожа и даже пряжка пострадали так, будто валялись под дождями несколько лет. Но если ремень обронил не археолог, тогда кто же?

Платон вернулся на берег. Страж лежал наполовину в воде, оплетя многочисленными щупальцами камни вокруг. Набегавшие волны обдавали его пеной. Солидный Стато булькал и шипел в такт волнам.

– Что ты делаешь, Стато? – спросил археолог.

– Чувствую море. И воду. И воздух. Живу... Прохожу шаг за шагом свой лабиринт... То есть свою жизнь.

Страж выгнулся, как тот эгеец на голограмме. В спину ему упирались камни, в лицо били лучи заходящего светила. А если и там, на рельефе, эти странные иглы – световые лучи? Дар бога Нмо людям? Лучи протыкают, как копья, хлещет кровь... Но разве лучи могут убить?

В этот день и Платон, и сержант отказались от даров моря и предпочли пищевые таблетки и уплотненные продукты в капсулах. Стато один умял пойманную рыбу, предварительно счистив мерзкие красные наросты на ее боках. Потом отправился на кухню – для послеобеденного пения. Как-то само собой вышло, что теперь эгеец не покидал домус-блок, а ночевал на полу на кухне.

Неожиданно раздался писк ближней связи. И в домусе возникла голограмма очаровательной Елены.

– Привет, Тони – сказала Елена и улыбнулась. Улыбка эта не особенно понравилась профессору Рассольникову. – Дорогой, смотрю, ты обо мне совсем забыл.

– Ну что ты! – Он представил, как было бы здорово...

Тут только он сообразил, что Елена сидит в кресле Эгей-

ского космопорта, а не в шезлонге у бассейна на Райском уголке.

– Ты прилетела на Эгеиду? – изумился он.

– Уже улетаю. Челнок через два часа. Если хочешь меня видеть – поторопись... Связь отключилась.

– Ничего не понял, – нахмурился профессор. – Елена на планете, но уже улетаает. Когда же она прилетела? Что за фокусы! Почему заранее не сообщила? Теперь я должен мчаться в космопорт, чтобы побыть с нею минут десять... Зачем?

– Лети! – сказал Дерпфельд. И это походило на приказ.

Пришлось подчиниться.

Девочки-тритонихи глазели на Елену, и на лицах их была написана неизбывная вселенская тоска. Видимо, они считали кредиты, прикидывая, во что может обойтись биокоррекция, которая – нет, не сделает их такими же, но хотя бы придаст отдаленное сходство с этой дамочкой в дорогушем литом брючном костюме.

– Нам никак нельзя уединиться? – спросил Платон, хлопывая по обтянутым сверкающей белой тканью ягодицам мадам Корман.

Стато, сопровождавший, как всегда, археолога, благоразумно откатился в сторону. Но при этом пялился во все глаза на Елену.

– Нет, мой друг! – она чмокнула его в щеку. – Я надеялась. Но ты слишком припозднился. Посадка на челнок заканчивается через пятнадцать минут.

– Зачем ты прилетела?

– Меня вызвал на сутки господин Бреген...

– Что значит – вызвал? – не понял профессор Рассольников.

– То и значит. Как ты думаешь, зачем одинокий мужчина вызывает к себе красивую женщину и платит ей сто тысяч кредитов плюс расходы на проезд?

Атлантида почувствовал во рту какой-то противный химический вкус. Будто он разжевал, но забыл проглотить целую упаковку экотаблеток.

– Ты что... прилетела сюда, чтобы...

– Друг мой, помни, мы ничего друг другу не обещали.

– А меня-то ты зачем позвала?! – Платон разозлился.

– Просто захотелось тебя увидеть. А ты разве не рад нашей встрече? Или ревнуешь? – Она рассмеялась. – Дорогуша, да ты ревнуешь?! Тони, ты не подражаем.

– При чем тут ревность? – Он тоже попытался рассмеяться, но не получилось.

– Ты очаровашка, Тони! Передай привет сержанту. – Елена чмокнула его в губы и пошла, покачивая бедрами, к челноку. Сверкающая белая ткань меняла оттенки при каждом движении и...

Платон несколько секунд смотрел ей вслед, потом кинулся догонять.

– Тебе ничего не удалось узнать про Кормана? Что-нибудь новенькое...

– О боже... – Елена скривилась, будто проглотила что-то кислое. – Как вы мне надоели... Корман... Корман... твердите, как попугаи! Ничего я о нем не знаю!

Ничего! Он сдох, не оставив мне ни гроша. И это последняя новость, которая что-то да значит...

Она вошла внутрь челнока. Стюард загородил широким плоским телом дорогу археологу. Елена даже не махнула рукой на прощание.

– По земным стандартам она красивая? – мечтательно спросил Стато.

– Очень.

– Я так и думал. А какая женщина из земных считалась самой красивой?

– Елена Прекрасная. – Археолог едва сдерживал ярость. На что он истратил день? Он мог бы поискать сокровища храмов на острове Волка. А вместо этого его кликнули, как собачонку, чтобы сообщить, что любовница ему изменила.

С хмурым видом он вышел из здания космопорта. И вдруг увидел, как к нему мчится на кресле Стато. Под мышкой у стража был зажат пакет.

– Ваша дама велела вам передать.

– Что это? – изумился археолог.

– Не знаю. Но она сказала: «Не выбрасывать же!» и попросила отдать вам.

Платон повертел пакет в руках и сунул в карман. Ему не хотелось сознаваться самому себе, что эта встреча его рас-

строила.

Поднимая глайдер с посадочной площадки, Платон бросил взгляд на соседние острова. Три небольших клочка суши, отделенный друг от друга проливами, были все утыканы одинаковыми белыми домиками. Новенькими, аккуратными, чистенькими. От домиков вниз к воде шли наклонные желоба. Поселения тритонов, – догадался Платон. Да, для тритонов эта планета – рай после их отравленного многолетней войной мутного болота. Вот только что они будут делать с отходами брегенских «кротов»?

– Странная вещь, – рассуждал профессор Рассольников, развалившись в адаптивном кресле. – Рядом с плитами, которым пять тысяч лет, валяются осколки рельефов, которым не больше сотни. А манера исполнения одна и та же. Что это? Задержанное в своем развитии общество? Или кто-то пытался копировать древние изображения? Или создавал дешевые подделки? Подделки, которые музей почему-то объявляет древними артефактами и платит хорошие деньги, рискуя своей репутацией...

– Я тут отыскал десяток шикарных виртуальных красоток на секс-сайте, – сообщил Дерпфельд. – Заказать для тебя какую-нибудь киску?

– Оставь себе всех... Что-то не сходится. Я чувствую – тут

загадка.

– Твоя Елена на сайте тоже есть. Секс с виртуальной Еленой Прекрасной, стоимостью двадцать пять кредитов. Ого! Может быть, она именно так заработала десять миллиардов для твоего друга Кормана? Учитывая численность населения Галактики, то...

– Что ты хочешь сказать?

– Виртуально ее трахало все мужское население Галактики. И часть женского. А физически – ты и Корман. Или, вернее, Корман и ты. Нет, гипотеза не срабатывает... на сайте есть счетчик. Рейтинг виртуального вожделения. Елену заказывали всего тысячу семьдесят два раза. Виртуально она не столь сексапильна, как живая.

– Она прилетала на свидание к Брегену, – сообщил Атлантида.

– Я знаю. А ты, кажется, недоволен ее успехом?

– Найди себе сиреневого осьминога из созвездия Ориона, получишь кучу удовольствия.

– Межзвездная клубничка не в моем вкусе.

– Тогда не отвлекай меня. И не мешай думать.

– Ты не о том думаешь.

– Над чем же, по-твоему, я должен размышлять?

– Ни над чем. Расслабься. Или прикинь, все ли мы учли...

Все ли учли? Платон нахмурился. А что они учитывали? Путешествие по Хрустальному лабиринту. Разрыв в два года. Корман был на Эгейском море... Корман нашел...

Стоп... Что он нашел, неизвестно. Нашел то, что стоит десять миллиардов. Пробыл на планете месяц, взял охрану... Карта... Остров Дальний... Таинственный Джи-джи-ду... Стоп!

Вернемся к началу. Хрустальный лабиринт. Корман почему-то уничтожил все данные о лабиринте в своем архиве. Причем совсем недавно – после того, как вернулся с Эгеиды. Значит, в материалах что-то было. Какой-то намек.

– Мне нужна статья Кормана о Хрустальном лабиринте.

– Зачем? Ты же там был, и все знаешь не хуже Кормана.

– Нужна!

Дерпфельд, сообразив, что у археолога явилась какая-то светлая мысль, спорить не стал. Через несколько минут у профессора Рассольникова был текст. С первой же фразы Платону читать расхотелось: смесь таинственных намеков и дилетантского хвастовства. Стилль был неплох. Но у кого в Тридцатом веке плохой стилль?! Вот образец кормановского рассказа: «Красная полоса – это жизнь, движение лабиринта рассекало ее на части». Блуждания, жажда, голод, все было преувеличено и не походило ни на настоящий голод, ни на настоящую жажду. Даже страх, описываемый Корманом, был фальшивым. Их блуждания казались выдумкой. «Хрустальный лабиринт – это плывущая информационная ловушка. Тот, кто прошел сквозь него, способен видеть мир в иной плоскости...»

Информационный лабиринт... Да, такое мог придумать

только Корман.

«Наконец я сделал то, о чем догадывался с самого начала. Лабиринт не выпускает людей из-за своей пустоты. Ему нужен кто-то. И если его населить, он нас отпустит. И тогда я сделал статую и нарек ее Еленой Прекрасной».

Да уж, прекрасная... Уродина... Елена Пр... А не слишком ли часто встречается это имя? Красавица на Райском уголке, статуя и... Да! Ведь еще была записка Кормана. Кусок оплавленного гроба. И два слова на карточке отеля с Райского уголка. «Елена Прекрасная».

Платон никак не учел эту записку Кормана. Он даже не рассказал о ней сержанту. Решил, что так шутник Корман сообщил о своей женитьбе. А что если он намекал на что-то другое, очень важное? Посылку отправил срочно с курьером, статью уничтожил...

– Елена Прекрасная! – произнес Платон вслух. – Тебе это что-нибудь говорит?

– Говорит... ты сам говорил. Пять минут назад мы с тобой обсуждали вдову Кормана. Или ты уже забыл?

Елена Прекрасная и оплавленный кусок гроба. Если Альфред так хотел сообщить о своей женитьбе, то даже для него шутка слишком странная.

– Елена Прекрасная! – сообщил Платон своему исследовательскому компу. – Все под таким названием. Все, что найдешь!

Коми порылся в Интернете. Ровно тридцать две минуты.

– Пять миллионов, сто сорок две тысячи пятьсот одно название... Начать перечисление?

– Нет, нет, погоди... – профессор Рассольников на секунду закрыл ладонями лицо, сосредоточиваясь. – Нет! – он выбросил вверх руку с поднятым указательным пальцем. Современный комп обычно видит своего владельца (когда тот находит это нужным), и комп Платона оценил жест хозяина. Молчал, ожидая дальнейшего развития событий, вернее, нового поворота мыслей.

– Мне нужно все... да... так... Ищи связку Елена Прекрасная – Эгейское море... Не просто Эгейское море. А планета Эгейское море. Задача ясна?

– Ясна, – подтвердил комп и таинственно урчал ровно три минуты.

– Ни одного названия.

– Не может быть! Елена Прекрасная так непопулярна на Эгеиде?

– Измените задачу...

Изменить? Но каким образом?

Итак, что у нас есть? Алмаз, остров Дальний, Елена Прекрасная... И настоящая Елена, которая вручила ему какой-то пакет...

Платон хотел его выбросить... Но... развернул. Внутри была бумага – два серых небольших листа, склеенных в один и на нем... карта. Контуром был нанесен остров, рядом еще два крошечных, проведены от руки меридиан и параллель,

рядом с ними нанесены цифры долготы и широты. На шельфе к северо-западу от острова, вблизи двух крошечных островков, стоял крестик.

Где-то он видел эти листы толстой серой бумаги...

– Что это? – спросил Дерпфельд.

– Посылка от Елены. Видимо, эту карту она нашла среди вещей Фреда.

– Если судить по контуру и по координатам меридиана и параллели, то это остров Дальний, – предположил сержант.

На бумаге жирное пятно... Ну конечно! Эти листы подавали для еды в таверне. Возможно, прямо там и была нарисована эта пиратская карта. Стато говорил, что последние дни своей экспедиции Фред провел в таверне.

– И в этом месте Корман нашел свой клад, – предположил сержант.

– Точно! Теперь весь вопрос лишь в том, как избавиться от Стато...

– Я что-нибудь придумаю, – пообещал Дерпфельд. – Дня через два... А ты пока готовься к заплыву.

ГЛАВА 6

Документ 6.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Жду подкреплений. Повторяю: жизнь гостей в опасности. Объект внимательно следит за всеми действиями гостей. Его цель – Джи-джиду. Архонт и стражи явно обеспокоены. Однако эгейцы – безынициативные существа, которые ничего не предпринимают без указаний властей. Не следует ожидать от них неординарных поступков. Все внимание сосредоточено на объекте и на гостях.

Профессор Рассольников был почти уверен, что Корман отыскал сокровища храма. Но вряд ли он захватил все. Камень, найденный Платоном, – тому подтверждение. Наверняка большая часть сокровищ все еще на планете. Надо попасть на остров Дальний и попробовать искать там, где указано на карте. Недаром Корман написал на карте слово «Пергам». Недаром Крто не хотел, чтобы там искали.

Рельеф, найденный на дне, был ключом к другой тайне. Но к какой? Какую дверь мог открыть этот ключ? Друг мой Тони, ты слишком разбрасываешься... То ищешь алмазы, то пытаешься разгадать тайны рельефов. И еще ломаешь голову над загадкой Кормана. Итак... Итак, решено. След Кормана – главная цель. Как говорит философ Стато, чтобы вы-

браться из лабиринта, надо поставить цель.

Но как определить, что именно относится к цели?

А что если рельеф на дне оставлен Корманом? И это тоже своего рода указание. Еще один камешек, брошенный намеренно. Тогда...

Прежде, чем отправляться на остров Дальний, надо еще раз осмотреть дно. Вдруг храм с сокровищами вовсе не за сотни миль, а тут рядом, под боком. Еще одним днем можно пожертвовать. К тому же за это время сержант уломает стража. Вчера он уже был готов согласиться на десять тысяч кредитов. Но потом опять уперся и принялся твердить: «Нет...» и пищал так пронзительно, что стража пришлось выставить из домус-блока.

Если сегодня сержант предложит пятнадцать тысяч, эгеец устоять не сможет.

Храма с сокровищами профессор Рассольников вновь не нашел. Вместо этого он отыскал новый подводный город. Именно подводный город, а не развалины. Укрепленные рядами на дне капсулы занимали весь южный склон нового шельфа. Белые яйцеобразные строения, накрытые синими и зелеными шляпками многолетних наслоений. Когда-то эти блоки имели мембранные входы, но время и морская вода, животные и растения уничтожили почти все тонкостенные двери, и теперь лишь кое-где виднелись красноватые жаберы разрушенных мембран. Платон проник в один из блоков. Внутри обосновались мелкие рыбешки. Толстые самки и то-

щие самцы испуганно мельтешили над пухлыми студенистыми шарами оплодотворенной икры и испуганно сновали вокруг нарушителя их семейной идиллии. Несомненно, эгейцы построили этот подводный город уже после затопления планеты, рассчитывая навсегда перебраться в море. Но почему-то передумали. Археолог обследовал один за другим три домика. Ничего интересного. Абсолютно ничего. Судя по всему, здесь никто так и не поселился. Все, что сумел найти Атлантида – это многочисленные обломки мембран.

Он покинул новый город и решил вернуться к старому.

Что-то заставило Платона оглянуться. Как будто он услышал крик. Но какой к черту крик под водой? А переговорного устройства у него не было.

Стато мчался стрелой, а за ним двигалось нечто вытянутое, коричневое, снабженное десятком ног-присосок. Тварь настигла эгейца, присоски приклеились к спине стража. Мгновенно ленты-щупальца эгейца обездвижились и Стато замер, будто лишился чувств. Платон вытащил бластер и поплыл, стараясь зайти сбоку, чтобы выстрелом не причинить стражу вреда. А тварь одним ударом мощного рогового клюва вскрыла грудную клетку и принялась пожирать мясо еще живой жертвы.

Атлантида выстрелил... Красный луч прошел воду, вспенив курчавый след. Будто торпеда взрыла воду. Слишком велики потери энергии. Хищник даже не заметил, что в него стреляют. Черт! Платон забыл переключить бластер на под-

водный режим. Спешно щелкнул выключателем и вновь нажал на спусковой крючок. Тварь выпустила свою жертву, голова мотнулась в сторону и безжизненно повисла... Червь дернулся и выпустил облако черной жидкости. Платон выстрелил еще дважды и практически перерезал тварь пополам. Ножки-присоски опали. Археолог ухватил Стато за одно из щупальцев и рванул к себе, пытаясь отлепить от мертвого хищника. Не получилось: присоски держались крепко. Пришлось перерезать их молекулярным резакон. Профессор торопился, терзая мертвую плоть хищника: кровь из раненого текла струей. Как на эгейских рельефах... Отодрав, наконец, червя от жертвы, Атлантида помог эгейцу всплыть. Стато смог глотнуть воздух, но это все, на что он был способен.

Когда Атлантида на подъемнике-антиграве затащил эгейца в домус-блок, раненый не подавал признаков жизни.

– Что делать? – спросил Платон, глядя на распростертое бездвижное тело стража. – У них тут есть медицинская служба?

– Мне показалось, что нет. Он должен сам выкарабкаться. – Сержант, казалось, не был ни удивлен, ни опечален случившимся.

– Нет... при таких ранах шансов у него нет. Надо что-то сделать. Попытаюсь выяснить у Крто.

– Лучше у Брегена. Не стоит ставить в известность Крто. Пока.

Выяснить удалось немногое. Указания были простые: поймать в Океане морского зайца – гигантского слизня длиной до полуметра. Голова с двумя рожками, вместо раковины – перламутровая пластинка, вокруг «ноги» мантия как крылья. Главное – лиловая жидкость, которую выделяет заяц. Надо собрать ее в раковину и залепить раны на теле эгейца. В этом случае, если важные органы не повреждены, Стато выживет. А если задето что-то важное... Ну, тогда его тело надо отвезти на «кладбище» и сдать на утилизацию. Десять кредитов передать самке Стато, иначе она поднимет страшный визг. И вещи, и жетоны, которые страж хранил в кармашке броненагрудника – тоже самке. Оружие вернуть Крто.

Таковы были указания.

– И эта планета входит в Лигу Миров? – изумился профессор Рассольников. – Может, они и медицинскую страховку еще платят? На подкормку этих самых морских зайцев?!

Ничего не оставалось, как отправиться на охоту за слизнем. Бреген сообщил, что зайцы водятся на южных отмелях от острова Волка и посоветовал поймать сразу пять или шесть штук: рану надо залепить так, чтобы воздух не попадал внутрь. Платону повезло. Вернее, повезло Стато. Археолог собрал в свою сетку пять голожаберных моллюсков и поднял на поверхность. Их слизи хватило с избытком, чтобы залепить раны Стато и измазать Платона с ног до головы. И еще осталось. Пол домус-блока стал скользким, как каток. На этом катке Дерпфельд с грохотом растянулся. Сержант

вскочил и тут же растянулся вновь. До своей комнатухи он полз на четвереньках.

– А ведь это шанс, – заявил Дерпфельд, когда они поместили раненого в камеру с морской водой и оставили так то ли выживать, то ли умирать – по усмотрению местного медицинского бога Кси. – Пока Стато ранен и не может за нами следить, ты можешь отправиться на Дальний.

– А если Крто потребует со мной связи?

– Ответишь. Но не напрямую. Я помещу на месте затопленного города передатчик, ты будешь отвечать через него. И все, что сможет засечь Крто, так это то, что ты под водой и обследуешь развалины города около острова Волка. Так что не теряй времени. Может быть, именно там находится сокровищница с алмазами?

Атлантида вновь ощутил биение крови в ушах. Странно только, что Фред хранил эту карту после того, как нашел сокровище... Очень странно.

Но ведь бывают совпадения... И кстати о совпадениях.

– Вил, как ты думаешь, кто натравил червя на Стато?

– Тебе не все равно?

Платон нахмурился.

– Я думал, мы с этим парнем... друзья.

– Не спорю, Стато – симпатичное существо. Но он – твой страж, чиновник, и он нам мешает.

– Он бы взял пятнадцать тысяч.

– Нет... Он не взял бы и сто пятьдесят. Неужели ты не

видишь, что он чего-то смертельно боится? Как Имма. Как Крто. Как Корман. А теперь у тебя развязаны руки.

– Но ты чуть не убил его! – возмутился профессор. Больше всего его злило, что придется воспользоваться плодами ловушки.

– Я действую по обстоятельствам. И не нарушая закона. Это мой принцип: чтить законы на всех планетах Галактики. Ты сам знаешь: любой может купить червя для своих нужд – были бы деньги. – В голосе Дерпфельда не было и тени сомнения. Во взгляде серых прозрачных глаз – неколебимая твердость.

– Значит, ты можешь убить любого из них – Крто, Имму и Стато? – Платон злился все сильнее – когда человек смотрит на тебя таким взглядом, возражать ему бесполезно.

– Без необходимости я не буду никого убивать.

«А меня тоже отдашь на корм червям?» – хотел спросить Атлантида. Но почему-то не спросил. Потому что сам вопрос, по сути, был подл. Потому что таким вопросом он ставил себя выше эгейцев.

– Мы расследуем убийства и убиваем... – проговорил Платон задумчиво. – И все потому, что в одном случае убивать можно, а в другом нельзя.

– Слушай, засунь куда-нибудь подальше свою иронию...

– А кто знает, может, Корман проглотил личинку червя, червь вырос, выжрал внутренности Фреда, рассек клювом грудную клетку и вылез наружу. По-моему, в этой гипотезе

что-то есть... – Профессор глянул сержанту в глаза. Почему-то надеялся, что тот смутится. – Не хочешь проверить мою догадку?

– Хочу, чтобы ты отвалил на остров Дальний. – И чем скорей, тем лучше.

Философ Стато прав. Жизнь похожа на хрустальный лабиринт. Видишь все галереи насквозь, но никак не можешь отыскать выход.

Ладно, философ, не философствуй пока, а постарайся выжить.

Профессор Рассольников и сержант подробно разработали план путешествия на остров Дальний. Вокруг Северного архипелага и мимо острова Волка проходило кольцо непрерывного пути подводного поезда, что день за днем, из года в год мчался по кругу, используя неизменность Большого Океанского течения, его неослабевающую энергию. Кольцо замыкалось вокруг Столичного архипелага, спускалось вниз, ослабевая, пересекало экватор, и, охватив массив Южных архипелагов, возвращалось к исходной точке своего зарождения, одаривая северные острова теплыми южными водами.

Поезду было лет триста. Многие его конструкции износились, их заменяли время от времени после очередной катастрофы. В радиальных ветках, по которым только и можно было покидать поезд или проникнуть в него, постоянно случались заторы или разрывы пузырьковых капсул. И все

же поездом пользовались. Но чаще пассажирских по кольцу гнали грузовые ожерелья – плоды безустальной деятельности филиала всемогущего «Гибрида».

Билетов не требовалось – проезд был бесплатным. Как рыба в Океане. За нее тоже никто не требовал денег. Что поймал – все твое. Съел и радуйся, что не отравился.

Платон по радиану добрался до посадочной точки. Притопленный буй наглогато-оранжевого цвета плавал в мутноватой воде. Другие буйки – бледно-голубые и светящиеся, скованные друг с другом цепями неподвижности Морта-Ларсена, отмечали путь подводного экспресса. Платон, разумеется, не собирался на Южный архипелаг – поезд он покинет ровно через десять часов езды, миновав Дальний, и вернется к острову по безопасной траектории с севера, откуда никто не ждет появления дерзкого разведчика.

План был неплох, путешествие в подводной пузырьковой капсуле – почти комфортно, течение несло поезд незаметно; вот только Платон ошибся с выбором нужного радиана в момент выхода и угодил вовсе не к острову Дальнему, а к Двум Клыкам. Два Клыка – это два островка и отмель, где нынче Бреген особенно яростно вгрызлся в остатки старого шельфа. Едва выйдя из радиана, профессор Рассольников повстречался с десятком эгейцев. Они только что закончили работу на шельфе и теперь преследовали косяк рыбы, выбирая для себя экземпляры пожирнее. Лентяи постреливали из маломощных гарпунчиков. А молодняк, из тех, кому

удалось сохранить силы после рабочего дня, гнались за рыбой и захлестывали добычу, как лассо, своими щупальцами. Увидев Платона, эгейцы окружили археолога плотным кольцом и, отчаянно жестикулируя щупальцами, увлекли его за собой. Атлантида решил шахтерам не перечить. Вскоре он увидел в плотной синей воде грозди светящихся воздушных капсул. Перед ним был подводный городок шахтеров. Эгейцы затащили гостя в одну из капсул и принялись устраивать его в гамаке из водорослей, угощать пивом и пихать в рот чуть ли не насильно таблетки само-само. Платон скинул подводный костюм. Воздух в капсуле был влажный и спертый, но все же пригодный для дыхания. Час поздний по здешним подводным понятиям. Время отдыха и время ужина, приготовление которого занимало всего несколько минут: рыбину, нечищеную и непотрошеную, кидали в черный закопченный чемоданчик, закрывали крышку, тыкали в красную кнопку и ап... сквозь щели старинной «жаровни» валил густой пар. Крышку откидывали, и на плоскую раковину падала жареная рыба. Платон съел кусок, отказавшись от своей доли кожи и чешуи. Рыба горчила, но совсем чуть-чуть: косяк пришел издалека, и рыбины не успели наглотаться «кротовой» черной отравы. А эгейцы лопали рыбин целиком, запивая дешевым пивом, от которого куда сильнее несло водорослями, чем от подобного напитка в таверне стражей.

Таким был ужин и вчера, и позавчера, и десять дней назад, и двадцать дней назад. Весь год, с того дня, как стадо верну-

лось после краткого перерыва обратно на шельф. Как и дни, были похожи своим распорядком: работа, поиск рыбы, еда и смерть... пардон, сон... вызванный после тяжелой работой спасительными и губительными таблетками само-само.

Почти никто из шахтеров не знал космолингва, но археолог включил транслейтор, и отрывки однообразного разговора, многие шуточки из которого оставались для человека непонятными, ретранслятор услужливо переводил с усердием машины. Никто из эгейцев не возмущался. Все воспринимали происходящее, как нечто само собой разумеющееся. О «кратовой» отраве не упоминали, хотя, пока плыли к подводному городку, вода сделалась серо-фиолетовой от мелкой взвеси. На всякий случай Платон принял сразу две экотаблетки. О Брегене почти не говорили. О добыче тоже. Каждый – все больше о себе и своих маленьких проблемах. А что Бреген? Бреген – он сильный. И работу дает. И таблетки само-само...

– Глубоко здесь, я все время кашляю. Ждать надо, пока на мелководье перейдем...

– Поймал зайца?

– Нет. Зайцев на такой глубине нет. Или не знаешь?

– Надо попросить сотника, чтоб отправил кого-нибудь на старый шельф за зайцами...

– Римо умер...

– У тебя сколько таблеток?

– Сорок. В долг не даю. Только за золото.

– Кальмар семирукый...

– Восемь ног у кальмара...

– А я говорю – семирукый...

В ответ рвотные позывы – то есть смех. Никак не привыкнуть к этим звукам. Всякий раз приходится напомнить себе, что это смех. Только смех...

– А здесь на старом шельфе есть какие-нибудь находки? – спросил Платон на космолингве, и транслейтор перевел. Эгейцы не поняли. – Ну, к примеру, корабли... старые корабли на дне.

– Есть один... давно затонул, – сообщил эгеец. – Очень давно. Еще во времена Восьми Материков.

– Проводите туда?

– Сейчас? Нет, сейчас мы отдыхаем. После работы никуда из капсулы. Наплавались.

– Ну а завтра?

– Завтра у нас чистка. Завтра сотник на поверхность отпускает – от паразитов чиститься. К рассвету зазывалы всплывут чавиков кликать, а потом уж и мы. А то на глубине все паразитами обзавелись, житья от них нет. Такой день никто не пропустит: а то жди потом два месяца, да сам жироедов ножом по вечерам выковыривай.

– Я покажу. Сейчас... – предложил молодой эгеец с какими-то странными зеленоватыми, будто подернутыми бельмами глазами.

– Эй, куда ты, Тмим! – закричали все хором.

– Будешь так усердствовать, до нового гона не доживешь, – предрек эгеец, толстый даже по меркам Эгеиды.

– А чем заплатишь? – спросил доброволец, глядя в упор на археолога белесыми неживыми глазами.

Они и в самом деле были неживыми – уже потом профессор Рассольников узнал, что глаза у эгейцев подергиваются белой пленкой за несколько дней до смерти – если смерть, конечно, наступает от болезни.

Платон протянул Тмиму пластиковую карточку.

– Кредиты?

Белоглазый заколебался. Но Платон уже вновь облачился в подводный костюм и подтолкнул добровольца к выходу. Лучи мощного фонаря прорезали мутную воду. Эгеец знаком указал, куда плыть. Археолог дышал с трудом: в воде было слишком много примесей, преобразователи даже в режиме турбо не успевали готовить дыхательную смесь.

К счастью, плыть было недалеко – между двух рифов обозначился едва заметный выступ – бок затонувшего много сотен лет назад корабля. Весь покрытый толстым слоем отложений корабль этот еще во времена Восьми Материков напоролся на риф и пошел на дно. Долгие годы он покоился здесь, пока на него случайно не натолкнулись шахтеры-эгейцы. Первым делом они обыскали скалы вокруг в поисках золота, но обнаружили лишь бронзовые слитки и бронзовые монеты – добычу не слишком великую. Корабль был очень древний и намертво врос в подводные скалы. Раскапывать

здесь – если всерьез – надо не день и не два. Месяцы и месяцы нужны, и не одному археологу, а целой команде. А у Платона времени было – чуть, да и то незаконное. Желание преуспеть и сознание, что сделать что-то серьезное невозможно вызывало суетливую лихорадку и – как ни странно – чем-то походило на эйфорию. Или это чип, регулирующий состав газовой смеси, бараклил?

Профессор наудачу вырезал из отложений несколько блоков, в которые намертво были вмурованы какие-то останки древнего мира Эгеиды.

С разрозненной и жалкой добычей он вернулся в шахтерский поселок, всплыл под купол воздушной капсулы и из мира безмолвия, где шелестели лишь пузырьки воздуха, вдруг окунулся в мир пронзительных звуков. Шахтеры пели. Хором. Бессмысленно вылупив глаза и разевая рты – все разом. Атлантида чуть не соскользнул назад в Океан – звук резал барабанные перепонки. Так острие лезвия скребет по стеклу.

Но пение внезапно смолкло. Издав еще несколько писклявых звуков, шахтеры разбрелись по своим гамакам. Каждый засунул под язык по таблетке само-само и отключился почти мгновенно.

– А я сегодня не смог попеть, – вздохнул белоглазый. – Кашлять буду до утра. – И запихал под язык сразу два зеленых кругляка.

Атлантида принялся аккуратно очищать от наслоений свою добычу. В первом блоке нашлись какие-то обломки ме-

талла. В другом куске – косточки растений, похожих на маслины, рыбы кости и несколько хворостин – все, что осталось от древнего камбуза. Какой-нибудь археолог мог прослезиться, отыскав зги милые подробности древнего быта. Профессор Рассольников безжалостно выбросил их назад в море. И занялся третьим блоком. Неужели ему так не повезло? А ведь Атлантида верил, что он везунчик.

И не ошибся. Из плена многолетних отложений явился осколок какой-то керамики, опять же бесполезный по причине своей одинокости. И осколок рельефа. Платон не мог его датировать – но что это эпоха Восьми Материков – тут не было никаких сомнений.

На рельефе был изображен мужчина. Короткие ноги. И не щупальца – руки. Лицо точно не определить... что-то среднее между человеческим и нынешним обликом эгейцев. Протоэгеец лежал на каком-то плоском коротком камне так, что голова его и руки свешивались с одной стороны, а ноги – с другой. У эгейца были длинные волосы – они стекали с его головы волной. И все. Ни подписи. Ни каких-то других изображений. Только камень (может, жертвенный?) и на нем эгеец. Мужчина? Или женщина? Не сразу поймешь. Элемент какого-то древнего обряда. Рельеф напомнил голограммы, присланные из музея. Только этот, несомненно, древнее. И на нем нет льющейся изо рта крови и пик, протыкающих тело. Эгеец лежит на камне. Вместо струящейся крови – волны длинных волос. Или это кровь хлещет из шеи? Платон

достал цифровую лупу, внимательно оглядел изображение.

Волосы. Несомненно – волосы. И над головой лежащего эгейца – цветок с восемью лепестками. Вроде бы чья-то ладонь держит этот странный цветок и протягивает его лежащему. Но чья ладонь, кто протягивает – не поймешь. Кусок рельефа как раз в этом месте отколот.

А что если вернуться назад и вырезать блок рядом? Хотелось невыносимо. Профессор уже потянулся к подводному снаряжению. И замер. Вдруг понял, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой – так смертельно устал. Он сунул под язык сразу две компенсационные таблетки. Ждал, пока они подействуют. Надо плыть. Завтра Бреген, разбивая старый шельф, уничтожит останки затонувшего корабля. Таблетки почти не действовали. Будто во сне, медленно, очень медленно, он поднялся, облачился в костюм... Каждое движение совершалось через силу. Раза два Атлантида заснул прямо в воде, но тут же проснулся и поплыл дальше. И все же он выпилил еще пять блоков. Пять песчинок он выхватил из зубов Брегена и притащил в капсулу. Разбивать их тут же не было сил. Он упал и заснул. Один день остров Дальний подождет. Профессор Рассольников должен найти другие куски рельефа. Он спал и во сне извлекал один за другим из пяти разрозненных блоков осколки камня, они ложились один к одному, и из них складывался целый фриз. Огромный фриз.

Да это же гигантомахия! Невредимый фриз! Все боги и гиганты в том виде, в каком вышли из-под резцов пергам-

ских мастеров, никто не отбивал им голов и половых органов, вопя: «Престол сатаны»! Никто не строил из плит алтарного фриза военные укрепления.

Проснувшись, профессор несколько минут лежал, улыбаясь. Только сон... Обидно. Он нашарил на поясе кармашек с компенсационными таблетками и опять положил кругляшку под язык. Слабость отступила. Платон сел. В капсуле никого не было. И...

Он вдруг обнаружил, что пояс подводного костюма с гравитационными регуляторами свалился с него и лежит в плетеном гамаке: одна из наборных пластин исчезла. Та, в которой хранились пластиковые жетоны кредитов. Атлантида выругался и кинулся перерывать капсулу. Но ничего не нашел, кроме нескольких закопченных печек-чемоданов и гамаков из водорослей.

Не нашел он и других частей рельефа в вырезанных блоках. Кроме нескольких осколков керамики – ничего.

Бывают люди удачливые, как Шлиман. Но, видимо, Атлантида не из их числа. Но кто знает, может быть, его удача другого рода?

Шахтеры все еще с утра поднялись на поверхность. Чавики, что поджидали их, сидя на плавучих водорослях, теперь разгуливали с сосредоточенным видом по выставленным над водою бокам, и, заметив добычу, острыми клювами выхватывали засевших под кожей эгейцев жироедов.

Платон предпочел удалиться, не прощаясь. А то чави-

ки, приняв его за эгейца, проткнут острыми клювами костюм-адаптер.

За шахтерским поселком дно было пустым, будто его кто-то вымел огромной метлой. Не осталось ни ила, ни песка – одна скальная порода, изрытая бороздами и припорошенная черным мелким песком – ее грызли острыми зубьями буровых автоматов, ее уродовали наглые «кроты». Повсюду на камнях там и здесь попадались белые сердечки. Украшения? Нет... Увы... всего лишь скелеты погибших моллюсков. Вода мутная, плотная, хотя Бреген ограбил дно не сегодня и не вчера. Глухое утробное рычание вдалеке постепенно затихало: археолог все дальше уплывал от монстров, что выгрызали грудную клетку старого шельфа.

Платон торопился миновать мертвую зону. Но не скоро вода стала вновь прозрачной.

Шельф вокруг острова Дальний встретил кипением жизни. Вокруг сотни тысяч вертикально плывущих рыбок. Они сопровождали человека, перемещаясь то вверх, то вниз, похожие на карандаши с крошечными плавничками. Выпуклые красные глаза квадратной формы напоминали осколки кирпича, почему-то налипшие на эти живые тельца.

Вода столь прозрачна, что и на глубине пятидесяти метров можно встретить зеленые травы. Но когда-нибудь Бреген доберется и сюда, до этих голубых, то зеленоватых, то фиолетовых камней, на которых подводные твари сплели белые и розовые кружева своих ажурных телец. Мимо проплыла

шар-рыба – белая, с черными пятнами. На мелководье застыли колонии огромных белых грибовидных существ. В их чашах плескались пурпурные рыбки. Профессор плыл от одного камня к другому. Смотрел и не мог наглядеться. Казалось, подводные эти луга были созданы, чтобы поразить воображение яркостью расцветок, причудливостью форм, арабесками удивительных узоров из животных и растений. Поразить и исчезнуть – ибо живой мир недолговечен: об этом стоит помнить каждую минуту, поднимаясь на каждую следующую ступень невидимой лестницы своей жизни... Так бы мог выразиться философ Стато, если бы очутился здесь.

Лишь когда Атлантида почувствовал, что безумно устал и проголодался, он с неохотой поднялся на поверхность. К острову Дальнему он приближаться не стал. Его база будет на двух островках-крохах, тем более что место на карте обозначено где-то рядом. Меж камнями археолог устроил тайник, оставил здесь запасное оружие, регенератор воды и контейнер с питательными таблетками. Отдыхать было некогда. Компенсационная таблетка под язык – и в воду. Его ждали алмазы... Первым делом надо найти то место, что обозначено на самодельной бумажной карте Альфреда. Но координаты его можно было определить лишь приблизительно. Первый день прошел фактически зря – Платон ничего не нашел. Никаких намеков на развалины. Безмолвный мир чудес, но мир живой, где нет ничего интересного для археолога.

Не слишком сладкий сон среди камней, а утром опять в

воду...

Вскоре у профессора обнаружили друзья. Две огромные желтые рыбины, похожие на поставленные на ребро диски, дежурили постоянно в глубине, ожидая, когда Атлантида погрузится вновь. Одна, побольше и степенная, годами уже немолодая, другая – поменьше и суетливая. Рыбины ожидали подачи, и Платон каждый раз кидал им кусочки бисквита. За мягкий характер и преданность Платон прозвал рыбину поменьше Плинием Младшим. Ну а ту, огромную, разумеется, – Старшим.

Когда археолог отправлялся на поиски, желтый Плиний Младший непременно плыл следом. Не забывал он почесаться и почистить тело в ближайшем пучке водорослей на склоне шельфа. Когда же Платон включал насос, и со дна поднималось облачко песка и ила, Плиний Младший исчезал. Но вскоре появлялся вновь. Старший был не так назойлив. Побывав на утренней салютации, он вскоре удалялся по своим делам.

Именно Плиний Младший и привел археолога на нужное место. Всякий раз, получив подачку, он пытался плыть куда-то, но тут же возвращался, как собака, которая зовет хозяина за собой к какой-то интересной находке – дохлой птице или прошлогодней кости. Платон поначалу не обращал на попытки Плиния Младшего внимания. А потом, обследовав очередной выступ и обнаружив под ним нору местного осьминога, Платон вдруг решил действовать самым невероят-

ным образом: то есть поддаться на уговоры Плиния и последовать за ним.

И Плиний привел его к продолговатому предмету, почти полностью погруженному в песок. Наружу торчал лишь небольшой конус, обросший ракушечником. Поскольку слой был весьма невелик, можно было предположить, что предмет лежит здесь не слишком давно.

Насос убрал часть ракушечника и... Под ним ничего не было. Пустота. Но странная пустота – какая-то студенистая масса, и сквозь ее муть едва угадывалось вдавленное невидимой силой дно. Платон тронул рукой и... ощутил неподатливую плотность. Силовое поле? Но на поверхности силового поля не могут нарастать ракушки! Археолог принялся счищать их дальше, и пальцы нащупали какой-то диск... Что это? Платону хотелось кричать. Но лишь стайка пузырьков весело забулькала, устремляясь вверх. Плиний угадал его волнение и несколько раз проплыл взад и вперед, демонстрируя свое хорошее настроение. Что это может быть? Останки какого-то эгейского корабля? Но корабль-то современный... Археолог вспомнил сочетание «Джи-джиду». Невидимость. Значит, в самом деле говорилось о невидимости, а не об алмазах. Но тогда почему сам Платон нашел алмаз? Или алмаз – это всего лишь случайность? Из тех нелепых случайностей, что так любят сбивать со следа!

В одном сомневаться не приходилось: именно это место указал на своей карте Корман.

Размеры подводной находки невелики. Атлантида принялся старательно работать насосом, ил засасывался в один конец трубы и вываливался на дно в нескольких метрах. Открывалась все та же студенистая масса, внутри которой была мертвая неподвижность. На той стороне, на вогнутой поверхности песка ничего не происходило. Как и внутри мутной линзы. Атлантида принялся ощупывать поверхность и обнаружил... Что это? Люк? Но таинственный люк не желал открываться.

Так что же такое нашел профессор?

Гадать бесполезно. Надо вернуться и обсудить все с сержантом. Но прежде – проверить еще одну гипотезу.

Платон осторожно крался между деревьями. Главное – при подъеме на гору не встретиться с эгейцами-стражами. Да и с местными жителями лучше не встречаться. Хотя сейчас время морское – на суше лишь стражи да возвращенцы. Гон начнется не скоро. Ему должно повезти – Платон был уверен. Надо только повнимательнее оглядеть поросшие буйной зеленью склоны Дальнего. В глаза первым делом бросалась серая, почти лишенная растительности конусообразная скала, Доминирующая над островом. Профессор Рассольников уже достаточно набрал в Интернете информации о Пергаме и раскопках, которые вел когда-то Карл Хуманн.

Несомненно, эта эгейская скала должна внешне напоминать Пергамскую. Если бы Платон был эгейцем, то он бы летел на кресле-антиграве, а не плутал в зарослях. Но стоит

помнить, что Дальний – закрытая зона, а в закрытые зоны лучше входить тихо.

В густой зелени пересмеивались какие-то пичуги, и пронзительно тревожно покрикивали маленькие твари, похожие на егозливых обезьянок – мелюзга, решившая остаться верной суше и не погружаться в теплые баюкающие волны Океана. Обезьянки обладали длинными пушистыми хвостами и выпуклыми прозрачными глазками. Они цеплялись за лианы и пытались преследовать Платона, хватали за одежду, за волосы. Он был чужим, и этим пугал.

Шлепки влажной зелени по лицу. Соцветия голубых и розовых цветов срывались с ветвей и парили в воздухе, но не найдя ничего интересного для себя, вновь прилеплялись к веткам. Ящерки со стрекозиными крыльями собирали нектар длинными ярко-розовыми язычками. Платон старался держаться параллельно тропе. Странно: по ней никто не ходит уже давно, а она все еще существует, и не заросла травой и кустарником. Или ходит? Тропа кажется не просто чистой, а отутюженной. Хотя кое-где зеленая шерстка травы и мха покрыла ее камни. Может быть, эгейцы ползают вверх-вниз по своему острову?

Наконец археолог добрался до границы серых скал. Перед ним была вырубленная в камне лестница. Идти наверх? Но вряд ли эгейцы в нынешнем обличье могут взобраться по таким скалам. Если они и поднимались сюда, то лишь по воздуху.

Закон развития цивилизации гласит: разумная планетарная система выбирает только один путь. Всегда только один. Второй становится тупиком. Развитие не оставляет разуму выбора... Дорогу всегда торит меньшинство. Остальные, ворча, плетутся следом. И все больше и больше отстают. И помирают в пути. Они ропщут, бунтуют, пытаются заставить повернуть тех, кто впереди, кидаются боковыми тропами наперерез...

Но все попытки бесполезны. Движение подразумевает один путь. Нелепо двигаться по двум разным дорогам одновременно. В лучшем случае дороги должно прокладывать параллельно и не слишком далеко друг от друга, как рельсы на древних железных дорогах. Многообразие – это статика и замкнутость.

Эта лестница наверняка осталась еще с той поры, когда Эгеида была миром тверди. Травы не смогли угнездиться на серо-коричневых камнях. Впрочем, и склоны скал тоже были лишены растительности. Серые, иссеченные ветром камни. Лишь на горизонтальных террасах трепетали на ветру пучки зелени. Профессор Рассольников двинулся по лестнице... Лестница, ступени, минуты...

Всегда одна тропа, ведущая наверх... Неужели и для Галактической цивилизации такой же путь? Многообразие – достояние археологии. Для живых – выбора нет. Платон остановился перед каменной стеной, опоясывавшей гору. Несомненно, стена была рукотворного происхождения, сло-

женная из громадных вертикальных плит. Каждая плита подогнана плотно, без зазора – игла не пройдет меж блоками. Платон пошел вдоль стены. Никакого намека на вход. Вот она, пещера Али-бабы!

– Сезам, откройся! – крикнул археолог, но заклятье не подействовало.

Да, похоже на раскопки Пергамского алтаря. Карл Хуманн тоже нашел византийскую стену длиной триста метров. Стену, в которую византийцы замуровали фриз алтаря Зевса. Надо было обороняться от наступающих арабов, вот и оборонялись, выламывая античные плиты. К чему жалеть алтарь, который христиане именовали «престолом сатаны»? На счастье, они складывали плиты барельефами внутрь, и потому часть изображений уцелело, хотя фанатики успели отбить богам и гигантам лица и половые органы на заре христианства. Почему-то лица и половые органы оскорбляют фанатиков одним фактом своего существования. Безликие и бесплодные – идеал добродетели. Но на вопрос: «Зачем нужны идеалы бесполом и безликим»? – фанатики не дают ответа.

А что если там, на другой стороне плит, своя гигантомахия, по каким-то причинам скрытая от посторонних глаз? Но как только Корман сумел узнать, что внутри? Просто так ножичком не поцарапаешь. Тут нужен специальный прибор, чтобы просветить плиты и увидеть... Или хотя бы вырезать часть стены.

Неужели Корман нашел свой Пергам? Неужели?

Однако придется подождать. Хуманн ждал семь лет. Профессору Рассольникову придется ждать семь дней – и он вернется к этой горе с оборудованием и заставит стену отдать свою тайну.

Едва Платон нырнул в море зелени, как услышал странное тарактенье. Обезьянки подняли невыносимый крик. Грозди цветов переселились с нижних веток на верхние. Над тропой ползли в тарактящих креслах два эгейца. В одном кресле страж, во втором – пожилая женщина. Оба без масок, морды вымазаны разноцветной глиной. Женщина закутана в обрывок потрескавшейся черной кожи. Археолог прижался к стволу огромного дерева. Какая-то наглая обезьянка ухватила его за рукав комбинезона и принялась теревить. Потом попыталась попробовать, каков комбинезон на вкус.

Эгейцы о чем-то разговаривали. Разумеется, на своем, эгейском. Платон ничего не понимал. Один раз он услышал знакомое слово. Вернее, имя. «Крто». Осторожно вставил в ухо капсулу транслятора.

– ...Жадина. Нет ему прощения, – бормотала старуха.

– Есть слухи, что он трупоед, – отвечал страж.

– Нет прощения, – повторила старуха. – Но веселье для него – непременно. Недаром Слокс – веселист. Откуда самка... Вранье... Я продудела Слоксу в раковину...

– Молодец, Сско.

Голоса замерли. Транслятор перестал переводить.

Платон спустился к берегу и погрузился в воду. Теперь на-

до добраться до островка, забрать оборудование и упаковать землесос. Обе рыбины были уже тут. Плиний Старший держался с достоинством, а Младший не понимал, что происходит, и вертелся вокруг, нервничал. Даже не обращал внимания на бисквиты, которые на прощание Платон щедро разбросал вокруг. Когда археолог поплыл назад к острову Волка, Плиний долго тащился следом, постепенно отставая: не верил, что его друг уплывает навсегда. Наконец, в очередной раз обернувшись, Платон увидел, что Плиния нет. Он представил себя на месте своего желтобокого друга. В тот миг, когда тот окончательно потерял надежду. Что за черт! Что за дурацкая сентиментальность! Он жалеет рыбу...

Весь обратный путь Платону предстояло плыть под водой. Путь довольно долгий. Главное – не повстречаться с броненосцем. Хотя «фараон» должен надежно защитить от этой твари.

Внезапно почудилось, что солнце заходит. Вроде бы рано... Археолог поднял голову. Над ним плыло какое-то огромное животное. Цвет снизу не разобрать. Тварь плоская и двигалась очень медленно. Да нет, это не животное. Это косяк рыбы. В центре пульсировало плотное ядро. Атлантида не сразу понял, что ядро это – эгеец, и мелкие рыбешки его пожирают. Платон поплыл быстрее. Стайка рыбешек отделилась от основного массива и устремилась за ним. Они были все красного цвета. Кроваво-красного... Выстрел из бластера... Рыбешки порскнули в разные стороны. Атлан-

тида оглянулся. Эгейца почти сожрали. Косяк стал погружаться. Черт! Платон поплыл быстрее. Надо было взять с собой подводный буксирчик. Побоялся вызвать подозрения. Идиот! Теперь эти твари его сожрут. Новый выстрел из бластера распугал наиболее дерзких и зажарил парочку неудачников, но обстановка не изменилась. Вокруг археолога уже плескался весь косяк, и несколько наиболее отчаянных попробовали, каков костюм-адаптер на вкус. Пленку не прокусили, но не сдались и вновь ринулись в атаку. Десятки, сотни мелких рыбешек рвали острыми зубами костюм археолога... Мельтешили перед лицом, пытались впиться зубами в нос, в пальцы. Атлантида выстрелил вновь. Впереди образовался проход, но тут же сомкнулся. Он уже ничего не видел: рыбы были повсюду: наверху и снизу, и по бокам. Платон потерял ориентацию и бился в кипящем живом водовороте. Он запаниковал. Ужас захлестнул его, археолог стал метаться из стороны в сторону, попытался опуститься ниже – чтобы найти какую-то опору на дне. Но рыбы буквально сомкнулись в одно живое трепещущее одеяло и не желали выпускать добычу. Платон ринулся наверх... И тут рыба ловушка раскрылась. Атлантида увидел голубую, пронизанную лучами воду, и сверху падали камни... Да нет же, это не камни! Это птицы! Работая крыльями, как плавниками, они устремлялись вниз, хватали зараз по несколько рыбешек и возвращались наверх. За смелыми охотниками оставались цепочки мелких жемчужин – воздушных пузырьков. Все новые и

новые птицы пикировали сверху, атакуя косяк со всех сторон. Косяк-хищник распался на несколько самостоятельных стай. Атлантида рванул наверх вместе с птицами. Он тоже нес свою добычу – несколько зажатых в руке кровожадных рыбешек.

Однако рано было радоваться. Косяк был разбит, но десятки и сотни красных рыбешек метались подле. Если птицы прекратят свою охоту – Атлантиде конец. Хорошо бы найти рядом какой-нибудь островок... Археолог огляделся. И – о счастье! – увидел остров. Белая продолговатая скала, она уступами поднималась из воды. Добраться до нее и... Надо вообразить себя эгейцем, слиться со стихией и устремиться. И Платон устремился. Вряд ли прежде он плавал когда-нибудь быстрее. К тому же он переключил акселераторы костюма на максимальный режим. Энергии хватит минут на двадцать. Но сейчас главное – вырваться из кровавого рыбного супа... Скала приближалась. Но это же скала! Она плывет... пусть медленно, но плывет... И эти белые уступы – построенные одна над другой палубы. Корабль! Несомненно, пассажирский корабль огромных размеров. Но профессор не слышал, чтобы на планете существовали пассажирские лайнеры... С одной из палуб стартовало сразу три или четыре эгейца на креслах-антигравках. Они кружили над волнами, описывая все более широкие круги.

– На помощь! – крикнул Платон на космолингве. Потом выпрыгнул из воды, махнул рукой. Несомненно, его замети-

ли, потому что два эгейца резко развернулись и помчались к археологу, один спустился к самой воде. Платон протянул руку, и щупальца захлестнули запястье, как лассо. Кресло развернулось и помчалось к кораблю. Платон вертелся в воздухе, размахивая свободной рукой и дрыгая ногами. Ему казалось, что сейчас рука его оторвется, а сам он булькнет обратно в Океан. Но рука не оторвалась. Эгеец доставил спасенного на корабль и аккуратно опустил на одну из палуб. А сам улетел. Профессор стоял, растерянно оглядываясь. Тут же его обступили пять или шесть эгейцев – самок и самцов. Все – без масок или перчаток, но напудренные и раскрашенные, гроздя украшений из раковин, сплетенная из водорослей одежда.

– Профессор космической археологии Платон Рассольников, – поспешил представиться Атлантида. – Попал в косяк кровожадных рыб и...

– Не надо объяснений, – прервала его самка, одна половина ее лица была выкрашена в голубой цвет, другая – в ярко-розовый. Сетка, сплетенная из розовых жемчужин, спускалась с головы на плечи. – Каждый волен плыть, куда хочет. У каждого своя волна.

– Я согласен... полностью. Но, как мне показалась, не все на Эгеиде разделяют эту точку зрения.

– Слушай изысканцев и не обращай внимания на других. Наш остров плывет, куда несет его течение нашей прихоти. Веселисты в плену прибоя. Мы – нет. Твоя прихоть – это

твоя прихоть, она не касается никого из нас.

– И как долго вы намерены плыть?

– Пока не пройдем всю глубину...

Большинство изысканцев через минуту утратили интерес к гостю, улетели и расположились вокруг огромного бассейна. Лишь самка в жемчужной накидке осталась подле спасенного.

– Но, к примеру... куда вы плывете? Мне нужно попасть на остров Волка, – сказал профессор.

– А нам никуда не нужно... – отвечала его собеседница.

– Однако вы движетесь к острову Дальний.

– Дальний – для стада. И кроме стада, там никого нет. Как и остров Волка.

– Там есть изображения, по-видимому, древние. Эгейцы на рельефах похожи на людей.

– Такие на Эгеиде есть повсюду. Когда-то мы тоже стояли на двух ногах и жили на суше. Был ли тот мир лучше или хуже, мы не знаем. Знаем одно: он невозвратим. Мы думали, что сбросили путы суши, как, впрочем, и многие другие путы, и ощутили невиданную дотоле свободу, и слились со стихией. Бурлящая жизнь под водой казалась сказочной, и мы вообразили себя ее повелителями. Однако желание возвратить прежнее одолевает эгейцев все чаще и чаще. Все дело в том, что мы не принадлежим полностью морю. Мы не смогли измениться настолько, чтобы научиться дышать водой. Мы дышим воздухом, спариваемся и размножаемся на суше. Мы

разрушили прежнюю Эгеиду, чтобы приспособить ее к нашей новой жизни. Мы были уверены, что сможем обойтись без суши. Что море нас примет и взлелеет. Но мы вынуждены были вернуться. Не на сушу – на ее обломки. Эта половинчатость нас и погубит. Либо мы избираем Океан, либо сушу. Нельзя одновременно принадлежать тверди и морю. Но что выбрать? Физиология влечет нас в Океан. Но какая-то неистребимая мечта, беспочвенная – ах, это очарование старых слов – заставляет возвращаться на сушу. Лучшим было бы предоставить каждому возможность выбрать свой путь. Ведь не для всех он одинаково желанен. Кому суша, кому – море. Но неумолимость нашептывает: выбора не будет. Те, для кого притягательна суша, – умрут. Остальные уйдут в Океан и забудут, что когда-то могли выходить из него.

Профессора Рассольникова неприятно задела эта фраза: выбора нет. Сам он думал о том же совсем недавно на острове Дальнем. И вдруг сразу же (или почти сразу) услышал эту мысль в заявлении леди Эгеиды. Как будто она ее украла. Но как? Океан нашептал?

– Главная проблема – проблема выбора. Но способен ли разум вообще выбирать? В том смысле, что не способен оценить все далеко идущие последствия и потому выбирает наугад. – Его собеседница отвернулась, как будто не хотела больше разговаривать.

«Мы разрушили прежнюю Эгеиду, чтобы приспособить ее к нашей новой жизни».

– То есть, первоначально были изменения самих эгейцев, а потом уже растаяли льды, и Океан затопил большую часть суши. Так получается?

– Правивший планетой совет решил растопить ледники, чтобы уничтожить твердь. Были многие, кто не желал погружаться в море. Они бились за сушу, отстаивая ее право быть твердью, а не ругательным словом. Бились за право на этой суше пребывать. Но море победило. Эгеида превратилась в многочисленные архипелаги, разбросанные по необъятной груди теплого Океана. Эгейцы не опирались больше на твердь – они к ней прислонялись – на время. И возненавидели ее. Но и Океан не полюбили.

Разговор их прервался: молодой эгеец, с выкрашенным черной краской лицом подлетел к даме и протянул ей несколько листов серой толстой бумаги – точь-в-точь такую давали в таверне стражей.

– Все прочли, – сообщил чернолицый. – Многие хвалили. Кое-кто даже запомнил несколько строк.

– Ты тщеславен, мой друг, – отвечала леди Эгеиды. И, размахнувшись, швырнула листы в Океан.

– Когда Эгеида одумается, мы уйдем в воду. А пока – мы не желаем принадлежать ни суше, ни морю.

– Кто же вас кормит? Кто строит эти корабли? – подивился профессор.

– Неужто ты такой недогадливый? – женщина улыбнулась. Бреген?.. Но Атлантида не успел задать свой вопрос. Здо-

ровяк-эгеец, который час назад вытащил его из воды, подлетел, ухватил щупальцами за руки и потащил за собой. Пролетев метров двадцать, эгеец разжал щупальца, и археолог упал в воду.

К вечеру Платон вернулся из похода на остров Дальний. Защитный костюм красные рыбки ему все же прогрызли в нескольких местах. И даже прокусили кожу. Вернее, вырвали маленькие ошметки плоти.

– У меня для тебя новость! – сообщил Дерпфельд.

– Как Стато? – перебил Платон.

– Живой. Что ему делается? Все безмозглые твари живучие.

– Почему ты называешь его безмозглым? – профессор обиделся, как будто сам был эгейцем.

– Потому что у эгейцев IQ в среднем ниже, чем у людей.

– В среднем выше... в среднем ниже... Среднее не выше и не ниже – оно всегда среднее. – Платон решил не продолжать спора, чтобы не поругаться окончательно.

Приведя себя в порядок, он отправился навестить Стато. Раненый эгеец еще не пришел в себя. Он по-прежнему лежал в камере с морской водой в спальне Атлантиды, обсыпанный золотой обойной пылью.

– О том, что ты побывал на острове Волка, доносить было

некому, – ухмыльнулся Дерпфельд.

– Он очухается?

– Откуда мне знать! – сержант начинал злиться. – Я ему не нянька. Если хочешь, поймай еще пять зайцев, обмажь его с головы до ног. Но сначала выслушай меня!

– Ну, слушаю...

– Смотритель императорских музеев приглашает тебя в Столицу на прием к Императору.

Да, это новость так новость. Неужто слава профессора Рассольникова так велика? А вдруг и в самом деле?..

– Что ж... – познакомимся с Императором.

– Ты познакомишься, меня не пригласили, – уточнил сержант сухо. – А у тебя как успехи?

– Я нашел стену, где замурован Пергамский алтарь.

– Что это такое?

После объяснений Дерпфельд удовлетворенно кивнул: теперь он это знал. Платон рассказал об острове и о невидимой находке на дне. Стена сержанта не заинтересовала. Тогда как на дне...

– Это мог быть корабль, – предположил Дерпфельд. – Судя по твоим рассказам, он размером с баржу. Что это может быть? Корман его тоже, видимо, обнаружил. Надо заняться этим кораблем.

– Корабль? Ну да, на дне Океана должно быть немало затонувших кораблей. Что с того? Нет, я считаю, надо заняться стеной. Именно о стене Корман мог написать «Пергам».

– Неужто не понимаешь? Именно этот эгейский корабль он назвал «Джи-джиду». То есть невидимость. Ты должен это знать.

– Корабль не может стоить десять миллиардов! Размером он похож на грузовые баржи, которые эгейцы таскают за собой, а после окончания срока службы топят в море. Может, это и есть баржа? – предположил Атлантида.

– Которая почему-то стала невидимой, – съязвил Дерпфельд.

Они спорили так часа два – и все безрезультатно.

ГЛАВА 7

ПИРУШКА

Документ 7.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

П.Р. посетил остров Дальний. Как удалось установить с помощью неофициальных каналов информации, археологом обнаружен спасательный шлюп. Джи-джи-ду находится где-то севернее Дальнего на абиссали. Объект проявляет повышенный интерес. По-прежнему помощь не прибыла. Советую привести отряд «2» в готовность. Развязка может наступить в любой момент.

Стато решил не умирать. Да и как он мог умереть, если дважды его раны заливались слизью морских зайцев, если тело его покоилось в бассейне с теплой морской водой, над головой всегда была тень, и Платон раздобыл у одного из помощников Брегена несколько пластин спрессованных водорослей само-само, которые и утопленника могут поднять со дна. И хотя воскресать может лишь Прекрасная Эгеида, а все остальные – смертные и растворятся в ее теле, чтобы другая жизнь замельтешила личинками и миллионами спор, но все же прекрасно открыть глаза и увидеть виноцветное море под прозрачным полом домус-блока. Лежать в воде, обсыпанным

пудрой пылицы с цветущих обоев и пить неспешно рыбный бульон, в который человек забыл добавить листья морского укропа.

Едва воскреснув, Стато выбрался из больничного бассейна и пополз по полу за своим спасителем, норовя потереться головой о его локоть и тем самым выразить высшую степень преданности без произнесения клятвы. Нет, не подумайте, он бы произнес, непременно! Но он уже дал клятву Крто, а вторую клятву нельзя произносить, и потому Стато будет предан просто так, без клятвы... Эгейцы не плачут. Они – пищат. Стато пищал постоянно. Только начинал говорить, только произносил две-три фразы благодарности, и тут же вновь срывался на пронзительный писк. Платон невольно зажимал уши. Ему самому было впору пищать от смущения. Благодарность Стато была невыносима. Да, он спас стражу жизнь. Но ведь это сержант купил червя у кладбищенцев и выпустил в воды острова Волка...

К черту клятвы преданности! Профессора Рассольникова ждут в Столице. А Дерпфельд не собирается ухаживать за больным эгейцем – это Платона почему-то обуяла странная сентиментальность. Так что стражу пора собираться и отправляться домой. За пару часов они домчатся до острова Вдохновения, и Стато расскажет Крто о спасении своей жизни.

Ладно, ладно, хватит благодарности, Атлантида и так все понял...

Нет, не хватит. По случаю спасения Стато устроит пирушку. И его спаситель не может не прийти. Археолога ждут в Столице? Но ведь это завтра. А сегодня – вечеринка и все стражи соберутся в таверне Стражей (другой просто нет) и профессору Рассольникову не нужно приносить свой гостевой взнос – стражи все сделают за него. Морив и Криг поймают рыбу, хозяин изжарит, Имма заплатит за пиво. И если пожалует Крто... Нет, к сожалению, архонт не пожалует – с подчиненными он не пьет уже давно. А жаль, Крто мог бы раздобыть немного эгейского вина из подводного винограда. Сказать по секрету: жуткая гадость, но в голову шибает хорошо. И лечебные свойства отменные. Сейчас вино бы Стато не повредило.

На память страж хотел бы что-нибудь подарить своему спасителю... Но он не знает – что. Может, коллекцию раковин? У него есть отличные раковины – куда лучше того барахла, что вывез с Эгеиды Корман. Таких раковин, как у Стато, не купишь – он их собирал еще на Дальнем, а потом привез с собой. Двенадцать раковин. Они невелики, но красоты необычайной. И Платон должен их принять.

– Первый тост за профессора Рассольникова, друга Эгеиды! Пусть всегда у него будет час прилива!

– Час прилива! Час прилива! – загалдели стражи.

Все торопились плеснуть на голову профессора немного пива из своих чаш-раковин. Белый костюм весь был в зелено-желтых и бурых пятнах. Хоть бы предупреждали о подоб-

ных обрядах.

– А теперь пьем за Стато! Стато, пусть в гареме у тебя будет десять самок! Осилишь!

Сам Стато, расплзшийся амебоподобной массой по креслу-антиграву, согласно кивнул. На голове его была новая маска, казавшаяся абсолютно кукольной. Маску подарила Имма.

– Осилит! – поддакнул Морив. – Главное, чтобы у Крто был час прилива. Тогда и нас подхватит волна. Нужная волна...

– Ребята, мы забыли пожелать прилива Крто... Нужной волны ему! Будем ждать нужной волны!

– А какая волна нужная? – спросил Криг и вздохнул. – Нужная кому? Брегену?... Императору? Крто?.. Мне не нужны их волны, их приливы. Мне нужен Океан, весь целиком, прозрачный и чистый, блестящий в лучах светила Океан. Без горькой рыбы, бездохлых киторылов на камнях.

– Криг, осторожней... Раковины Слокса повсюду...

– Море сдыхает, какая тут к червям осторожность! Твердь! – выкрикнул Криг. И Платон не сразу понял, что эгеец выругался.

– Но эгейцы сдыхают быстрее, – неожиданно погрузтел Стато и издал пронзительный писк, от которого заложило уши. – За пять лет стадо уменьшилось вдвое. Уже почти нет свободно кормящихся. Все работают на шельфе у Брегена. Скоро и там будет недостача...

– Ну и хорошо, – издал булькающий звук Криг. – Ненавижу стадо.

– А я был в стаде. Три гона. Это было – да... Это было... – Морив издал низкий трубный звук. Имма отпрянула. Буквально отлетела к стене на своем кресле. – Но надо уметь быть в стаде. Вот наука. Быть в стаде и не попасть в ловушку для стада. Пусть другие мрут на старом шельфе. Океан огромен. И для тех, чей IQ повыше, чем у прочих, есть масса возможностей. Я, к примеру, ловил рыбу для кухонь Столичных питалищ. Притаскивал в сети за раз по сотне рыбин. И вот я – страж. А все мои ровесники уже пошли на корм броненосцам.

– Вам нравится такая жизнь? – неожиданно спросил профессор Рассольников. Сам не знал, зачем спрашивает. Вырвалось невольно – и все.

– Тише, говорю! – вновь остерег болтливых друзей Стато. – Или нас всех лишат огня.

«Лишить огня»... – Платон слышал когда-то такую формулировку. Кажется, она звучала иначе. Да-да, «Лишить воды и огня» – это формула наказания. Но вряд ли на Эгеиде можно кого-то лишить воды.

– Так вам нравится так жить? – повторил свой вопрос археолог.

– При чем тут нравится – не нравится? – все больше злился Морив. – Мы – здесь и нигде больше быть не можем. Мы выкарабкались. Отлив не унесет. Будем жить и ждать.

– Но разве это ненормальная жизнь?

– Что есть норма? Мы получаем то, что могут получить стражи. А стадо получает то, что может получить стадо. На островах Блаженства едят хлеб. Настоящий хлеб из настоящей пшеницы, хотя на планете не растет ни зернышка. Но пока у нас есть металл, пока шахтеры грызут шельф, стражи будут есть хлеб.

– Ты отличный парень, профессор, клянусь прибором! – Стато после пятой кружки местного пива доверительно обхватил лентой-щупальцем Атлантиду за плечи. – Я готов за тебя умереть. Прежде я был готов умереть только за Крто. А теперь – за тебя. Без клятвы, да. Но все равно – готов.

– Местная форма преданности? – поинтересовался профессор.

– Это только кажется, что можно жить и плевать на законы мира, в котором живешь, – проговорила вдруг Имма, разглядывая пустую раковину. – Этот мир впивается в тебя... вгрызается, как огромная минога-паразит. И ты не замечаешь, что уже заражен. Хочешь стать другим, а стал таким же, как все. И ненавидишь других за то, что на них похож. Ненавидишь...

– А почему ты готов умереть за Крто, Стато? – Задавая вопрос, Платон внимательно смотрел на Имму.

– Он спас мне жизнь, как и ты... Он – мой со-островник. И он сделал меня стражем. Имму сделал стражем... Мы все с одного острова – с Дальнего. Крто – замечательный! Правда,

Имма?

– О да! – воскликнула она с какой-то странной интонацией и залпом выпила все содержимое раковины себе в рот. – Вот что я скажу... Стато, не обижайся, но это так. Эгейцы воображают, что они эмоциональны. Но это вранье! Да, вранье... – В горле у нее булькнуло – надо понимать, она смеялась. – На самом деле эгеец – это кусок льда. От нестерпимого жара переживаний он обтаивает и пищит. Но все равно внутри остается лед... Все эмоции-вранье. Сентиментальность эгейцев – наносная, подсмотренная. Их ничто не трогает. Ничто не может их сдвинуть с места. Но при каждом прикосновении они визжат, визжат, визжат. А я так хочу, чтобы заткнулись! – Ее красивая маска перекосилась от злобы вместе с невидимым лицом.

– И что же? Не бывает исключений?

– Ну почему же... бывает... иногда. – Имма смотрела на Платона в упор. И в ее глазах чудилось такое отчаяние... – Но лучше бы не было.

Имма опьянела. Не сильно, но достаточно, чтобы попробовать ее разговорить. Жаль, что Дерпфельд отказался идти на пирушку. Ну да ладно, пусть гордится своим средним IQ, а Платон, хотя и профессор археологии, и автор сотни публикаций по космической археологии, человек не гордый, ему не зазорно пировать с глупыми эгейцами. Напротив, очень даже весело.

Итак, начнем...

– Я зря трачу время на этих дурацких раскопках. На новом шельфе ничего не осталось – все вымели эгейцы, – тяжело вздохнул Атлантида. – Вернусь с пустыми руками. Как Корман.

– Ты – хороший парень, – шепнула ему на ухо Имма. – А Корман негодяй... Неужели он был твоим другом? Даже не верится, клянусь... прибором...

– Черный археолог, как и я. Мы все негодяи. Особенно, когда речь идет о больших деньгах.

Имма нахмурилась. И Платон понял, что невольно обидел ее. Он пошутил, но она приняла его слова всерьез. Ну, раз так...

– Десять миллиардов кредитов, – сказал он, глядя ей в глаза. Как и у всех эгейцев, у нее были черные глаза, выпуклые, блестящие.

Она вдруг сделалась белой, как мел. Маска, способная бледнеть... Невероятно.

– Имея такие деньги, можно жениться на самой красивой женщине Галактики. На Елене Прекрасной.

Она побелела еще больше, хотя это казалось невозможным. Профессор подумал, что она сейчас упадет в обморок. Или умрет...

– Налей мне, – попросила Имма Морива. Голос ее звучал как неживой. Платон не стал дожидаться, пока Морив захочет услужить – сам наполнил раковину даме до краев. Она наклонилась к Платону и шепотом спросила: – Вы все знае-

те?

– Многое, – отвечал профессор и улыбнулся загадочно.

– Но что именно? – настаивала она.

– Я видел объект на дне. – Она едва заметно кивнула. –

И стену.

Она покачнулась и едва не упала с кресла.

– Вы любите деньги, как Корман? – спросила она шепотом.

– Кто их не любит?! – Платон пожал плечами. – Может быть, ваш супруг Крто бескорыстен.

– Крто – замечательный! – воскликнула она запальчиво. Слишком запальчиво, чтобы поверить в ее искренность, – Спросите любого, здесь все преданы Крто...

– Все вы цените собственную шкуру, а не Крто, – заметил Платон. – А лично Крто для тебя много значит?

Имма обиделась. Так обиделась, что задрожали губы. Губы, обтянутые маской.

– А вы не цените свою шкуру, профессор? – спросила зло.

– Нет, не ценю. Потому что она бесценна, – засмеялся Атлантида.

Разговор вдруг прекратился, и все запели. Раззявили рты и полилось... Платон едва удержался, чтобы не заткнуть уши.

«Рыба... рыба... Океан... Океан...» – переводил текст песнопений транслейтор.

Взгляд профессора упал на Имму. Ему показалось, что

она не поет, а лишь раскрывает рот. И при этом с ненавистью смотрит на поющих. Мгновение – и она перехватила его взгляд. Схватила раковину-бокал с хмельным местным пивом и выпила залпом. Несколько секунд сидела неподвижно, глядя в одну точку. А потом вдруг завизжала – как визжат эгейцы, когда гнет эмоций для них непереносим.

Пирушка затянулась. Когда Платон вырвался из таверны, светило Эгеиды тонуло в пурпурном океане. Песок на пляже сделался розовым и слегка светился. Волны едва плескались. Тихий шорох, похожий на мурлыканье котенка. Вода наверняка теплая. Окунуться...

В алом небе возникла серебристая точка и стала расти. Выросла, превратилась в патрульный глайдер Эгеиды. Глайдер опустился рядом с профессором, фыркнул в лицо песком. Из машины выбрались трое на стульчаках-антигравках. Все трое в сине-зеленой форме. У каждого на рукаве сверкала голограмма – серебряный восьмилистник. Главным, несомненно, был упитанный эгеец в белой человекоподобной маске с короткими рыжими волосами. В отличие от прочих эгейцев, глаза у этого беломасочника были не черные, а зеленые в рыжих крапинах, и крапины эти постоянно дрожали. Сумасшедшие глаза. Платон невольно отступил к набережной. Интуиция подсказывала: встреча не сулит ничего хорошего.

– Человек? Из команды Брегена? – спросил главный.

– Да, человек. – Утверждение, так сказать, обязывает. – Но

не Брегена. Я – археолог, прибыл на два месяца на Эгеиду.

– Пропуск, – потребовал зеленоглазый, подплывая на своем стульчаке к археологу вплотную. И протянул руку по-обезьяньи длинную, в черной блестящей перчатке.

Атлантида сунул руку в карман и... обнаружил, что пропуска нет. Он оглянулся, отыскивая глазами кого-нибудь из стражей. Но никого рядом не было. На пляже он очутился один. Совершенно один. Остальные продолжали петь: «Рыба, рыба...»

– Я, верно, обронил его там, в таверне... мы тут с ребятами немного выпили по случаю... выздоровления стража... – когда же он в последний раз видел этот чертов пропуск?.. Из домус-блока, собираясь в Столицу, он пропуск забрал. А дальше? – Я сейчас! – Платон повернулся.

– Стой! – ледяным тоном приказал главный. Профессор покосился из-за плеча. Все трое охранников целились в него из бластеров. – Лицом ко мне!

– Вы неправильно поняли, – Атлантида подчинился приказу. – Я не собираюсь бежать. Всего лишь хотел вернуться в таверну и поискать там пропуск. Куда он мог деться?!

– В глайдер его!

Двое мгновенно подплыли к Платону и ухватили за Руки. Профессор не успел вытащить бластер. Зато охранник быстро изъял оружие. Щупальца без перчаток скрутили пленника прочнее любых самых прочных мономолекулярных нитей. Платон сопротивлялся. Ноги – это преимущество. Ноги

– это опора на планету. На сушь, на твердь. И даже песок бывает удачной опорой. Он исхитрился и поддал одно из кресел снизу. Эгеец подпрыгнул, едва не вылетел из кресла, но добычу не выпустил. Несколько щупальцев вцепились профессору в волосы. Второй удар нанести не удалось...

– Стойте! – услышал Платон голос Иммы. – Светлейший Слокс, что случилось?

– Забираю не идентифицированное существо, – отвечал зеленоглазый, и в горле у него забулькало. – У тебя отличная маска, и почти как настоящая. Столичной даме не стыдно надеть такую. – Странно, но с Иммой Слокс тоже говорил на космолингве.

– Почему не идентифицированное существо? – Наигранно изумилась Имма. – Это профессор археологии Платон Рассольников, он ведет раскопки на острове Волка.

– Я об этом ничего не знаю.

– У него разрешение МГАО и Лиги Миров.

– У него нет пропуска. В кабину его! – приказал Слокс подручным.

– Как нет пропуска?! Вот он! Профессор отдал его мне, опасаясь, что выпьет слишком много во время вечеринки и может его потерять. А я страж, и должна следить...

Имма протянула Светлейшему Слоксу пропуск Платона. Только сам Платон не помнил, чтобы отдавал девчонке пропуск.

– Здесь виза Службы Безопасности Лиги Миров, – заме-

тила Имма.

Слокс долго изучал пропуск. Потом что-то сказал своим подручным на эгейском, Имме тоже ввернул какую-то гадость. Однако охранники отпустили свою жертву. Слокс молча протянул пропуск Платону.

– Могли бы извиниться, – заметил профессор Рассольников. – К подобному обращению я не привык...

– Ах да, извиниться...

Что произошло дальше, Платон не понял. Кажется, из прорехи на черной печатке вынырнула змеиная лента щупальца и обвилась вокруг горла. Мгновенная боль. И пропало алое небо, желтый диск светила и пурпурное море.

Очнулся профессор, лежа на теплом песке. Рядом осталась только Имма. Глайдер вновь сделался черной точкой на фоне гаснущего неба.

– Со Слоксом так нельзя говорить. – Укоряла Имма, наклоняясь над ним. Она вылезла из своего кресла и поливала лицо Платона морской водой. Соленая вода обожгла шею – там, где несколько минут назад впилося щупальце Слокса.

– Этот мерзавец что, кусается? – Платон тронул шею и сморщился от боли. С одной стороны шея распухла, было больно даже глотать.

– Нельзя так с ним говорить, – повторила Имма.

– Черт возьми, он присвоил мой бластер. Мой «фараон»!

– Я нашла пропуск и кинулась вас искать... – бормотала Имма. – На Эгеиде нельзя терять пропуска. Это слишком

опасно.

– А теперь правду, – проговорил профессор раздраженно. – Правду и ничего кроме... Вы утащили мой пропуск. Зачем он вам? Хотите покинуть планету?

– А что если так?..-она выпрямилась, немного отползла, упираясь руками и помогая себе хвостом.

– Кормана тоже пытались обокрасть? Потому вы и поругались?

– Умоляю вас, ради агатодемона, не говорите о Кормане...

– Умоляю... – передразнил Платон. – Она умоляет!

Имма хотела ускользнуть, но Платон оказался проворнее. Она уже сидела в кресле, когда археолог вскочил и схватил ее за руку. Она попыталась вырваться. Сила у нее была: щупальца под перчаткой напряглись и затвердели до костяной твердости.

– Нет уж, извольте выложить мне все о Кормане. А до той поры я вас не отпущу. Или...

– Или вы пожалуетесь? Кому? Крто? – Уж в чем, в чем, а в защите Крто она была уверена.

– Нет. Я вызван в Столицу и найду, с кем там переговорить.

– Не-ет... – только и выдохнула она.

– Тогда говорите... Зачем вам пропуск...

– Да, я хотела бежать с планеты. Вас устроит ответ?!

– Почему?

– Потому что мне все здесь опостылело. Все! Все мерзко!

Гадко! Ненавижу! Все ненавижу... – маска ее исказилась совершенно по-человечески. Казалось, она сейчас разрыдается. – А теперь отпустите мою руку... – Она судорожно вздохнула и попыталась справиться с собой.

Но Платон не спешил выполнить ее просьбу.

– Разве Крто не может купить вам пропуск?

Она презрительно фыркнула.

– Эгейцы не покидают свою планету по собственному желанию. Здесь желания отдельной особи вообще никто не принимает в расчет. Только дипломаты и торговцы по особой императорской милости имеют право покидать этот мир. А Крто не имеет сильного покровителя в Столице. Мне никогда не уехать отсюда... Никогда...

– Странно... – Платон покачал головой. – Судя по здешним порядкам, Эгеида относится к планетам-вырожденцам. Такие режимы обычно не принимают в Лигу Миров. Неужели миролюбие искупает все грехи?

– Не надо обижать нашу планету, – произнесла Имма с неожиданной тоской. – Здесь удивительное море. Из космоса Эгеида кажется голубым шаром, как Старая Земля.

– Голубой шарик, как трогательно! – Платон разозлился. – Мне, честно говоря, абсолютно плевать на все ваши внутренние заморочки. Любите свое море, которое Бреген буквально пожирает у вас на глазах, восхищайтесь жуликом Крто – мне все равно. Я всего лишь ищу следы моего друга Альфреда Кормана.

– Зачем вам это...

– Расскажите подробно о Джи-джиду....

– Вы нашли... – начала Имма, и вдруг лицо ее перекошилось. – А-а-а...

Только и выкрикнула она. Профессор невольно оглянулся.

Он увидел, что на него со всей скорости мчится Крто на своем кресле-антиграве. Атлантида хотел отпрыгнуть в сторону. Не успел. На полной скорости эгеец врезался в Платона.

– Не надо! – услышал Атлантида крик Иммы. Вспышка боли... И мрак... И после этого говорят, что эгейцы не агрессивны.

– Он пришел к тебе, да!.. – Крто кричал. Звуки доходили будто издалека. Как сквозь вату. – К тебе. Как Корман...

– При чем тут... нет, так нельзя, нельзя... Он лишь ищет убийцу друга и Джи-джиду. Но он не найдет его сам, никогда не найдет... Но мы бы могли...

– Тебе мало Кормана?

– Все не так...

– Мало Кормана?..

– Он – не Корман... Он спас Стато.

– Поэтому я его и не убил...

– Не смей так говорить!..

Странно, что Платон понимал их разговор. Ведь он знает на эгейском не более двух десятков слов. До него не сразу

дошло, что Крто и его жена говорят на космолингве.

– Взгляни на мои руки... взгляни на мои руки... на лицо... да, на лицо... Разве этого недостаточно. Разве теперь мои руки плохие?

– Крто, так нельзя...

– Я знаю... Все дело в днях слиянии Лун... Слишком редко... Да, в этом дело... в этом... Но цикл не изменить.

– Крто, умоляю... Отпусти его. Приснились ему эти голоса или он слышал их наяву?

Очнулся археолог в полной темноте. Лежал на каменном полу, спиной привалившись то ли к столбу, то ли к колонне; руки скованы в обхват столба. Старинные металлические наручники: такие есть у каждого стража. Не убежишь. Заметил вдали какой-то проблеск.

Кажется, слабенькая красноватая лампа почти ничего не освещала. Вся правая половина груди и рука нестерпимо болели.

«Сумасшедший, этот Крто сумасшедший...»

Платон попытался пошевелиться. Тут же острая боль вспыхнула в боку, и археолог невольно застонал. Губы запеклись и пересохли, пить хотелось невыносимо.

И вдруг он услышал шаги – нечеловеческое шлепанье: несомненно – прыжки. Прыжки эгейца по полу на хвосте – этот шлепающий звук ни с чем не спутаешь. На Эгеиде нет существ, которые ходят по земле, как люди. Здесь все либо плавают, либо ползают. Ползать сложнее, чем плавать. Пры-

гать – невероятно сложно. Особенно по ступенькам. Но эгейцы упрямо делают ступеньки в своих домах. Эгеец тяжело дышал при каждом прыжке.

Щелкнул замок, и наручники разомкнулись.

– Уходи... – узнал он голос Крто. – И оставь нас в покое. Джи-джиду ты не найдешь, только погубишь себя и нас. Уходи.

И тут же вновь послышалось шлепанье. На этот раз звук удалялся.

Платон встал на четвереньки, пытаясь сориентироваться в темноте. Красноватая лампа наверняка горела у выхода. Платон поднялся и двинулся на ее свет.

И вскоре очутился на воздухе. Легкий бриз дул с моря. Стояла непроглядная ночь.

«Кажется, у входа в дом Крто был бассейн, – вспомнил Платон. – Хорошо бы в него не свалиться».

И тут же свалился. Плеск был невыносимо громкий. Атлантида камнем пошел на дно. И лишь когда он коснулся мраморной облицовки дна, тело вновь стало повиноваться, и археолог медленно всплыл на поверхность. Никто не отреагировал на его падение. Его отпустили – пусть идет, куда хочет. Но вот проклятие – борта бассейна были довольно высоки, а лесенки – ни одной. Считать минуты при выходе из бассейна эгейцы почему-то не желали. И пандус тоже не построили. Платон мог дотянуться пальцами до края бассейна. Но при попытке подтянуться на руках, бок начинал разры-

ваться от боли. Так можно потерять сознание и утонуть. Нет, похоже, без посторонней помощи ему не выбраться. Напрасно он двигался вдоль бортика – нигде никакой зацепки. Это похоже на ловушку. . . В одном месте бассейн оказался неглубоким, и археолог встал на дно. Вода была теплой. Придется ждать до утра. Пошел дождь. Сильный, потоком, крупные капли били по воде. Дождь был теплым, но Платон весь дрожал. Тело онемело. Его стало клонить в сон. Нет, спать нельзя, заснет – утонет. Он надеялся, что после дождя уровень воды в бассейне поднимется. Нет. Черт возьми, нет! Лишняя вода тут же уходила.

Дождь кончился. Ветер разогнал тучи. Сразу стало светло – две луны вынырнули из-за облаков. Одна маленькая, прямо над головой, серебряная. Вторая огромная, голубая, только-только выплыла из Океана.

«На островах Блаженства слабые приливы. Самые сильные – на Диких территориях», – вспомнил Платон строчку из сайта.

Послышались крики, бульканье и шлепанье тел. Эгейцы. Сразу пять или шесть. Судя по легким шлепкам – молодняк, подростки. Ползут к бассейну. Шлеп. И первый нырнул. Следом еще и еще. Они резвились в воде, кувыркались. Платон стоял в тени бортика, и они не видели его. Пока.

– Эй, ребята, помогите мне выбраться отсюда. Я уже достаточно накупался, – попросил Платон. Зубы его сами собой выдали длинную дробь.

Эгейцы замерли. Раздалось знакомое бульканье. Пять или шесть подростков окружили археолога. В свете лун их глаза отсвечивали серебром. Ребяшня переговаривалась – на своем, эгейском. И вдруг один протянул щупальце, ухватил человека за руку и потащил за собой. Второй схватил за другую руку. Атлантида застонал. Его стон был похож на писк эгейца. Писк восторга. Именно так ребяташки его и поняли. Ударили хвостами и поплыли, поднимая пену, закладывая немислимые виражи и издавая радостный писк. Платону казалось, что его бок сейчас разорвется от боли.

– Стойте! Не могу больше! Стойте! – Он задыхался, глотая соленую пену.

Но они не понимали его. Они не знали еще космолингва. Они продолжали пищать от восторга и волочить человека за собой. Археолог попытался вырваться. Куда там! Тогда он исхитрился и ухватил зубами одного из подростков за щупальце. Эгеец закричал – низкий рокочущий звук. Платон попытался издать аналогичный. Надо показать, что ему больно. Но подростки не поняли его вопля. Или поняли как-то не так. Миг – они выпрыгнули из бассейна и оставили человека одного.

– Стойте, сукины дети! Стойте! Помогите мне выбраться! – вопил им вслед Атлантида. Но они не пожелали возвращаться.

– Сюда! – кричал археолог. – Имма! Крто! Вытащите меня из этого чертового лягушатника.

Неужели не слышат? Не слышат, конечно. Ведь Платон уже не кричит – сипит от холода. Возможно, они думают, что это веселятся подростки, как всегда в поздний час.

И вдруг в глаза ему ударил свет. Атлантида зажмурился. А когда открыл глаза, увидел, что Вил Дерпфельд протягивает ему руку.

– Что ты здесь делаешь? – спросил коп.

– Пп-плаваю... – Платон выбил зубами длинную дробь. – Черт возьми... – Археолог ухватился за руку полицейского и, скрежеща зубами, выбрался из бассейна. Его трясло.

– Что с тобой? Такое впечатление, что тебя всего перекосило.

– По мне проехала тележка-антиграв. Несчастный случай, можно сказать.

Он решил пока ничего не говорить про нападение Крто.

– По-моему, тебе здорово досталось, придется отвезти тебя на базу Брегена.

– Утром меня ждут в Столице.

– Успеешь. Сначала – объятия медицинского робота. И, прежде всего...

– Прежде всего – глоток текилы.

– Не прихватил.

– А зря.

ГЛАВА 8

СТОЛИЦА

Документ 8.

Островитянин 7 – центру. (Совершенно секретно)

Веду наблюдение за архонтом. Его поведение подозрительно. Объект также сосредоточил свое внимание на архонте. Причастность эгейцев не исключена. Поиск, который ведут гости, слишком сумбурен. Вряд ли их действия увенчаются успехом. Объект и гости направляются в Столицу. Наблюдение в Столице будет затруднено. В Столице располагаю лишь одним временным агентом.

Столица Эгеиды поражала своей эклектичностью. Все, что может, и что не может – тоже, – было заимствовано. Безуспешная попытка сплавить осколки в единое целое привела к невообразимой мешанине. Что было подлинно эгейское, так это страсть к бассейнам, огромным, многометровым, украшенным мрамором и мозаикой. Вода в них морская, непременно с какими-нибудь добавками – какие кому по вкусу. Особенно роскошными были императорские водоемы. Их непременно демонстрировали вновь прибывшим, сюда привел профессора Рассольникова смотритель Столичного музея – пожилой эгеец с подвижным очень милым человеческим личиком. Причем личико это гримасничало при

каждой фразе, пытаюсь изобразить то любезную улыбку, то милость и восторг. Атлантида не мог избавиться от мысли, что лицо эгейца странно знакомое. Будто он видел зрителя раньше, и не раз.

– Никогда не думал, что маски так подвижны, – заметил Платон, то ли лгая, то ли насмешничая.

– Маски? – переспросил зритель и обиженно поджал губы. – Оскорбительно говорить: «маски»! Это не маска, уважаемый профессор Рассольников! Маски лишь у безродных стражей да у выскочек-торговцев. А у знатных и высокогородных обитателей Столицы настоящие лица. У нас самый лучший центр биокоррекции, где можно надлежащим образом изменить свою внешность. Мое лицо настоящее, как и все лица аристократов. И как лицо нашего Императора, отца Эгеиды. За образцы взяты самые красивые людские лица.

Ну конечно же! У зрителя лицо интернет-знаменитости. Джекс Майклтон. Лет семь назад он был чрезвычайно популярен, но теперь уже начал забываться. Платон ожидал чего-то подобного. Разве может маска бледнеть? Или улыбаться, или...

– А руки?

Зритель смутился.

– Замена рук куда сложнее. Хотя многомудрым обитателям Столицы необходимы человеческие пальцы, а не щупальца морской твари. Но не у каждого руки. Если мое положение достаточно прочное, великолепные руки окажут-

ся позволительны. Чудные руки у нашего Императора, отца Эгеиды. – Голос зрителя сделался слащавым, а на физиономии возникло умильное выражение. – Вы приглашены на сегодняшний прием?

– Приглашен.

– Какой вы счастливец. Несколько дней на Эгеиде, а уже удостоены...

– И что же, жители Столицы никогда не выходят в Океан?

– Уважаемый профессор, здесь не в чести подобные вопросы. У вас, обитателя другого мира, нет понимания нашего.

– Повсюду раковины, – подсказал Платон с усмешкой. – На дне и на суше.

Зритель сморщился, будто проглотил что-то кислое.

– Океан для стада. У рожденных на островах Блаженства жизнь без Океана. Пышная жизнь, какую может дать только суша. Изысканцы тоже приверженцы суши, но их суша подвижна, и потому – не подлинна.

– Хочу поговорить о том рельефе, что я послал вам. Ведь он отнюдь не старинный. Это – подделка.

– Нет, нет, он подлинный! – У эгейца побелел нос. Стал прозрачным, как кусок льда. Неужели так страшно признать подделку подделкой? – Это очень старинный рельеф, новое подтверждение теории Слокса о том, что древние эгейцы вели непрерывные войны.

– Не стоит создавать теории, опираясь на фальшивки.

– А вот там, справа, замечательный образец космомоде-
рна! – завопил смотритель, тыча «рукой» в ближайшее зда-
ние.

– Сама плита древняя, но я без труда установил, что
предыдущий рельеф был уничтожен с ее поверхности и со-
всем недавно нанесен новый. Зачем?

Смотритель глубоко вздохнул:

– Вы не в восторге от эгейского направления космомоде-
рна?

– Мне не нравятся фальшивки.

– Злой вы человек, профессор. Ваши слова, чтобы уни-
зить нашу древнюю культуру.

– На древних рельефах нет воинов. Там нет крови, там...

Смотритель пришел в ярость. Буквально запрыгал в своем
кресле.

– Нет у вас права судить нас! Находка в два-три камуш-
ка, прогулка по островку – и уже теория! Обычная людская
самонадеянность. Эгеида – сложнее! Эгеида – древнее! Эге-
ида...

– А чего боятся эгейцы на суше? – спросил профессор. –
Здесь есть свои черви, которых выпускают в нужный мо-
мент?

Смотритель открыл рот, ничего не сказал и вновь закрыл.
Потом выпрыгнул из кресла и плюхнулся в бассейн. Он пла-
вал прямо в перчатках, прижав руки к бокам. Когда вылез,
был вновь спокоен и любезен. О рельефах они больше не го-

ворили.

Прием начался. Эгейцы покачивалась в воздухе в креслах-антигравах вокруг огромного бассейна с синей водой. Вода светилась. Люди, приглашенные на прием, передвигались на своих двоих. Платон поразился, как много на планете людей. Немало было и тритонов. Но они старались не лезть в первые ряды, держались небольшими группками по пять-шесть особей. Некоторые плавали по воздуху на креслах-антигравах. И лишь перепончатые ладони да ноги, снабженные ластами, их выдавали.

Среди гуляющих археолог узнал Брегена. В этот раз Ганс Бреген надел смокинг. Глава филиала попытался пройти мимо с таким видом, будто и не заметил Платона. Профессор Рассольников в последний момент шагнул навстречу и заговорил узкий мосток, перекинутый через бассейн.

– А, и вы тут! – воскликнул Бреген с наигранной радостью. – Ну, отыскиали что-нибудь интересное?

– Пока нет. – Платон сделал вид, что рассматривает бассейн. Сколько в нем глубины? Двадцать метров? Тридцать? На дне светились искусственные гроты. Свет позволял рассмотреть стайки красных и желтых рыбок, что резвились среди кружевных искусственных губок.

– Будьте осторожны с Императором. – Бреген ухватил профессора за локоть и заговорил торопливым шепотом. – И особенно – со Слоксом. Надеюсь, он не знает о ваших дальних путешествиях...

Зачем он это сказал? Ведь здесь наверняка все прослушивается и...

Рядом возник зритель музеев.

– Скорее, профессор, ради агатодемона! У Императора желание вас видеть! Какое счастье! – зритель завершал от восторга.

И он потащил Платона сквозь толпу к сидящему на роскошном, сделанном в виде трона с балдахинным кресле-антиграве, Императору. Как удобно! Император всюду и всегда на троне. Никто не посмеет усомниться в его власти! Лицо у правителя Эгейды было массивное, с тяжелой челюстью, и вислым длинным носом. Черные густые волосы волной спускались на плечи. Абсолютно человеческое лицо. Не маска. Видимо, эта внешность соответствовала канонам красоты эгейцев. Руки императора, непропорционально длинные и мощные, поглаживали золоченые подлокотники кресла.

– Приветствую тебя, единственный повелитель мира, отрок Океана живого, дашь ты мне век добрый и созерцание красоты твоей непрестанно! – свое высокопарное обращение к Императору зритель произнес на космолингве.

Кстати, почти все вокруг говорили на космолингве, а не на эгейском. Император тоже. Лишь несколько тритонов болтали на своем языке.

Император кивнул, давая понять, что позволяет созерцать свою красоту.

– Профессор космической археологии Платон Рассольни-

ков прибыл к нам по поручению МГАО, – еще ниже склонившись, сообщил смотритель.

– Какой мужественный вид у нашего гостя, – заметил Император. Голос у него был тонкий, писклявый. Тоже канон? Император повернулся к сидящему в массивном кресле с золочеными ручками эгейцу. – А он умен, этот человек с внешностью атлета?

Платон узнал в советнике Императора веселиста Слокса. Гот вел себя так, будто никогда до этой минуты с профессором не встречался и там, на берегу, не пытался его арестовать.

– Достаточно умен для человека.

– У меня такое же впечатление, – задумчиво проговорил Император. – И он великий воин?

– О да! – неожиданно вперед выдвинулся какой-то военный – военных можно отличить в любом народе сразу. И археолог узнал в этом эполетоносце Мгмо. – Самый Великий воин, которого видела Эгеида. И его IQ огромен, как Океан.

– Больше, чем у тебя, Мгмо? – спросил Император насмешливо. Он подражал интонациям и мимике людей, однако не слишком искусно.

– О да! Я – лишь ничтожная волна. Он – Океан.

– Этот человек – объект для подражания, – сказал Император, в упор разглядывая Платона.

– Несомненно, – поддакнул Мгмо. – У меня уже есть разработка новой программы под названием: Рассольников –

универсальный солдат.

– Может, назначим нашего друга на твое место? – Император сам первый рассмеялся своей шутке. В человеческом смехе слышалось эгейское бульканье.

Придворные стали вторить владыке наперебой. Обилие звуков, похожих на позывы рвоты. Платон хотел улыбнуться, но губы скривила брезгливая гримаса. Ему показалось, что его сейчас вырвет.

Мгмо вдруг вывалился из кресла и упал к ногам Императора. Но владыка Эгеиды даже не повернул головы. Только императорское кресло поднялось немного выше.

– Мгмо, я тобой не доволен, – капризно заявил Император. – Ты обещал мне военно-морской парад, а его нет...

– Парад – слишком сложно... – простонал Мгмо. – Слишком трудно...

– Для тебя все слишком сложно и слишком трудно. – Император делал руками какие-то сложные пассы. Одна рука совершала вращательные движения, другая проводила в воздухе плавные волны. – Чем вы заняты на нашей планете, профессор?

– Пытаюсь восстановить прошлое вашей цивилизации.

– Вам удалось обнаружить что-нибудь интересное? – Руки Императора неожиданно замерли.

– Пока ничего. К сожалению.

– Жаль... Как жаль... Как жаль... – Пальцы стали исполнять какой-то суетливый беспорядочный танец. – Как

жаль... – И тут археолог понял, что пальцы Императора выписывают в воздухе восьмерки. Или значки бесконечности.

– Жаль...

Мгмо, видя, что Император упорно не желает обращать на него внимания, встал на хвост, постоял, покачиваясь, подобострастно заглядывая в очи повелителя, но опять не удостоенный внимания, запрыгнул назад в кресло и постарался затеряться за спинами придворных.

Вскоре он уже хохотал и веселился вместе с другими.

В небо роем ринулись разноцветные воздушные шарики – перламутровые, серебристые, голубые, похожие на пузырьки воздуха в темной воде. Эгейцы визжали от восторга, глядя им вслед.

– У людей ложный IQ, – сказал веселист Слокс, глядя на археолога своими сумасшедшими зелеными глазами в упор. – Всем людям без исключения вживляют в головы микрочипы. Так что люди – это киборги, их мозг полуэлектронный-полуорганический. Природно эгейцы гораздо умнее людей.

– Откуда эта замшелая информация, – засмеялся профессор Рассольников. – С тех пор как люди научились задействовать резервные отделы мозга, электронные добавки нам ни к чему. Слишком много отрицательных побочных эффектов. Хотя многие применяют для быстроты прямое подключение компьютера к мозгу или к исполнительным модулям. Но это лишь совершенствование систем связи, а не самого

мыслительного процесса.

– Так вы признаете, что пользовались вживленными чипами? Да? Да? – взгляд Слокса продолжал сверлить лоб археолога.

– Мой далекий предок, возможно, был каннибалом. Это не значит, что я питаюсь человеческим мясом.

– Ваш IQ обман, дешевая пропаганда, чтобы подчинить себе уникальные планеты вроде нашей. С истинно человеческой надменностью вы не обращаете внимания на другие цивилизации.

– Не обижайте нашего гостя! – засмеялся Император. – Всем известно, что твой IQ, Слокс, очень высок. Кстати, смотритель, вы показали нашему гостю рельефы и картины, повествующие о военных подвигах Эгейского народа?

У зрителя вновь побелел нос – будто бедняга мгновенно его отморозил.

– Голограммы наших рельефов были отправлены профессору незамедлительно. К тому же профессор Рассольников сам нашел один рельеф. – Теперь нос у зрителя начал дергаться.

Археолог прекрасно понимал, что рискует. Но удержаться не смог. Желание поглядеть, как будет вести себя Слокс, оказалось сильнее.

– Рельеф оказался подделкой, – сказал он небрежно. – Причем – самой примитивной.

Лицо Слокса исказилось, верхняя губа по-звериному

вздернулась, обнажая крупные зубы. Такой оскал Платон уже видел однажды – когда Крто налетел на него и едва не убил. Ярость, подлинная ярость.

Профессор ожидал, что Слокс начнет возражать. Но веселист не издал ни звука.

– Не волнуйтесь! В наших музеях рельефы подлинные! – весело воскликнул Император.

Атлантида не стал возражать: быть дерзким сверх меры не входило в его планы.

Вновь рядом очутился Бреген.

– Вам предложили место адмирала вместо Мгмо? – спросил глава филиала.

– Не-ет!

– А я, признаться, ожидал... Мгмо нынче не в милости.

– Я заметил. Из-за чего он погорел?

– Из-за сущей ерунды: обещал добиться разрешения установить защитные системы невидимости на военно-морские корабли, но ему отказали. Эгеида – нейтральная планета, подобные штучки не для нее. А они жаждут... Ох, как жаждут... – в голосе Брегена прорвались восторженные интонации. – Вы обратили внимание: они все здесь разгуливают с бластерами. Но почти у всех батареи давным-давно сами разрядились. Бойтесь лишь веселистов, оружие остальных – игрушки.

– Подождите... – Платон нахмурился: мусор Брегеновской болтовни едва не похоронил внезапную догадку. – Я

считал, что все современные военные корабли имеют систему невидимости.

– Эгейские – нет. Не удостоены.

«Что же тогда валяется на дне возле острова Дальнего»? – очень хотелось спросить Атлантиде, но он вовремя удержался.

Утро в Столице ни с чем не сравнимо. Ибо это утро в Столице. Здесь все значимо, и каждый – значителен. Каждое здание, каждый бассейн, каждое кресло под каждой толстой задницей (у эгейцев не бывает худых задниц, разве что у тех, что при смерти). Здесь нет архитектурного стиля – есть демонстрация силы и возможностей. Одна галактическая архитектурная мода соперничает с другой. Платон без интереса оглядывал здания. Любитель древности здесь ничего не почерпнет – ибо все новодел. Одни фундаменты старинные. Но они скрыты слоями покрытий, напылений, транспортных конструкций...

А вот арками акведуков полюбоваться стоило. Эгейцы подавали воду не по подземным коммуникациям, а по открытым желобам. Двух- и трехъярусные акведуки возвышались красноватыми или зелеными аркадами над эклектичными бочкообразными зданиями. Акведуки были визитной карточкой Эгеиды, и Столица пыталась выдать их за нечто главное, хотя главным на планете был Океан, от которого Столица отгородилась, который заменила бассейнами с подсвеченными гrotтами и стайками безобидных рыбок.

Профессор остановился перед скульптурой в центре площади. Бронзовая обтекаемая фигура – несомненно, современный эгеец, лежала на спине. А в спину были воткнуты три пики, их острия высывались из живота. Бронзовая струя крови вытекала из широко открытого рта эгейца. Над бронзовой статуей в капсуле-антиграве парил сотканный из серебряной проволоки огромный сверкающий восьмилистник. Возле статуи в кресле парила эгейка в маске, похожей на Мону Лизу, указывала на текущую изо рта убитого бронзовую кровь и что-то лопотала. Вокруг нее в креслицах по двое, снабженных мини-экранчиками учебных компов, парили маленькие эгейцы. Все детки носили кукольные розовые маски, но многие их сняли и корчили друг другу гримасы. Школьники-эгейцы обходились без перчаток: в этом возрасте их будущие щупальца похожи на очень длинные пальцы, а плечи и предплечья еще не потонули в складках жира. Для защиты от палящих лучей светила детки напудрились – кто розовым, кто белым порошком, и теперь вокруг ребятни образовались розовые и белые облачка. Атлантида включил транслятор.

– Это искусственная смерть, акт сильнейшего физического и эмоционального воздействия... – щебетала эгейская Мона Лиза. – Искусственная смерть используется в некоторых случаях для коррекции внешних условий...

Профессор Рассольников спешно выключил транслятор и почти бегом пересек площадь. Но ошибся, и свернул не на

ту улицу. Во всяком случае, в нужном месте музея не обнаружил. Остановился у дешевого ресторанчика, в витрине сидел тритон и манил гостя пальцем. Меж пальцев всеми цветами радуги переливались раскрашенные перепонки. У ног тритона стояла корзина, и в ней – клубок черных живых морских червей. Тритон хватал их по одному и бросал в пышущую паром пасть гриля. Миг – и зажаренный червь вываливался с другой стороны, уже готовый, весь обсыпанный коричневым морским перцем и солью. Наверное, тритон находил эту сцену аппетитной. Платон – нет.

И тут археолог увидел Крто. Эгеец человека не заметил. Он летел по своим делам на кресле. Весь какой-то зажатый, стянутый невидимой сетью, подавленный великолепием и наглой роскошью Столицы. При этом он даже не поднимал глаз, будто боялся встретиться взглядом со счастливыми соостровниками Императора. Типичный провинциал.

Атлантида, почти не скрываясь, последовал за ним. Видимо, Крто не опасался слежки, потому как ни разу не оглянулся. Он влетел в двери массивного пятиэтажного здания. Справа от дверей сверкала огромная бронзовая пластина. Сверху шла надпись на эгейском. Внизу – на космолингве.

«Институт биокоррекции» – гласила бронзовая вывеска.

И тут до Платона дошло! Бледность Иммы и сведенные в гнев брови Крто. Ну, как он раньше не догадался! Эти эгейцы носят не маски, а сращенные с телом личины. Они могут бледнеть, могут улыбаться или хмурить брови. Эти два про-

винциала решили сравняться в исполнении своих прихотей со столичными богачами. Вот почему Крто так нагло стяжает, вот почему держит единственную женщину. Все средства поглощает биокоррекция. А когда он сравнивается со столичными по всем параметрам, то покинет Северный архипелаг и переберется сюда, быстренько освоится, стряхнет с себя тягостную сеть смущения и превратится в наглого столичного чиновника. Все задатки у Крто для этого есть.

Атлантида нырнул в двери вслед за архонтом. В просторном, совершенно пустом холле плавала в серебряном кресле очаровательная человекоподобная девица. Упругие белые груди прикрывала ажурная перламутровая сетка. Лишь хвост, упакованный в серебристый чехол, выдавал местную уроженку. Русалка, да и только. Крто в холле уже не было.

– Приветствую тебя, отроковица Океана живого, дай только счастье созерцать красоту твою непрестанно, – обратился профессор к администраторше-русалке. – Мой друг только что вошел сюда. Мы договорились встретиться, но я опоздал. Еще вчера Император назвал меня образцом для подражания. Вы наверняка слышали в новостях. Так вот, мой друг решил взять меня за образец в смысле самом прямом...

– Как зовут вашего друга? – спросила русалка с личиком Мадонны – поверила. Упоминание Императора сделало свое дело.

– Крто.

– Он в семнадцатом боксе. Это на третьем этаже.

– Замечательно. Когда мы вернемся назад, вы не сможете нас отличить.

Русалочка хихикнула. Совершенно по-человечески. У Платона мурашки пробежали по спине.

Широченная лестница из черного и белого камня, с панно из ракушечника по стенам и с огромными стеклянными окнами, вела наверх. Марш был мелкий, немало минут придется сосчитать эгейцу во время подъема. Навстречу Платону с распростертыми объятиями вылетел пожилой эгеец.

– Как я рад! – верещал эгеец с лицом благообразного тибетского старца, простирая к гостю щупальца. – Великий воин оказал нам честь! Мы оценим оказанную милость, клянусь приливом. – Он впился щупальцами археологу в плечо. – Принц здесь... ему делают новое лицо. Он как узнал, что вы здесь, так немедленно приказал вести вас наверх. Счастливое желание принца... О, какая честь для вас, профессор! – взвизгнул от восторга эгеец. – Принц заказал себе ваше лицо!

– Мое лицо? Что вы имеете в виду? – Профессор остановился и сделал шаг назад.

– О, вы не так поняли! – эгеец засмеялся на человеческих манер, но все равно слышались булькающие и харкающие звуки. – Мы снимем с вас голограмму, и лицо принца будет точной вашей копией. Этот вопрос как раз проходил обсуждение, когда вы появились.

Вообще говоря, все звезды Интернета, все Мисс Галакти-

ки и Мисс Очарования и мистеры Мужества планет проходят сканирование. Сотни людей хотят взять их внешность за образец. И за это, кстати, очень хорошо платят. Но Платон никогда не представлял себя в такой роли... Хотя... Вдруг таким образом можно заработать десять миллиардов?

Вокруг профессора Рассольникова уже вились пять или шесть эгейцев и несколько тритонов. От цепких щупальцев и тритонных пальцев некуда было деваться.

– Честно говоря, я не собирался... – не слишком настойчиво пытался протестовать Платон. Но его окружили и повлекли наверх.

– Послушайте...

– Принцу нельзя отказывать. – Профессора ввели в просторный зал. На летучем кресле под летучим балдахином восседал принц. Он был без маски, без перчаток, его лицо, осыпанное белой пудрой, казалось рыхлым и каким-то сырым.

– Какая радость, отрок единственного повелителя мира! – воскликнул биоинженер. – Мы можем немедленно приступить к созданию вашего совершенного облика.

«Вот уж никогда не думал, что мой облик совершенен!» – усмехнулся про себя профессор Рассольников.

– Приблизься ко мне, Великий воин! – приказал принц.

Пришлось подойти. Происходящее все больше и больше забавляло Атлантиду.

– Взгляните, какой чудный тонкий нос, какой волевой

подбородок, – верещал от восторга биокорректор, – а какой лоб! Сразу виден интеллект. О, принц! Мы будем созерцать вашу красоту...

– Мне бы хотелось... – Атлантида попытался вырваться из кольца тритонов и эгейцев, но не преуспел.

– Вас отблагодарят, – сказал принц. – И притом щедро. Миллион кредитов вас устроит?

– Я бы предпочел миллиард.

Да, занятно... А почему бы, собственно и нет... В некотором роде он станет принцем... то есть его лицо... И к тому же миллион... Что-то его смущало, но что – он не мог понять. Отвлекала суета, запахи косметики и каких-то медицинских препаратов.

– Разденьте его, – приказал биокорректор.

– Честно говоря, у меня были совсем другие планы на сегодняшний день, – заметил профессор Рассольников.

Вмиг несколько тритонных рук и десятки эгейских щупальцев сорвали с него шляпу, пиджак и рубашку, отобрали тросточку и даже сервисный браслет. Правда, на брюки и ботинки никто не покусился: эгейцы меняли облик лишь верхней половины тела.

– Мне не нравится его шея. Она слишком тонкая... И плечи – слишком острые, – капризно повизгивал принц.

– Мы введем для вас нужные коррективы!

– Послушайте... – вяло запротестовал Платон. Собственные плечи и шея ему всегда нравились.

– Не бойтесь, дружочек, ничего страшного, – бормотал творец новой принцезой личности, – мы лишь снимем с вас голограмму. А потом принц вручит вам орден и миллион кредитов.

– А из чего изготовлен орден?

– Из алмазов. Для людей все ордена изготавливают из алмазов.

Две девушки-тритоники подхватили профессора под руки и повели в бокс, усадили в кресло, защелкнули на запястьях наручники.

– Прошу вас, не двигайтесь, а то испортите изображение.

И выскользнули. Заурчали приборы, вспыхнул сканирующий луч и, нащупав попавшуюся в сети муху, принялся ткать вокруг нее сверкающую паутину. Раз – и золотая черточка разрежала пространство... два – ее пересекла наискось другая. Точка пересечения вспыхнула, и Платону показалось, что в этот миг иголка вонзилась в висок. Неприятное ощущение. Как долго будет продолжаться процедура? Может, попроситься в туалет и сбежать потихоньку... трезвая мысль... Еще укол... Хм... Что он знает о сканировании? Операция безболезненная и совершенно безопасная, если... Новый укол... И... Платон осознал это, но не ужаснулся – в момент укола сознание выключалось... И остался только золотой свет. И больше ничего...

Вдруг он увидел Крто. Эгеец сидел на кресле напротив. Полностью раздетый. И вместо хвоста у него были ноги...

Хотя прежде, когда эгеец плавал в бассейне, он рассекал воду мощным хвостом. Да, да, археолог готов был поклясться, что тогда он видел самый настоящий хвост с раздвоенным плавником на конце. Хвост, на котором эгеец неуклюже прыгал по полу. Черт возьми! Парень решил переплюнуть самого Императора и внешне полностью превратиться в человека. Но такие операции законом Лиги Миров запрещены. Одна раса внешне не должна полностью имитировать другую – гласит закон Лиги Миров. Закон, который постоянно нарушают. Тысячи, миллионы подпольных операций превращают гуманоидов в людей – пусть хотя бы внешне. Слишком многие хотят быть людьми, раз люди правят этим миром. Теперь Крто можно принять за человека. Формы, правда, далеки от совершенства – плечи покатые, хотя и широкие, а бедра тяжеловаты. Да и ноги, выкроенные из хвоста, вышли не слишком длинные. Но от человека не отличишь. Разве что генетический код... Но ведь у человека при знакомстве не спрашивают электронную карту с генетическим кодом. Эгеец был под действием анестезии. Глаза закрыты, и сам абсолютно неподвижен. Все тело укрыто каким-то составом, похожим на пышную серую полупрозрачную вату. Пахло водорослями, дымом и еще чем-то... Так сильно, что першило в горле.

Новый укол и вспышка золотого света, теперь куда дольше, чем прежде. Когда Платон пришел в себя, Крто тоже очнулся и смотрел на профессора в упор. Смотрел и... В гла-

зах архонта, еще затуманенных действием обезболивающего, мелькнула такая ненависть...

Вновь вспышка золотого света...

Наверное, профессор был довольно долго без сознания. Когда слепящий свет погас, Крто уже не было. Кресло напротив пустовало. Удрал! Да что ж это такое! Платон попытался вырваться – куда там! Еще укол и еще... Вспышки света и провалы в небытие следовали все чаще. Что они со мной делают? Что это? Ему казалось, что кокон золотой паутины оплетает его все плотнее, и уже не вырваться... Замелькали полосы света и тьмы, кресло куда-то неспешно катилось по наклонной плоскости.

И вдруг все кончилось. Свет погас. Археолог был в абсолютной темноте. Он умер? Атлантида вновь дернулся и не мог сдвинуться с места. Ну да, он умер, и смертельная неподвижность сковала его члены. И вдруг что-то кольнуло в плечо, он ощутил боль, услышал рядом чье-то дыхание, увидел мутный свет и...

И очутился в коридоре, как был – наполовину раздетый, только в руках – любимая тросточка. Перед ним какая-то дверь. Дверь прозрачная, за ней мелькают огни. Вдруг она открылась, и Платон автоматически шагнул вперед. Очутился в маленькой камерке, рядом Крто. На эгейце была какая-то коротенькая рубашонка из серой грубой ткани. Все свои вещи он погрузил на кресло-антиграв и держал его в руках, как ребенка. Крто смотрел на археолога уже без нена-

висти. Скорее – с любопытством.

– Вы что, убежали со сканирования, – шепнул архонт.

– Они... внешность... принц... – бормотал Атлантида, с трудом разлепляя губы: рот склеила белая пленка, а язык заплетался, как у пьяного.

Крто оглянулся.

– Как вам это удалось? А, впрочем, неважно... Бегите!

Пропуск при вас?

Платон сунул руку в карман брюк. Пропуск был на месте. Хотел сказать «да», но губы онемели. Вместо ответа он махнул в воздухе пропуском.

– Отлично. Значит, можешь выбраться.

Тут только археолог догадался, что находится не в комнатухе, а в кабине антигравитационного лифта, и лифт этот медленно куда-то едет. Вроде бы не вниз, а по наклонной плоскости. Но куда?..

– Ты меня вытащил? – спросил профессор у Крто, хотя даже помутненному мозгу такое предположение казалось нелепым.

В ответ Крто провел в воздухе энергичную горизонтальную черту.

– Кто тогда?

– Только возвращенцы могут...

Платон тяжело вздохнул и прикрыл глаза. Что-то голова совершенно не варит... Да что это с ним! Что вообще произошло? С него хотели снять облик... кожу... личность...

бред... ему обещали миллион и орден. А Крто испортил все дело. Или не Крто, а кто-то другой... Но надо бежать... немедленно...

– Куда я должен бежать? – спросил он шепотом, хватая эгейца за плечо. Он вдруг ощутил симпатию к архонту, будто тот был его самым лучшим другом.

– Подальше отсюда. – Крто явно нервничал. – Сколько времени вы были на сканировании? Минут пятнадцать? Двадцать? Что-нибудь помните?

– Только то, что явился сюда узнать, кто убил Кормана. – Платон явно преувеличивал свою беспамятность.

Крто молчал секунду, другую...

– Я убил Кормана, – сказал неожиданно.

– Почему? Друг, почему? Корман – он скотина, конечно. Но он – талант... У него был дар, интуиция... Из-за Иммы, да? – наклонившись к самому уху эгейца, доверительно шепнул Платон. – Что он сделал?

Крто молчал – лишь воздух тяжело вырывался через его сконструированный биокорректорами нос.

– Знаю, из-за нее. И еще знаю... Только тсс... Корман что-то нашел. Десять миллиардов, понимаешь?

– Он не нашел... Он засыпал мне глаза песком. – Не сразу археолог сообразил, что эгеец говорит о песке в переносном смысле слова.

– Не хочешь говорить? А зря... Сейчас время для откровений. У меня тут дыра... – Платон ткнул себя пальцем

в лоб. Архонт молчал, лишь постоянно облизывал губы. – Есть, чем заткнуть... Нет? Зря... Я как будто сошел с ума. И мне весело... Что это? Какая-нибудь местная наркота?

– Он швырнул мне песок в глаза... – прохрипел Крто.

Двери лифта открылись. Перед ними была улица. Напротив – знакомая тритонья закусочная.

Крто прыгнул вперед. Забыл, что у него теперь ноги – думал, что по-прежнему хвост. Потом опомнился. Сделал шаг. Приставил вторую ногу. Опять прыгнул – как это делают эгейцы на суше, лишённые своих кресел. Потерял равновесие и упал. Потом уселся в кресло и, ничего не сказав на прощанье, улетел. Платон стоял посреди улицы голый по пояс, лишённый рубашки, шляпы, сервисного браслета, всего... В карманах брюк только пропуск и... Археолог вытащил несколько пластиковых жетонов. Ага! Все-таки ты везунчик, профессор Рассольников, и пусть кто-нибудь с этим поспорит. Он спешно направился в ближайший магазинчик, купил рубашку, бутылку текилы, лимон и пакетик соли.

И тут почувствовал, что кожу противно жжет, и жжение все возрастает. Причем огнем горела та половина тела, что была обнажена во время сеанса сканирования. Платон глянул на руки. Они все были в мелких красных точках, будто в укусах. О, черт! Как бы он выглядел, если бы сканирование дошло до конца? Глоток текилы прочистил замутненные мозги и немного утишил жжение. Что делать? Бежать? Но куда? От кого?

Платон взял раковину с пивом из водорослей и сел за столик. Первое кафе, в котором нашлись стулья – специально для людей.

– Хорошее кафе, – сказал сидящий напротив пожилой эгеец. – Хожу сюда уже двадцать лет.

– А я только что приехал... Эта скульптура давно здесь стоит?

Эгеец глянул в окно и нахмурился.

– Нет... Лет десять... ну да, ее поставили как раз в тот год, когда переименовали кафе. Прихожу и вместо вывески «Елена Прекрасная» сверкает надпись «Примавера». Мне, конечно, все равно... но как-то привык...

– Десять лет назад кафе переименовали? – профессор насторожился.

– Именно.

– Почему?

– Откуда мне знать? Был еще салон красоты с таким же названием. И его название тоже заменили на какое-то другое...

– Одновременно с кафе?

– Кажется...

Эгеец махнул рукой в черной перчатке и уплыл на своем стареньком, но вполне работоспособном кресле.

Десять лет назад все названия «Елена Прекрасная» убрали с Эгеиды. Потом, вернувшись с этой планеты, Корман выкинул статью, где упоминалась Елена Прекрасная... Но же-

нился на женщине, которую звали Елена... Прислал посылку с куском гроба... Думай, Платон, если ты не разгадаешь эту загадку, то ты идиот!

– Какая радость! Я с утра в поисках вашей милости... – смотритель музеев даже запыхался. Будто не летал на своем кресле, а бегал по кругу минут десять.

И вот неожиданно нашел – в этом маленьком кафе на площади. Из окна была видна бронзовая статуя проткнутого пиками эгейца.

– По поручению Императора.

– Что хочет от меня Император? – Платон едва не спросил, не хочет ли Император сделаться ликом похожим на профессора Рассольникова, но передумал – вдруг расхотелось шутить.

– Единственный повелитель мира, отрок Океана живого, Император дарует вам век добрый и коллекцию раковин на память.

Смотритель разложил перед археологом на столе набор раковин. Точь-в-точь такой, какой был у Кормана. Красивая эффектная дешевка.

– Император и Корману подарил такие раковины? – профессор почему-то не желал об Императоре говорить в почтительном тоне.

– Откуда у вас такое знание? – изумился смотритель.

– Видел у Кормана в кабинете.

Смотритель улыбнулся.

– Я передавал Корману лично дар повелителя мира, отрока Океана живого.

– За что?

– Как самому человечному человеку.

– Странная формулировка. Кстати, а в Столице есть возвращенцы?

Смотритель пискнул.

– Нет разговора об этих выродках. Возвращенцы разбивают, рельефы и скульптуры или похищают шедевры и топят их в Океане.

– Почему?

– Они против искусства. Да и вообще – против новой цивилизации. Они за сушу. Только сушу! Безумцы... Надо их давным-давно уничтожить... Всех!

– Мечтают вернуться на твердь?

– Тсс! – прошипел смотритель и испуганно оглянулся. – Твердь – неприличное слово. Только возвращенцы его проносят. И еще – изысканцы. Мы говорим: суша... Не хотите на прощание посидеть в джакузи? Тепленькая водичка и все вокруг кипит...

– М-м-м... прелесть. – Смотритель прикрыл глаза от восторга. – У каждого жителя Столицы джакузи.

– Я предпочитаю Океан.

При слове «Океан» зритель смутился и как-то съежился, хотя не так сильно, как при слове «твердь».

– Ну, зачем же Океан! Океан – это стихия. Нечто монументальное. Почти Космос. Для частной жизни лучше бассейнов с теплой или холодной водой – как кому по нраву. Ни волнения, ни шторма, ни течений.

– А вы когда-нибудь купались в Океане?

– Не-ет... – У зрителя задергался нос – созданное биокоррекцией человеческое лицо сохранило мимику эгейца.

– Послушайте, уважаемый, не скажете ли мне, что означает восьмилестник на этих ваших рельефах? Я встречал этот знак много раз. И там, на площади, над памятником...

– Это символ... – Зритель нахмурился. – Символ жизненной силы... Священный для Эгеиды.

– То есть над убитым парит знак жизни?

– Нет... – нос зрителя побелел и задергался. – То есть да... силы... знак силы... но другой. – Эгеец издал знакомый писклявый звук. – Отказ от старого смысла и обретение нового.

– Какой же новый смысл, можно узнать?

– Вместо священности жизни теперь священность смерти.

Вдруг воздух взорвался. Пронзительный визг несся со всех сторон. Платон невольно заткнул уши. Но помогло мало. Визг все нарастал и злобной пилой резал его мозг на куски. Зритель подпрыгнул в своем кресле.

– Вам надо немедленно покинуть Столицу... – пролепетал

он. – На Эгеиде несчастье...

– Торнадо?

– Нет, у принца тяжкая болезнь. Какое горе! Мы лишены счастья созерцать его удивительную красоту...

Атлантида вздрогнул. Он был уверен, что внезапное заболевание принца как-то связано с бегством археолога, но пока не мог понять – как. Профессор Рассольников подозревал, что просто так его из Столицы не выпустят. Но что делать? Обратиться в посольство Лиги Миров, благо пропуск при нем. Или... Половину вида из панорамного окна занимала голограмма «Гибрида».

Платон взял пакет с морскими раковинами, и выскочил из кафе, даже не попрощавшись со зрителем. Бегом он кинулся через площадь к огромному зданию филиала. Пока эгейцы визжат, изображая отчаяние, чтобы угодить своему Императору, у археолога есть несколько минуток. Невольно профессор бросил взгляд на скульптуру в центре площади. На бронзовой струе крови, льющейся изо рта бронзовой жертвы, сидел малютка-эгеец.

Священность смерти... Рельефы... отгадка... рядом...

Археолог нырнул в стеклянные двери. Два здоровяка-охранника тут же загородили вход, сомкнув свои квадратные плечи в единую стену-монолит. Наверняка – клоны – рост их совпадал до миллиметра, черты лица казались слепком с одного оригинала.

– Мне нужно видеть господина Брегена немедленно! – за-

явил профессор Рассольников.

– У вас назначена встреча?

– Нет, но...

– Сожалеем.

Ах, они сожалеют. Кто спорит, растрепанный тип с пятнистым лицом, в одной рубашке и с каким-то мешком в руке – личность, наверняка, не слишком уважаемая. Но Платон прекрасно понимал, что сейчас только Бреген может ему помочь покинуть Столицу. А эти двое... Атлантида повернулась к выходу и... Полный оборот, хлесткий удар тросточкой – идеальная горизонтальная черта. И как раз по глазам! При чем обоим клонам – разом. Я тоже умею говорить «нет», господа! Платон кинулся вверх по лестнице через две ступеньки. Не минуты – секунды, доли секунд отсчитывали ступени сейчас. Взыла сирена, но на ее визг в первый момент никто не обратил внимания. Все решили: воеет в память о тяжело заболевшем принце.

До кабинета прорываться не пришлось. С Брегеном Рассольников столкнулся на лестнице. Глава филиала вновь облачился в халат цвета морской волны и в домашние тапочки. Два охранника выступили вперед, Бреген их отстранил.

– Как я рад вас видеть, профессор... – фальшивая улыбка, фальшивый тон, но какое это имеет значение?

– Послушайте, мне надо покинуть Столицу. И немедленно...

Бреген взял археолога за локоть.

– Этот переполох связан с вами?

– Может быть... Честно говоря, я толком не знаю, что произошло.

Платон в нескольких словах рассказал о своем приключении, опустив лишь связанные с архонтом подробности.

– Это сканирование, разве оно опасно? Тысячи людей его делают и...

– Про сканирование ничего не знаю, – оборвал его Бреген. – Берт, – обратился он к охраннику, – быстро найди какую-нибудь приличную одежду для нашего друга да еще маску – из тех, что носят эгейцы. Он летит вместе с нами. И никому ни слова. Если кто-то привяжется – действуй.

Несколько минут Платон был идиотом. Неприятно, но факт... Великий воин, потом идиот. Как он позволил этим хвостатым так себя околпачить? И к тому же приступы непонятной сентиментальности. Откуда они? Похоже на вспышки внешней, театральной эмоциональности, тогда как внутренне Атлантида оставался спокоен. Платон себя не узнавал. Он покидал Столицу с тяжелым чувством. Еще несколько дней пребывания на этой планете и он будет готов... На что? Теперь он был уверен, что существует какая-то тайна, связывающая скалу на острове Дальнем, находку на дне и поддельные рельефы. Все стянуто в узел, как пучок таинственных восьмерок. Но развязывать его опасно. Кто стоит за всем происходящим? Слокс? Да, Слокса стоит избегать: достаточно заглянуть в его сумасшедшие зеленые глаза, чтобы пропа-

ли любые вопросы. Лучше все это прекратить... Да, десять миллиардов соблазнительны. Но новой жизни даже за десять миллиардов не купишь. Кормана, к примеру, миллиарды не спасли...

– А на вашем глайдере нет случайно системы невидимости? – поинтересовался профессор, когда машина Брегена взмыла над столицей. – Я, признаться, чувствовал бы себя...

– Мы – люди гражданские. А гражданским Лига Миров никогда не оказывает таких милостей.

– Вы бы могли попросить...

– Мне это ни к чему. Здесь меня никто не тронет.

Наверное, профессор задремал во время полета и очнулся, когда из кабины глайдера был уже виден остров Сомнения.

– Что вы теперь намерены делать? – как бы между прочим спросил Бреген.

– Покинуть планету.

– Нет, ваше бегство вызовет подозрения. Ведите раскопки, как ни в чем не бывало. Я постараюсь обеспечить охрану. Если почувствую опасность – немедленно вас предупрежу. И потом, по последним сообщениям, принцу стало гораздо лучше.

Вести раскопки? Или вести допросы? Судя по всему, допросы куда перспективнее. Архонт и его единственная женщины что-то знают... Но как заставить Крто говорить? Его или Имму? Может, сержант что-то придумает? Допросы –

по его части.

Да, допросы были по части Дерпфельда. Едва они встретились, как полицейский приступил к этой малоприятной процедуре.

– Как прошел визит в Столицу? – Голос Дерпфельда звучал наигранно равнодушно. Значит – оскорблен до глубины души.

Для человека подобного склада пренебрежение властью имущих – смертельная обида. Позвали профессора Рассольникова, а про напарника даже не вспомнили. Милость любого императора – это императорская милость. Обидно.

– Нормальный визит в ненормальный город. А ты чем был занят? Развлекался с эгейками?

– Мне достаточно интернет-секса. Так что случилось? Я уже слышал, что...

– Программа была насыщенной, – перебил его Атлантида. – Меня чуть не прикончили... – Про встречу с принцем рассказывать было неприятно – уж больно глупо вел себя профессор Рассольников. – Ты мне скажи, неужели сканирование внешности так опасно?

– У меня был один случай на практике, – задумчиво произнес сержант. – Как раз в салоне красоты на Рае. Одна дама, член клуба, зазвала на Рай девчонку из начинающих ин-

тернет-див. Тайком устроила непосредственное сканирование. Контур замкнули во время процедуры, и образец буквально поджарился в сканирующем коконе. Думаю, что твой неведомый спаситель, когда разомкнул контур сканирования, слегка поджарил принца.

– Это было сделано намеренно?

– Может быть, и нет... Считай, это несчастный случай. В конечном счете, ты не виноват. Непосредственное сканирование запрещено уже много лет, но поскольку в таком режиме образ сканируется идеально, подобные «жаркие контакты» случаются.

– Может, нам лучше убраться с планеты? И чем скорее, тем лучше. Хотя Бреген и советует остаться.

– Мы ищем убийцу Кормана. Или ты забыл? А твои подвиги на поприще косметологии к делу отношения не имеют.

– Но принц...

– Нам нужен убийца Кормана.

– Как раз убийцу я и нашел. Это Крто. Он сам признался. Дерпфельд с сомнением покачал головой.

– Этот тип соврал. Не мог он прикончить Кормана. Просто потому, что архонт ни разу не покидал планету. Он – управляющий Северным архипелагом, и практически все время торчит здесь. Раз или два в год отправляется в Столицу на очередной сеанс биокоррекции или на выволочку к начальству.

– Но он мог кому-то отдать приказ, – предположил Атлан-

тида.

– Кому?

– Мориву... Стато... – Платон хотел назвать Имму, но передумал.

– Кто их выпустит? Дальше Северного архипелага им путь закрыт, если не хотят угодить на шельф к стаду. Пропусков у них нет. Путешествие по Галактике – несбыточная мечта. Даже по Интернету они не могут ползать. Если уж искать убийц – то среди жителей Столицы – эти счастливики частенько посещают иные миры.

– Архонт мог кого-то нанять. Я имею в виду – неэгейца, – не сдавался профессор Рассольников. Ему почему-то хотелось обвинить Крто. Но пока не получалось.

– Мог. Но кого? У меня нет ни единой зацепки. А его странное признание после сеанса биокоррекции и наркоза ничего не стоит.

– Однако он напал на меня. Он будто сошел с ума, когда увидел, что я беседую с Иммой. Уверен, что он знает достаточно много. Надо проследить за ним...

– Кто будет следить?

– Ты. Надеюсь, у тебя есть опыт в таких делах.

Дерпфельд хотел что-то возразить, но передумал. И вообще, что за наглость?! Расследованием руководит Дерпфельд, а Платон дает ему указания. Пусть лучше займется поиском информации.

Странно, что сайт в Интернете об Эгейском море столь мал и беден. Несколько ничего не значащих заявлений, которые походили на рекламные проспекты дутых фирм, что всеми силами пытаются скрыть свою бедность. Вывод напрашивался как бы сам собою. Планета бедна. И к тому же тяжело больна. Но в чем ее бедность и в чем причины болезни – определить с наскака нельзя. Сайт посещали редко. Мир Эгеиды был людям чужд, и люди не слишком рвались в него проникнуть. Сами же эгейцы инопланетных гостей не любили и успешно держали оборону. Если бы людская раса захотела эту оборону сокрушить, то смогла бы – ей все по плечу! – особенно когда речь идет о ломке и драке. Но люди обходили Эгеиду. Люди и эгейцы жили друг против друга, но друг друга не замечали. Как сосед соседа в окне домус-блока. Сосед неприятен. Вот веская причина не здороваться при встрече и не заходить в гости. Но планета... планета с таким прекрасным морем. Почему люди не попытались ее отнять? Законы и принципы оставим в стороне, то есть на обочине – там, где им положено быть, когда речь идет о добыче. Добыча – вот высшая цель. Или планету уже отняли? И пока идет медленное переваривание в желудке концерна, не стоит кричать об этом слишком громко. Во время обеда издавать громкие звуки неприлично. Надо расслабиться и полу-

чать удовольствие. Вот Император со Столицей расслабляются. И стражи расслабляются. Хотя кое-кто не выдерживает и начинает визжать от боли. Платон вспомнил Имму... И тут же тряхнул головой, одновременно прогоняя неприятное воспоминание и возвращаясь к нерешенным вопросам.

Да, из компа плохой подсказчик.

– Вил... Я узнал случайно, что у военных кораблей Эгеиды нет защитной системы невидимости. А коли невидимости нет, то там, на дне, лежит вовсе не эгей-ская калоша...

– А что же это может быть?

– Космический корабль.

– Космический корабль таких размеров! – фыркнул сержант. – Что он перевозил? Погоны для адмиралов космофлота? Ведь ты говорил, что он мал...

– Не велик. Меньше челнока... Но не так чтобы очень...

– Черт! – Дерпфельд хлопнул себя по лбу. – Как я сразу не догадался! Это же шлюп космического корабля. Спасательный блок. Причем, корабля секретного, раз он перешел в режим невидимости.

– Шлюп корабля... – задумчиво повторил Атлантида. – И что дальше?

Дерпфельд грыз ноготь и ничего не отвечал...

Итак, у нас есть шлюп. У нас есть рельеф... Нет, это из другой Галактики. У нас есть алмаз... Но алмаз при чем? Алмаз... алмаз... отгадка вертелась в мозгу. Алмаз... сокровища... красавица... Елена... Черт! Не туда... Для чего нуж-

ны алмазы... не как сокровища, а в производстве? Напряги свою генетическую память, профессор! Ну конечно! Солнечный парус! В его конструкцию входят тысячи алмазов, сапфиров и кристаллов кремния, а так же золото. У спасательного шлюпа не может быть солнечного паруса. А вот у межзвездного крейсера – вполне. Как любой мужчина, профессор интересовался военными кораблями – пусть и чисто умозрительно. Корабль потерпел крушение, спасательный шлюп затонул, парус рассыпался, камни оказались на дне.

– Тогда... – Платон вздохнул. – Тогда «Елена Прекрасная» – это военный космический корабль, который потерпел крушение. Причем, сами эгейцы это крушение пытались скрыть. Они убрали все названия «Елена Прекрасная» десять лет назад...

– Точно! – закричал Дерпфельд.

И Платон, и сержант бросились к компьютеру.

– Немедленно! Найти! Десять лет назад... Корабль под названием «Елена Прекрасная»! Что-то связанное с планетой Эгейское море.

Комп рылся усердно, но безуспешно.

– Ничего нет...

– Так...

Археолог и сержант переглянулись.

– Раз шлюп невидим, то и данные...

– Черт!

– Открой секретный канал, ты же военный...

Сержант кинулся набирать секретный код. Результат не заставил себя ждать.

Корабль «Елена Прекрасная» класса «Вечный бой»...

Стоп... Что такое с кораблем... подробнее...

«Десять лет назад корабль класса «Вечный бой» под названием «Елена Прекрасная» получил повреждения во время полета сквозь раскаленное газовое облако и был вынужден совершить посадку на поверхности Океана планеты Эгейское море. Корабль погрузился в воды Океана, и с тех пор никаких данных о нем нет. Вероятно, поврежденный корабль коллапсировал после гибели экипажа».

– Что за ерунда... Тут, оказывается, где-то на дне лежал корабль Лиги Миров, а мы ничего не знаем... – изумился профессор.

Дерпфельд присвистнул.

– «Вечный бой»! Ни хрена себе! Тогда ясно, почему нам требовалась виза Службы Безопасности Лиги Миров. А ведь на сайте самой Эгеиды нет ни слова о корабле.

«Вечный бой» – класс кораблей, предназначенных как для защиты, так и для нападения. Оснащены двадцатью семью видами оружия. Находятся исключительно в распоряжении Лиги Миров. Всего кораблей этого класса – двенадцать. По-

строены десять и более лет тому назад. В последнее десятилетие новых кораблей класса «Вечный бой» не производилось из-за их высокой себестоимости. В настоящее время на вооружении Лиги находятся одиннадцать кораблей с неполным боекомплектом. Один корабль «Елена Прекрасная» утерян. Предположительно – самоуничтожен».

– А что если корабль не уничтожен, а по-прежнему лежит на дне? – предположил Платон. – Корман нашел корабль и продал его... корабль может стоить десять миллиардов.

– Куда дороже, если они не по карману Лиге Миров. Только версия твоя – полет метеорита – все мимо. Кому его можно продать? Эгейцам? На кой он им ляд, если они не воюют. Кому-то другому? Но кто купит неисправный корабль на дне Океана чужой планеты?

Корабль... Корабль... с ним должно быть многое связано. Слишком многое. Стоит лишь немного подумать... Платон был как в лихорадке. Дерпфельд – тоже.

– Послушай, а ведь Бреген появился на планете, как он сам сказал, более девяти лет назад. То есть сразу после катастрофы с кораблем, – напомнил Атлантида. – Он непременно должен что-то знать. И вдруг... да!.. Вдруг Корман продал корабль именно ему?

– Продал корабль Брегену и попросил двадцать пять человек охраны у того же Брегена? Нет, не получается... – сержант задумался. – Что ты скажешь?

– Елена Прекрасная! – сказал профессор Рассольников,

когда их пригласили в кабинет Ганса Брегена.

Хозяин, разумеется, был в просторном махровом халате цвета морской волны. На старческих ногах с белой прозрачной кожей – кожаные тапочки из шкуры морского льва. Секретарша (живая, не андроид) принесла кофе и коньяк.

«Сколько на этой планете, где нет ни единого кофейного дерева, может стоять чашка кофе? Сотню кредитов, не меньше», – подумал Платон.

– А, как же, знаю! Леночка... Миленькая сучка, и получила приз «мисс Очарование Вселенной» три года назад.

– И навещала вас недавно, – напомнил профессор не без яду.

– Могу иногда позволить себе подобную прихоть.

«Не исключено, что она навещала Брегена и раньше, – подумал профессор. Ревность еще когтила сердце, но слабенько, совсем чуть-чуть. – И тогда их союз – отнюдь не случайность и...»

– Нет, речь идет о военном корабле Лиги Миров класса «Вечный бой», который потерпел аварию на этой милой планетке. Упал в Океан и утонул со всем экипажем. Вы знаете...

– Разумеется, я знаю про катастрофу. Она произошла незадолго до моего прибытия. Служба Безопасности просканировала Океан, ничего не нашла, выплатила Императору компенсацию – он после Долго веселился, могу вас заверить, – и убралась. Так что никакого корабля нет. Он самоуничтожился – Бреген говорил убедительно. Как всегда. –

За девять с лишним лет работы на шельфе я лично ничего не обнаружил. А если корабль и есть, то он недоступен, – вдруг после многозначительной паузы добавил глава филиала.

Профессор и сержант переглянулись.

– Так есть корабль или нет? – спросил Атлантида.

– Откуда мне знать... – Бреген загадочно улыбнулся.

– А не мог Корман найти корабль? – спросил Дерп-фельд.

– Исключено. Если корабль и есть, то он находится где-то на абиссали³, или в глубоководной впадине, но никак не на шельфе, иначе он был бы обнаружен из космоса. Во-вторых, у Кормана было с собой лишь легкое оборудование для ведения работ на старом шельфе – на таком до корабля он добраться никак не мог.

– Он мог купить все нужное на планете, – предположил сержант.

Бреген позволил себе вновь улыбнуться:

– На планете нет оборудования для глубоководных работ – у эгейцев вообще нет никакого оборудования. Они – дети Океана. К тому же за всеми работами на море мы следим очень внимательно, могу вас заверить. Корман очень недолго вел раскопки у побережья острова Волка. А затем вернулся на Северный архипелаг, несколько дней пьянствовал со стражами, поссорился с Крто. Говорят, даже пытался убить архонта. После чего пришел ко мне и потребовал охрану.

«И он не был на Дальнем», – вдруг сообразил Платон. Так

³ Абиссаль – ложе океана.

что же получается? Он не мог найти корабль?

– И далее? – спросил Дерпфельд.

– Мы вместе посетили Столицу, поскольку нас пригласили на большое увеселение Императора как почетных гостей. После этого Корман сразу покинул Эгеиду.

Охрана сопровождала его до космопорта. Об обыске, который я ему учинил, вы уже знаете. Что-нибудь еще хотите узнать?

– Получается, корабль бесследно исчез?

– Выходит – так. Военные заявляют, что произошло са-моуничтожение. – В голосе Брегена послышалось странное торжество. – Скажу по секрету: я – пацифист.

В эту секунду профессор Рассольников чувствовал себя дураком. И он был уверен, что Вил Дерпфельд – тоже. Гости поднялись.

– Кстати, у меня есть для вас радостное известие: принц жив-здоров, только изменил внешность, – поведал Бреген.

– Чью внешность он выбрал? Аполлона Бельведерского?

– Нет, тритона. Но это – временно. Принц раз пять или шесть за год меняет внешность. Он заявил, что охладел к человеческим лицам. Так что опасность больше вам не грозит, профессор.

Как раз в этом Атлантида не был уверен.

– Археология! Находки! Предметы древности! Чушь! – Дерпфельд метался по домус-блоку и кидался на стены. Буквально.

Золотая пыльца обоев сыпалась на него. Он обвалился в пыльце, как в муке. И кто придумал эту забаву – обои с рисунком, который осыпается и вновь восстанавливается. Но, кажется, в этот раз Дерпфельд стрясет на себя весь узор. Ярость его была беспредельна.

– Почему чушь? – возразил Платон из одного чувства противоречия. – Мы слишком мало знаем о цивилизации эгейцев. Возможно, в их культуре есть нечто такое, что стоит десять миллиардов. В каждой культуре есть некое сакральное ядро, и оно бесценно. Если его отыскать...

– Что тут искать? Примитивная культура, убогая планета! – продолжал бушевать Дерпфельд. – Они вымирают и вырождаются. Разве ты не видишь?!

– Чудная планета. Куда шикарнее твоего Рая. Или тебя ревность гложет? Интуитивно чувствуешь конкурента?

– Мы говорим о культуре.

– Панно из раковин очень даже ничего. Если проследить развитие этого вида искусства...

– Ни одно панно не стоит десять миллиардов. Надо искать корабль. Ясно, что корабль есть. Кол-лапсация... Как же! За-

чем уничтожить корабль такого класса?

– В том случае, если он представлял опасность для планеты. Все военные корабли имеют программы самоуничтожения, которые включаются...

– Да, знаю, знаю! В случае гибели экипажа и опасности экологической катастрофы. И все-таки я уверен, что мы должны искать «Елену Прекрасную». Корман нашел ее и составил карту.

– Корман не мог составить карту. Его не было на Дальнем.

– Вот как, приехали! Откуда же тогда карта?

– Не знаю. Елена нашла. Передала мне...

– Та-ак... Уже интереснее. Ты нарочно меня запутываешь?

– Нет, это факты тебя запутывают – не я. Дело не в корабле, – упрямылся Платон. – Надо продолжить раскопки на шельфе. Ключ – в самой цивилизации. Эгейцы оберегают нечто безумно для них дорогое. Бесценное.

– Кто тебе такое подсказал?

– Моя интуиция.

Профессор вдруг прекратил спор. А что, если обрывок ремня принадлежал кому-то из членов экипажа? Но ведь экипаж погиб. Ну и что? Какие-то вещи мог выкинуть на берег Океан. Как алмаз из солнечного паруса. Все сходилось. Алмаз, «Елена Прекрасная», даже кусок композита для гробов – намек на гибель корабля. Да, задал загадку Корман, пусть лежится ему покойно в морге «Эдема».

Но при этом что-то подсказывало археологу: отгадка в поддельных рельефах. Ощущение, что он на верном пути, его не покидало. Археолог без интуиции – не археолог. Этот постулат известен еще со времен Шлимана.

– Привет, дружок, – обратился Платон к исследовательскому компу. – Что нового на сайте Эгеиды?

– Появилась голографическая запись Слокса. Включить?

– Давай.

Слокс вывалился в комнату в своем кресле-антиграве почти как настоящий. Улыбнулся человекоподобной улыбкой и заговорил:

– Кто ратует за исключительно морское существование Эгеиды – бессознательно, а скорее, сознательно, хочет полного исчезновения нашей цивилизации. Мы – уникальная раса, сумели сменить один образ жизни на другой. Какой еще галактический народ смог полностью измениться и изменить свою планету, и при этом не утратить своего прошлого? Мы достаточно пластичны и восприимчивы к внешним воздействиям, и мы можем сформировать новый образ галактического существа, то есть сделать то, что не под силу людям. Лишь находясь на суше, можно оценить море. Лишь отталкиваясь от суши, можно оберегать море. Столица моря может быть только на суше. Для разогрева цивилизации

нужна зона конфликта. Лучшая зона конфликта – это граница стихий...

Слокс-голограмма кружился по комнате домус-блока. Его голос завораживал. Он не говорил – колдовал:

– Наше главное достояние – Океан. Эгеида не может лишиться Океана. Но путь в Океан – это отказ от Океана. Находясь в Океане, нельзя оборонять Океан. Великолепный чистый сакральный подвиг умерщвления принесен нам именно Океаном. Подвиг во имя высокого разума.

– Заткнись!

И Слокс замолчал. Но его голограмма продолжала кружить по комнате и беззвучно открывать рот.

– Отключить связь, – приказал профессор компу. И Слокс исчез.

– Тайна Эгеиды – в ее прошлом! – выкрикнул Платон. Как будто с кем-то спорил. Со Слоксом? Или с Дерпфельдом?

Все споры умозрительны и бездоказательны. Логика не работает, данные засекречены. Что происходит с цивилизацией, когда она ломает свой ментальный ориентир? Она погибает. Даже если при этом кажется, что продолжается развитие. Даже если армии Империи захватывают одну страну за другой, это уже не имеет значения. Если боги умерли, значит, скоро умрут и люди. И останутся только руины – более или менее величественные. На святыню нельзя поднять руку. Против богов не восстают. Да, их убивают. Но только вместе с собой.

Для Эгеиды, планеты Восьми Материков, Океан, этот символ хаоса, не мог быть богом. Наверняка прежняя культура ориентировалась на сушу. Корабли на старинных изображениях примитивны – уж явно не морской народ создавал эти катамараны и плоскодонные баржи, и пыхтящие от натуги, плюющие черным дымом пароходы. Их назначение – перебраться из одной бухты в другую. Их предел – опасливое каботажное плавание. Да и к чему большее, если все материки были связаны друг с другом удобными перешейками? Обработывай камень, мости дороги и строи, строи... Крепости-замки, вот символ прежней Эгеиды. Крепости над морем. А что теперь? Теперь эгейцы мучительно ищут свой путь. И находят лишь возможность уцепиться за берег, втиснуться в кресло стража и радоваться своей жизни. Да, Стато радуется. И Морив. И Криг... И Имма. Стоп. Имма совсем не радуется. Напротив, кричит от отчаяния. И готова бежать. А что, если сыграть на этом... Кажется, она готова на все, лишь бы покинуть Эгеиду.

Платона осенило.

– Вил,-крикнул он.-Надо действовать через Имму. И заодно узнать, почему архонт решил переделаться в человека на пару с супругой. Я уверен, что у нее тоже не маска, а созданное биокорректорами лицо. Она украла у меня пропуск. Она кричала, что ей все здесь опостылело. Они собираются бежать с планеты. Логично? А что, если посулить им отъезд?

– Это не в нашей власти. Хотя... Если они укажут место,

где грохнулся корабль... то... этих двоих можно провести по программе охраны свидетелей. Не бог весть что... Я бы сам не желал быть свидетелем под защитой – то есть игрушкой в лапах мелкого полицейского чиновника. Но они, думаю, клюнут...

Но знают ли они, где корабль? А почему бы и нет? Серая бумага в таверне... Карту передал Стато... И все трое – Имма, Стато и Крто именно с Дальнего! Если Корман нашел корабль, то... Одна неувязка: Корман не приближался к Дальнему. Звено выпадает. Ладно, пойдем напролом, как Шлиман: главное вырыть посреди холма котлован, и тогда все сокровища будут твоими.

ГЛАВА 9

ОСТРОВ ВДОХНОВЕНИЯ

Документ 9.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Мною получены данные невероятного характера. Посылаю вам копию добытых документов. Прошу учесть, что изложенные в шифрограмме данные пока ничем не подтверждены. В ближайшее время объект начнет действовать. Отряд «2» должен быть наготове. Пришлось задействовать секретного агента, чтобы обезопасить П.Р. Мы очень рискуем.

Возможно, в момент аварийной посадки корабль был атакован военно-воздушными силами планеты. Но нанести существенный урон кораблю класса «Вечный бой» истребители планетарного базирования не в состоянии.

Иммы Платон нигде не мог найти. Морив и его напарник, как всегда, дежурили на набережной в ожидании немногочисленных туристов. Если судить по жадным взглядам, стражи сильно оголодали. Морив обзавелся подзорной трубой, стоик Криг – затрепанной пластиковой книжонкой.

– Двадцать кредитов... – с ходу объявил Морив. – А, это ты... – протянул он разочарованно, узнав профессора.

– А где Имма? Она сегодня не дежурит?

– Она обычно ничем не занята. Сами понимаете: женщина архонта. Лучше спросите у Стато. Или у самого Крто.

– А вы что делаете?

– Мы в ожидании...

Платон протянул эгейцу пластиковую карточку на двадцать кредитов. Морив оживился. Но где Имма, все равно не ответил. Зато предложил прогуляться по пляжу. И многозначительно фыркнул.

Археолог шел вдоль золотистой полосы песка. Море волновалось, но несильно. То там, то здесь вскипали белые ба-ран.ки. Волны, набегая на песок, выбрасывали разноцветные раковины. Платон вспомнил удивительные мозаики, созданные из раковин. Эгейцы могли бы экспортировать свои панно из раковин. В мире достаточно богатых людей, чтобы приобретать такие вещи. Но они как будто и сами их не ценят. И другим предложить стесняются, что ли... Океан берегут. То есть убивают.

Вдали, у самого горизонта, поднимались белые фонтаны – Бреген не прекращал добычу на шельфе ни на минуту. Когда эгейцы разорят свою планету окончательно, что они станут делать? Ничего... они умрут раньше – только и всего.

Имму Платон нашел на берегу. Она сидела в кресле-ан-

тиграве, закутавшись в накидку из белого пуха, и смотрела вдаль. Кресло покачивалось вверх-вниз, будто гравитация в такт прибору приподнимала его и опускала. Атлантида подошел. Имма слышала его шаги, но не обернулась. Лицо у нее было печальное, неподвижное – как и положено маске.

«Трагическая маска, – уточнил профессор Рассольников. – Только это не маска».

– Привет, Имма! – сказал он, останавливаясь в десяти шагах от нее. – Надо поговорить.

Она обернулась.

– Не пугайся! Мне нет никакого дела до того, что вы с Крто решили переделать ваши тела и бежать с планеты. Хотя одной расе, согласно постановлению Лиги Миров, запрещено имитировать другую. Если кто-нибудь проверит ваш: генетический код, то вам грозит пять лет на планете Алькатрас и принудительная возвратная биокоррекция. Но меня это не волнует. Я вообще человек не эмоциональный, когда опасность грозит другим. Какое мне дело, что Крто берет взятки и покрывает темные делишки Брегена. Мне на это плевать. Я хочу лишь знать, где Корман отыскал «Елену Прекрасную». Корабль, который упал на вашу планету десять лет назад. И все. Я не особенно богат, но могу заплатить. Не деньгами – с Брегена Крто получит куда больше. Но я могу вместе с Дерпфельдом устроить вам отъезд с Эгеиды. Тебе и Крто. Если мы найдем корабль, Лига Миров вам поможет. И даже даст разрешение на полное изменение внешности. Это допуска-

ется программой защиты свидетелей.

Поначалу он не понял, какое впечатление произвело его предложение. Ясно, Имма была потрясена. Ста-туйно застыла в кресле. Кажется, даже не моргала.

– Крто не берет взятки с Брегена, – вдруг заявила она. – Бреген платит Императору и Слоксу. Архонт просил «Гибрид» отказаться от «кротов» хотя бы возле островов и старого шельфа, где много жизни... Но Бреген его выгнал.

– Ну, хорошо, не с Брегена, так с других. С меня, к примеру. А что полагается на вашей планете за взятки? Каторга? Отправка на подводные рудники?

– Крто убьют... – сказала она тихо. – Если узнают.

– Такие суровые законы? – усмехнулся Платон.

– Это не закон... это все не закон. – Она вздохнула. На несколько секунд их взгляды встретились. – Если ты сможешь нам бежать... – Она запнулась. – Но ты ведь обманешь... я знаю... – Она отвернулась и стала смотреть на бегущие к берегу волны.

– У тебя нет выхода. Рано или поздно корабль найдут. Бреген что-то пронюхал. Но если «Елену» отыщут без вашей помощи, вы с Крто не получите ни кредита. Еще и в суд потянут за сокрытие фактов.

– Суд – это хорошо.

– Для тебя или для Крто?

Она вдруг резко развернула кресло и вновь уставилась в лицо профессору Рассольникову.

– Корабль лежит на старом шельфе за островом Дальний. Там новый шельф плоский, как стол. А полоса старого шельфа довольно узкая. Корабль затонул к западу от острова. Расстояние – сто двадцать два километра от спасательного шлюпа. Сообщи Лиге Миров. Может быть, они тебе поверят.

Платон не знал, врет она или нет – датчика правды у него не было. Да и к чему датчик? Он рассчитан на людей. А существуют ли датчики правды для эгейцев – еще вопрос. Но признание Иммы звучало правдоподобно. Особенно, если учесть, как протестовал Крто против раскопок именно на шельфе вокруг Дальнего. И учитывая, что именно в запретных водах археолог обнаружил невидимый спасательный шлюп. Имма отлетела в сторону. Потом остановилась.

– Я знаю, что ты видел Крто в клинике. Ты его не выдашь?

– Может быть, и не выдам...

Она вдруг издала писклявый пронзительный звук, от которого заложило уши.

– За что? За что?!

– О чем ты?

Она не ответила, включила скорость на максимум. И умчалась. Пытаться преследовать ее пешком – нелепо. Почему она раскрыла ему тайну корабля? Испугалась? Или тут что-то другое? Ладно, разбираться будем потом. Сейчас главное – добраться до «Елены Прекрасной».

Привет, Елена! Я – твой супруг, долгожданный Менелай. Десять лет не виделись. Не пора ли домой, ветренная красот-

ка?

Дерпфельд расхаживал по домус-блоку и напевал:

*Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну и мне – соленой пеной
По губам.⁴*

Песенка эта совсем недавно была очень популярна. Профессор и сам ее, помнится, напевал. А ведь тот поэт умер уже более тысячи лет назад. А написал как будто вчера. И специально для Платона.

– Корабль не уничтожен, он лежит на старом шельфе острова Дальний, – объявил Атлантида о своей маленькой победе. – Но вот что я думаю: не стоит сообщать о нашей находке Лиге Миров. В этом случае мы не получим ничего. Если нам поверят, то не наградят. Если не поверят – то обсмеют. Не люблю, когда меня имеют. Мы найдем корабль, и только после этого свяжемся с Лигой. Корман хапнул десять миллиардов. Я рассчитываю хотя бы на пару миллионов.

Сержанту план археолога не понравился.

– Ну, найдем мы корабль, и что? Ведь мы ищем не столько корабль, сколько причину смерти Корма-на, – напомнил сержант. – Или мы уже не занимаемся делом Кормана и исчезновением десяти миллиардов?

⁴ О. Мандельштам.

– Корабль – и есть дело Кормана.

– А ты уверен, что нам позволят до него добраться? Не лучше ли собрать информацию и покинуть планету, а уж потом...

– Какую информацию мы еще можем собрать? Нам нужны точные координаты корабля. А для этого его надо найти.

– Я тут кое-что отыскал, хотя мой IQ не так велик, как у великого воина, – съязвил Дерпфельд. Сообщения столичных новостных программ в Интернете он, как видно, прочел.

Судя по тому, что глаза его блестели, несмотря на все старания казаться невозмутимым, Платон понял, что коп отыскал нечто замечательное.

– Что именно? – спросил археолог как можно небрежнее.

– Список личного состава «Елены Прекрасной». Информация секретная, но я, так и быть, с тобой поделюсь... И... – сержант многозначительно умолк.

– И?

– Не знаю, что «и»... Но что-то мы должны отыскать. Вернее – ты. Ведь ты интеллеktуал. Может быть Корман был знаком с кем-то из них?.. Мысль сумасшедшая, но...

Профессор просмотрел список. Капитан корабля... помощники... экипаж – старпом, механики... научная группа... группа практикантов. Что такого особенного в этом экипаже? Ну, все люди. Не гуманоиды, а именно люди. Но на кораблях такого класса это не редкость. Не за что было зацепиться. Какая связь между ними и Корманом? Между

погибшими и странной планетой Эгейское море с виноцветным Океаном и многочисленными архипелагами?

– Ничего! – заявил Платон, злясь на себя и на Дерпфельда одновременно.

Да, пока ничего. Составим цепочку заново. Материал, из которого делают гробы... Рельеф, выброшенный в море... Платон стал проверять биографию одну за другой. Капитан Эклскон, потомственный военный астронавт.

Лилина Ми, программист – дочь члена парламента Лиги Миров. Возьмем на заметку.

Эдуард Бове – сын одного из клерков банка Лионский межпланетный кредит.

В этом банке Крто держал свои накопления. Но и профессор Рассольников там имеет счет... Трудно сказать, кто не имеет...

Остальные – птички не столько высокого полета.

Артур Эрп – сын капитана пассажирского корабля.

Кира Коровина, – дочь марсианского инженера.

Платон Сухорукое (надо же, тезка!) – сын инженера фирмы «Гибрид». Однако инженер не здешнего филиала.

Ада Вишневецкая – дочь известной артистки.

Да, дети простых смертных работают на шахтах или гоняют грузовозы по Галактике. Дети элиты торят иные тропки. Но когда речь идет о высших целях, на произвол судьбы бросают даже их.

Корман – человек из низов и ни с кем из них не мог быть

знаком. Мечтал протиснуться в узкий круг элиты и преуспел. Добыл десять миллиардов... Мир его телу в морге Ра-я!

– А ты кого-нибудь знал из членов экипажа? – поинтересовался профессор у своего напарника.

Дерпфельд тоже не аристократ, а в летную школу прошел. Настырный.

– Знал одного. Артур Эрп – мы вместе летали на военных кораблях класса «Сирена». Но мне не посчастливилось. Потерпел аварию в туманности Бутылочной Тыквы. При этом угробил корабль. И едва не погубил спасательный шлюп. Одним словом – Тухлое Яйцо.

– Что? – не понял Платон.

– Туманность Бутылочной Тыквы называют еще Тухлым Яйцом, неужели не знаешь? Ты – интеллектуал.

– Теперь и я это знаю.

– Ага, уязвил. Думал, я не смогу?

– Кстати, Император подарил мне набор раковин точно такой же, как и Корману. Хочешь взглянуть?

«Как-то уж слишком стал я обидчив, точно баба», – подумал Платон.

– Что там смотреть?

– Ну, не знаю... неужели не интересно?

Платон выложил перед сержантом все раковины. Завидуй! Видно же, что подобные знаки внимания тебе досаждают.

– Такая же коллекция, как у Кормана. Почти. Потому что

моя – на одну раковину больше.

Сервисный браслет Дерпфельда рассерженно пискнул.

– Что это значит? – изумился коп.

Провел рукой с браслетом над разложенными на столе императорскими «сокровищами». Прибор отчаяннее запищал над третьей слева – рогатой красавицей с палевым зевом. Сержант схватил ее и выбежал в соседнюю комнатку блока. Послышался грохот, какая-то возня, треск разбиваемой раковины. Дерпфельд вернулся, держа в руках почерневшие дымящиеся осколки.

– Через пять часов от нас бы ничего не осталось. Вообще ничего. Разве что несколько молекул.

– Раковина заминирована? Черт! Это что ж получается... Кто-то решил нас ликвидировать!

– Какой ты догадливый! – Дерпфельд скорчил саркастическую гримасу. – Раковины тебе вручили в Столице. Значит, планировали убрать еще до твоего разговора с Иммой. Когда ты получил этот ценный дар?

– Перед самым отъездом.

– Выходит, после «болезни» принца.

– Но с ним же все в порядке. Ну, немного поджарился, как и я... Знаешь, мне кажется, меня спас Крто. Больше некому. Сначала сломал ребра, потом вытащил из печи... Наверняка, ему хорошо заплатили.

– Тогда надо его предупредить.

– Хорошо, займись Крто.

– А ты что намерен делать?

– Загляну к возвращенцам. Эти ребята меня интересуют все больше и больше. Есть одна теория, которую хочется проверить.

– Возьми с собой запасной бластер и будь осторожен. Каждые пятнадцать минут связывайся со мной. Может быть, попросить Брегена нас прикрыть?

– Не нужно. Связь на островах паршивая. Веселисты в Столице уверены, что устранили меня. Рискнем, Вил. Цена корабля класса «Вечный бой» куда больше десяти миллиардов.

– Мы едим то, что на суше. Птиц. Яйца из гнезд. Еще ягоды. Из рыб только тех, что ползают по деревьям. Морские сердечки, когда они уже на берегу. Но в море – ни единым щупальцем. Это наш завет. Суша наша, она – спасение, возрождение и твердь! – Неприличное слово глава возвращенцев произносил с придыханием. Для него суша-твердь была свята.

Он состарился, и состарился давно. Но облик его остался обычным обликом эгейца – суша-твердь не возвратила ему внешности протоэгейцев и способности передвигаться на ногах. Лишь жесткие волосы стали расти на голове и загривке. Как впрочем, и у большинства возвращенцев. Нежная незащищенная кожа потрескалась от ярких лучей. Лежа на пляже, кое-кто из сектантов сыпал себя песком, оберегаясь так от ожогов, но наиболее ярые адепты идеи Возвращения

щения не желали давать себе поблажек. Их лица, спины и ленты щупальцев превратились в сплошные язвы. Их постоянно мучили ожоги и трясла лихорадка. Больные и обессиленные, исхудавшие, они глотали таблетки само-само, чтобы заглушить боль и взбодриться. На людей возвращенцы смотрели с брезгливым безразличием. Если обычные эгейцы одновременно и недолюбливали людскую расу, и лебезили перед господами Галактики, то эти не обращали на двуногих внимания. Они сами были когда-то двуногими. Их сросшийся хвост – это нижние конечности, которыми так удобно ступать по тверди. Одно это – уже причина, чтобы встать на одну ступень с хомо сапиенс.

Платон оглядывался, пытаясь определить, кто из членов секты может ответить на его вопрос. Хотя, что тут размышлять: уж если к кому и обращаться, то сразу к главному. И профессор направился к старому оратору. Тот выслушал человека со снисходительной доброжелательностью .

– Мое имя Нако-май-кр-мо, – заявил главный возвращенец. – Это старое эгейское имя, без всяких сокращений вроде т-мо, к-мо. Потому что главное – суть. А не маска. Имя – суть. А внешность – маска... У Императора маска. Маска биокорректоров. Это предательство. Но мое имя – суть. Имя – это превращение в подлинного эгейца, прежнего эгейца... Уродство нынешних эгейцев, уродство планеты – в масках...

Платон хотел заметить, что сейчас планета выглядит не так уж и плохо, если не считать уродливых следов фир-

мы Брегена, но благоразумно промолчал, предвидя реакцию возвращенца.

– На правильном пути мы, а не вы. Галактика наша, а не ваша, – продолжал Нако-май-кр-мо. Из его язвы на голове сочился гной нежно-зеленого оттенка.

– Чтобы быть главными, надо уметь воевать и побеждать, – Платон бросил, как приманку, заранее заготовленную фразу. – Насколько я знаю, эгейцы не воюют. И не воевали.

– И вы туда же! – возмутился возвращенец. – При чем здесь это? Бред! Бред! Умопомешательство Слокса на теории Сергея Переслегина о войне и разуме. Странная теория...

– Не знаком...

– Вы же человек! – возмутился возвращенец и стер струйку гноя, как струйку пота. – Он не знаком! Эта тория о том, что война неотъемлемое свойство разумных существ. Что разум и война – две вещи вполне совместные. Разума нет без войны⁵.

– Возможно, вы преувеличиваете...

– Нет! – опять перебил Нако-май-кр-мо. – Невозможно! А вот у Слокса обратный вывод. Для поднятия разумности эгейцам нужна война. Наш IQ в среднем ниже, чем у людей.

– Многие считают этот показатель необъективным, – дипломатично заметил профессор Рассольников.

⁵ Изложение теории С. Переслегина смотри в его статье «Структура и хронология военных конфликтов минувших эпох».

– Не в том дело! – отмахнулся возвращенец. – У Слокса культ войны. Война – это путь сплочения стада, утверждение альфа-самцов. Лишь для воинов возможно возрождение. Вот откуда эти мерзкие рельефы и статуи! В Столице на улицах скульптуры эгейцев с металлическими мечами, торчащими из тел.

– Не видел. Видел убитого из бронзы...

– Они там! – бесцеремонно перебил его Нако-май-кр-мо.

– Но, может быть, эгейцы когда-то воевали...

– Чушь! Драка только за самок в период гона. И все. Это мечта Слокса – убийство и смерть. Мерзкий рельеф на площади острова Вдохновения – его затея. Пусть полежит теперь на дне, разбитый на куски.

– Значит, я нашел новодел, созданный по приказу Слокса? – Профессор Рассольников изобразил разочарование вполне убедительно: можно было подумать, что он только сейчас узнал, что плита поддельная.

Нако-май-кр-мо самодовольно заурчал, как сытый кот.

– Удивление? Разочарование? Не у вас первого. Корман – тоже. И опять же по поводу этого дурацкого рельефа.

– И вы сказали Корману то же, что и мне?

– Ну, разумеется! – Возвращенец обиделся – неужели кто-то усомнился в его честности?

– И Корман поверил?

– Нет. По словам Кормана: мы – самая мерзкая, самая кровожадная раса в мире. Ответом ему – мой смех в лицо.

Ему и веселистам, и их дешевым картинкам. Нелепо: их подделки с изображением войн – доказательство великого прошлого! Поддельному прошлому место на дне. Сильные эмоции – наша пагуба.

– Как это? Венерические заболевания?

– Нет. Гордость морем, любовь к нему, ни дня без моря. Купание, все лакомства – исключительно из морепродуктов. Безумие, страсть, почти религия. Постоянные купания... – в голосе Нако-май-кр-мо слышалась странная экзальтация. – Но в морепродуктах в те годы слишком много мутагенных веществ. Понимание пришло слишком поздно. Мутации. Изменения. Взрыв ярости и гнева. Все корабли на дне! Мы приняли решение – не надо больше кораблей.

Эгеец весь дрожал, как будто заново переживал с Эгеидой ее катастрофу.

– Если у меня возникнут какие-то вопросы, я еще к вам загляну...

– Это вряд ли! – фыркнул возвращенец, и комок гноя сорвался с его растрескавшихся губ. – Мечта Крто – наше удаление с архипелага. Давние слухи, что наше место отныне на Дальнем, но пока мы еще здесь. Но угроза высылки – тенью над нами. Места на тверди нет для нас. Старая баржа и дно Океана – для нас. Такова мечта Столицы. Таково исполнение Крто.

– Но вы же умеете плавать!

– Многие демонстративно разучились.

Атлантида посмотрел на лежащих на земле возвращенцев. Один вроде как через силу жевал какого-то червяка.

«Чем они питаются? Неужели только рыбами, ползающими по деревьям?» – подивился Платон.

Когда профессор Рассольников вернулся после своего не слишком успешного визита к возвращенцам, он обнаружил в домус-блоке гостя.

В кресле, положив ногу на ногу – совсем по-человечески – сидел Крто. Вместо хвостового чехла эгеец надел брюки из черной кожи. Чехол, однако, был при нем и висел сейчас на спинке кресла-антиграва. Для людей архонт хотел быть человеком, для эгейцев – своим в человеческой маске.

– Я пришел к вам с предложением, – заявил Крто. Надменности в нем заметно поубавилось. Зато лицо его еще меньше стало походить на маску. Если так дело пойдет, то вскоре мало кто догадается о биокоррекции. – Надеюсь, у вас хорошая защита, и нас не подслушивают? – Архонт сделал значительную паузу.

Он был бледен – особенно нос. Значит, трусил, и изрядно.

– Нас не подслушивают, – заверил его сержант Дерпфельд.

– Жизнью рискую не только я. Но и Имма. И вы тоже. – Тон Крто показался слишком уж патетическим. Или он так старательно пытался подражать людям даже в интонациях?

– Гарантирую, вас никто не услышит, – повторил Дерпфельд.

Платона их торг рассмешил. После покушения уже не

имело значения – подслушают их или нет. Ясно, что кому-то они наступили на хвост. Интересно, насколько чувствителен хвост у эгейцев?

– Ваш браслет... – Крто протянул профессору его сервисный браслет. – Вы его забыли... случайно. В клинике.

– Кстати, что с принцем? Не просветите ли нас? Бреген сообщил, что он взял себе внешность тритона.

– Взял первого, кто попался под руку, – пояснил Крто и, видя, что собеседники его не поняли, пояснил: – Разрыв контура во время сканирования вызвал сильные ожоги верхней части тела, принц впал в кому. Для нейтрализации последствий аварии взяли первый попавшийся объект и провели повторное сканирование.

– И этот... как вы его назвали... «объект»... погиб?

– Может быть. Но не обязательно.

– И... об этом что, все знают...

– Не отвлекай нашего гостя, – одернул его сержант. – Итак? – сурово нахмурил брови Дерпфельд.

– Корабль «Елена Прекрасная» потерпел десять лет назад аварию и упал в Океан, – сообщил Крто.

– Об этом можно прочесть в Галактическом Интернете, – заметил Вил Дерпфельд. – Если вы, конечно, пользуетесь Интернетом.

– Послушайте, я знаю, что вы относитесь ко мне с неприязнью. Но ваше появление здесь нарушило мои планы. И мы волей или неволей должны стать союзниками. – Архонт не

скрывал раздражения, но старался говорить спокойно. Уверенный тон маскировал волнение.

– Изумительная логика! – воскликнул Платон. Ему хотелось дать Крто по зубам – только за его потрясающую наглость.

– Ваши планы? И каковы они? – сержант явно к чему-то вел разговор, но профессор пока не понимал – к какой цели.

– Обещайте, что спасете Имму. И все... И все... – Крто издал тонкий, совершенно невозможный писклявый звук. Предел эмоций. Археологу стало не по себе.

– Успокойтесь, – попросил Дерпфельд.

Крто что-то сунул в рот. Как показалось Платону – таблетку. Коричневую. И еще ему показалось, что он уловил едкий запах морских водорослей. Само-само?

– Я кое-что знаю о вас, и знаю, что вы не способны на подлость, профессор, – заявил Крто, обращаясь именно к археологу. – Говорю о подлости в том смысле, в каком ее понимают люди.

– У эгейцев иные понятия о подлости? – Атлантида не скрывал сарказма. Но поймет ли сарказм эгеец?

– Разумеется. – Крто то ли не понял, то ли сделал вид, что не понимает.

Более он ничего не успел сказать. Дверь испарилась, и в комнату ворвались стражи.

Однако и Крто был стражем прежде чем стать архонтом. Даже откорректированное тело не утратило своих реакций.

Пусть у нападавших функциональные перчатки намертво сращены с оружием – Крто почувствовал опасность за миг до того, как дрогнула дверь. И потому, едва эгейцы возникли на пороге, Крто уже целился в первого, что рвался вперед. Разряд бластера пришелся в шею – как раз между маской и воротом бронежилета. А говорят, эгейцы не могут убивать! Платону некогда было хвататься за кобуру. Зато тросточка оказалась в руках. И он подцепил тросточкой ближайший стульчак и ловко вывернул стража на пол.

– Твердь! – выругался страж. И тут же получил каблуком в нос – а нос у эгейцев необыкновенно чувствителен.

Третьего расстрелял из бластера Дерпфельд.

– Нас подслушивали... – завопил Крто. И собрался выскочить в коридор. Но Дерпфельд отстранил его и нырнул наружу сам – как в воду. Послышался тонкий визг, затем хрип и тяжкий шлепок – явно падение грузного тела.

Крто вылетел на своем кресле и помчался по коридору до муса. Крак! – он вырвался наружу и полетел над морем, явно преследуя кого-то в воде, справедливо рассудив, что модернизированное его тело вряд ли может соревноваться в скорости с коренным эгейцем. Зато кресло летело быстрее. Крто снизился к самой воде и... нырнул.

Что происходило там, в глубине, угадать было трудно. Однако вспышки разрядов говорили, что погоня Крто была не напрасна. Платон ждал, но эгеец не возвращался.

– Он погиб или попросту смылся? – спросил Дерпфельд.

– Скорее сообщи Брегену о покушении. В конце концов, именно Бреген обеспечивает нам безопасность на Эгейде, – предложил археолог. – Надо заметить, плохо обеспечивает.

– Это несложно. А потом?

– А потом мы берем глайдер и летим на Дальний.

– Зачем?

– Я уверен, что стена что-то скрывает. И я хочу знать – что. К тому же корабль где-то там, на старом шельфе. Так сказала Имма. Без корабля я с планеты не уйду. Рискнем. – Он был как в лихорадке. Он чуял – цель близка. Теперь его никто не мог остановить.

– Крто запретил появляться на Дальнем, – напомнил сержант. – Под водой еще можно рискнуть. Но на суше...

– Ты уверен, что мнение Крто сейчас кем-то принимается во внимание?

– Ладно, пусть архонт со своими эгейцами разбирается сам. Осматриваем твою стену, потом ищем корабль и связываемся со Службой Безопасности. Но учти, надо действовать быстро. Мертвецами нас уже не считают...

– Предупредим Брегена, пусть нас прикроет. Сутки у нас будут. А за сутки можно многое успеть.

ГЛАВА 10

ПАДЕНИЕ СТЕНЫ

Документ 10.

Островитянин 7 – центру. (Совершенно секретно)

Линию поведения относительно архонта надо немедленно изменить. Цель – остров Дальний. Гости на правильном пути. Окончательное местоположение Джи-джиду выяснится в ближайшее время. Объект в курсе событий. Обеспечиваю дозированную информацию. Один из камней мной определен. Прикрытия нет. Риск ликвидации очень высок.

Прошу до прибытия основной группы прислать трех агентов для прикрытия.

Архонту не доверяю. Он столько лет дурил нам мозги.

Платон стоял перед стеной на острове Дальний. И в руках его был мощнейший резак, чудо современной техники. Резак мог проделать отверстие в несколько миллиметров и за час снести всю макушку горы. Чудная вещь! Умница Дерпфельд прихватил его на всякий случай. Однако Платону пришлось уламывать сержанта целых пятнадцать минут, прежде чем тот разрешил приметить резак здесь, на скале.

Итак, сейчас археолог разрушит стену и найдет свой пергамский алтарь. Свою гигантомахию. То, что сержант носит фамилию Дерпфельд – а Дерпфельд был когда-то знамени-

тым археологом, – было всего лишь совпадением. Но совпадением высшего порядка, заранее утверждавшим близость истины.

Атлантида включил резак на малую мощность. Луч вошел в стену, как в масло. Через минуту плита с грохотом рухнула внутрь. Поднялась туча пыли. А в лицо Платону пахнуло смрадом. Археолог запоздало натянул на лицо респиратор. Огляделся. Жаль, что плита упала именно так. Теперь не определишь, был ли внутри какой-то рельеф. Платон шагнул в открывшийся зев пещеры и внимательно оглядел остатки стены. Две другие плиты опирались на грубо обтесанную поверхность скалы. Однако ширина выступавшей части была вполне достаточной, чтобы разглядеть внутреннюю поверхность камня. Плиты изнутри оказались совершенно ровными. Не было здесь никакого алтаря, никакой гигантомахии. Все вздор. Очередная мистификация Кормана.

Но, может быть, сама пещера скрывает нечто важное?

Профессор Рассольников включил мощный фонарь. В глубь пещеры вела лестница из высеченных в камне ступеней. Атлантида стал спускаться. Очень медленно. Детектор на сервисном браслете показывал, что количество примесей в воздухе возрастает. Луч фонаря прыгал по стенам. И наконец уперся... Платон сначала не понял, что перед ним... какая-то серая масса с белыми вкраплениями. Наконец сообразил, что белое – это кости. Медленно спустился он еще на несколько ступеней. Прямо у его ног лежал череп. Археолог

лог поднял. Череп был, несомненно, человеческий. В белой лобной кости зияла дыра. Платон осторожно положил череп на прежнее место. Взял другой. Бедный Йорик... то есть человек... У этого была срезана вся макушка... Атлантида огляделся. Берцовые кости... острые ребра... позвонки... все было свалено в кучу. Когда-то тела лежали друг на друге. Тела людей – не эгейцев. Или... эгейцев? Когда-то жители Эгеиды были похожи на людей. Но уж больно хорошо сохранились с тех пор. Герметично закрытое помещение? Даже частицы плоти – вон там присохло немного кожи, а там... Атлантида поднял еще один череп. И под ним полуистлевший кусочек искусственной кожи. Видимо, остаток ремня... Стер какую-то липкую на ощупь, жирную грязь... Сверкнула голограмма. Планета, кольцо, четыре звезды. Космофлот Лиги. Платон попятился. Споткнулся и едва не упал.

Как говорил Нако-май-кр-мо? Начнешь воевать, и IQ возрастет... Чистый подвиг уничтожения. Так вот, куда ведет цепочка фальшивых рельефов.

«Ничего себе, повоевали», – пробормотал профессор Рас-сольников.

– Ты подписал нам смертный приговор, – услышал он за собой голос и обернулся.

В кресле-антиграве сидела Имма. В полумраке пещеры – свет падал через пробитую дверь – лицо ее казалось призрачным и светилось. Да, именно светилось – эгейские красотки используют светящуюся пудру из раковин глубоководных

МОЛЛЮСКОВ.

– Что это значит? Откуда здесь эти скелеты? Это экипаж корабля? Экипаж «Елены Прекрасной»?

– Объяснять некогда. Надо бежать.

– Подожди... Я не могу так уйти...

– Выгляни наружу и сам все увидишь.

Археолог помчался назад к выходу. Выскочил на Площадку. Внизу волновалась зелень острова. И по ней то там, то здесь бежали дорожки мелкой ряби.

– Это стражи спешат к нам, – пояснила Имма, подлетая на своем антиграве. – У тебя есть кресло?

– Есть... – механически отвечал Платон.

– Седлай его, и летим. И да поможет нам прилив!

Атлантида вскочил в кресло. В последнюю секунду догадался прихватить резак. Когда они поднялись в воздух, вслед им ударили с разных мест лазерные лучи. Однако стражи оказались плохими стрелками. Ни один выстрел не задел ни Имму, ни Платона. О том, чтобы преследовать беглецов, стражи не могли и думать: их кресла с трудом отрывались от поверхности, в то время как кресла Иммы и Атлантиды летели птицами.

Тем временем Имма, не обращая внимания на пальбу, нажала кнопку сервисного браслета:

– Крто! – выкрикнула она. – Беги!

И тут же отключила связь.

Они стали снижаться. Зарядов кресла надолго не хватит.

Но далеко лететь и не было нужды: на маленьком острове Платона ждал глайдер. Почему-то археолог надеялся, что стражи не догадаются сюда заглянуть. Им повезло: глайдер был на месте. И Дерпфельд по-прежнему его охранял.

Все трое заскочили в машину, и глайдер взмыл в небо.

– Вы можете укрыться на базе Брегена, – предложила Имма. – А я должна найти Крто. – Она замолчала и посмотрела на археолога. – Но я сомневаюсь, что вас пропустят на базу. Слокс понимает, чем рискует. Да, уже поздно... – Имма вздохнула и указала на пять или шесть синих глайдеров, летящих встречным курсом. – Нас не пропустят...

– Что произошло! Черт возьми! – Закричал Дерпфельд. – Кто-нибудь может мне объяснить.

– Нам нужно убежище, – бормотала Имма. – А я должна найти Крто. Да, решено... Я укрою вас на черной скале... Но сначала вы должны оторваться от погони. И выжать из этой посуды максимум...

– Посудина? – обиделся Дерпфельд. – Это новейшая модель. А ваши толстопузые красавцы устарели в прошлом тысячелетии.

Вышло, однако, чтогодились – на свою службу безопасности Император не скупился. Глайдеры преследовали беглецов, и если отставали, то очень медленно.

– Он черпают энергию из Океана, – сказала Имма. – Это наши специальные модернизаторы... Я слышала... – добавила она.

Дерпфельд стиснул зубы и скомандовал управляющему компу:

– Подъем...

Океан сразу исчез. Осталось только небо. Перегрузок не чувствовалось – работали компенсаторы, зато возникло легкое головокружение, пьяное ощущение нереальности и желание отстегнуть ремни и шагнуть...

Потом все вернулось – тяжесть и Океан внизу – разом.

Только глайдеры исчезли.

– Они запеленгуют нас, – предрек Атлантида.

– Нет... там, где я вас спрячу, – никогда. Имма рассмеялась совершенно по-человечески.

Глайдер подлетал к черной скале, торчащей из Океана острым зубом. Волны обтекали утес, будто был он нереальностью, призраком: нигде ни намек на белую кипень прибоя. Глайдер стал спускаться. В черной скале вдруг возник черный проем. У вырубленного в камне входа сидели четыре неподвижных изваяния, по два с каждой стороны. И над входом распростерла крылья огромная птица, чем-то похожая на орла. Когда-то позолота украшала ее крылья. Теперь от золота осталось несколько крупниц. Люди спрыгнули на узкую площадку перед храмом, Имма вылетела в своем кресле, а глайдер помчался дальше на автопилоте. Через сотню километров он, взорвавшись, рухнет в воду над самой глубокой океанской впадиной. Имма надеялась, что их преследователи поверят в гибель беглецов. Хотя бы в первый момент.

Жаль машину. О потере придется еще составлять отчет для полиции Райского уголка и долго обосновывать, почему машиной надо было пожертвовать. Если, конечно, сержант Дерпфельд останется в живых.

– Разве они не могли проследить за нашей высадкой? – недоверчиво спросил Платон.

– Черная скала – обиталище древних божеств, – заявила Имма. – Поэтому я и просила подвести глайдер как можно ближе. Поверхность скалы и зона в радиусе сотни метров не сканируется. А теперь идемте. Два дня нам придется пережить здесь.

Они вошли в галерею. Сразу стало темно. Свет из двери за их спиной не попадал внутрь – его как будто отсекало невидимое зеркало. Лучи фонарика выхватывали стоящих вдоль стен каменных гигантов. Они упирались головами в потолок. Круглые головы, широкие плечи, узкие бедра. Бесстрастные лица, похожие одновременно на человеческие и на эгейские, огромные выпуклые глаза. В лучах фонарика полированный черный камень блестел, и, казалось, глаза каменных стражей смотрят на непрошенных гостей вопросительно и строго.

Беглецы прошли несколько шагов и уперлись в ровную стену. Дальше пути не было.

– Это и есть твое убежище? – насмешливо спросил профессор Рассольников. – Не очень-то просторное.

Имма не ответила. Она пошарила рукой по стене. И что-то сделала – то ли нажала невидимую пластину, то ли что-

то повернула. Что именно – Платон не понял. Но медленно поехала вверх массивная плита, и за нею открылась узкая галерея. Луч фонарика, метнувшись, потерялся в ее глубине.

– Идем! – кратко воскликнула Имма и первой влетела на своем кресле в галерею.

– Это ловушка! – сказал Дерпфельд. – Девица нас заманивает.

– Спроси, что он видел! – Имма вернулась и толкнула археолога в бок. – Ну, там, на скале, на острове... что ты видел...

– Скелеты... скелеты людей... Целое кладбище... И у первого черепа, который я осмелился взять в руки, была здоровенная дыра во лбу.

– Откуда там люди?.. Это... – Дерпфельд не договорил.

– Экипаж, – сказала Имма и медленно полетела по галерее.

Платон шагнул вслед за ней. Дерпфельд, поколебавшись, тоже. Дверь за их спиной закрылась. Они двинулись за Иммой. В свете фонариков сверкал отполированный черный камень с красными и зелеными прожилками. Стены были идеально ровными, а свод образовывал волну: то поднимался, то опускался, выписывая в местах встречи со стеной идеальные полукружья.

– Мы попались в ловушку, как крысы... – прошептал сержант.

«О да...» – мысленно поддакнул Платон. Что заставило

археолога поверить Имме? Что? Ее льстивые слова, будто бы он, Платон, хороший парень, в отличие от Кормана? Или смесь отчаяния и ненависти в ее глазах там, в таверне?

Они шли и шли по коридору. И вдруг луч фонарика выхватил чье-то лицо – черное, неподвижное, с застывшей улыбкой на губах. Лицо не эгейца, но и не человека. От неожиданности археолог чуть не закричал.

– Это бог Вта... – сказала Имма. – Мы пришли.

И, опустив кресло, в почтительном жесте коснулась рукой колен каменного бога.

Черная скала когда-то была святилищем Эгеиды. В те времена, когда эгейцы ходили по суше, и у них были ноги, как у людей, а пальцы еще не превратились в щупальца. Когда Океан прихлынул, все забыли о прежней жизни и прежних богах. И о глубокой галерее, в конце которой находилась тайная комната, где на скамье в абсолютной темноте сидели четыре бога, ожидая визитов эгейцев, тоже забыли. С богов сорвали драгоценности, сняли золотые головные уборы, ожерелья из изумрудов, браслеты из золота и ляпис-лазури. Даже краска исчезла с их каменных тел. И они, черные, недвижимые, продолжали сидеть на скамье, сложив на коленях узкие ладони, не обращая внимания на все надругательства, глядя в никуда помертвевшими глазами, лишенными карбункуловых зрачков. Они ждали поклонников. Когда-нибудь эгейцы вернутся к своим богам. Когда-нибудь...

Боги умеют ждать, в отличие от людей. Ведь ожидание тя-

готовит убегающим временем. А для богов время не имеет значения, они, вечные, ничего не теряют. Время будет всегда – оно не может иссякнуть. Так зачем же его жалеть? По времени можно плыть, как по Океану, и ждать своего часа.

Первым делом беглецы перекусили пивом и копченой рыбой. О чем еще может думать эгеец в минуту опасности? Конечно, о еде. Процесс поглощения пищи целесообразен. И люди, как эгейцы, торопятся перекусить, чтобы снять стресс.

– Ты тоже любишь покушать? – спросил Платон у Иммы.

– Конечно. Когда ешь, нельзя ненавидеть.

Логично. Во время еды думаешь только о себе – нельзя же ненавидеть себя. А то можно и подавиться. Или нажать язву.

– А другие ходы в этой горе есть?

Видимо, Крто с женой давно готовились к подобной заварушке, ибо держали на Черной горе припасы. Пища была не ахти. Пиво в банках да копченая рыба. Перспектива питаться местными деликатесами Платона не веселила, зато ожил вдруг профессиональный интерес и затмил все тревоги. Если они в старом святилище, то...

– Так есть здесь еще ходы?

– Говорят, есть. Но я не знаю других, – призналась Имма. Наверняка врал. – Знаю, здесь есть ловушки.

«А вот это, скорее всего, правда», – подумал Атлантида.

Профессор прошелся по коридору, освещая стены фонариком, прощупал детектором – благо, он был вмонтирован в молекулярный резак. Никаких пустот... Тут он вспомнил,

что Черная скала не поддается сканированию и обозвал себя идиотом.

«Зачем я ищу тайные ходы, когда должен искать пути спасения своей шкуры?»-спросил сам себя Атлантида.

Он стал выстукивать стены. Скала решительно отвечала ему «нет». Все людские и эгейские хитрости были здесь бессильны.

– Если разгадать состав этого камня, то можно заработать огромные деньги, – пробормотал Платон. – Вы не пытались продать кусочек кому-нибудь? – поинтересовался Платон у Иммы.

– Это святыня...

– Бывшая.

– Бывших святынь не бывает. – Каждое замечание Платона она тут же отбивала с уверенностью опытного бойца.

– А, ну да, конечно... И где же в этой святыни мы будем справлять естественную нужду? Можно узнать? Двое суток я не могу терпеть. У меня генетически уплотненная память, а вот мочевого пузыря совершенно нормальный.

– Здесь припасены герметичные специальные сосуды, – сообщила Имма.

– Надо же! Какая предусмотрительность. И они нам, людям, подойдут?

– Вполне.

– Откуда вы знаете?

Она фыркнула, на секунду замешкалась с ответом, потом

пробормотала:

– Они универсальные.

– Скажите, Имма, почему вы решили нас спасти?

– Я спасаю не вас, а себя. – В темноте он не видел ее лица.

Да и вряд ли мимика эгейца могла многое поведать человеку. – Я помогу вам, вы – мне и Крто. Только вместе мы сможем покинуть планету.

– Нам ничто не грозит. У нас пропуска и...

– Выкиньте пропуска в Океан, скормите броненосцам! – воскликнула она зло и торжествующе. – Вас теперь ни за что не выпустят. Слокс вас уничтожит. И меня, и Крто... Но мы все вместе можем устроить ему хороший тайфун.

– На что вы намекаете?

– Вы залезли туда же, куда и Корман... То есть в такое... – Имма передернула плечами. – Но Слокс – вы видели Слокса... Он не позволит, чтобы Лига Миров узнала о том, что вы видели.

– Можно объяснить как-то понятнее, без полупнамеков? Что я нашел? Что это за захоронение? Погибший экипаж «Елены Прекрасной»? Что случилось?

– Понимаете... – голос Иммы дрогнул. Платон невольно поморщился, ожидая пронзительного писка. Но услышал лишь прерывистый вздох. – Не сейчас, ладно? Утром я все расскажу. Можно подождать до утра? – такой молящий шепот. Ну, как отказать?

– Ладно, спим, – согласился сержант. – Я устал, как соба-

ка.

Спать пришлось на голом камне. Сны снились не самые радужные.

Во сне Платон увидел Кормана. Тот уселся на скамейку рядом с четырьмя каменными ограбленными богами и сказал насмешливо:

– А ты дурак, Атлантида. Неужели ты еще не понял? Ведь она сказала тебе: «Эта планета похожа на Старую Землю из космоса». Как она могла видеть из космоса эту планету и, тем более, Старую Землю, если она – простой страж и в космосе никогда не бывала? Но вспомни список личного состава. Кира Коровина – дочь марсианского инженера. Она-то вполне могла видеть Старую Землю в иллюминатор челнока и, возможно, даже могла летать туда. И потом – что говорил Дерпфельд? Стражи не покидают остров – только Крто навевывается в Столицу. В этот раз Крто был в Столице без Иммы. И, скорее всего, в другие дни – тоже. Почему? Да потому что ей не нужна биокоррекция...

Профессор Рассольников проснулся. Ну конечно! Кира Коробина. Она же – Имма. Не юная леди Эгеиды, которой почему-то обуяло навязчивое желание принадлежать к человеческой расе, как другие красотки мечтают о дорогой шубе или колье из бриллиантов. Она и была – человек. А вот

Крто, несомненно, эгеец, но решил сменить ипостась. Видимо, из-за Иммы-Киры. Платон усмехнулся: неужели встречается такая преданность? Ну, прямо-таки история Хаммату и Розы. Была такая история на заре Второй Конкисты. Будто бы человек влюбился в какую-то девушку местной расы. И все были против: Служба Безопасности Лиги Миров – вот уж воистину подлинный опекун каждого человека, – и местные вожди какой-то религиозной общины, и родители девушки... Чем все кончилось на самом деле – неизвестно. Но про Хаммату и Розу сняты были десятки голографических фильмов, один другого слащавее. Вряд ли Крто видел хотя бы один. Эгеида – планета, изолированная от общего потока цивилизации. Здесь не смотрят годографов, литература в чести у изысканцев, но стражи не читают книг. Развлечения Столицы более декадентские. Воздушные шарики, морские горки и плесканье в бассейне. А те, кто занят работами ископаемых на шельфе, развлекаются в свободное время одинаково: таблетка само-само под язык, и ты в мире грез до следующего утра.

Платон разбудил Дерпфельда.

– Как ты думаешь, зачем Крто решил бежать с планеты? Не знаешь, конечно. А я знаю. Потому что Имма и практикант Кира Коробина с «Елены Прекрасной» – одно и то же лицо.

– Ты смеешься? – Дерпфельд не поверил. – Она – человек?

– Именно. И Крто тоже принял облик человека. Полностью. Ради нее. Как Хамматута для Розы... Имма, ты слышала легенду о Хамматуте и Розе? – обратился археолог к их спасительнице. Он был уверен, что она не спит.

Но никто не ответил. Платон включил фонарь. У ног древних богов лежали они с Дерпфельд ом. Имма исчезла. Чертова девчонка! И как она сумела удалиться совершенно неслышно?!

– Я так и знал. Мы в ловушке, – удовлетворенно заметил Дерпфельд. – Бабам не верь – мой первый и единственный принцип.

– Как она выбралась? Я лежал поперек прохода, у самого выхода из норы, должен был услышать... Или... Объяснение одно. Из этой камеры есть другой ход. Имма легла спать у той стены. Значит, выход – там.

Профессор Рассольников стал ощупывать стену – миллиметр за миллиметр. Луч фонарика шарил вверх и вниз. Безрезультатно. Ничего похожего на дверь...

– Это все из-за тебя, профессор, – зло проговорил сержант. – Из-за твоей дурацкой поездки на скалу. Я же был против!

«Разве»? – хотел спросить Атлантида, но удержался. «Застрав в лабиринте, лучше не ссориться», – говаривал философ Стато.

– Ты был белый, как мел, – ворчал сержант. – Помню, у пилота Эрпа была точь-в-точь такая рожа, когда он глотнул

на Малой Бургундии местного винца. Парень блевал сутки. Непрерывно. Когда я увидел твою зеленую харю, то решил: сейчас и ты начнешь блевать. Ну, думаю, дело плохо, если нашего бравого профессора так скособочило... Что ты там все-таки нашел?

– Склеп. И в нем – человеческие скелеты. И пряжку с голограммой космофлота. Получается, что экипаж не погиб вместе с кораблем.

– Какая-нибудь инфекция?

– Или отравление. Если у них не было при себе экотаблеток... Нет, не получается. При чем здесь отравление?! Я же сказал: у одного череп проломлен, у другого вообще снесло макушку.

У Платона мелькнула мерзкая догадка. Он был уверен, что сержант подумал о том же самом, но вслух не решился произнести.

– Но если Имма – человек, то она что-то знает...

– Да, конечно. Но у нее сейчас не спросишь.

Как же выскочила девчонка? Вот стерва! Платон вернулся по коридору к той двери, через которую они вошли. Как-то эта плита должна подниматься. Но как? Атлантида обшарил все камни. Ничего! Никакого намека на рычаг или пульт управления. Они умрут в этой черной норе, которая не поддается никакому сканированию, сложив глупые свои головы к ногам ограбленных богов.

– Боги! – догадался археолог.

Он помчался назад в комнатушку и принялся обследовать статуи. Какая часть тела должна иметь для эгейцев особое значение? Голова? Лицо? Глаза? Слишком высоко. В процессе метаморфирования жители Эге-иды утратили ноги. Быть может, они молили богов вернуть им прежний облик и вновь наградить ходуль-ками вместо хвостов и обнимали колени богов... Да, да, колени. Платон обнял голени сидящего крайнего бога – кажется, это был Вта – и принялся ощупывать. И вдруг, о чудо, плита за спиной бога поехала в сторону, и открылся проход. Но там, в глубине нового помещения не было света. Только бархатная чернильная тьма. Абсолютная. Платон схватил фонарик и кинулся внутрь. Перед ним была квадратная нора, вырубленная в стене. Совершенно пустая. Лишь вниз уходил черный вертикальный ход. Платон осветил его фонариком. Дна не увидел. Зато увидел на стене углубления – одни под другими на двух противоположных сторонах. Человек здесь мог пролезть. А вот эгеец – вряд ли. Хвостом в такие ямки не упрешься. Однако – зачем эгейцу лезть? Спустился на кресле-антиграве – и порядок. И Платон последует их примеру.

Археолог притащил кресло-антиграв, повесил в воздухе над шахтой колодца и уже стал усаживаться, когда кресло камнем полетело вниз. Платон едва успел ухватиться за край колодца. Хорошо – с той стороны, где были ямки для ног и рук. Встал, прижавшись к холодному камню. Но самого бросило в жар. М-да... на кресле вниз не спустишься.

– Вылезай! – посоветовал Дерпфельд, заглядывая в тайную нору.

– Ну уж, нет! Спустишь вниз и погляжу, что там такое. Хотя бы есть чем заняться до возвращения нашей Иммы.

– Она не вернется.

– Вернется. Она прожила десять лет на Эгеиде и никому не сообщила о своем спасении. Почему? Подумай над этим, Вил. Это по твоей части. Тут интеллектуалом быть не надо. Надо всего лишь быть полицейским.

Археолог стал спускаться. Колодец был довольно широк, упираться руками даже при высоком росте профессору было неудобно. Одно неверное движение – и можно отправиться вслед за креслом. Не было даже страховки – какой-нибудь примитивной мономолекулярной веревки... Вспоминая об этом, Платон испытывал неприятный холодок под ребрами. Несколько раз Атлантида пытался осветить колодец, но ничего не видел в глубине. Лишь появился какой-то запах... Неопределенный... похожий... как бы лучше сказать?.. Да, запах пыли. Как будто там, внизу, была древняя библиотека. Свет фонаря метался по стенам. Нигде никакого лаза. Зато теперь в воздухе мельтешили пылинки. И пыль становилась все гуще. Платон стал кашлять и чихать.

И вдруг колодец кончился. Археолог, нащупывая очередную ямку, коснулся ногой чего-то мягкого. Он попытался встать на это внезапно появившееся дно и почувствовал, как нога погружается... Платон направил луч фонарика вниз.

Дно покрывал слой легкого праха. А кресла не было. Лишь серое облако поднималось вверх. Платон вновь осторожно тронул прах. И тут же нога стала уходить в серую, вкрадчивую ватность. Археолог поспешно вернулся на ступеньки. Надо ползти наверх. Он сделал несколько шагов и понял, что не может двинуться с места – силы внезапно его покинули. В нелепой позе застыл он над серым пыльным «болотом». Пот катился по лбу. Хотелось глотнуть воды, а воды не было. Профессор отдышался и заставил себя двигаться. Через силу. Без всяких сил. Раз, два... Он считал шаги... Наверняка пыльное дно уже далеко. Он направил луч фонарика вниз. Ничего подобного. Оно тут, рядом... В нескольких шагах. Еще несколько отчаянных усилий... Так и есть! Дно поднялось вслед за Платоном. Он замер и стал смотреть. Вскоре серая пыль коснулась его ног. Археолог стал спешно карабкаться наверх. Усталость исчезла...

А что, если пыль вырвется из колодца и...

Археолог вдруг замер. Луч фонаря скользнул по стене. Платон остановил метание светового луча на знаке, высеченном на камне. Опять пучок восьмерок. Знак жизни, ставший знаком смерти... Археолог коснулся рельефа. Одна из плит медленно и со скрипом стала опускаться, открывая узкую горизонтальную галерею. А пыль уже легкой пеленой обволакивала щиколотки. Платон нырнул внутрь горизонтального хода и пополз. Тут же плита поехала наверх. А в колодце зарокотала, набирая силу, вода. Она лилась откуда-то свер-

ху. Атлантиде почудилось рассерженное шипение: это вода, обрушившись на пылевое «болото», заставляла его медленно оседать. Через несколько секунд плита закрыла лаз, и все звуки смолкли. Работая локтями, археолог полз вперед. Проход был узкий, но вполне достаточный для человека. Эгейцу пришлось бы куда хуже: он бы непременно ободрал все бока, протискиваясь по галерее. Через несколько минут (или часов) Атлантида уперся в монолит, нажал и...

Вывалился наружу. Свет падал какими-то полосами. Пахло рыбой и пивом. Не сразу археолог сообразил, что лежит рядом со скамьей, на которой восседали боги. Крайний, Вта – или почудилось? – насмешливо кривил губы, насмехаясь над незадачливым человечком.

– Ну, как? – спросил Дерпфельд. – Каковы успехи?

– Кресло я угробил.

– Что там было?

– Ловушка для непрошеного гостя. В каждой гробнице есть такая. Логично: грабитель начнет с крайней статуи. Посвященный обнимет нужного бога.

Однако такая мелочь не могла остановить профессора Рассольникова. Пусть Вта устроил ловушку, тогда следующий, безымянный, с волкоподобной головой и огромными рогами непременно будет более любезен. Надо лишь молитвенно обнять его колени. Несколько глотков пива, и... новый эксперимент.

В этот раз открылась комнатка, похожая на погребальную

камеру. Посреди, оставляя по краям проходы не более полу-метра, громоздился саркофаг с полукруглой полированной крышкой. Камень напоминал гранит и блестел в свете фонаря. Наверняка саркофаг был неподъемен.

Профессор Рассольников радостно потер руки. Занятное зрелище со стороны: человек заточен в таинственной скале, опасность нависла над ним, как каменный потолок, своей многотонностью, а он, глупый, хохочет от восторга... Он нашел... неведомо что...

Вот именно, что же это такое? Археолог огляделся. Луч фонарика заскользил по каменным стенам. Скорее всего, какое-то древнее захоронение. Примитивные рельефы на стенах хранили следы краски – и краски, добытой из почвы. Вот красная охра. А эта желтая похожа на ту, что называют сиеной... Вот какой-то эгеец – еще в обличье сухопутном, коротконогий и с человекоподобными руками – правда, длиннопалый, – лежит на плоском камне, свесив руки и ноги и откинув голову. Лучи светила падают на него сверху, и каждый луч, будто щедрая рука бога, подносит к носу и губам эгейца свой дар – уже знакомые восьмилистники. Символы жизни.

Атлантида отвернулся от рельефа и принялся оглядывать каменный саркофаг. Что это саркофаг, археолог решил сразу. Форма уж больно универсальная. Как форма ванны. Бронзовая ванна, найденная в Помпеях, была почти такой же, как современная. Все прочее – лишённые функциональ-

ного смысла ухищрения. Так и саркофаг. Ведь это прежде всего функциональная вещь, а все остальное – желание поразить воображение – людей ли, богов ли – неважно...

Археолог погладил массивную крышку. Руками ее не поднять. И с помощью кресла-антиграва такую махину не сдвинешь – не рассчитано кресло на подобные тяжести. Впрочем, кресло у них осталось одно на двоих. И антигравитационных поясов и тросов с собой нет... Ничего нет. Есть лишь резак. А почему бы и нет? И, кстати – почему они кричат о безвыходности? Этим резакom можно вскрыть что угодно. Можно вырезать входную дверь и вырваться на свободу... Лишь бы знать, где крушить стену. Но ведь они знают.

Атлантида захохотал...

– Что с тобой? – Дерпфельд направил луч фонарика ему в лицо.

– Как ты думаешь? Что там, внутри? Сокровища? Книжки? Или ограбленный труп? – спросил Платон, обходя находку в третий или в четвертый раз. По наружной стене саркофага шли какие-то надписи и рельефы. Но некогда было их разбирать. Кто бы мог подумать, что «горячая точка»⁶ может оказаться в этой скале?

– Ограбленный труп, – отвечал Дерпфельд, – он был реалистом.

Платон притащил и настроил резак. Где лучше вскрывать? Там, где саркофаг шире? Или там, где уже? Ладно, что

⁶ Горячая точка – археологический термин.

тут долго думать: где сужается, и начнем. Современный клей без швов скрепит крышку. Все равно массивные предметы не в чести у музеев, слишком дорога транспортировка по Галактике – им подавай то, что может уместиться в чемоданчике и одновременно поразить воображение. Вот если бы...

И Платон отделил часть крышки. Отложив резак, он схватил фонарик и осветил внутренности... Поначалу в глазах его мелькнуло изумление... потом... Он запустил руку внутрь и... Извлек наружу форменный комбинезон. Да, да, обычный комбинезон, какие обычно носят военные астронавты. Не слишком больших размеров – взрослый эгеец вряд ли в него залезет. Только ребенок. Даже учитывая теорию подобия культур, такое изумительное совпадение – слишком невероятно. Платон оглядел находку. На рукаве сверкала голограмма Лиги Миров и ниже еще одна: Космический линкор «ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ».

Дерпфельд стал хохотать. Он так хохотал, что рухнул на обезображенный саркофаг и дрыгал ногами, он визжал, как эгеец, и под конец совершенно обессилел. Профессор отложил комбинезон в сторону и стал шарить внутри. Нашел ботинки – тоже невеликого размера и тоже армейские. За ботинками пошли какие-то мелочи: пакетик от конфет, вечная ручка, у которой кончились чернила, футляр электронной записной книжки. И все. Потому как дальше рука Платона не пролезала.

Разозлившись, он разрезал крышку на маленькие дольки

и снял одну дольку за другой. Нашел бластер системы «Фараон» и длиннущее жемчужное ожерелье. Причем, черные и розовые жемчужины чередовались. Такое ожерелье на аукционе Галакт-Кристи стоит целое срстояние. Не долго думая, Платон хотел сунуть его в карман.

Но Дерпфельд остановил.

– По-моему, у этого ожерелья есть хозяин.

– А нет такого закона, по которому я могу ожерелье забрать?

– Нет...

Профессор не стал спорить, положил ожерелье назад в саркофаг, мысленно пообещав больше никогда не отправляться на раскопки вместе с копом.

Луч фонарика вновь пробежал по рельефам. Сколько им лет? Ясно, что они относятся к тем временам, когда эгейцы еще ходили по суше. Но ведь та, первая история Эгейды, тоже насчитывает не одну тысячу лет.

А теперь стоит проверить, какие тайны хранят другие боги.

Археолог вернулся в первую комнатку и обнял колени третьего бога. И тут же стена, у которой эту ночь спала Имма, поехала в сторону. Открылась новая галерея. В конце ее сверкал прямоугольник света. Наступил новый день. Десяток шагов, и пленники замерли у обрыва. Далеко внизу мерно катил волны Океан, не замечая священную черную скалу.

– Хватаем стульчак и спускаемся вниз, – предложил Дерп-

фельд.

– И далеко мы улетим на одном стульчаке? – пожал плечами Платон. – Имма советовала переждать нам здесь пару дней. Вот и переждем. Эгейцы считают нас погибшими. Мы в безопасности. Сегодня или завтра Имма вернется с помощью.

– Ты слишком доверяешь женщинам. Она заперла нас в этой черной ловушке...

– Она – член экипажа «Елены Прекрасной». Она – человек. И будет помогать нам.

– Значит, ты решил ждать здесь два дня?

– Все равно на одном-единственном кресле далеко не улетим. А добираться вплавь до Северного Архипелага или до базы Брегена мне что-то не улыбается. Особенно после того, как я видел челюсти броненосца, вспоровшие спину Стато.

Доводы профессора оказались более чем убедительными. Дерпфельд выругался, и выругался цветисто, однако вернулся в нору к богам. Уселись завтракать.

И тут среди кусочков сушеной рыбы они обнаружили белую личинку инфогологафа. Платон нажал кнопку. И зазвучал голос Иммы, и возникла голограмма. Инфогологграф был дешевенький и старый, голограмма то появлялась, то исчезала.

Думаю, вы обо всем догадались. И то, что я – человек. И то – что спаслась с корабля. Я прячусь на этой планете десять лет... Десять лет... Мне повезло... То есть, я заставляю себя так думать, хотя порой. хочется выть, как броненосцы на луну. Слышали, как воют броненосцы? Мороз по коже... Океан спокойный, две луны в небе, и со всех сторон – вой. Я отправляюсь на берег и вою вместе с ними. Помогает.

Клянусь, я прошла всю глубину. До самого дна. Не до абиссали, нет, но до самой глубоководной впадины. Если останусь на Эгейде лишний месяц, то сойду с ума и непременно себя выдам. Не могу больше быть здесь! Не могу! Как вам передать то ощущение предела, которое копится день за днем и, наконец, становится непереносимым? Главное – бессрочность мучения и одновременно – сознание, что жизнь могла быть совершенно иной. Только поймите меня правильно. Эта прекрасная планета. И эгейцы – я ничего не имею против каждого из них в отдельности. Разумеется, я не говорю о Слоксе и его веселистах. Эгейду нельзя не любить? Почему нельзя? Не знаю... Но эта фраза – банальность, ее здесь слышишь постоянно и тоже начинаешь повторять... по инерции... и почти веришь... Поешь со всеми «вода, вода, рыба, рыба» и пытаешься заставить себя думать, как все. И к ужасу своему сознаешь: не получается... Сколько ни пой,

сколько ни пей – вода не станет рыбой...

Впрочем, такое же чувство отчаяния у меня было, когда улетел Карман. А с тех пор прошел уже год. И я как-то сумела прожить этот год. Быть может, мысль, что я в очередной раз осталась жива, помогла мне протянуть еще столько. Не знаю... Он – археолог, ученый... я подумала: он поможет мне... А чем это кончилось...

Но надо начинать рассказ не с Кармана, а с самого начала.

Я долго боялась: говорить ли вам, профессор, о том, кто я... и стоит ли просить помощи... Я верила вам и не верила. Вы спасли Стато. Да, вы рисковали. Но готовы, ли вы рискнуть ради меня? Кто я вам? Более чем никто... Да, сознаюсь, я пыталась украсть ваш пропуск. Была уверена: вам ничего не стоит его восстановить. Но явился Слокс, и я вернула пропажу.

Видите, какая я хорошая... Но вам все равно на меня плевать.

Долгое время мне не снилось снов. А теперь снятся. И почти каждую ночь – наш корабль. Я вхожу в него, как в первый раз, и всех вижу. Капитана Эклсона, пилота Эрпа, Валентину... Они улыбаются и идут мне навстречу. И все протягивают руки. И я иду к ним... Бегу... И они бегут. А что дальше... дальше не помню. Обычно я просыпаюсь. Несколько минут лежу с закрытыми глазами и пытаюсь представить сверкающие огнями коридоры корабля или просторную рубку... Но вижу лишь какой-то длинный туннель. Я

иду по нему... И никак не могу вернуться назад, в сон...

Но обо всем по порядку.

Жизнь моя была нормальной, тихой, никаких особых препятствий на пути. Я с детства знала, что принадлежу к элите, пусть не самой высокородной, но будущее мое обеспечено и определено. Проблем никаких. Вернее, одна проблема: как понять, чего именно хочешь? Желаний слишком много. И все, почти все, исполнимы. И хочется чего-то уж совершенно невозможного. Недостижимого. Отец мой был инженером на Марсе. Я в свое время побывала на Старой Земле. Милая древняя колыбель цивилизации, каждое деревце и каждый цветочек обихожен и напоминает экспонат музея. Я запоздало поняла, что проговорилась, заявив, что наша планета (вот видите, я невольно говорю – «наша», как все здесь, на Эгеиде) похожа на Старую Землю. Удивительно, что вы, профессор, не догадались сразу. В голову не пришло, что под маской леди с Эгеиды может скрываться человек. Вернее, маски не было. Я выдавала лицо за маску... Это несложно. Но я опять отвлекаюсь...

И так, я поступила в академию космофлота и выбрала двухгодичный курс. Меня ждала практика и временное членство в экипаже корабля класса «Вечный бой». Два года учебы были замечательными. И хотя способности у меня отнюдь не блестящие, многие меня опережали – и девушки, и юноши, я им не завидовала. Одно только меня смущало... Да, да, я не сделала биокоррекцию. Это все отец, он любил

повторять: человек прежде всего должен быть личностью. Ах, личностью, – решила я, – так, значит, никакой биокоррекции. Дура! И вот, я опять отвлекаюсь. Простите. Но я как будто подвожу некий итог. А в этом случае трудно ни с кем не сводить счёты.

В конце практики мне предстояло лететь на «Елене Прекрасной». О таком полете любой практикант мог только мечтать. В училище мне все завидовали. По-хорошему. Поздравляли. Наверное, и у вас случалось такое: только вообразишь, что вот он, час твоего прилива, а тебе кто-нибудь выскакивает наперерез и седлает идущую к берегу волну, а ты захлебываешься в пене. В этот раз прилив оседлал перед моим носом Эрп. Я лишь шагнула на борт корабля, а он уже выскочил наперерез. Месяцем раньше явился, а кажется – всегда тут был. И к тому же пилот, а я была всего лишь практикантом. Легко и ловко, почти без усилий, он оттеснял меня всюду не только во время работы, но и на досуге, и в кают-компании. Где бы я ни встала, он всегда вставал впереди, и я видела только его спину. А другие видели – его. Не знаю, как у него это получилось, но вскоре я стала чувствовать себя чужой на корабле, несмотря на то, что все были вежливы со мной и как будто доброжелательны. На меня никто не обращал внимания, я всем мешала, ученые держались своим замкнутым кружком, экипажу не было до меня дела, я общалась лишь с компом, собирая информацию о близлежащих обитаемых планетах.

Помню, как-то я сказала:

– Когда я стану пилотом...

Эрп рассмеялся, не дав мне закончить фразы:

– Ты? Да я, скорее, стану президентом Лиги Миров, чем ты сядешь в кресло пилота.

Но это так, к слову. Теперь, вспоминая те дни, я понимаю, что надо было наплевать на поведение Эрпа и не замечать его стараний. Ведь это огромное счастье – попасть на такой корабль, пройти по коридору, постоять на пороге научного центра, и быть на несколько минут допущенной в рубку, чтобы пройти идентификацию и подать команду живущему где-то под трехслойной броней неистребимому мозгу корабля. Все эти годы меня порой и спасала только эта мысль: корабль помнит меня... И я когда-нибудь сяду в кресло пилота.

Что за авария приключилась с кораблем, не знаю, Но внезапно вспыхнули синие лампы тревоги, взвыли сирены, и «Елена» всем велела забраться в защитные капсулы. Кажется, был взрыв. Корабль дрожал, все в нем трещало – переборки, корпус... Стены пульсировали, как живые, будто волна за волной катилась по сверхпрочным материалам. Но они тут же восстанавливались, затягивались трещины, по шпангоутам стекали струйки катализ аторной жидкости. Помню – я окаменела. Лежала в капсуле и смотрела на пульсирующие стены и капли влаги на переборках – будто пот выступал на теле корабля от запредельных усилий. Я ни о чем не думала в тот момент – не могла. Я как будто была в одном времени,

а корабль – в другом. И мы относительно друг друга перемещались...

Перегрузки были страшные. Кто не успел забраться в компенсационную камеру, погиб. Но даже в камере мне казалось, что желудок ворочается в горле. Все тело сделалась неподъемным, шея одеревенела. Будто невидимая рука давила и давила все сильнее. Если бы я могла кричать, я бы визжала от ужаса. Но я рта не могла открыть. А потом удар... И все прекратилось. Прошло несколько минут... Мне показалось, что в живых осталась я одна на незнакомой планете... представила... выхожу и...

И тут раздался голос капитана Эклсона: «Всем собраться в спасательном отсеке!» Я выбралась из защитной капсулы. Столкнулась с Валентиной. Она специалист по космическому излучению, член научной группы. Мы иногда беседовали. Она чуть-чуть свысока на меня смотрела, как будто ей известно нечто такое, что мне, глупышке, никогда не понять. А тут мы разрыдались и обнялись, будто всю жизнь были самыми близкими подругами.

– Как я рада, что ты жива... Так рада... – повторяла Валентина. – Знаешь, я первым делом подумала о тебе. Ты – еще ребенок... Семнадцать лет... У тебя вся жизнь впереди!

Экипаж собрался в спасательном отсеке. Все, кто остался в живых... нас было тридцать два человека. Восемь женщин... вместе со мной...

Капитан держался великолепно. Как будто он не катастро-

фу пережил, а прошелся по палубе и узнал от бортового компа, что на обшивке пара вмятин от метеоритов.

– Думаю, вы убедились, что корабли класса «Вечный бой» недурно сработаны, – сказал капитан с улыбкой. – К сожалению, нам придется его оставить. Таковы инструкции. Поскольку мы совершили посадку на цивилизованной планете, входящей в состав Лиги Миров, пребывание экипажа более получаса на корабле такого класса недопустимо.

– Как здорово! – кричала я Валентине. Говорить спокойно не могла. – Сколько можно всего рассказать... И какой замечательный отчет...

Но какой к черту отчет! В суматохе я потеряла свой миникомп. Напрасно искала... И, не найдя, разрыдалась. Эрп, глядя на мои слезы, презрительно усмехнулся... Тем временем аварийный отсек уже оторвался от корабля... И тут в иллюминаторы все увидели плотную синеву. И яркие желтые черточки и... Синева светлела. Небо...

И вдруг кто-то крикнул:

– Море! Мы упали на дно моря.

Подъем был довольно быстрый. Вот уже спасательный отсек вынырнул из воды, как пробка, и закачался на волнах.

– Компьютер сообщает, что к востоку от спасательного блока суша, – любезно проинформировал нас капитан.

– Как называется планета? – вдруг спросил кто-то.

Мы только сейчас сообразили, что даже не знаем, где опустились.

– Эгейское море, – сказала Валентина. – Ты что-нибудь знаешь о здешнем климате? – обратилась она ко мне. – Ты ведь изучала обитаемые планеты.

Ну да! Я изучала, но все данные внезапно вылетели из головы напрочь. Я чувствовала себя полной идиоткой.

– Название хорошее, – промямлила я. – Думаю, здесь должен быть теплый климат и можно вволю плескаться в волнах.

– В такие минуты надо заниматься самоорганизацией и медитацией, – снисходительно заметил Эрп.

Вскоре ночь спустилась на планету, но двигатели отсека исправно работали, к утру мы были на суше. Твердь! Обожаю это слово, хотя на Эгеиде оно звучит как ругательство. Островок в теплом Океане, песок на берегу яркий, золотой, изумрудные волны лизали берег. Будто ласкались. А на макушке зеленая шапка леса. Краски столь яркие, что порой невозможно смотреть. Приборы давно сделали анализ воздуха и воды, и мы знали, что можем выйти наружу, не надевая скафандров.

Все выбежали на берег и принялись кататься по песку. Многие разделись и полезли в Океан купаться.

Я подошла к капитану и попросила:

– Поручите мне составить отчет об аварии корабля. Я смогу...

Почему-то была уверена, что он согласится.

– Я с удовольствием, Кира, – улыбнулся Эклскон. – Но пилот Эрп уже получил это задание. Ты можешь ему помочь.

Я отошла в сторону и уселась на песок.

– Эй, Кирюха! Ты, я вижу, здорово перетрухнула! – смеюсь, Эрп подошел ко мне. – Не волнуйся, капитан уже послал просьбу о помощи к местным властям. Через пару часов нашей свободе придет конец. И долой скафандр. Или вид без скафандра ужасен? Ничего, мы скромно закроем глазки.

– Отвяжись.

– Тогда иди и пиши отчет по практике, а то получишь неуд! – Эрп побежал купаться.

Люди – удивительные существа. Одним словом, они умеют заставить свет померкнуть, а море из бирюзового превратить в черное.

– Черт возьми! Выходит, мы робинзоны всего на два часа? – возмутилась Валентина. – А я всегда мечтала попасть на какой-нибудь островок, не тронутый цивилизацией, и устроить там оргию местного масштаба.

Все полезли купаться. Как будто боялись, что местные власти могут запретить купанье. А я пошла вверх по тропинке. Не знаю, почему я ушла от всех. Может, потому, что чувствовала себя чужой на этом корабле? И еще – злилась на Эрпа. Наверное, в моем поступке было много детского. Пусть, когда явятся спасатели, меня поищут – отдельно от прочих. Хоть так обратить на себя внимание. Конечно, глупо. Уважительнее капитан Эклскон ко мне относиться не станет.

Но быть глупой иногда полезно...

Я не сразу поняла, что иду по старинной дороге. Она мо-

щенная – камень к камню. По краям росли какие-то ярко-зеленые растения с синими душистыми цветами. Я принялась их рвать, и вскоре набрала целую охапку. Запах пьянил. Голова кружилась. Пальцы и руки у меня стали липкими. Вокруг с шумом кружились какие-то светло-коричневые жуки с золотыми крыльями. Решила идти не останавливаясь. Раз это дорога, она меня куда-нибудь выведет. И вывела. Я увидела старинный домик, сложенный из каменных блоков. Стены метра три высотой, крыши нет, окна узкие. Вернее, не окна, а какие-то провалы... И вместо двери – пролом в стене. Я вошла. Почему-то не испытывала страха. Может быть, тому причиной – яркая природа, виноцветное море, небо прозрачное и чистое, и яркий блеск здешнего светила... Или запах синих цветов? Голова кружилась все сильнее...

Итак, я вошла в домик. И поняла, что тут живут. Вернее, совсем недавно жили. В углу было звериное ложе из полусгнивших листьев. Рядом – груды разноцветных раковин. И в центре стоял большой металлический кувшин. Я спешно выскочила назад. Меня охватил страх. В таких условиях человек или другое разумное существо жить не может. Только... какое-нибудь полудикое чудовище.

Я остановилась. В просвет между деревьями виднелся золотой лоскут пляжа. К месту нашей посадки спускался самый обычный четырехместный глайдер. Раскраска у него зеленая с белым. Бросив собранные цветы, я кинулась бежать по тропинке. Ног я не чувствовала. Мне казалось, что при

каждом шаге, я отталкиваюсь от тропинки и лечу... Через пять или шесть таких летящих шагов споткнулась и полетела вниз.

Идиотка! Зачем я забралась на эту кручу?!

Катилась вниз и кричала.

– Подождите меня, подождите меня! Я здесь!

А потом обо что-то ударилась, и мой стремительный спуск закончился. Но во время удара я не почувствовала боли. Только очень сильно закружилась голова. Будто кто-то вывернул сознание, как винтик, из моей пустой головы.

Очнулась я в комнатке, похожей на ту, в которую забралась самовольно. Но только в этом домике имелась крыша, да и все было как-то аккуратнее, приличнее, что ли. Хотя тоже – бедно и убого. Стены из каменных блоков и те же узкие окна. Я лежала на полу на охапке сухих листьев, рядом со мной стояла раковина, наполненная водой. И чуть подальше на подставке из какого-то красноватого металла вечная лампа с тусклым зеленоватым светильником внутри. Развалины, запах гниения, колкие листья под боком. И эта вечная лампа, о шар которой билась огромная фиолетовая бабочка.

Попыталась встать, но голова закружилась, и я опрокинулась на листья.

– Кто здесь? – крикнула я. И только закричав, смертельно

испугалась.

Поняла вдруг, что уже стемнело, и значит – прошло немало времени. Глянула на сервисный браслет. Так и есть – продряхла пять часов... Где же спасатели?

И почти сразу услышала тихое тарахтенье. Вход был широк и прикрыт циновкой. Тогда я впервые увидела эгейца. Уже потом я узнала, что этот отличался от остальных во всем – и внешностью тоже. Во-первых, кожа оливкового цвета – у эгейцев она гораздо темнее, во-вторых, у него росли волосы на голове. У аборигенов это атавизм. Руки его были в функциональных перчатках, стареньких, в заплатах. Нашлепки клея громоздились одна на другую. Тело закрывал черный бронежилет устаревшего образца, а ноги... Ног у эгейца не было. Вместо ног я увидела хвост, заканчивающийся раздвоенным плавником. При желании (правда, очень большом) он мог ползти или даже прыгать, поднявшись вертикально. Но лишь по песку, а по камням такое передвижение практически невозможно. Зато в воде эгейцы чувствовали себя великолепно.

Но я опять забегаю вперед...

– Как ты? В голове боль? – спросил он на вполне приличном космолингве. Хотя отчетливо произносил, в основном, согласные, а гласные зачастую перевирал. Но я его понимала. Страх сразу прошел.

– Болит... – призналась я. – Но есть хочется.

Он принес мне на пластиковой тарелке (с трещиной и по-

рыжевшей от времени) кусок нежного мяса, обсыпанного какой-то зеленью. Потом выяснилось, мясо – это местный моллюск, а приправа из водорослей. Я вмиг проглотила все, не спрашивая, что ем. Эгеец тоже ужинал – правда, ел не с тарелки, а из раковины. Второй пластиковой тарелки у него не нашлось.

– Меня зовут Кира. А тебя? – Я решила, что должна проявить массу дружелюбия. Нас так учили в академии. Был такой предмет: космопсихология...

– Крто... – представился он. И у него задергался нос. Я сразу догадалась, без подсказки, что это признак смущения.

– А где остальные? Где все?

Крто молчал, только нос дергался все сильнее.

– Остальные где? Где?!... – Я начала кричать, мне показалось: он не понимает, что я говорю. Но он все прекрасно понимал и без крика.

– Их отбытие случилось на глайдере два часа назад, – наконец прошептал он.

– Куда?

– Наверное, в Столицу.

– А как же я?

– Отдых здесь...

– Наш корабль потерпел крушение. Ты знаешь. Нам нужна помощь. Мне нужна помощь... Мне плохо...

– Отдых здесь, – повторил он, но смотрел не на меня, а в пол. И нос у него опять дергался.

Я расплакалась. Опять не повезло! Всех-всех повезли в Столицу, с ними встретится кто-то из главных, Эрп вылезет вперед, наверняка даст интернетчикам интервью, капитан представит экипаж. Их голограммы будут мелькать на сайтах интернета... Им наверняка будут показывать местные красоты, а я... Я тут. В какой-то мерзкой, воняющей рыбой хижинке, на подстилке из листьев и водорослей.

– Позови кого-нибудь. Сообщи, что я здесь. Сейчас! Немедленно!

– Кому?

– Капитану Эклсону... – и вдруг я осеклась. Представила реакцию капитана. Когда ему доложат о том, что я потерялась, и... Он вежливо поставит меня на место. Спросит: «Куда же ты отправилась, девочка?» Какой позор! Я стиснула зубы. И решила: нет уж, сама выберусь. Пусть Эрп дает интервью. Чего мне тревожиться? Наверняка за нашей «Еленой Прекрасной» через пару дней явятся спасатели, все острова вокруг наводнят интернетчики, будут плавать по морю на катамаранах, блюдце информсети повиснет в небе платиновым несияющим солнцем. И тогда я тоже дам интервью...

Утром узнала, что теперь я – пленница. Двери в доме не было – только циновка над входом – и запереть меня Крто не мог. Зато приковал массивной металлической цепью к подпирающему потолок каменному квадратному столбу. Проснувшись, я обнаружила эту цепь. Она давала мне возможность ползать по полу вокруг столба. На раковине рядом

мой тюремщик оставил кусок какой-то жратвы. Я не стала ее рассматривать – поддала ногой и все опрокинула в песок. Раковина разбилась. Я ругалась. Кричала. Никто не отзывался. Если не считать криков каких-то животных в лесу. Потом пели какие-то твари, потом гудели... Самого Крто не было, он вернулся лишь к полудню, освободил меня и сказал:

– Я не зло для тебя. Но для твоей безопасности тебе лучше так. И молчание. И быть тихо... – Его космолингв в те дни был далек от совершенства.

– Что мне угрожает? Или кто? – Он не ответил. Нос у него дергался. – Свяжись со Столицей и сообщи, что я здесь. Немедленно... – Я даже топнула ногой. Цепь меня взбесила.

Крто провел рукой горизонтальную черту. Нетрудно догадаться, что это жест означает «нет», причем, «нет» – категоричное.

– Рыба вкусная, – сказал он и выкинул испорченный обед за дверь вместе с осколками раковины.

– Почему ты меня держишь здесь? – Я чуть-чуть не вцепилась в его жесткие волосы на макушке. Очень хотелось.

– Из-за Слокса. – Он сказал об этом Слоксе странным тоном. И шепотом. Будто опасался, что Слокс может его услышать. Не обязательно заканчивать факультет инопланетной психологии, чтобы догадаться, что этого Слокса Крто смертельно боится.

– Кто такой Слокс?

Крто долго молчал. А потом выдохнул:

– Веселист...

– Кто?

– Веселист. Он веселист Императора... – голос Крто леденел от ужаса.

Я расхохоталась. Страх Крто казался мне забавным.

– Ну и что из того?

– Твои друзья на веселье у Императора.

– А потом? – я почувствовала смутную тревогу.

– Потом они – назад, сюда.

– Когда?

– Скоро...

– Значит, я их увижу?

– Да.

– Но я не увижу Столицу! Ты был в Столице?

– Нет.

Я обиделась и легла на охапку сухих водорослей лицом к стене.

Будь я чуть поумнее, я бы догадалась... Хотя, впрочем, все мои догадки не имели значения. На Эгеиде все равно: знаешь ли ты. много или не знаешь ничего. Умен ты или глуп. Ты одинаково беспомощен. Все решает твоя близость к начальству. Но об этом потом...

Утром Крто сел в свое тархтящее кресло, усадил меня на колени и вдвоем мы понеслись вниз с горы, не разбирая дороги, сквозь заросли. Ветви хлестали нам в лицо. Надо отдать должное Крто – он прикрывал мою голову, оберегая от

ветвей и лиан. С разгону мы ухнули в море. Крто избавился от кресла и поплыл – одной рукой держа свой стульчак, другой – меня. Тогда-то я увидела его руки без перчаток – пучки гибких и сильных щупальцев, похожие на веревки жгуты... Мне стало не по себе. Сразу представилось, как он меня душит... Я попыталась оглядеться. Вокруг никого. Море, волны – совсем небольшие. Вода теплая... Крто нырнул, увлекая меня за собой. Под водой Он плыл очень быстро. И все же у меня в легких кончился воздух, невыносимо хотелось вздохнуть... Воздуха! И тут мы вынырнули под низким зеленым сводом грота. Откуда-то сверху сочился призрачный свет. Блики играли на камнях. Лицо Крто из оливкового сделалось зеленым. Он буквально вытащил меня из воды на камни.

– Здесь... до моего возвращения. И – ни звука.

Нырнул обратно в море. Бесшумно рассек воду, скользнул в глубине тенью и исчез.

Я поняла, что меня ищут. И если крикнуть, если позвать на помощь – услышат и найдут... И я кричала. Вопила изо всех сил, пока не осипла. Но никто не приходил. Никому не было до меня дела. Это походило на банальный галактический сериал: «Пленники планету Тау»... Вы наверняка его видели. Там в начале каждой серии героиня пыталась удрать, и в конце серии ее ловили... мне наскучил сюжет на третьем или четвертом эпизоде. Может быть, потому что степень интерактивности была очень мала: нельзя убраться с планеты.

А я с детства терпеть не могла клетки.

И вот, представьте... я вдруг стала участницей подобно-го сериала. И не было кнопки, которую можно нажать, чтобы изменить сюжет. Зритель полностью во власти автора... Да нет, я не зритель, а компьютерный клон, который должен играть эту дурацкую роль... Но я не желала подчиняться управленцу сериала.

Ведь можно выбраться из грота. Плавала я неплохо. Но ничего не вышло: слишком долго пришлось блуждать под водой, а вокруг густая зеленая хмарь. Так и не найдя выхода, я повернула назад. И вдруг поняла, что не могу вернуться в грот. Я наткнулась на стену. Вновь повернула. И вновь стена. Воздух в легких давным-давно иссяк – целую вечность назад. Я вновь повернула назад и... в последний момент очутилась в гроте. Выползла на камни и расплакалась. Больше всего меня бесило то, что не понимаю происходящего. Нелепый сюжет! Где кнопка интерактивного изменения? Почему нельзя крикнуть: «Выключить!» И я окажусь вновь на пересадочной базе. Или еще лучше – дома, на Марсе и... Отец сидит в кресле и рассуждает, не слетать ли нам в отпуск на планету с тропическим климатом. Мама заказывает по интернету новую мебель. Наверняка будет жуткое уродство... Вечером – столик в философском кафе. И на каждый довод моего оппонента я отвечаю: «За это надо бить морду!»

Наступил вечер. В гроте стало темно. Кто не возвращался. Он оставил мне лишь флягу с водой и кусок рыбы, за-

вернутый в листья морской капусты. Я заснула, придумывая поворот сюжета совершенно невозможный.

Утром я уже не пыталась бежать – меня охватила апатия. Лежала на камнях, опустив руку в воду и пытаюсь удержать влагу в горсти. Изо всех сил пыталась. Но вода все равно просачивалась. Почему человек не схож с водой? Почему любая стена его останавливает?

Крто появился вечером.

– Что случилось? Меня искали? Капитан прислал за мной? – я была уверена, что услышу «да».

Крто провел в воздухе щупальцем горизонтальную черту.

– Ты можешь объяснить?

– Можно. Но не теперь.

Он нырнул в воду и потащил меня за собой. И вдруг я вырвалась из его щупальцев и повернула назад. Не знаю, что со мной в тот миг произошло. Но мне вдруг захотелось умереть. То есть сделать первый шаг к смерти и увидеть... Что? Почудилось, что там, за стеной зеленой воды, меня ждет освещенная синими огнями рубка корабля. Надо лишь пробиться сквозь воду, глотнуть ее, вдохнуть, и уж тогда...

Крто ухватил меня за волосы и поволок за собой. И спас. Мы вынырнули на поверхность. Соленая вода текла у меня из носа и изо рта. Было больно. Я не протестовала и не благодарилась. А он не попрекнул, вообще ничего не сказал – лишь пронзительно взвизгнул. Притащил меня назад в хижину и показал сшитый из грубо выделанной кожи морского льва

мешок, отдаленно напоминающий его собственный хвост.

– Мешок для ног. На лицо и руки – краска. На голову – платок. Старое кресло за пять кредитов – для тебя... сегодня купля. Системы антигравы на нем нет. Но езда сносная. Мотор... работает.

– Послушай...

И тут я услышал рокот далекого взрыва. Крто вздрогнул всем телом. Еще один взрыв. Он опустил голову. Мне показалось, что он побледнел. Особенно нос.

– Твои друзья завтра здесь... Их... привезут, – сказал он шепотом. – Будь осторожна.

– Я их увижу?

– Можно, если ты...

– Да, конечно, да!

Я страшно волновалась. Не знала, что и думать. Почему Крто меня прятал? И почему отпустит именно завтра? И что скажет капитан? И остальные. Наверное, этому Крто кто-то пригрозил, он испугался и меня завтра отпустит.

День тянулся, как путешествие от планеты к планете на досветовой. Я вооружилась молекулярным резакком (он барахлил и давал лишь один импульс из трех) и упаковкой полузасохшего бытового клея, кое-как подправила свой «хвост». Зачем этот маскарад? Но Крто слишком уж серьезно относился ко всему. Ладно, ладно, я попытаюсь сыграть роль местной уроженки. Почему бы и нет? Будет даже забавно, если капитан меня не узнает. Хоть так повеселимся, если в

Столице побывать не довелось.

Крто появился вечером. Принес банку пахнувшей рыбьим жиром красной краски и нарисовал на лице и руках моих пятна. Потом помог заползти в хвост, закутал с головы до ног обрывками вонючей кожи.

– Много что случится. Но всегда лицо неподвижно. Запомни – неподвижно, это маска. Такое у всех мнение.

Потом вытащил из огромной раковины-сундука маску – грубое подобие человеческого лица с отверстиями для глаз, носа и рта – и натянул на себя. Я уселась во второе кресло, и мы полетели. Вернее, это Крто летел, а я больше ехала по камням. Мотор моего стульчака чихал и хрипел. Меня подбрасывало на каждом уступе. Чудом я не вылетела из кресла и не врезалась в огромное дерево. Лес кончился внезапно. Перед нами открылось плато, застроенное небольшими домиками из плохо отесанного камня. Домики сбились вокруг большой площади. Когда-то здесь был большой город. Но за сотни лет почти все дома превратились в развалины, буйные растения оплели стены, повсюду висели лимонные и сиреневые грозди летающих цветов. У края плато, того, что примыкало к лесу, находился полукруглый бассейн. Со скалы в него стекал говорливый ручеек. Переполняя бассейн, вода бежала по узкому каменному желобу и текла наискось через плато – в море.

У бассейна в кресле сидела старуха и смотрела остановившимся взглядом на бегущую воду. Рядом резвились двое ма-

лышей – мальчик и девочка.

Драная старушечья маска свисала лохмотьями на щеках. У детей рожицы были выкрашены красной или желтой краской, которая к вечеру успела подсохнуть, и теперь осыпалась чешуйками. Крто подлетел на своем кресле к пожилой эгейке.

– Приветствую тебя, Сско. Это Имма, – сказал он, крепко сжимая мою руку. – Она молодая из стада, теперь – у меня. – Он говорил, разумеется, на своем языке, но я уже начала кое-что понимать. К тому же Крто некоторое время спустя пересказал мне этот разговор.

– Отнимут, – заявила старуха, демонстрируя свою подкрепленную годами мудрость.

– Отнимающих нет. Я – страж. Всем известно: я – страж.

– Поверь – отнимут... – фыркнула старуха. – Невидаль – страж! Здесь тебе не острова Блаженства. Со стадом нет спора. У стада – сила.

Со старухой Крто не стал спорить, мы пересекли площадь и покатались по дороге в гору. С обеих сторон дороги шли густые заросли. Здесь было уже совсем темно. Крто включил фонарик: слабый зеленоватый свет запрыгал по камням. Какая-то тень мелькнула впереди...

– Стато! – окликнул Крто и направил эгейцу луч фонарика в лицо.

– Это она? – спросил Стато.

– Она...

– Не наша – сразу видно.

– Видно тебе – другим нет.

– Нужно спешение. Глайдер скоро.

Мы карабкались наверх. Мое кресло время от времени застревало в камнях. У Крто в кресле был ан-тиграв, он тащил меня на буксире, помогал выбираться из ям. Наконец мы остановились на площадке перед отвесной стеной. Закатные лучи освещали камни и окрашивали их в розовый оттенок.

– Вон они, – сказал Крто и ткнул перчаткой в сторону моря.

Я смотрела, но ничего не видела. Лишь когда глайдер оказался у берега, я различила сигнальные огни.

День угас, и окраска глайдера потемнела – под цвет моря, еще не черного, но уже темно-синего.

Глайдер завис над площадкой, перегретым воздухом пахло из нагнетателей. Знакомый запах машины. Вдруг пригрезилась мне рубка, освещенная синими огнями. Я на секунду прикрыла глаза. Глайдер все висел над нами. Эгейцы что-то кричали. Вдруг из брюха посыпались большие, белые в красных полосах рыбины. Они шлепались на площадку и оставались лежать неподвижно.

Эгейцы вновь завизжали. Я – вместе с ними. От ужаса. Ибо поняла, что это тела людей. Это были мои друзья. Экипаж «Елены Прекрасной». И все они были мертвы. Без одежды, нагие. И кожа то ли ободрана, то ли... Они были совер-

шенно не похожи на живых... Смерть так ужасно их пере-
менила... Одно из тел упало рядом со мной. Я увидела со-
жженное красное лицо – будто с него кожу содрали... и ру-
ки, и грудь... и так до пояса... Не могла понять – кто это. И
только визжала...

Я еще плохо управляла креслом, и Крто толкнул меня в
спину. Я отлетела к зарослям, и здесь меня стало неостано-
вимо рвать. Потом Крто очутился рядом.

– Что будет дальше? – спросила я, прячась в кустах. Выйти
из зарослей и увидеть вновь то, что происходит на площадке,
я не могла.

– Склеп на горе – для них.

Я поняла, что ненавижу всех эгейцев. Всех, без исключе-
ния.

Ночью я не могла спать. Закрывала глаза – и . тут же виде-
ла мертвые тела, похожие на огромных рыбин. Никого кон-
кретно я не узнала... но это были они... Все? Я не знала.
Периодически меня вновь начинало рвать. Утром Крто при-
нес комок водорослей и дал пожевать. Кошмар отступил. Я
заснула. Это были водоросли само-само, содержащие силь-
нейший наркотик, они разрослись на старом шельфе после
того, как растаяли льды на полюсах. Вечером, проснувшись,
я снова попросила водорослей, но Крто не дал.

– Зачем ты повел меня туда? Зачем? Неужели нельзя было...

– Видеть их – твоё хотение.

– А ты хотел меня напугать!

– Да. Ты неосторожна. Словам слуха нет. Так слушайся смерти.

– Что мне делать...

– Моя самка до прошлого гона со мной, но в гареме на островах Блаженства лучше – всем известно. Она там теперь. Мой рассказ Скко: ты новенькая, из молодняка, их на островах в это время много. Скко поверила. Здесь со мной ты – без опаски... Маску тебе... перчатки... купить... неотличима станешь... – с глаголами у эгейцев в космолингве трудности.

В их языке глаголов практически нет. Действия нет... Но это так – отступление.

– Если бы я была с ними, меня бы убили? – Могла бы не спрашивать. – А если меня найдут здесь? Узнают, что я человек, и найдут?

– Тогда и тебе, и мне смерть.

– Как они умерли?

– Не знаю. Знаю только, что сюда тела для похорон после веселья. Обычно – наших, эгейцев. Людей – впервые. Но у стражей разговор, что смерть для всех в Столице.

– Зачем?

– Все дело в IQ... Когда наша жестокость достигнет люд-

ской, мы достигнем вас по IQ.

– Что за бред!

– Таков разговор Слокса. Об этом у всех вокруг разговор.

И у всех вера.

– Но ведь это карается законом! Надо сообщить Службе Безопасности Лиги Миров.

– Как?

– Через интернет.

– На острове нет интернета.

– А где есть?

– Нет знания.

Мы сидели и смотрели друг на друга.

– Но почему? – закричала я и вскочила. – Что мы такое сделали?! Что?!

– Ради вас убийство нашей планеты, – отвечал Крто каким-то невозможным спокойным голосом. – Грабеж и убийство планеты ради людей.

– Так не грабьте!

– Если бы...

– Что мне делать?

– Ждать.

Поутру мы летали над островом в его кресле, и он показывал, как вдалеке на юге бьют белые фонтаны. Это компания Брегена взрывала старый шельф, извлекая оттуда металлы. Периодически вода вскипала бурунами, и на поверхность выпрыгивал огромный цилиндрический контейнер.

Несколько эгейцев подплывали к нему, хватались за лямки и волокли за собой. Было что-то доисторическое, дикое в этой сцене.

– Немедленно убраться с этой планеты! – закричала я. – Выпусти меня... Выпусти!

– Я тоже не прочь. Но это невозможно. На остров-космодром можно лишь по специальному пропуску. А у меня такого пропуска нет. Может, будет возможность для его покупки. Но не скоро. Не сейчас.

– Тогда пусть эта планета погибнет, – прошептала я с ненавистью.

– Может, этому и быть. Но тоже не скоро. Не вся глубина еще пройдена.

Я все время думала о погибших и мысленно называла их «друзья». Но ведь мы не были друзьями. Даже чуть-чуть приязни между мной и остальными не было. Только вежливость. И это почему-то меня особенно печалило. Так что на самом деле я не имею права говорить о них – друзья. Мне мерещилось, что в их гибели есть и моя вина. Я виновата в том, что никого из погибших не любила.

Три месяца мы с Крто жили однообразно и тихо, добывая с помощью грибов-сборщиков золото из морской воды. Мы развешивали кусочки грибницы на сплетенных из водорос-

лей сетях. Вернее – развешивал Крто. Как любой эгеец, он легко мог находиться под водой минут десять. Грибы росли и постепенно адсорбировали золото. Потом мы их собирали – крошечные живые самородки, выжигали в печи и выгребали золотую золу. Способ был безотходный, но трудоемкий. Говорят, кто-то из эгейцев предлагал Бреге-ну именно так добывать металлы, но был прогнан под насмешки и улюлюканье.

Платили нам такие гроши... Мы ничего не покупали. Ели жареную рыбу и моллюсков, пили самодельное пиво из водорослей. Морской салат служил добавкой к нашему столу. То, что росло на островах, эгейцы в пищу не употребляли. Когда я сорвала какой-то плод, похожий на апельсин, Крто ударил меня по руке. Все, дарованной сушей – табу. Я из вредности все-таки съела тайком такой «апельсин» и мучилась поносом три дня.

Крто сказал, что кредиты нам нужны для взятки его начальнику, чтобы нас с Дальнего перевели на остров Вдохновения или на остров Очарования – в центр Северного архипелага. «Острова Блаженства, – Крто говорил о них чуть ли не каждый день и добавлял: – Тебе понравится!» А я думала лишь об одном: есть на этих островах связь с Галактикой или нет?

Он больше не приковывал меня к столбу: куда я могла убежать? Я боялась на шаг отойти от него. Вдруг Императору снова захочется повеселиться? И Слокс прилетит на Дикие

острова своих ищек за добычей? Из эгейцев я почти ни с кем не общалась, кроме Крто и Стато. Стато тоже был стражем. Годами – ровесник Крто, он всегда держал себя как подчиненный. Даже не подчиненный, а слуга, раб... Но без твни принужденности, а так, добровольно, лишь по страстному порыву души. И грибы-самородки, выращивая и собирая, он отдавал Крто, не претендуя на долю...

Как-то спросила... я уже могла спросить на эгейском...

– Почему ты не работа на себя?

Стато удивился. Искренне.

– Зачем? Каков у меня одного сбор? Ерунда. А так сбор Крто – полная большая раковина золота (мера веса, немногим меньше килограмма) – хорошая взятка. Ему перевод на острова Блаженства. А потом у него зов для меня. У Крто верность для меня.

Стато знал, кто я. Только он и Крто. Я стала учить Стато космолингву. Стато ленился, и я почти ничего не понимала из того, что он говорит. Зато речь Крто совершенствовалась день ото дня.

Однажды к нам в гости зашла (вернее, заехала на своем старом-престаром стульчаке) Сско. Старуха оглядела наше сомнительное жилище с нескрываемой завистью. Попробовала, какова постель из сухих водорослей, накрытая дурно

выделанной и дурно пахнущей шкурой морского льва.

– У тебя хорошая постель, Крто, – сказала она с завистью.

– Убийство зверя – моих щупальцев дело, – заявил страж не без гордости. Не лгал – мы ели мясо три дня, а остатки Крто отвез в деревню, и там эгейцы пировали за его счет.

– Скоро соединение лун, – сказала Сско. Крто кивнул. Им обоим было понятно, о чем идет речь. Мне – нет.

– У меня двое внуков, Крто. Двое – это редкость. – Старуха помолчала. – Как бы мне определить их на остров Детства?

– Не всем счастье бывать там. Я сам с рождения только здесь.

– Не прошу навсегда. Только на время слияния лун. Как всегда, будет баржа. Посадка и отъезд. У Бппа для ее детей места. И у Емко место для ее детеныша. А я... У меня нет денег... – Она пискнула.

– Не я ведаю пропусками, – сказал Крто.

– Но у тебя свои деньги.

Крто рассмеялся. Смех у него был отвратительный – когда он смеялся, в горле что-то булькало. Как будто Крто тянуло плевать. Впрочем, другие эгейцы смеялись точно так же.

– Деньги... О чем ты говоришь, Сско? Кто на Дальнем дает деньги в долг?

– Внуки совсем маленькие... – Сско вновь издала писклявый звук и тут же зажала рот одним из щупальцев. Крто секунду раздумывал.

– Накануне приведи ребятшек ко мне. Я их спрячу. – Старуха опять пискнула. – У меня нет пропусков для малышей, – повысил голос Крто. – Но убежище тут. Хорошее место, там их ни за что не найдут.

Скко вдруг подпрыгнула на своем стульчаке. Десяток щупальцев изобразили в воздухе какой-то хаотический танец. У старухи все щупальца были разной длины. Два или три укоротились за долгую жизнь наполовину.

– У тебя что, склеп для прятанья?

– Именно. Там есть потайное место. Никто из стада его не знает.

Скко высунула язык и издала харкающий звук.

– В склепах лишь мертвоеды. Эгейцам нет входа в склепы.

– Никто их там не тронет.

– Трупоед! Я всем расскажу, что ты трупоед! Страж-трупоед! Тебя из стражей вон!

– Денег я не дам.

– Трупоед, – прошипела старуха и укатила на тарахтящей своей развалюхе.

– Старая сплетница! – разгневанно бросил ей в след Крто. – Собирала раковины на берегу всю жизнь, потому что броненосец откусил ей хвостовой плавник. Потом приглянулась одному из стражей, и родила ему пятерых детей. Но они лишь пополнили стадо и не смогли даже стать стражами. И ее дочь тоже здесь и родила близнецов. Что ж... Коли хочет, пусть прячет детей сама. Но в другом месте детей всегда на-

ходят... Всегда. А в склепе – нет. Склеп – самое надежное место.

– А что, трупоед – это позорное прозвище? – спросила я, хотя и так все отлично поняла из разговора.

– Трупоед – это никто. Но не страшно. Пусть болтает. Через пять дней нас здесь уже не будет.

Через четыре дня вечером я услышала тревожный трубный звук. Мы как раз рассыпали по раковинам последнюю партию золотой золы, и Крто, ужасно довольный собой, рассказывал, как удачно дал взятку. То есть с самой процедурой дачи взятки на нашем островке, как и всюду на Эгейде, нет проблем. Вопрос лишь в том, кому давать и сколько. Крто дал нужную сумму архонту Северного архипелага. Архонт как раз прибыл на Дальний с инспекцией. И теперь нас переведут на остров Вдохновения. Крто будет стражем там. И более того, меня тоже зачислят в стражи. У меня появится отличное кресло с настоящим анти-гравом. И он купит мне новую маску и перчатки, и меня уже никто не заподозрит ни в чем... Крто улыбался. С некоторых пор он стал улыбаться, подражая мне. Совершенно человеческая беспомощная улыбка на лице эгейца. Будто маски, которые они так обожают. Я велела ему посмотреть в зеркало. У нас был осколок, который я отыскивала на развалинах. На зеркале сохранился

даже кусок оправы из ракушек. Крто глянул в осколок зеркала, но не нашел в своей улыбке ничего странного.

– Мне нравится, как люди улыбаются... И тут этот трубный звук. И сразу второй, третий... Крто стала бить дрожь.

– Думал, они появятся послезавтра... И мы успеем.

Он втянул в себя воздух. Глянул на меня исподлобья. Потом кинулся к огромной лиловой раковине в углу, где хранил самое ценное. Достал бластер, вставил дополнительную батарею.

– Опп-пять веселье? – Теперь я тоже задрожала, вспомнил про то веселье на площадке у скалы.

Он чиркнул по воздуху горизонтально щупальцем. Нет! Это не веселье, это другое.

– Садись в кресло, и бежим! – он уже достал свое.

– Куда?

– В... – он осекся. И несколько секунд молчал. А мне почувнилось – целую вечность. – Нет, не надо... Не бежим. – Он положил кресло на прежнее место и огляделся.

– Надо прожить эту ночь. Камни! – закричал он. – Завалим вход.

Мы вдвоем стали перекатывать камни и наваливать их в дверном проеме. Камней – вернее остатков фундаментов – повсюду было в избытке. Но Крто пришлось вылезти из своего кресла, тело его тут же сделалось неуклюжим. Он ползал по камням, громко сопел от натуги и ругался, когда ранил о камни нежную кожу на боках и брюхе. Наконец в двер-

ном проеме возникла довольно прочная баррикада. Сверху осталась лишь небольшая щель, Крто помог мне забраться внутрь и сам с трудом протиснулся следом. Мы сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели на щель.

– Может, они и не придут... – шепнул Крто. – Первую ночь они часто проводят на берегу. Если в стаде достаточно самок.

Теперь, когда мы бросили ворочать камни, я услышал далекий рев – где-то внизу, на пляже. Рев все нарастал. Стоголосый, тысячеголосый... У меня озноб пробежал по спине. И вдруг раздался уже совершенно чудовищное рычание, и следом жалкий визг – похожий на визг щенка, которого бьют.

Крто прислушивался. Он тяжело дышал. Маски на нем не было. И я видела в полутьме – светили разом две луны, – как морщится в непрерывной волне гримас его лицо. Я вцепилась в его плечо мертвой хваткой. Мне казалось: я тону в море, а он утес... Я заплакала.

– Тихо... – шепнул Крто. – Стадо здесь.

Так прошел час, второй... Рев слышался непрерывно, то усиливаясь, то ослабевая. Однажды звуки приблизились: за стеной началась возня, пыхтенье, потом грозное рычание... крики... И вновь визг. Потом смолкло. Остался лишь тот дальний рев, похожий на сильный прибой. Крто немного успокоился. И даже задремал. Я тоже заснула.

Так миновало еще два часа...

И тут за стеной послышалось шлепанье. И хруст камеш-

ков, будто кто-то тащил мешок по заброшенной тропинке. Я поняла, что это ползут эгейцы, волоча по склону свои грузные тела. Представила, как им неудобно карабкаться наверх. Крто мгновенно очнулся и вложил мне в руку что-то вроде короткого меча. Вернее, один клинок, рукояти не было. Часть клинка была замотана полосой кожи морского льва. Я отшвырнула клинок. Крто поднял и вновь вложил мне в руку.

– Если что – бей в горло. Не жалея. ЗА ЭТО никто не судит. Тридцать ближайших дней никто не судит. Любого. Всех... можно... даже веселистов.

– Крто! – раздался снаружи голос. – Самку нам.

Они говорили на эгейском. Но я уже понимала.

В том числе слово «самка». Его-то я слышала часто.

– Здесь нет самки. Неужто не чуешь?

– По заверению Скко – есть.

– Она моя, – крикнул Крто. – Проваливай!

– Ты – отшельник, Крто. Самку – нам.

– Я – страж. – Он уже не говорил-рычал. И ему снаружи рычали в ответ:

– Может тебе и гарем положен?

– Я – страж. Она моя женщина.

Эгейцы загоготали. «Женщина» на их языке слово устаревшее, романтическое. Как если бы Крто назвал меня «мадонной» на космолингве. Тех, снаружи, слова Крто чрезвычайно позабавили. Их было четверо или пятеро.

– Нам... – рычали они, хохоча. – Или тебе смерть.

Кто-то снаружи навалился всем телом на баррикаду. Навалился, но не смог проломить.

– Уговори их уйти... – взмолилась я.

– Уговорить? Как?! Если эгеец не может сам убрать фалос внутрь своего тела, а рядом самка, разговаривать с ним бесполезно.

«Самка» – это я. Чушь... Я – человек. Они – эгейцы!»

– Я – человек...

– Самка человека. Эгейцы неприхотливы.

Последовал новый удар. Один из камней скатился внутрь. В просвете явилась голова. И тогда Крто выстрелил. Туша свалилась наружу.

– Тебе смерть! Разрыв на части! – ревели снаружи.

– У меня в «фараоне» две батареи, и все... – признался Крто. – Только бы не подоспели остальные.

Нападавшие отступили. Видимо – совещались. На подмогу к ним никто не спешил. Рев доносился не только с берега, но и со стороны деревушки.

– Стадо пошло в деревню. Как всегда, – шепнул Крто.

– Может, сесть на кресла и удрать? – предложила я.

– Куда? Пропуска на остров Вдохновения нам выдадут только утром.

Он вдруг засмеялся. Разумеется, по-эгейски. То есть издавал мерзкие булькающие звуки.

– В чем дело? – мне очень не понравился его смех.

– Архонт Пло знал, что стадо прибудет сегодня ночью. Он надеялся, что получит деньги, а выполнять обещание уже не придется... И во второй раз продаст пропуск. А может – в третий. Может, он не мне одному продал.

– Он знает, кто я? – странно, но я престала вдруг бояться, будто перепрыгнула через какой-то барьер. И теперь стала наблюдателем, очевидцем, уверенным, что мне позволят досмотреть действие до конца.

– Нет, конечно. Но он знал, что у меня есть женщина.

Крто всегда называл меня на космолингве «женщина». И на своем языке – тоже.

В хижине полумрак, мы перешептывались, стражи за стеной – тоже.

– Они уйдут?

– Нет... ни за что. Это беда всех окраинных островов. Во время гона стада молодых, которые ищут самок, крушат все на пути. На островах Блаженства живут солидные самцы с гаремами – туда стаду хода нет. А тут им никакой преграды. Самки, не попавшие в гаремы, тоже плывут сюда.

Но таких немного... Гораздо меньше, чем самцов. Из-за них драка.

– Но я же человек...

– Ты женщина. И вполне для этого подойдешь.

Он говорил на космолингве. Вряд ли те, за стеной, его понимали. Но их не волновали разговоры. Они рычали, собирая силы для новой атаки. Крто ожидал нападения со сторо-

ны двери, но неожиданно боковая стена лопнула, будто взорвалась, и внутрь ввалилась туша молодого эгейца. Без маски и перчаток с лентами щупальцев вместо рук, он почти не походил на человека. Крто выстрелил. Луч бластера угодил в мощный загривок, немного поджарил сало – только и всего. Почти сразу же обрушился еще один кусок стены, и сразу двое полезли в нашу хижинку. В этот раз Крто стрелял удачнее, у нападавшего срезало кусок головы. Я даже не зажмурилась и не почувствовала тошноты. Лишь сердце колотилось, как сумасшедшее. Кажется, остальные нападавшие не заметили потери. Ну, грохнулась туша и застыла недвижно – так можно перевалить через нее и рваться к добыче. Взревев, молодой здоровяк обрушился на Крто всем телом. Страж встретил его грудью и потеснил. Глухое шмяканье тел, рев, хрип. Противники сплелись друг с другом ленами щупальцев, каждый пытался захлестнуть другому горло и задушить. Второй из уцелевших эгейцев кинулся ко мне. Я забыла про меч, который дал мне Крто. Я вообще обо всем забыла. Ужас туманом заволок мозг. Я заорала и прыгнула куда-то в сторону: к счастью, на мне не было маскарадного мешка, имитирующего эгейский хвост. Такого проворства эгеец не ожидал. Я вскочила на тело убитого, пробежала по нему, как по мосту, и вырвалась из полностью разрушенной хижины. Бежать? Я не знала, куда. Да ночью и не побегаешь по горным склонам – миг провалишься в ямину или сорвешься с крутизны. И хотя на востоке уже пробивалась лимонная полос-

ка и быстро светлело, я не осмелилась мчаться по горным склонам. И тут мой взгляд упал на дерево подле хижины. Дерево! Я влезла по ветвям со скоростью обезьяны и расположилась на развилке. Надеюсь, что эгейцы не умеют лазать по деревьям. И не ошиблась. Пыхтя и хрипя от натуги, эгеец выбрался через пролом в стене и принялся биться телом о ствол дерева, надеясь стряхнуть меня вниз, как грушу. Я вцепилась в ветки. Как я завидовала в тот момент цепким щупальцам Крто. Мои пальцы – казалось мне в тот момент – ни на что не способны. Все плыло у меня перед глазами. И тут рухнул угол и без того разрушенной хижины. И наружу вырвался Крто. Не знаю, куда он дел свой бластер. Может, потерял, как я потеряла меч (глупое предположение, но мне хотелось оправдаться в собственных глазах). Крто подскочил сзади к здоровяку, захлестнул сразу несколько щупальцев вокруг горла и принялся душить. Лицо Крто исказилось от натуги. Морда его противника налилась черной кровью.

Я зажмурилась. Было уже совсем светло, и мне не хотелось видеть, как наливаются кровью и вылезают из орбит глаза умирающего эгепца, как из черной пасти вываливается розовый язык. Наконец услышала грузный шлепок, и ствол дрогнул в очередной раз. Я открыла глаза. Темная туша громоздилась у подножия дерева, будто обнимала впившиеся в камни корни.

– Теперь пора. Летим, – сказал Крто деловито. – Архонт Пло отдаст мне пропуска, и мы отбываем с острова. Сейчас!

Мое старенькое кресло, упавшее на камни, разнесло на мелкие осколки. Но нам повезло: стульчак Крто не пострадал. Вдвоем мы забрались на него. Впрочем, как объяснил мне Крто – не велика потеря. Все наши потери невелики, ибо впереди потерь куда больше: кресла, как и прочий хлам, придется бросить на острове. С собой можно взять лишь одежду, драгоценности, маски, пропуск и примитивные эгейские сервисные браслеты – сервисяги. И все. Просто потому, что тащить с собой баржу во время гона – глупо и опасно. Вот если б мы успели отбыть за несколько дней до начала сезона безумия, драк и секса, тогда смогли бы прихватить весь скарб. А теперь – только самую малость, иначе нам не доплыть до Северного архипелага. Драгоценностей у нас не было, одежды практически тоже, если не считать маскарадный костюм, который делал меня похожей на юную леди Эгеиды. Так что главное наше сокровище – пропуск на Северный архипелаг, который еще предстояло получить.

Когда мы летели над побережьем, то желтый песок пляжа издали казался заваленным черными валунами: это молодые эгейцы оккупировали остров, и число их все увеличивалось: в волнах виднелись там и здесь торчащие из воды головы. После ночи приключений на пляже царил покой, лишь в двух или трех местах самцы затеяли потасовку. Кое-где песок из золотого сделался оранжевым от крови.

– В период гона наш остров подвергается такому нашествию. Весь год молодняк работает на добыче руды на ста-

ром шельфе. Там слишком глубоко, и многие погибают. Но сейчас у них отпуск, и они прибывают на Дикие острова. Несколько раз случалось, они прорывались и на острова Блаженства, но обычно стража их не пропускает. И вот они здесь...

Крто резко оборвал свой рассказ, и я не стала его спрашивать, что происходит дальше. Я вновь почувствовала нестерпимое отвращение к жизни Эгеиды. И мне захотелось прочь отсюда. Навсегда. Вон! Но я не знала, как вырваться. И пока следовала за Крто.

Все стражи явились в маленький форт на берегу. Все – кому довелось уцелеть в эту ночь. И Стато был здесь. И архонт Северного архипелага Пло.

Пло был неприятно удивлен и раздосадован нашим появлением.

– Ты? – только и воскликнул он, когда Крто вплыл в его конторку на летающем кресле.

И оглянулся – за окном маячила голова здоровяка-стража. Тот покачивался в своем кресле из стороны в сторону, и то появлялся в оконном проеме, то исчезал: время было неспокойное: стадо на острове, и можно ожидать, чего угодно.

– Именно я. Пришел за пропуском. – Крто старался говорить как ни в чем не бывало.

Он оставил меня за дверьми, в крошечной приемной. Самка в маске сексапильной красотки с длинными белокурыми волосами рассматривала в зеркало свои набухшие гру-

ди. Груди были настоящие. Самка поглядывала на меня подозрительно. Да и немудрено. Мое лицо и руки она приняла за дорогую косметику. А по эгейским стандартам я выглядела очень даже ничего. То есть просто красавицей.

Из-за двери доносилось лишь невнятное бормотанье, да изредка – громкий писк и крики. По-эгейски я понимала плохо. Но Крто потом так ярко и в лицах описал эту сцену, что я могу воспроизвести ее в мельчайших деталях.

Итак...

– Честно говоря, есть небольшая проблема... – Архонт Пло куснул зубами нижнюю губу – что у эгейцев служит обычно признаком раздражения. – Дело в том, что пропуска не готовы. Не успел.

– Я подожду, – отвечал Крто спокойным тоном. – Здесь. – Он вел себя так, как будто не понял уловки начальника. И приход стада на несколько дней раньше – всего лишь досадная случайность.

– Но я занят. У меня дела. Возвращайся к себе, неси службу...

– Неси службу во время гона? Ты смеешься, архонт. – Крто засмеялся. Пло поморщился – смеяться в присутствии начальника было недопустимой вольностью. Но Крто было уже плевать. На все плевать. – Ты же прекрасно знаешь, что во время гона охранники слагают свои полномочия, они или присоединяются к стаду или бегут отсюда. На остров Волка или дальше – кому как повезет. Сегодня и тебя здесь не бу-

дет.

– Присоединяйся к стаду, а как только я получу пропуск...

– У меня женщина. Я не могу ее бросить.

– Послушай, всем нам приходится жертвовать...

– Нам? – переспросил Крто. – Хорошо, я с тобой. Ведь ты возьмешь с собой самку? И я возьму. И у тебя есть глайдер. Отправимся вместе. На острове Волка я подожду, пока ты достанешь пропуск. Но до острова Волка мы вместе.

Как раз это не входило в планы архонта.

– Ну, как же... Я планировал и...

– Тогда дай мне пропуск.

– Тебя перехватят в Океане.

– Кто? В Океане никто друг друга не трогает – это закон Эгеиды. Единственный закон, который пока выполняется. Ибо за этим стоит инстинкт. Драка идет на камнях. На суше. Дай пропуск. Или я не оставлю тебя.

Архонт Пло огляделся, прикидывая, что лучше: выполнить просьбу (или требование) Крто или позвать на помощь стражников и велеть расправиться с непокорным. Однако стражи неохотно убивают стражей, даже низшего ранга. Вот если бы Крто был из стада...

И Пло, поколебавшись с минуту, кряхтя и сопя, достал из раковины пропуск на двоих на остров Вдохновения.

– И еще мне нужна батарея для бластера.

– Ну, уж это – как второй прилив.

– Если бы ты выдал мне пропуск раньше, я бы не истра-

тил две батареи в эту ночь. – Предостережение Крто звучало зловеще. Если он расстрелял весь заряд, то скольких он убил? А ведь в эти дни на Диких островах не судят за убийство. Даже за убийство стражей. И архонтов – тоже. Так что безопасность Пло отнюдь не гарантирована. И он швырнул непокорному стражу батарею.

– До острова Вдохновения добирайтесь сами. На свой глайдер я тебя не возьму. У каждого теперь своя волна.

Думаю, Крто и не настаивал. Архонт был не так глуп, чтобы не заметить, что «женщина» стража принадлежит совсем к другой расе.

– Мы спасены, – шепнул мне Крто, появляясь в приемной. Он усадил меня на свое кресло, и мы отбыли. Часть пляжа была отгорожена заборами из металлической сетки. Два металлических луча, оберегая от стада кусок суши, уходили в море. За сеткой по золотому песку ползало несколько черных туш. Один эгеец с ревом постоянно кидался на сетку и успел раскровянить себе грудь. Остальные вели себя более осторожно. Но это – пока светло. С наступлением темноты стадо ничто не остановит.

На берегу нас ждал Стато. Он был без маски – потерял. И потому, защищаясь от лучей, натер лицо красной глиной.

– Отбываете? – он жалобно заглянул в глаза Крто с видом

побитой собаки.

– Я тебя вызову, – пообещал Крто.

– До нового гона хорошо бы...

– Постараюсь.

Где был Стато в эту ночь? Рыскал со стадом в поисках самки? Или прятался в горах? Он был взрослым самцом, ему вряд ли что угрожало. Но все может быть... Маску он потерял.

Мы вошли в море... Он плыл за нами.

– Я вас провожу. А то вдруг... Говорят, и в море у берегов теперь опасно. Стаду плевать на старые обычаи. И даже на инстинкт.

Он плыл и плыл.

– Возвращайся, – велел ему Крто. – А то до темноты не успеешь.

– Еще немного...

– Стадо... – напомнил Крто.

Но преданный страж плыл с нами еще долго. И лишь когда светило стало скатываться к горизонту, повернул назад.

Покинуть остров Дальний – еще не значит спастись. На Эгеиде практически нет кораблей, если не считать барж, построенных на других планетах в обмен на добытые металлы.

В Эгеиде все покупается на стороне. Для барж тягловой

силой служили сами эгейцы. Если бы мы оба были эгейцами, то смогли бы воспользоваться подводным поездом. Но без подводного снаряжения мне никак было не добраться до воздушной капсулы. А подводного снаряжения на Эгеиде не достать. Во всяком случае – на острове Дальний. Так что к месту нового назначения Крто должен был отправиться вплавь. Для него это не составляло труда... А вот для меня... Несмотря на то, что все последние месяцы я много плавала, с коренными жителями планеты я соревноваться не могла. Море было их стихией, они месяцами могли жить в его волнах. Это существование, которое вел Крто, было противоестественным и неудобным. Быть стражем – значит, большую часть жизни испытывать противодействие чуждой стихии. Не плавать, а сидеть в кресле-антиграве или царапать кожу о камни суши, ползая на брюхе и отталкиваясь руками-щупальцами и хвостом. Быть стражем – это обгорать на солнце до страшнейших язв, что разъедали кожу до кости. Но быть стражем – значит, иметь возможность пробиться на острова Блаженства. И Крто добыл для нас этот пропуск.

И так, мы отправились вплавь к этим далеким островам, которые мне почему-то мнились как обиталища душ умерших, светящиеся зеленым призрачным светом, покрытые белыми деревьями и населенные бестелесными обитателями.

Самыми опасными был первый день пути: здесь нас могла перехватить целая группа самцов из стада, запоздалых ски-тальцев, торопящихся принять участие в гоне. Или изгоев,

которых выставили с других островов. Такие банды в два-три десятка особей не редкость. Все это Крто объяснил много позже. А пока я плыла, держась за одно из его щупальцев, и была уверена в полной своей безопасности. К тому же большую часть дня рядом с нами был Стато. Сменяя Крто, он тащил меня на буксире. Потом, когда Стато повернул назад, я вдруг сразу поняла, как устала.

Маска и перчатки Крто, а так же бластер и мой хвост-чехол были сложены в сумку и пристегнуты Крто на спину. Когда диск светила коснулся кромки Океана на горизонте, и вода сделалась золотой, Крто стал выпрыгивать из воды, оглядываясь: нет ли поблизости других эгейцев. Крто легко мог выпрыгнуть из воды на метр или больше, сделать полный оборот и вновь, подняв фонтан брызг, врезаться в воду.

Поверхность Океана оставалось пустынной, и мы плыли дальше. Крто старался изо всех сил. Греб и греб. Мне казалось, я плыву на буксире легкого катера. Однако Крто несколько лет был стражем. А страж не может сравниться в быстроте плавания с добытчиком, который почти всю свою жизнь проводит в Океане, тогда как страж – обитатель суши, хотя и купается каждый вечер – (без этого кожа его одеревенеет и высохнет).

Но нам везло. Никто нас не преследовал. Никто не замечал. И мы все дальше и дальше уходили от нашего острова в надежде, что никогда туда не вернемся. Ночь мы провели в Океане. Крто спал. И я спала, положив голову на его

плечо. Он обвился вокруг меня своими щупальцами, чтобы во сне я не соскользнула в воду и не утонула. Проснувшись, мы поплыли дальше. Я мечтала о возвращении, о том, как появлюсь на базе космофлота и стану рассказывать о своих приключениях... Я дам показания. Я обвиню веселиста Слокса перед трибуналом Лиги. Мысленно я уже входила в зал судебных заседаний... Вообще это в моем характере: миная все трудности, сразу думать о конечном результате. В тот день я барахталась в Океане, а в мыслях уже была среди пилотов, только что вернувшихся с практики. И мой отчет зачитывал куратор... и все поглядывали на меня с нескрываемым восхищением. А когда мы вышли из зала, меня ослепило – это фотоавтоматы, посланные самыми известными интернетизданиями, торопились заснять мою физиономию для своих сайтов...

Я моргнула несколько раз, но продолжала видеть только этот слепящий и режущий глаза белый свет. На фоне белого разбегались в разные стороны красные и зеленые шестеренки.

– Прикрой веки. Солнце отражается от воды и тебя слепит. На море штиль, – сказал Крто. Я не видела даже, куда мы плывем.

– И скоро твой остров Вдохновения? – Я была уверена, что прямиком оттуда смогу покинуть Эгеиду.

– До Вдохновения нам сразу не добраться. Переночуем и отдохнем на острове Волка. Там стада не бывает... Обычно.

Туда бегут стражи. Не очень приятное местечко, но лучше, чем наш. Дальний...

Если Крто говорил, что место неприятное, значит, на самом деле место – мерзкое.

Днем мы немного отдохнули и перекусили. Крто перевернулся на спину и неподвижно качался на волнах. А я вновь положила голову ему на грудь. И так мы дрейфовали около часа. Кажется, Крто спал. Чтобы солнце его не сожгло, он наклеил на лицо маску. Обычно люди говорят про эгейцев – морда. Я говорю – лицо... Лицо Крто. Даже без маски оно немного напоминало человеческое. Особенно глаза...

После полудня мы поплыли дальше. И почти сразу столкнулись с двумя эгейцами – они форсированным темпом плыли к Дальнему, изрядно выдохшись по дороге. На боку одного из них зияла огромная красная с белым дыра. (Белое – это сало, чуть позднее догадалась я). Крто заметил их первым – все-таки он страж. Заметил и вытащил бластер из кожаного мешка. Но стрелять пока не стал. Те двое как будто не заметили нас и проскользнули мимо. Однако этот маневр не обманул Крто. Мы проплыли еще сотню метров, и вдруг Крто выпрыгнул из воды. Два оборота в воздухе, потом нырок. Удар хвостом – и Крто вновь на поверхности.

– Эти двое следуют за нами, – шепнул он. – Продержись немного на воде... пока я... к ним...

Он нырнул и исчез. А я осталась в одиночестве посреди Эгейского Океана. А что, если Крто не вернется? Мне по-

чудилось, как все местные хищники устремляются ко мне. Псевдоакулы, и броненосцы – о них я уже кое-что знала, правда, пока исключительно по рассказам Крто. Страх был пока умственный, я сознавала опасность, но ужас не проник в мою душу. Я плескалась в теплых волнах. И...

Вода фонтаном вспенилась подле меня. Я взвизгнула... Рядом со мной вынырнул Крто. Он ничего не сказал, а я не спрашивала. И мы поплыли к острову Волка. Мне все сильнее хотелось покинуть этот мир.

На острове Волка нас встретил стражи. У кромки воды они болтались взад и вперед в своих креслах, издали наблюдая за плывущими к берегу.

У острова, отсеченная от моря грядой рифов, располагалась мелкая лагуна с теплой водой. Крто оставил меня здесь, среди серебра резвящейся рыбной молодежи, а сам, работая хвостом, поплыл к берегу. На мелководье я кое-как натянула на ноги хвост и замотала голову куском черной кожи морского льва. Пока Крто разговаривал со стражами, я сидела на камнях. Попуск, выданный Пло, произвел впечатление, и нам позволили выбраться на берег и даже занять один из пустующих гротов.

– Я сказал, что ты повредила щупальца, и потому мы плывем очень медленно, – шепнул Крто.

– Они не спросили, почему мы не воспользовались подводным поездом?

– Нет. Многие боятся поезда. И потом, если радиан давно не чистили, можно застрять в туннеле и задохнуться.

Мы устроились на нашей временной квартире почти с комфортом. В углу нашлось просторное ложе из сухих водорослей. Один из стражей дал нам лампу с вечным фитилем и какой-то странный черный сверток, издающий протяжные нудные звуки – местный музыкальный агрегат. На Дальнем подобной роскоши не встречалось. Мы медленно приближались к центру цивилизации. Я растянулась на ложе и зарылась в сухие водоросли. Мне не требовалось изображать, что я смертельно больна: так я устала за прошедшие трое суток. И провалилась в сон.

Очнулась вскоре. Вернее, так показалось. Наверняка прошло несколько часов. Сквозь сон я слышала голоса. Говорили довольно громко, но не было сил разлепить веки.

Вернее, громко говорил гость, а Крто уговаривал его: тише, тише... И вдруг я поняла, о чем они говорят. Сон улетучился.

– Стражам на диких островах всегда – только дефективные самки. Где и когда у стража нормальная самка? У твоей броненосец откусил щупальца? Ну и ну... Слушай... я тебе сотню кредитов...

Мне показалось, что гость пьян.

– Проваливай, – сказал Крто.

– Слушай, стадо отбило у меня самку...

– Проваливай...

– Ты страж, я – страж... – в горле у гостя забулькало – он хохотал.

Такого непочтения Крто снести не мог. Он скрутил щупальца в жгут и хлестнул гостя – по глазам. Тот завыл...

– Ты что! Ты что!

– Благодарю агатодемона Эгеиды, что ты страж. А то бы...

Разумеется, на своем языке покровитель Эгеиды назывался иначе. Но его эквивалент на космолингве звучал именно так. Впрочем, этот эквивалент ввел первый представитель Лиги Миров на Эгеиде – видимо, как и Корман, большой поклонник Древней Греции. Агатодемон, Добрый демон... С годами я научилась молиться ему, хотя и не верила в доброту этого божества.

Гость убрался.

– Что ему было надо? – спросила я, делая вид, что не поняла их разговора.

– Так... спрашивал, нет ли чего выпить, – отозвался Крто.

– Послушай, я у тебя навсегда в долгу... – у меня задрожал голос. Наверное, мне не надо было ничего говорить, потому что эта фраза показалась Крто признанием в любви. Признательность на Эгеиде – высшее чувство – выше любви и дружбы. Сказать, что признательна эгейцу, это все равно, что сообщить человеку: один твой взгляд приводит меня в экстаз. Тогда я не знала всех тонкостей взаимоотношений

этого мира...

Крто судорожно вздохнул.

– Правда? Я тоже тебе признателен...

– За что? – изумилась я.

– За то, что ты есть.

Разве за это можно быть признательным? Или можно?

Крто придвинулся ближе. Свет вечного светильника придавал его лицу бронзовый оттенок. Глаза его расширились, и в глубине вспыхнули синие огоньки. Мне стало не по себе.

– Ты моя женщина... – он сказал «женщина» на своем языке. Я поняла.

Я даже не сказала ему «нет», восприняла его признание-требование с покорностью рабыни. Как нечто предре- шенное. Секс с инопланетянином – это из дешевых романов, которыми полнится интернет, и прочтение которых ценится менее кредита. «Он обхватил ее своими щупальцами, их тела слились...» Эти истории называют «битками», ибо информации в каждом из них не больше одного бита.

Раздался хрип, сип... изображение и звук пропали.

– Так... Тут она кое-что стерла! – оживился сержант Дерпфельд. – Давай-ка восстановим.

– Зачем? Раз она не хотела...

– Я слушал все эти розовые сопли столько времени... И

вот когда мы подошли к клубничке, мне показывают кукиш?
Ну уж, нет...

– Ты же заявлял, что не любишь межпланетную клубничку.

– Когда?.. С чего ты взял?..

Дерпфельд вставил в инфоголограф капсулу восстановителя программы. Изображение не появилось. Хрипело и сипело теперь меньше, но отчетливо можно было разобрать лишь отдельные слова...

– Оставь... Видишь, не хочет говорить...

Но Дерпфельд был упрям. С час или больше возился он с инфоголографом, и все же восстановил звуковую часть стертой записи.

Да, так... Капризуля, воображавшая себя принцессой, превратилась в жалкую рабыню, которая ублажает своего господина и держится за него, ибо без господина она не значит сама по себе ничего. Кто бы мог подумать, что так легко принцесса превращается в рабыню... Так легко смиряется и довольствуется, и не хочет уже ничего более, и не стремится...

Даже наедине с собой не могу решить, люблю я Крто или ненавижу. Мой выбор вынужденный – и это отравляет. Никого другого просто нет... Он лучше других... Он и сравнение с людьми выдержит... А, может быть, я изображаю любовь, чтобы прикрыть романтической пленкой желание близости во время гона?

– Черт знает что! А где же секс? – возмутился Дерпфельд. – Ради чего я возился два абсолютных часа?

– Я же сказал – не восстанавливай запись, – усмехнулся Платон.

На рассвете, наскоро перекусив моллюсками, мы отправились на пляж – к вечеру мы должны были прибыть на остров Вдохновения. Двое стражей наблюдали за нами издалека. Один из них был нашим ночным гостем: я узнала его по свежей отметине на морде. Крто дополз по сухим водорослям до полосы песка и остановился.

Сначала я не поняла, в чем дело, а потом увидела, что песок сделался кроваво-красным: весь пляж заволокли мелкие крабы. Едва Крто приблизился, как тут же два или три крабика вцепились ему в бок острыми клешнями. А их на песке копошились тысячи... ползти по песку к воде было безумием. Стражи наблюдали за нами издали, но не делали попытки приблизиться.

Крто пополз к стражам. Они о чем-то говорили несколько минут. Ясно, что он просил у них одно из кресел-антигравов, которые эти стражи-непереселенцы предусмотрительно прихватили с собой на остров. Ведь им еще возвращаться на свои дикие острова. А стадо, устав от любовных игр, пускается грабить пустые хижины. Хорошо, если после возвраще-

ния удастся найти хотя бы целые стены своего жилища.

Однако неуспех переговоров можно было предсказать: ясно, что стражи не пожелают помогать своему более удачливому товарищу бескорыстно. И поскольку один из стражей несколько раз переплел меж собой щупальца «рук» – перчаток он не носил – то я поняла, что речь идет обо мне и об «услугах», которые я должна оказать этой парочке в обмен на кресло-антиграв. Крто отказался. Даже издалека я видела его энергичный жест. «Нет!» Он махнул в воздухе щупальцами, будто крикнул. Я криво усмехнулась, глядя на него. Не всякий бы человек проявил столь завидное благородство. Но это ничуть не возвысило его в моих глазах. Все равно он не человек.

А стражи взмыли в воздух на своих кресла и... Одного из них Крто успел ухватить за щупальца, рвануть вниз и грохнуть о камни. Кресло разлетелось на куски, и эгейцы сцепились в ярости. Второй же полетел ко мне. Бежать! Но куда? Огляделась, ища, где бы укрыться. Невдалеке были какие-то развалины. Я скинула свой дурацкий хвост и помчалось. Наверное, это зрелище изумило стража. Однако он продолжал преследовать и приближался... Когда он был уже рядом, я отпрыгнула в сторону. Он промахнулся, не сумев дотянуться своими щупальцами до меня. Но на валунах особенно не попрыгаешь, я споткнулась, больно ушибла колено. Однако жалеть себя было некогда. Я вскочила и кинулась под арку полуразрушенного строения. Помню длинную, сложенную из

одинаковых каменных блоков стену и в ней узкие одинаковые прорези. Блеск светила сквозь эти древние оконца или двери. И фиолетовые тени на белых камнях. Стух крови в ушах. Хрип иссякшего дыхания. Наконец я увидела, что впереди тупик – глухая каменная стена. Пришлось юркнуть в ближайшую щель, что справа – сюда туша эгейца на кресле никак не могла протиснуться. Он не рассчитал, впечатался следом и застрял. Я очутилась на узком карнизе. С одной стороны стена, с другой обрыв – внизу, метрах в десяти, валялись обломки упавших сверху камней. Сорвешься отсюда – и конец. Я прошла по карнизу. Он вскоре обрывался. И в стене – ни одного оконца. Выхода не было. Только через щель, сквозь которую я только что проскочила, но ее теперь намертво запечатал эгеец. Он захохотал – никогда прежде это бульканье не казалось мне столь отвратительным! – и потянулся ко мне щупальцами. Я попятилась по карнизу к самому краю скалы... А он тянулся ко мне... Казалось, щупальца его имели способность удлиняться до бесконечности. У меня не было никакого оружия. Неожиданно камень, за который я держалась, зашатался, как молочный зуб, и выпал из кладки. Я едва не упала. Удержалась чудом. И тут же ударила этим камнем по щупальцам эгейца. Он заревел. И попытался хлестнуть меня – но достал лишь самым кончиком. Но этого было достаточно: удар вспорол мне кожу на плече. Я попыталась вновь ударить его камнем и промахнулась. Тогда я отступила еще на шаг, и едва не сорвалась со

скалы. Камень я отпустила и теперь держалась двумя руками за старинную кладку. А камни в ней шатались... Я вновь поглядела вниз... Неужели нельзя спуститься? Скала была отвесной. Ни уступов, ни пологого склона, лишь несколько трещин рассекали ее по вертикали. Нет, тут не пройти... Сорвусь – и тогда неминуемая смерть. Я стала медленно отползать назад, к щели, где застрял мой преследователь. Жить хотелось. Несмотря ни на что, хотелось жить. Подумаешь, невидаль... Ночью меня трахал один эгеец, днем поимеет другой. Какая между ними разница? Ну, разве что этот крупнее и может кости переломать – такая туша... И тут щупальца эгейца меня захватили. Я вцепилась в какой-то выступ. Но силы были слишком не равны. Он – вдесятеро сильнее и оторвал меня, от скалы, как ребенка... Он скалил зубы, будто собирался укусить, и попытался протиснуться назад вместе со мною. Но не тут-то был. Он застрял в проеме и не мог двинуться ни вперед, ни назад. Напрасно он дергался и хрипел: туша его была защемлена намертво. А каменные блоки дверного проема не уступали отчаянным усилиям. Он бился примерно минуту. Но потом... Глаза его налились кровью. В углах рта выступила слюна, превратилась в густую пену и побежала по подбородку. Он ухватился за мой армейский ремень и рванул к себе. Ремень лопнул, пряжка оторвалась и полетела вниз. Однако его любовным утехам опять же мешал проем – нижняя часть туловища осталась на той стороне и никак не могла протиснуться дальше. И все, что ему удалось

– это обмазать слюной мне лицо и облить струей спермы мои колени. Я закричала от отвращения и вцепилась ему в глаза ногтями. Он отпустил меня, и я полетела вниз. Но пролетела лишь пару метров, судорожно пытаясь за что-нибудь ухватиться. И ухватилась. За какую-то веревку. Я подняла голову, не понимая, кто протянул мне спасительный канат. И тут сообразила, что в расселине застрял высохший на солнце труп эгейца. А веревка, за которую я держусь – ставшее похожим на прочный канат щупальце мумии. Так я висела и раскачивалась. И меня – поверите ли – разбирал идиотский смех. Знаете, о чем я потом жалела... Что тот эгеец, застрявший в проеме, не понимал, что я смеюсь.

А тем временем...

Расправившись с первым противником, Крто полз по камням, раздирая кожу в кровь. Преданный Крто. Я ненавидела его преданность. Он дополз. Он всегда и всюду умел доползти – настырный. Крто задушил эгейца, разрезал тело бластером и вырвал куски из узкого проема. В эти дни смерть разрешена. Смерть самок и самцов. Вся Эгеида занята гоном. Лишь на островах Блаженства царит добропорядочное благообразие. Там все чинно и мирно. Там слишком много самок в гаремах и достаточно стражей, чтобы отогнать стадо от берегов. Вот формула здешнего блаженства: стражи и самки. Простите, что говорю об этом так зло.

Крто протянул мне скрученные жгутом щупальца и вытянул меня наверх. А потом вновь начал кромсать бластером

тушу обидчика. Видимо, считал, что мне достается удовольствие смотреть, как лопается кожа и наружу выползают белые пласты жира. У меня это зрелище вызывало тошноту. Я представляла, что у Крто тело точно такое же: темная кожа, а, под ней толстый слой белого жира.

К сожалению, в пылу погони страж разбил свое кресло, когда застрял в узком дверном проеме. Ясно было, что путь до воды нам по-прежнему заказан. Но и оставаться здесь мы не могли: срок действия пропуска на остров Вдохновения истекал через двое суток. Не говоря о том, что неведомо, как поведут себя остальные стражи после столь немилосердной расправы над их собратьями. Если крабы не уберутся с пляжа, то нам придется возвращаться на Дальний. Кредиты на взятку Крто копил пять долгих лет. А стадо появится на Дальнем ровно через год.

– А в море крабы тоже кусаются? – спросила я.

– Иногда. Но, в основном, они опасны только на берегу.

Я бы могла добежать до воды. Я бы успела. Но что мне делать в море одной, без Крто? И куда плыть? Придется остаться на острове на ночлег. Нет, ни за что! Надо как-то пробраться мимо крабов... Построить мост? Накидать камней? Я обошла развалины виллы. Сооружение это так и не было достроено еще в те дни, когда материки Эгеида были местом для постоянного житья, а не временным пристанищем для секса и деторождения. Стены виллы со временем срослись в одно целое с серо-коричневыми скалами. Я остановилась

возле обломка трубы. Серая толстостенная труба предназначалась для подачи воды, а теперь, полуразрушенная, служила жилищем сотням крабов.

Догадка шевельнулась. То ли голограмма из учебника, то ли какой-то исторический боевик. Когда еще и антигравитации не было...

– Крто, ты можешь катить эту трубу перед собой?

– Зачем?

– Передадим ею крабов и пройдем к воде.

– Ты умница... Признателен...

Эгейцы не умеют плакать. Они пищат, когда испытывают слишком сильные эмоции. Эмоции, которые невозможно скрыть. Когда невыносимо. Когда предельно. Счастье ли, гнев или ужас... все равно – невыносимо. И Крто в тот момент тоже пискнул. Он легко вскинул щупальцами обломок трубы и швырнул вперед. Труба покатилась. Десяток крабов, неосторожно попавшиеся под каток, были тут же расплюснены, о галечник или впечатаны в песок. А из трубы сыпались мелкие красные крабы и разбегались в разные стороны. Я рассмеялась – забавно было смотреть, как неуклюже, но необыкновенно быстро они ковыляют по песку. Но если они удирают с такой прытью, то и вернуться могут.

– Трубу надо катить быстро, – предупредила я.

– Не забудь свой хвост... – напомнил он.

О, его способность даже в самых отчаянных ситуациях заботиться о мелочах. В будущем она помогла ему продвинуть-

ся. Тогда же меня вдруг разозлила его мелкая расчетливость, его предусмотрительность, которой я не могла не следовать, но которая меня почему-то унижала. Я подобрала изрядно потрепанный чехол-хвост и, зажав его под мышкою, побежала вслед за Крто по расчищенной им дороге. Я подумала. а вдруг меня кто-то увидит здесь, на берегу? Да плевать... Они останутся здесь, на Диких островах... А меня ждут острова Блаженства. Я обернулась и погрозила пустынному побережью Волка кулаком. К счастью, никто из людей не мог видеть, как унизительно, нелепо и смешно одновременно я сейчас выгляжу. Клянусь, я так и подумала – к счастью... А уж потом осознала, как кощунственно это звучит – пусть только в мыслях... Все равно. «К счастью, друзья мои умерли»... Хотя мы и не были друзьями... Но я их любила, клянусь...

Поначалу все шло неплохо. Труба трамбовала дорогу к воде. А самых наглых и дерзких крабиков я расстреливала из бластера и находила в этом даже некоторое удовольствие – настроение было подходящее. Но потом эгеец выдохся, труба катилась все медленнее. А как только Крто остановился передо хнуть, крабики кинулись в атаку. Луч бластера метался из стороны в сторону, чаще спекая песок в белые сосульки, чем поражая нападающих. Пять или шесть тварей впились эгейцу в бок. Боль подхлестнула Крто, и он вновь покатила свою трубу, двумя свободными щупальцами отрывая впившихся в кожу тварей. Я бежала следом и стреляла.

Уже не для самообороны, а для самоуспокоения, – глупо, конечно, было так расходовать единственную батарею, добытую с таким трудом, но я не умела в критических ситуациях рассчитывать с присущей Крто педантичностью.

Когда мы, наконец, достигли воды, бока Крто кровоточили от укусов. Кровь в воде опасна. Запах ее привлекает псевдоакул и броненосцев за много километров. Броненосцы... Как-то я видела тело эгейца, которого притащили на остров после того, как его клювом разделал броненосец. Вместо груди у бедняги зияла кровавая воронка... Впрочем, тогда я точно не знала, какую опасность представляют эти твари. Здоровый и сильный эгеец может ускользнуть от них. Но раненый, да с двуногой тварью на буксире – беззащитен. (Мне доставляло странное удовольствие думать о себе так презрительно), не ускользнет даже от самого слабого хищника. Вся надежда была на то, что возле острова Волка хищников нет – все они перекочевали к диким островам – к Дальнему и Серебристому – туда, где высадились стада, и где каждый день и каждую ночь кипят нешуточные битвы, откуда слабаки спасаются бегством, а трупы задавленных детенышей течение уносит в Океан. Там добыча легка, жирна и встречается часто. Слишком часто, чтобы поджидать неведомо кого возле пустынных рифов Волка.

Расчет наш оказался верен. Хищники нами не интересовались. Если не считать какого-то наглого акуленка, который рискнул увязаться следом, но исчез после первого же выстрела. Тогда-то Крто и сказал мне, что моя пальба практически оставила нас безоружными. Если бы акуленок не ретировался так поспешно, то получил бы легкую и жирную добычу. Легкая добыча – это я. В весовом и во всех прочих смыслах. Ну и жирная – Крто... впрочем, он признался, что мог попытаться ударить акуленка ножом – у него был самодельный нож. Однако шансы на победу в таком сражении псевдоакулы и эгейца невелики.

И все же мы достигли островов Блаженства. И – странно – пропуск, выданный жуликом Пло, оказался подлинным, и мы были допущены к жизни и охране этого заповедника тихой и приятной жизни. Крто пришел в восторг при виде этих крошечных домиков и многочисленных бассейнов. Мне они тоже показались весьма приличными после нашего дикого существования на Дальнем. Но разве могли эти убогие строения сравниться со столицей Марса, великолепным Градивом?⁷

Гон вскоре закончился. На Эгеиде воцарилось спокой-

⁷ Градив – одно из прозвищ Марса.

ствие. Эгейцы вновь превратились в благодушных мирных существ, потерявших всякий интерес к самкам до следующего года и следующего гона.

Первое поручение стражам – Крто был зачислен в сержанты, а я – рядовым, было посещение острова Волка. До острова мы летели на глайдере охраны, а потом вокруг острова скользили над Океаном в новеньких креслах-антигравах, чувствуя себя почти всемогущими. Пятнадцать эгейцев-работяг тянули на прочных тросах плывущую по волнам тяжелую баржу. Сильная волна ее перевернула, она пошла ко дну вместе с эгейцами, прикованными к ней намертво, и стражам пришлось со дна доставать трупы.

Остров был пустынен. Стражи со своими самками покинули его. К берегу прибывало лишь трупы самцов, убитых во время гона, и крошечные трупки подростков-эгейцев, задавленных и растерзанных самцами стада. Столь грозные недавно, самцы ныне тихи и незлобивы, и разбившись на десятки и сотни, возвращаются на шахты Брегена ишачить на старом шельфе, где будут погибать десятками каждый день из-за слишком большой глубины. Но более тихого и более безответного стада трудно сыскать.

Стражи летали над островом и собирали растерзанные, уже начавшие разлагаться трупы.

– Это внуки старухи Сско, – сказал Крто, зависая над двумя распростертыми на гальке телами. Они напоминали два темных куля, набитых чем-то мягким. – Надо будет сооб-

щить старухе. А то тела заберут на утилизацию, и никто не узнает, что они погибли. А старухе причитается по десять кредитов за каждого.

– Почему ты не дал ей денег? – спросила я зло.

– Я предлагал ей спрятать ребят. Место надежное. Только я его знал. Да еще Стато. Но Стато не тронул бы детенышей. Он – страж. Все годы она бы укрывала их там до времени взросления.

– Как я поняла, прятаться в склепе унизительно...

– Я сам прятался в этом убежище все детские годы. Моя мать попала в гарем на острова Блаженства. А меня оставила на Дальнем. Я отыскал это место в скале. Разумеется, я никому не говорил о том, где скрываюсь во время гона. Никому, кроме своего друга Стато. Мы прятались вместе. Ты же знаешь Стато. Он до сих пор держится за мой хвост...

– Почему ты не сказал ей об этом?

– Чтоб весь остров узнал? Чтобы меня презирали и кликали трупоедом? Меня бы тут же выперли из стражей. Упрямая старуха сама погубила внуков.

– Но у тебя были деньги. Эти дети могли бы жить!

– Тогда мне не хватило бы на взятку архонту Пло. И мы бы погибли. Оба. А эти ребята – на следующий год. Потому что гон повторится не раз и не два, пока они вырастут...

– Они уже не вырастут, Крто...

– За что ты злишься на меня? А? Хочешь, чтобы я исправил жизнь Эгеиды? Это не в моей власти. Так было и будет

всегда. Это закон стада. Биологический закон.

– Но ведь вы разумные существа! Вы могли бы что-то сделать.

– Мы и. делаем. Детей и подростков увозят в детский интернат на время гона. Многих потом не находят – самцы поодиночке проникают и туда.

– Почему не всех?!

Крто отвернулся и стал смотреть на бегущие к берегу волны.

– Одно время стали увозить всех. И даже самок, которые не хотели стать добычей стада. В те годы стадо после долгого и тяжкого труда на шельфе высаживалось на пустые острова, где им доставались лишь старые или покалеченные самки. И тогда стадо ринулось на острова Блаженства. Стражи не смогла их сдержать. Весь период гона продолжалась оргия насилий, грабежей и убийств. А когда эгейцы вернулись в Океан, весь берег был завален трупами. После этого Император в ярости дал приказ об отстреле части стада. Их выкупил филиал «Гибрида». И отправил на разработку старого шельфа. На глубине, на которую эгейцы могут опуститься, но с которой уже не могут всплыть. Назад не вернулся никто.

– Хочешь оправдаться передо мной?

Крто энергично взмахнул в воздухе рукой – новая перчатка производила впечатление почти настоящей человеческой руки.

– Уж если перед кем мне и оправдываться, то только пе-

ред своими. Ибо я постоянно нарушаю их законы... Я – труппед, я выбрал тебя. За одно это веселист Слокс может меня уничтожить. А о твоих нормах и обычаях я мало что знаю.

После стольких испытаний, унижений, усилий и боли – достижение цели. Если бы я была уроженкой Эгеиды, то эти достижения обернулись для меня безмерным счастьем. Но я пришла из другого мира. Внешне острова Блаженства напоминали планетку дешевого отдыха, куда отправляются покутить стесненные в средствах практиканты, начинающие космоплователи и чиновники низших разрядов. Мало удобств, мало развлечений, и лишь теплое море да морепродукты – от которых меня уже начинало мутить – вот все блага островов Блаженства. То, что казалось Крто бесценным даром, было в моей прежней жизни малостью, доступной каждому. Как если бы парень-практикант пообещал пригласить меня в роскошный ресторан, а привел в дешевую забегаловку. Но для Крто, выросшем на Дальнем, острова Блаженства были подлинными островами Блаженства. Он ожидал моего восторга, признательности, восхищения его подвигом. В первый момент я искренне была ему благодарна. Он спас мне жизнь, остров Вдохновения показался мне островом Покоя. Координатор наделял стражей домами, и мы поселились в небольшом домике с бассейном на берегу Океана. Чтобы окунуть-

ся в белую кипень прибоая, надо было лишь сбежать вниз с обрывистого берега. Да вот беда: отныне я не могла бегать.

Это открытие привело меня в отчаяние. Что же, я так и буду день за днем сидеть на этом стульчаке, похожем на старинные инвалидные кресла, которыми когда-то пользовались люди. Я, молодая, совершенно здоровая девчонка. Ведь я могу бегать! Могу кувыркаться, могу...

Стоп! Зачем я рассказываю вам все это!

Прошло несколько недель... или месяцев? Точно сказать не могу... У меня появилось ощущение, что я сижу в большом чулане и смотрю на мир сквозь крошечную дырочку. А Крто обживался. Крто притаскивал в наш чулан одну хламину за другой и восторгался приобретениями.

– Крто, я хочу послать письмо родителям через интернет... что я жива.

Я каждый день заново осознавала: жива! И пыталась понять, что означает – это «жива». Восторг... первый восторг быстро прошел, и появилась смутная тревога.

Крто был без маски. И я увидела, как побелел у него нос. Я уже знала, что это значит.

– У тебя есть связь через Интернет? – настаивала я.

Он замотал головой. Этот жест был человеческий – он перенял его от меня. Но я заметила, что у эгейцев на островах Блаженства в ходу была человеческая мимика, особенно, у тех, кто носил человеческие маски.

– Связь только у архонта. И то она вся перлюстрируется.

Как только ты сообщишь...

– Я могу иносказательно.

Он взвизгнул – пронзительно, так, что заложило уши.

– Нет! Сам адрес тебя выдаст. Понимаешь? Я еще не понимала. Лишь чувство тоски усиливалось.

– Что же мне делать?

– Давай подождем и не будем рисковать, – предложил он. –

Случай непременно представится. Будем ждать...

Случай представился, хотя и не для меня. Через год на архипелаге во время гона погибли два стража и координатор острова Вдохновения. Два десятка обезумевших самцов из стада пытался прорваться на архипелаг. Крто во время схватки занял место координатора. Но чтобы занять его пост официально, опять пришлось давать взятку. Все наши накопления за этот год пошли на подкуп. Пришлось еще занимать. Эгейцы нашего положения не пользуются услугами банков – все занимают друг у друга. Берут у равных себе, никогда – у начальства.

Став координатором, Крто тут же вызвал с Дальнего Стато. Я вспомнила собачье умиление во взгляде и жаркие шепот: «Не переживу...»

Но пережил. И вот – достиг.

Явившись на острова Блаженства, Стато бухнулся на землю, набил рот камушками и стал их жевать. Кровавая слюна текла по подбородку, но он жевал и жевал, пока не разжевал камни в песок, а потом выплюнул эту кровавую массу в под-

ставленные щупальца Крто. Это была клятва вечной верности. Отныне жизнь Стато принадлежало Крто безраздельно. Древняя форма. Архаика. Так же, как слово «женщина».

– И ты тоже давал такую клятву кому-нибудь? – спросила я у Крто.

– Я? Нет... Я давал только взятки. Это надежнее. А клятву можно нарушить – в любой момент.

– И Стато ее нарушит? – мне был неприятен его цинизм.

– Нет... Стато – не выдаст. Но Слокс давал клятву верности предыдущему императору. А потом перерезал ему горло. Говорят нынешний – жевал камни Слоксу. Говорят, так...

– Я тоже должна жевать камни – для тебя... – в моих словах был вызов. И Крто прекрасно его понял. Но сделал вид, что не заметил.

– Ты сразу же сломаешь себе зубы.

Я тоже была уверена, что Стато никогда не выдаст. А Крто?

Стато стал вскоре помощником Крто и завел себе самку – ростом с меня, но в три раза толще. Она так и лоснилась от жира. Постоянно искала дружбы со мной, а я не знала, куда от нее скрыться, и от ее однообразного непрерывного лепета.

– Сетки на окнах... золотые сетки на окнах... я хочу сидеть в доме с золотыми сетками... хочу сидеть в красоте. Могу я сидеть в доме, и чтобы, было красиво? И бассейн чтоб с подсветкой. Мы должны хоть немного пожить по-настоящему... Ведь правильно я говорю? – она требовала, чтобы

ее немедленной поддержали в желании иметь бассейн с подсветкой. От этого лепета меня тошнило.

– Крто, зачем эгейцам гарем, если гон раз в году? А потом покой, равнодушие.

– Равнодушие? – не понял он. Я попыталась объяснить.

– Потом – чатто, – сказал он. – У вашей цивилизации, основанной на человеческих эмоциях, нет такого понятия. Если использовать космолингв, этот термин можно перевести как послелюбовь. Или нет, скорее, междулюбовь.

– А гаремы, и стадо? Разве это имеет отношение к любви?

– Это дань Океану. Океан порождает стадо. А остатки культуры чатто цепляются за архипелаги.

Вскоре я могла думать лишь об одном: как вырваться из этого мира? Рассказывала Крто о других планетах. Он слушал очень внимательно. Поначалу мне казалось, что мы можем покинуть Эгеиду вместе. Надо лишь получить пропуск и добраться до космо-порта. Однако вскоре стало ясно, что план этот очень опасный. Если кто-то пронюхает, что я находилась на борту «Елены Прекрасной», меня тут же уничтожат. И Крто вместе со мной.

Впрочем, как я поняла – хотя и не сразу, – Крто не стремился покинуть планету. Его карьера была удачной и скорой. Быть может, странное чувство ко мне было причиной. Когда другие тратили средства на гарем, он довольствовался лишь моим обществом. В замкнутом мире островов Блаженства мы были слишком уж непохожими на других. Многие объ-

ясняли это провинциальностью Крто, его неумением понять размах мира избранных. Но снисходительное отношение не мешало карьере. Он вскоре стал заместителем архонта. (Пло к тому времени погиб – кто-то из столичных врагов напустил на него червя).

И, наконец, Крто – архонт Северного Архипелага. Одно печалило Крто: у нас не было детей. Впрочем, достаточное количество кредитов могло устранить и это проблему: любой опытный генетик мог создать – пусть и искусственно – нашего потомка. Мало ли метисов на звездных путях? Но для этого надо как-то выбраться с планеты. Крто заикнулся о таком плане. И мне не хватило ума поддакнуть ему, лишь бы добиться своего и покинуть Эгеиду. Ведь только вне Эгеиды, у нас могли бы быть дети. А я ляпнула, будто пальнула в лоб из бластера:

– Не желаю, чтобы у меня родился уродец-полукровка. Изгой.

Уже сказав это, я поняла, что смертельно обидела его и одновременно захлопнула перед собственным носом стальные ворота. Крто побелел – не только нос – все лицо. Он сидел неподвижно, будто окаменел. А потом вдруг издал пронзительный визг – у меня заложило уши. Агатодемон! Зачем я это сказала! Он понял, что здесь, на Эгеиде, он может быть для меня единственным. Но в мире людей он превратится в уродца. И в том, другом мире, любой человек – или почти любой – будет для меня желаннее, чем он, эгеец. Несомненно,

именно так он истолковал мои слова. О детях Крто больше не заговаривал. Мои неуклюжие попытки как-то загладить ту смертельную обиду он как будто не замечал. Однако способность Крто в самой отчаянной ситуации выискивать прозаическое решение выручила его и на этот раз. Он понял, что не должен выпускать меня в тот, другой мир. Зато сам он может стать – но только для меня – похожим на человека, и хотя бы поэтому желанным. И он повел очень тонкую интригу. Всякий раз сообщал о каких-нибудь трудностях, которые препятствуют нашему отъезду. Не сразу я заметила, что трудности эти слишком уж хорошо объяснимы и чудовищно неодолимы. А Крто сотворил себе сначала подлинное лицо вместо маски, потом настоящие руки... Он объяснял это модой дворца и тем, что намеривался перебраться в Столицу. Но вскоре я поняла, что никаких шансов очутиться в Столице у Крто нет. Он как бы достиг своего предела. Он был слишком провинциальным, чтобы влиться в ряды изысканной публики, что плескалась в столичных бассейнах. Когда я поняла, что Крто и не планирует покинуть планету, случился страшный скандал.

– Чего ты хочешь? Умереть? – спросил он. – И меня утопить с собой?

Я поняла, что он не уступит. И стала искать другие выходы. Оставаться здесь я больше не могла. Изображать хвостатую леди, кататься в кресле-антиграве, следить за собственной мимикой, превращая живое лицо в маску, и иметь воз-

возможность доверять только Крто да еще Стато... Постоянное ощущение стиснутости, замкнутости, ощущение, что меня этот мир тихо переваривает, превращая в ничто... Мир Эгеиды... Как описать вам его? Здесь не из чего выбирать. Здесь может быть только одна судьба, другой не дано. Здесь нет вариантов, развилок, здесь исключены любые «если». Если бы наш корабль не потерпел крушение, я бы могла стать пилотом на военном корабле, или выбрать работу на пересадочной базе, перейти в гражданский флот, наняться в частную фирму, или бы осесть в какой-нибудь колонии. Тысячи и тысячи планет на выбор. Одни мерзкие, другие лучше, много прекрасных... Если бы... По ночам я лежала без сна и представляла, как безумно много «если» существует в мире за пределами Эгеиды. А утром, напяливая кожаный хвост, маску и перчатки и садясь в кресло-антиграв, в очередной раз убеждалась, что сколько бы усилий я ни приложила, здесь никакие «если» не осуществимы. Там – тысячи планет, а здесь – один островок, с которого некуда деться. А раз так, то виноцветное море может вызывать лишь ненависть, и даже преданность Крто в конце концов станет отвратительной. Что может быть тяжелее, чем день за днем заставлять себя жить по правилам, которые ты не принимаешь, день за днем втискивать себя в жизнь, которая вся от начала до конца глубоко противна твоему существу. И вечерами петь со стражами «вода, вода, рыба, рыба...»

Всему есть предел – и способности к самонасилию – тоже.

Я поняла, что далее так жить больше не могу.

Кстати, я говорила о море... я могла лишь любоваться его игрой на рассвете и закате, следить за его буйными волнами – и только. Купание в море для меня оказалось запретно – ведь кто-то может заметить, что я человек. Я в море, в родной стихии эгейцев – существо чуждое, уязвимое. Плескание в бассейне – это, пожалуйста. Море – нет. Лишь несколько раз Крто возил меня на глайдере к удаленным островам, и там, уверенная, что скрыта от посторонних глаз, я могла позволить себе погрузиться в волны Океана. Самое чудесное, самое восхитительное на Эгеиде – Океан – и тот оказался мне недоступен.

Однако совершенно неожиданно я обнаружила, что Эгеида не так отвратительна для людей, как казалось мне сначала.

Сколько лет прошло к тому моменту? Да это и неважно. Помню точно: Крто уже стал архонтом. А я как страж осматривала гостиницу. Залетела на кресле в холл и вижу: на циновках вокруг бассейна лежат пять женщин. Настоящие... неэгейские... все голые, истомленные...

– Откуда? – только и выдохнула я.

Молодая женщина, дебелая, лет девятнадцати, с плоским румяным лицом и пшеничными волосами до талии неспеш-

но поднялась и направилась ко мне. Я глядела на нее во все глаза... У нее были налитые груди, заметный животик и рыжие волосы на лобке. Как эти женщины попали сюда?.. Женщина протянула мне сотню кредитов.

– За всех, – сказала она. – Мы здесь на период гона. Вчера самцы уже приходили. Сегодня – опять придут.

– Ваше пребывание незаконно... – пробормотала я.

– Ну, конечно! А сотня кредитов за что?

– И опасно...

– Через три дня придешь – еще сотню кредитов получишь...

– Я уже во второй раз на Эгеиде, – сообщила худенькая брюнетка. – В первый раз была на Южном архипелаге. Гон... – проговорила она мечтательно и тронула язычком ярко накрашенные губы. – Нигде такого нет... Чтоб мне провалиться в черную дыру – нигде!

Я смотрела на голых красоток. Они прибыли в отпуск – развлечься. И сейчас лежали на циновках, ломали плитки шоколада, грызли морские орешки, о чем-то переговаривались, хихикая, ждали своих кавалеров...

– А назад? Как вы полетите назад?

– Нас по списку заберет стюард. Ему – главная плата.

Брюнетка поднялась и помочилась в бассейн: выйти в туалет ей было лень.

Что если заплатить стюарду? В последний день... узнать, когда у них последний день... И... вместе с ними бежать с

планеты.

Я выбралась из гостиницы, поглощенная этими мыслями. А вокруг на креслах уже кружило пять или шесть эгейцев-подростков, отпрыски островных стражей. Известие, что в гостинице открылся бесплатный бордель, распространилось по архипелагу мгновенно. Глаза у молодняка горели, по подбородкам текли струйки слюны. Наиболее нетерпеливые заглядывали в двери. В дешевых драных перчатках у каждого – по дешевой шоколадке, купленной тут же, в ларьке гостиницы... Как только я вылетела на улицу, изнутри, видимо, последовал какой-то знак, и молодняк рванулся внутрь.

Я решила, что явлюсь в последний день гона, прихватив с собой все полученные от красоток кредиты, и покину вместе с ними планету. Но ничего не вышло... Через три дня, явившись за очередной мздой, я обнаружила гостиницу опустевшей. У бассейна в кресле сидел Крто и следил за работой насоса, откачивающего воду. Бассейн был почти пуст.

– А где женщины? Они обещали мне платить... – спросила я делово.

– Вот как? Тебе? А почему я ничего об их прибытии не знаю? Кажется, я еще архонт архипелага.

– Я думала... раз они платят... – я попыталась прикинуться дурочкой.

– Они платят! А что дальше? У них поддельные пропуска. Считай, что этим шлюшкам безумно повезло, если их выпустят с планеты.

– А если не выпустят?

– Это дело стюарда, который составлял список.

– Зачем ты откачал воду?

– Когда в гостинице останавливаются люди, они всегда мочатся в бассейн. Не знаю – почему, но это всегда так.

Я была уверена, что Крто выдворил этих женщин из-за меня – чтобы я не могла убежать вместе с ними. Не знаю, удалось ли им покинуть Эгеиду или нет. Но на Северном архипелаге они больше не появлялись.

Но к кому обратиться за помощью, если Крто не на моей стороне? И поняла, что вся надежда на Брегена. Если мне удастся связаться с ним, он поможет мне бежать с Эгеиды. Ведь он – человек! Я стала искать встречи. Какой-то местный праздник (я до сих пор в них путаюсь, ибо праздников множество, и все они скучные) проходил на Северном архипелаге, и я уговорила Крто послать Брегену приглашение. Тайком от Крто умудрилась приписать строчку: «Мне нужна ваша помощь. Речь о жизни и смерти». Я хотела написать, кто я, но потом передумала. Побоялась. Думала – и так он должен явиться. Но Бреген не пришел. Видимо, жизнь и смерть архонта и его женщины – для него такая малость! Как я ждала того вечера... просто места себе не находила. В каждом вновь прибывшем ожидала увидеть главу филиала. И когда

поняла, что он уже не явится – удалилась в наш дом и разразилась слезами. Кстати, я даже не могла плакать на Эгейде при всех – только тайком в своей комнатке. Ведь эгейцы никогда не плачут.

Потом на Северный архипелаг прибыл Слокс. И уж на его приглашение Бреген, разумеется, откликнулся. Глава филиала был мил, очарователен, доброжелателен. Само обаяние... Я, рискуя каждую секунду быть раскрытой, пробралась к нему и шепнула:

– Я – человек...

Он не услышал. Он говорил в эту минуту с кем-то из высокопоставленных эгейцев. А вокруг сновали работники компании «Гибрид» – и все они были – люди. Но на меня никто не обращал внимания. Может, поговорить с кем-нибудь из них? Нет, нельзя. Защитить меня сможет только Бреген.

– Я – человек... – повторила, когда мы остались с ним на мгновение наедине. Неужели мне повезло? Он смотрел мимо меня и мило улыбался.

– Я – человек...

Бреген кивнул и отошел. Пропустил мои слова мимо ушей? Или не понял? Или просто не желал слышать? Решил – нелепая шуточка. Разве мог он допустить, что этот парик, перчатки, хвост и кресло – часть маскарада и под маской есть что-то настоящее... Я вдруг усомнилась. А что если... да, что если я уже не имею права называться человеком? Что если по статусу я – существо Эгейды? Ведь я – женщина Кр-

то...

– Я человек, – прошептала, теряя всякую надежду.

Но нельзя же было кричать об этом в присутствии Слокса. Он тут же уничтожит и меня, и Крто. А Бреген не слышал. Его окружили милые девицы. Одна краси вее дугой. Люди. Настоящие. А я с этим клоунским хвостом, похожая на русалку из дешевого представления по телеголографу... Как я могла тягаться с ними?! Как намекнуть ему, что я знаю тайну «Елены Прекрасной»?

После этого я еще несколько раз видела Брегена. Но его всякий раз окружали эгейцы и люди. Слишком много ушей. Слишком много внимательных глаз. Пыталась с ним заговорить. Но он меня не слышал. Не в прямом смысле – конечно. Я была уверена, что даже среди людей Брегена есть кто-то, работающий на Слокса. Бреген вежливо улыбался, вежливо кивал мне, даже кидал несколько ничего не значащих фраз. Но зачем мне его милые улыбки? Я ждала спасения... Он был всемогущим, а не сделал ничего.

Я представляла, как на этой планете появился Бреген. Увидел это море, зеленые архипелаги. Белые птицы и белая пена на гребнях волн. Белые кучевые облака, ровными стадами плывущие к горизонту. О чем в первую очередь он должен был подумать? Что попал в рай. А что он сделал? Отравил шельф. Были миллионы различных животных, а осталось триста тысяч видов. Только и всего.

А потом появился Корман...

В этот момент внутри инфоголографа что-то захрипело, изображение пропало и больше не появлялось. Однако голос звучал.

Итак, Корман. Этот был полной противоположностью Брегену. Он казался милым, доступным. Заговорить с ним ничего не стоило. И мне казалось, он понимает каждое слово. Он постоянно шутил. Он очаровал меня – буквально. Я лишь ждала удобной минуты, чтобы рассказать ему о себе и попросить помощи. Он без труда свяжется с управлением флота и передаст мой рассказ. А уж Лига Миров меня спасет.

Почти месяц Корман вел раскопки на старом шельфе около острова Волка, а я изнывала, ожидая. Считала каждую минуту, не могла усидеть на месте, стала раздражительной, взрывалась по малейшему поводу, намеренно с каким-то наслаждением говорила Крто гадости. Он что-то заподозрил. Однако мысли его пошли, видимо, по иному сценарию. Он стал подозревать, что я влюбилась в Кармана. И стал ревновать, отчаянно, мелочно, следя за каждым моим шагом. Но мне было плевать. Меня уже понесло. Я хотела вырваться из своего плена. Жить так, как я жила, долее невозможно, ибо это не жизнь, это ад. И за это я была готова заплатить любую цену.

И вот случай представился. Корман вернулся с раскопок

вместе со Стато и устроил пирушку в нашей таверне. Крто в тот момент вызвали на другой остров – там нашли полсотни неупомянутых тел. А эгейцы следят за этим строго. Ибо каждое такое тело может стать источником страшной эпидемии.

Корман был щедр, хозяин выносил одну бутылку пива за другой, все стражи захмелели. И вот во время пирушки я все рассказала Карману. Я не пила. Была совершенно трезвой. А он пил, но не пьянел.

– Так я и поверил, милочка. Все твари теперь выдают себя за людей. Даже лягушки с планеты «Грязное болото».

– Я – человек!

– Докажи. Ведь это нетрудно.

– Как?

– Переспи со мной... Уж в постели я точно разберусь, кто ты, на самом деле.

Можете презирать меня. Да, можете презирать... Но я согласилась. Девять лет заключения... Я была готова на все...

И мы в нашем доме... Да, все произошло в доме Крто...

Теперь я уверена, что Корман поверил мне сразу. А все его требования «доказать» – дешевый крючок, на который я, глупая рыбешка, попалась.

– Как ты, милочка, живешь с этим хвостатым эгейцем? – спросил Корман «после». – С этим тюленем?

О боги Эгеиды! О всемогущий Агатодемон! Какое презрение послышалось в его голосе. Как будто я тешила с собакой

свою похоть. Я была ни жива, ни мертва. Лепетала что-то...

А противнее всего, что он имел право смеяться над моей глупостью... Но сидя в сытой тюрьме, не умнеешь – вот в чем беда. Я была все той же семнадцатилетней девчонкой, упавшей с неба.

– Но ты передашь мой рассказ? Ты сообщишь, что я жива? Ты сможешь? – торопилась я спрашивать. Мой голос дрожал. – Они найдут корабль... Меня спасут...

Он оделся.

– Разумеется, передам твой рассказ. Послушай, и как у них секс... А? Ведь я слышал, эгейцы могут заниматься этим только раз в году. Зато месяц подряд и почти непрерывно. А потом снова жди. Понимаю, ты – голодная. Я – тоже голодный. Так что я вынужден был уступить... Но... – он брезгливо скривил губы. – Только один раз. Больше не проси.

Мне хотелось бросить в него чем-нибудь тяжелым. Но я сдержалась. Я все еще надеялась. Идиотка..

Голос невидимой Иммы дрожал. И у Платона явилось подозрение, что она специально испортила изображение, чтобы в этот момент рассказа ее не видели, а только слышали. Они сидели в темноте, ибо старались экономить энергию фонаря и слушали женские признания.

– Когда эта дуреха вырвется со своего острова Блажен-

ства, – заявил Дерпфельд, – первым делом ей надо найти парня с большим членом и оттянуться по всем правилам.

На другое утро явился Крто. Кажется, он сразу понял. И то, что я ему изменила. И то, что Корма-ну известно о корабле и моем спасении. Крто не сказал мне ничего. Ни упреков, ни воплей. Хотя я ожидала скандала. Он погрузился в бассейн и лежал неподвижно, время от времени поливая голову водой. Уже не эгеец, еще не человек. Каждый год он делал биокоррекцию, сначала лицо, потом руки... Скоро он полностью станет человеком... внешне. Но что это изменит?

Только к вечеру Крто выбрался из воды и спросил:

– Он обещал помочь тебе бежать?

– Да... – ответила я. И вдруг усомнилась – обещал ли? А в самом деле – обещал ли?

– Хорошо – Больше Крто не сказал ни слова. Я стала упрекать его, я кричала:

– Ты обещал мне, что мы убежим... А уже столько лет... Чего мы ждем? Я больше не могу... я устала...

Он не ответил. А я почувствовала себя подлой тварью.

«Ладно, – мысленно я пообещала себе, – уеду с планеты только с Крто».

Да и как же иначе: оставить его здесь после того, как тайна «Елены Прекрасной» откроется, для него равносильно смер-

ти.

Я думала, что ждать обещанной помощи придется несколько месяцев. Ожидание... каждый день неподъемен, как огромный валун. Мне стало не хватать воздуха. Утром я просыпалась с чувством, что завтра уже не наступит. Я не жила, а волочила свое неподъемное тело из прошлого в никуда. Потому что будущего у меня не было. Вместо будущего была глухая стена. Я упиралась в нее всем телом и передвигала. Каждую секунду вновь и вновь. Так появлялось настоящее, перетекая в прошлое. Каждую секунду мне казалось, что сил не осталось, что больше не могу, я сейчас упаду и... И почему-то не падала. И упиралась вновь в проклятую стену. И двигала ее. Но знала, что так дольше повторяться не может. Не может, и все... А жизнь почему-то не прекращалась. Времени было плевать на стену и на меня, оно катилось куда-то...

Ожидание продлилось лишь два дня. Если бы дольше – я бы не выдержала. Когда явился Карман, я чуть не кинулась ему на шею. Не из любви, а потому, что вообразила: мучениям конец. Но он явился не ко мне – а к Крто. Меня попросили уйти наверх, на крышу. И Альфред мило сообщил, что архонт должен заплатить ему сто тысяч кредитов, если хочет, чтобы Карман молчал и не сообщал Слоксу, кто я на самом деле. Наверху, на крыше я все слышала. Крто оборудовал для меня там солярий. Здесь я устроила себе маленький садик. Кое-какие цветочки, довольно неприглядные

и бледные, в старинных глиняных горшках: их полно на новом шельфе, и Стато после каждого купания приносил для меня какую-нибудь мелочь. И вот я лежала на крыше и слышала, как Карман шантажирует Крто.

И Крто как-то совершенно спокойно ему говорит:

– Я ожидал, что вы придете. Но ведь Имма – человек. Она вашей расы. И вы готовы выдать ее из-за ста тысяч? Ее же убьют.

– Хочешь сказать, смешная сумма? Это точно. Я бы потребовал и миллиард. Но знаю, больше из тебя не выжать. Итак, сто тысяч, и будешь дальше трахать ее весь ближайший месяц гона.

Я не видела лица Крто. Не знаю, что он почувствовал в ту минуту. Эгейцы – мягкие существа между слияниями лун. Но не Крто. Уж его никак нельзя назвать добряком.

– Если Слокс узнает правду, то это и твой смертный приговор, – продолжал Корман. – Но поверь, я человек слова. Если скажу, что не выдам, то не выдам.

– Хорошо, вы получите сто тысяч... Но только если немедленно после этого покинете планету.

– А вот так не пойдет. Не тебе, хвостатому, указывать мне, что делать. Десять тысяч – это для меня тьфу... Стал бы рисковать из-за такой малости. Это для вас тут в вашем утопленном мире десять тысяч – огромная сумма. Но не для человека Галактики. Я намерен еще получить десять миллиардов с Императора – за тайну «Елены». А сто тысяч мне нуж-

ны лишь для того, чтобы нанять охрану из людей Брегена и обезопасить себя со всех сторон. Твоя самка мне все разболтала: и где лежит спасательный блок корабля, и где замурованы тела. Я скажу Слоксу, что нашел все это во время раскопок. Нечаянно. И если Император не хочет, чтобы Эгеиду выперли из Лиги Миров, если не хочет, чтобы шельф до последнего атома ободрали в уплату за устроенное увеселение, то...

Он не договорил – Крто набросился на него... Послышался шум борьбы. Крто был куда сильнее любого человека. Я прыгнула в кресло и понеслась вниз. Но не успела. Услышала крик боли и увидела Кармана, бегущим среди зарослей бибука перед домом.

Когда я скатилась вниз, Крто корчился на полу возле бассейна, а Корман уже был далеко. У Крто в трех местах было прожжено плечо – Корман стрелял из своего «арминия» в упор, пока Крто не разжал свои пальцы... Если бы архонт не прошел биокоррекцию, если бы у него по-прежнему были щупальца, Корман не сумел бы ускользнуть. Но человекоподобными руками Крто не смог его так быстро задушить.

– Он вернется... – прохрипел архонт. – Он без денег не уйдет.

Я помчалась за Стато. А Стато помчался ловить морских зайцев.

И Корман вернулся. И получил все, что хотел.
Запись кончилась.

Профессор и Дерпфельд сидели в темноте. Никто ничего не говорил.

– А знаешь, этот Крто нормальный парень. Хотя и содрал с нас столько кредитов ни за что... – задумчиво проговорил Платон Рассольников.

– Имма приняла тебя за профессора психоанализа, а не археолога, – хмыкнул Дерпфельд.

– Думаю, она приняла меня за человека. Ну, а если серьезно, то эти записи она надиктовала давно – не для нас – для себя. Потом немного откорректировала, кое-что стерла и оставила нам для прослушивания.

– Если бы твой дружок Корман остался жив, ему бы за его фокусы грозило лет десять на планете Алькатрас и конфискация имущества, – сделал свои выводы сержант.

– Теперь я знаю, кто убил Фреда, – заявил Платон. – Не сомневаюсь, что его прикончил Крто.

– А я ставлю на Слокса. А впрочем, неважно. Крто... Слокс... Главное, кого они наняли на Райском уголке...

– Как, кого... – начал было профессор и замолчал. Потому что едва не ляпнул: служба охраны. Больше в Раю нанимать некого. Но он не настолько любил истину, чтобы сказать такое копу в лицо.

А Дерпфельд не стал спрашивать.

ГЛАВА 11

СНОВА ВЕСЕЛЬЕ

Документ 11.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Если ваше распоряжение насчет объекта остается в силе, я не смогу обеспечить безопасности единственномуцелевишему члену экипажа. Срочно вышлите помощь. Архонту и К.К. угрожает опасность. Разъясните вашу позицию относительно гостей и архонта. Мне бы не хотелось попасть под суд на этой чертовой планете под названием Гаага.

Лязгнули двери лифта, и в кабинет архонта вплыли три веселиста. Слокс впереди – его помощники сзади. Крто смотрел на них, и в груди его булькали смешинки. Он не боялся Слокса! Впервые за столько лет – ни капли страха, ни единой волны. А раньше – накатывал целый прибой и накрывал. Было за что бояться...

– Куда делись двое людей, которые должны быть под твоим постоянным наблюдением? – спросил Слокс.

А ведь он уверен, что Крто все еще его боится.

– Они погибли. Их глайдер взорвался, – Крто узнал о взрыве накануне поздно вечером. Известие, что на глайдере был кто-то третий, и этот третий не Ста-то – ибо его верный

помощник был рядом – вызвало приступ странного веселья. Веселья сродни отчаянию.

Приход-прилет Слокса и двух его подручных-здоровяков явилось событием ординарным. Они должны были прийти, и они пришли.

– Я бы, может, и поверил. Если бы до этого твои гости не побывали на Дальнем. Разве им не было сказано, что это запретная зона? – Сумасшедшие зеленые глаза Слокса смотрели в упор.

Его лицо (ибо он тоже сотворил себе человеческое лицо) было очень бледным, а волосы отливали чистым золотом. Только теперь Крто понял, что внешне его устремления совпадали с устремлениями Слокса и обитателей Столицы.

– Они знали...

Больше всего на свете ему хотелось вскочить и мчаться... куда? Глайдер рухнул в океанскую впадину. Оттуда никто его не достанет.

Ужас чем-то похож на веселье, недаром Слокс называет себя весел истом.

– А твой человек должен их сопровождать.

– На раскопки... – уточнил Крто. – Только на раскопки. Они же...

– Они тебя обманули. – Смех забулькал в горле веселиста.

– Да. – Нелепо было это отрицать. Что теперь учинит Слокс? Если Имма была на взорвавшемся глайдере, то Крто

на это плевать. Абсолютно...

– Печально, архонт... Печально, что ты так обманулся. Но вот еще вопрос... который не дает мне покоя. Ты постоянно посещаешь клинику биокоррекции. И довел свое тело до полного подобия человеческому. – Крто вздрогнул. – Ты удивлен? Неужели ты считал, что твои визиты останутся втайне? О, нет... каждый биокорректор сообщает о проведенной операции в наше управление. И нам в тот же день становится известно, кто и что себе вживил или, напротив, отрезал. Внешне ты превратил себя в человека. Даже некоторые гормональные коррекции тоже провел. Вот откуда твоя агрессивность, столь не свойственная эгейцам в спокойные фазы жизни. Мы проводим такие коррекции нашим воинам. Итак, ты хочешь быть похожим на человека. Ты, кого прибор никогда не донесет до Столицы. Думаю, ты достаточно умен, чтобы понимать, какие я могу сделать выводы...

– Я надеялся... – пробормотал Крто. Он пытался защищаться. Но скорее автоматически. Потому что если Слокс наметил себе жертву, защититься практически невозможно. А, впрочем, плевать!

– Э, нет, не обманывай себя. Твой IQ достаточно высок, чтобы я тебе не поверил. Итак... да, итак... ты превратил себя в человека. А между тем твоя единственная самка ни разу не проходила биокоррекцию. И, кстати, где она сейчас?..

– Не знаю. – Ему было противно говорить со Слоксом об Имме. Если бы их планета не была замкнута и подчинена

власти таких существ, как Слокс... И тут Крто понял, что тогда у него, выходца с острова Дальний, провинциала, стража и, наконец, управителя с сомнительной репутацией взятчика, не было бы никаких шансов очутиться рядом с Иммой в другом мире. Она бы даже не посмотрела на него... Своим уродливым счастьем он был обязан уродливому миру Эгеиды. Невыносимое внешнее давление толкнуло Имму в объятия Крто. И получается, что Крто должен за все благодарить Слокса.

Эта мысль заставила Крто улыбнуться. Надо сказать, что он уже научился улыбаться совершенно по-человечески. Улыбка его могла быть и печальной, и язвительной, и нежной. В этот раз он улыбнулся язвительно. Слокс... О боги Эгеиды! Слокс улыбнулся в ответ.

– Знаешь, милый мой, знаешь, где она. Она летела на том глайдере, что взорвался. С людьми. Она – человек. И она бросила тебя ради людей. Разве не так?..

– Что вам надо? – А вдруг Имма жива? Тогда. . . Тогда ей грозит страшная опасность. Вот тут он испугался. По-настоящему. Будто прибой накрыл его с головой густой удушливой пеной.

И Слокс заметил его страх. Почуял.

– Ага, мечешь икру? А я-то думал, ты стал великим воином! – Слокс умел язвить. – Я хочу знать, кто еще был посвящен в эту тайну? Кто помогал тебе и Имме? И что известно Брегену и другим людям?

– Ничего. Иначе бы Лига Миров давно бы поставила Эгиду на колени.

– И тебе, выродок, это доставило бы удовольствие! – плотоядно оскалил зубы Слокс. – Ты только и мечтаешь, чтобы причинить нашей планете несчастье.

– Я? Разве я убил экипаж корабля? И зачем? Зачем вы их уничтожили?

– Таким, как ты, не понять высших замыслов...

Он явно провоцировал Крто, пытаясь заманить того в несложную ловушку. Но Крто ее без труда разгадал. Архонт уже придумал подходящий ответ, уже открыл рот, чтобы ответить. Но тут ожил сервисный браслет, и он услышал голос Иммы:

– Крто, мне срочно нужна твоя помощь... Я...

Архонт спешно отключил связь. Но Слокс уже понял, кто говорил. Глаза веселиста вспыхнули, он оскалился, чужая добычу. Крто выхватил бластер. Выстрелил. Попал Слоксу в плечо. Веселист опрокинулся с кресла. Лево́й рукой Крто надавил разом на три крайние кнопки на столешнице. Тут же вспыхнула гребенка лазерных лучей. Под ее частые световые зубья попал один из охранников. Второй ускользнул, но вынужден был отпрянуть к окну. Крто стрелял почти наугад – дым от горящего тела охранника заволок комнату едким дымом. Красные лучи метались в синей дымной завесе. Крто выключил лучевую гребенку и рванулся в двери. Выстрел охранника обжег плечо. Но тут же лифт открылся, и Стато

влетел в кабинет, стреляя опять же наугад. Лучи метались, никто ничего не мог различить. Крто заскочил в кабину, Стато за ним, они понеслись вниз.

Крто нажал кнопку сервисного браслета.

– Имма, где ты? – Он кричал. – Ты жива? Жива! – Не могу поверить.

– Я в таверне!

– Сейчас буду! Сейчас!

Он отключил связь. Возможно, люди Слокса перехватили разговор. Но все же Крто надеялся, что сумеет их опередить. Она жива! Значит, авария глайдера – лишь имитация. С самого начала он втайне на это надеялся. Уж слишком невероятнo это крушение со взрывом над самой глубокой океанской впадиной. И, главное, как они там очутились? База Брегена плавает в воздухе над мелководьем. И даже «Елена Прекрасная» затоплена совершенно в другом месте.

Ясно, что сейчас Имма окажется под ударом. Крто видел ее уже в лапах Слокса. И... Он будет в таверне стражей через несколько минут. Но вдруг веселисты Слокса уже захватили Имму там?

Стато следовал за ним. Верный Стато.

Крто мчался на своем кресле-антиграве на предельной скорости над проливом. Теперь он вынужден был обматывать ноги куском черной кожи с имитацией плавника вниз, чтобы по-прежнему считаться среди эгейцев своим. Но будет ли он среди людей своим... Э, нет, нет! Об этом не думает.

мать сейчас!

Таверна стражей была разгромлена. Вместо одного угла здания зияла огромная дыра, и из нее валил дым. На полу, выбитый из своего кресла, лежал мертвый хозяин. В углу валялись срезанные лучом лазера щупальца, засунутые в драную перчатку. «Рука» все еще сжимала «фараон». Чья эта рука? Морива? Крига? Ни того, ни другого Крто не видел на набережной. Ясно, что здесь было побоище. Но не ясно, чем оно закончилось. Стражи защищали Имму. У архонта перехватило горло... Его стражи... И он признателен им...

Крто огляделся. Если Имме удалось спастись, куда она могла бежать? Эгеец кинулся бы в Океан. Ласковый Океан, где вражда утихает, и где подле могут плавать обитатели островов Блаженства и шахтеры с шельфа, чьи легкие изнашиваются за два-три сезона. В теплых водах Океана истаивает злоба, и – угасают эмоции – и страх, и печали. Океан .веселит ,eam по себе...

Крто едва не повернул к берегу – захотелось немедленно погрузиться в теплые волны. Нестерпимо хотелось. Но он одернул себя: Стой! Океан манит его, эгейца, но не Имму. Она человек. Ее преимущество – суша. Твердь. Слово, ставшее ругательством на Эгей-де. Ее укроет только суша – в море она беспомощна и к тому же не может продержаться там долго. Кто ее сообщники на суше? Ответ напрашивался сам собою: возвращенцы. Только к ним она – человек – могла обратиться. Причем обратиться на родном эгейском наре-

чии, чем и подкупить, и умолить. Агрессии со стороны возвращенцев в это время года ожидать не приходилось. Сейчас все на Эгеиде миролюбивы. Все, кроме веселистов, напичканных человеческими гормонами.

Все эти нехитрые рассуждения пронеслись в голове Крто мгновенно.

– Куда мы теперь? – спросил Стато.

– Надо посетить старый стадион.

– К возвращенцам? – Стато удивился, но ни о чем спрашивать не стал.

Возвращенцев Крто никогда не любил. Однако и не гнал особенно рьяно, за что от архистратига архипелагов получал постоянные нагоняи. Столица и, прежде всего Слокс, хотели изгнать возвращенцев с островов архипелага. Был даже план поселения этих изгоев на старых баржах. Но Крто воспротивился, хотя и неявно. В шторм он ловко затопил три пустые баржи, не вызвав подозрения у веселистов. А новых пока раздобыть не могли, и возвращенцев оставили на архипелаге. Хотя от них была одна головная боль.

Однако возвращенцы считали архонта своим главным гонителем, и вряд ли относились с приязнью. Одно вселяло надежду: по убеждениям своим возвращенцы были пацифистами, что, впрочем, не мешало им яростно ненавидеть противников. Крто их не понимал, считая, что всякая тоска по прошлому бессмысленна, и все, что нужно и можно сделать, это найти возможность влиять на настоящее и двигаться впе-

ред в том направлении, которое кажется приемлемым. Вся беда в том, что эгейцы редко выбирают направление своего движения.

Но кто знает, может, возвращенцы именно так и влияли? Эти мысли одолевали Крто, пока он летел в своем кресле-антиграве к старому стадиону.

Несколько детей, судя по свежим ожогам на коже, ставших членами секты недавно, встретили архонта у ворот.

– Я должен видеть Нако-май-кр-мо, – завил Крто тоном начальника.

Наверняка никто из возвращенцев еще не знал о его конфронтации со Слоксом. К тому же присутствие охраны в лице Стато подтверждало статус архонта.

Оба подростка кинулись за Нако-май-кр-мо. То есть кинулись – это не совсем подходящее слово. Поскольку возвращенцы не пользовались креслами, они ползли по камням, и неведомо как долго они будут тащить свои туши по дорожкам, а потом в обратном направлении точно таким же образом будет путешествовать глава возвращенцев. Однако Нако-май-кр-мо появился довольно быстро, и вид у него был бодрый. Судя по влажной коже, он позволил себе окунуться в бассейне.

– Твой приход – начало нашей ссылки?! – взревел Нако-май-кр-мо, едва увидел архонта.

– Я хочу повидаться с Иммой.

– А каково наше будущее?!

– Вы пока остаетесь здесь.

– Пока! О, это подлое чиновничье пока! Нам нужен один из островов архипелага для возрождения подлинной жизни.

– Я предлагал переселить вас на остров Волка, но Слокс против.

– Ну, конечно, остров Волка. Самый непригодный, самый мерзкий...

– Послушайте, я должен видеть Имму, и чем скорее, тем лучше. А мой вам совет – попробуйте напрямую обратиться в Лигу Миров.

– Лига! Ее помощь – мираж! Ее законы – подлость!

– Где Имма?

– Это вы предатели и предатели... Ваше порождение – хаос Океана, а потом...

Крто оттолкнул Нако-май-кр-мо и ворвался на стадион. Стато полетел за ним.

– Никого не трогать! – приказал архонт своему помощнику.

Он бы мог связаться с Иммой по сервисному браслету, но боялся, что охранники Слокса тут же засекут его и выйдут на след. Пока он невидим и неслышим для них – во всяком случае, так думал Крто. Он летел над площадками и каналами старого стадиона, высматривая среди лежащих на солнце эгейцев Имму. Возвращенцев было много. За последний месяц – а именно столько прошло со времени предыдущего визита Крто на стадион – число сторонников Нако-май-кр-мо

явно возросло. Было очень много молодняка, подростков и детей. Что их ждет? Ожоги, болезни и потребление само-само... Ранняя смерть. Но их судьба за стенами стадиона? Если они не станут жертвами очередного гона и выживут, то поступят в распоряжение Брегена и станут добычками металлов на старом шельфе. Их ждут глубоководные шахты, болезни и потребление само-само. Ранняя смерть. У Эгеиды по-прежнему нет выбора.

Имма первая заметила Крто и вырвалась ему навстречу из какой-то полуразрушенной сторожки на своем кресле-антиграве.

– Я так и знала – ты меня найдешь! – она схватила его за руку. Кажется, никогда прежде она не смотрела на Крто так восторженно. – Я спрятала археологов в нашем убежище. У меня есть план! Мы спасемся, Крто!

– Ты и меня хочешь взять с собой!

Она не заметила издевки в его голосе. Или сделала вид, что не заметила.

– И тебя, и Стато...

– Понятно, – кивнул Крто. – Я польщен. – Теперь, когда он убедился, что она невредима, чувство тревоги сменилось едкой смесью ревности и обиды; Крто стало казаться, что он уже ненавидит Имму. – На этот раз ты ублажила сразу двоих? Кто понравился тебе больше?..

– Как ты можешь, Крто? – ахнула Имма.

– Я могу... – Он не находил слов – все упреки казались

ему слишком слабыми. Все равно он ее потеряет... Это было так же ясно теперь, как и то, что вся жизнь Крто закончилась внезапно тупиком. – А ты?!

– По-моему, хватит ругаться и пора сматываться, – дипломатично заметил Стато. – Пока Слокс не взял нас за хвост.

– Он прав! – обрадовалась Имма. – Мы должны бежать. Я оставила глайдер-невидимку на берегу. Там его искать не будут.

Тут среди возвращенцев возникла паника: одни прыгали в бассейн, другие с визгом кидались в заросли бибука, позабыв обо всем на свете, взрослые, удирая, давили малышей. Напрасно Нако-май-кр-мо вопил: «Не бойтесь!» Страх кислотной волной затоплял стадион. Причина же была проста: в ворота влетели пятеро ве-селистов на креслах-антигравках. Двое – из личной группы Слокса, остальные – рангом ниже. Эти трое оказались не так проворны, как их собратья: три кресла тут же осели на грунт и покатались на колесиках самым примитивных образом, застряв у первой туши здоровяка-возвращенца, залегшего то ли нарочно, то ли случайно поперек дорожки. Имма, Крто и Стато пустились наутек. Их кресла были куда быстрее... Впрочем, Стато почти сразу начал отставать. Подчиненные Слокса мчались следом. Крто обернулся и выстрелил. Удачно! Преследователь перевернулся в воздухе и шлепнулся в бассейн. Второй, заметив, что остался в гордом одиночестве, замедлился. Крто тут же развернул свое кресло и кинулся на него.

– Куда ты! – крикнула Имма, не понимая, почему теперь Крто мчится за подручным Слокса.

Впрочем, ответ был прост: кресло Стато теряло скорость, и от весел иста ему было никак не уйти. Крто еделал круг, нагнал своего недавнего преследователя, хотя тот стрелял почти непрерывно. Но вынужденный уворачиваться от ветвей бибука, он постоянно мазал, и в конце концов Крто настиг его, схватил сзади за ремни броненагрудника и выкинул из кресла. А сам с добычей подлетел к Стато.

– Пересаживайся!-приказал стражу. – Теперь нам никто не страшен.

На вид глайдер был как игрушечный – прозрачная эллипсоидная капсула и две трубочки нагнетателей, тоже прозрачные – по бокам. Глайдер был рассчитан на четырех пассажиров. Так что на свободное место Крто свалил кресла-антигравы, предварительно выломав из трофейного стульчака сигнальный блок. Глайдер был невидимкой – ни один радар, ни один сканер не мог его засечь. Преследовать его можно было лишь в пределах видимости. Но это занятие было таким же безнадежным: скорость военного глайдера была куда выше, чем у тех, что были в распоряжении Слокса или Брегена.

Когда беглецы взмыли в воздух, два глайдера службы охраны тут же увязались за ним и даже пытались вести огонь. Но вскоре отстали. И глайдер-невидимка летел над виноградным морем в полном одиночестве.

– Здорово, правда? – Кажется, Имма делала слабую попытку примириться.

Но зачем мириться? Чтобы потом вежливо сказать другу другу «прощай»? Крто понимал, что уже потерял ее. И сейчас они барахтаются на отмели под непонятым названием «последлюбовь». Нет, это не чатто. Это настоящая последлюбовь. И возвращаться назад не имеет смысла – лишь изранишься о камни до крови. Да, она приласкает напоследок, потрется головой о его плечо, чувствуя себя виноватой, но... она все равно уйдет. У него мелькнула мысль: а что, если убить тех двоих и... Тогда Имма вынуждена будет остаться на Эгеиде навсегда. Он ее никому не отдаст. Никому! Он поверил на секунду, что сможет убить двух людей. Но лишь на секунду... Нет, ничего не выйдет... Слокс дышит в затылок. И только эти двое людей, которых он смертельно ненавидит, могут спасти Имму. Так пусть спасают!

Платон и Дерпфельд ждали. Гнусное занятие...

– У тебя часто случались неудачи? – спросил Дерпфельд археолога.

– Бывало. Помню, на планете Кемет я обнаружил великолепную двухъярусную гробницу. В погребальной камере саркофаг из красного кеметского гранита. А в саркофаге – мумифицированный фаллос, который прежде крепился бинта-

ми к мумии. И больше ничего. Один фаллос.

– Думаю, мы найдем корабль, – сделал свой вывод сержант.

– И кому достанется награда? Кире-Имме или нам с тобой?

– Ты уже думаешь о награде...

– Именно! О чем же еще думать, сидя в этой норе? Разве ты...

– А я думаю, кто убил твоего друга Кормана и похитил десять миллиардов.

– Похвально! И ты расскажешь Службе Безопасности Лиги Миров о том, что сотворили эти весельчаки с экипажем?

– Разумеется. Эгейцы должны получить по заслугам.

– Ты ошибаешься. Они ничего не получают. Абсолютно ничего. Все получит Бреген. Он возьмет на откуп сбор штрафа с планеты, и на Эгейде останется лишь мертвый Океан. Надо придумать какое-то другое решение.

– Ты – член парламента Лиги Миров? – насмешливо спросил Дерпфельд. – Почему ты так печешься об этом Океане? Таких миров сотни и тысячи. И этот Океан ничем не примечателен, уверяю тебя.

Платон вспомнил желтых Плиниев.

– Я – интеллектуал. И это обязывает.

– А я поступлю по закону. А закон обязывает меня сообщить Лиге об особенностях здешнего веселья. За все надо отвечать.

Профессор Рассольников хотел возразить, но возразить было нечего. Ни единого аргумента. Лишь неизбывное чувство тоски.

Тут послышался тяжкий скрип каменных блоков – отворялась дверь главного входа. Платон и Дерпфельд поспешили навстречу гостям. На всякий случай Платон извлек «фараон» из кобуры. Но луч фонарика осветил лица Иммы и Крто. Они шли на ногах – как люди. Имма неуверенно, но вполне по-человечески. А Крто непрерывно подпрыгивал. За ними двигался на кресле-антиграве Стато.

– Ну, как? Целы? – наигранно весело спросила Имма. – Надеюсь, вы не пытались обследовать гробницу? Теперь мы можем попытаться бежать с планеты. Удрать на корабле. На «Елене Прекрасной».

– Корабль потерпел крушение. Как же он может взлететь? – язвительно поинтересовался профессор Рассольников.

– Это корабль класса «Вечный бой». Если его мозг не разрушен, а корпуса и оборудования – менее пятидесяти процентов, то он восстановится сам. За десять лет материалы полостью регенерировали и обрели былую прочность. А мозг корабля достроил утраченные управляющие контуры.

– Откуда ты знаешь? – Платон не очень-то ей верил.

– Это проходят в Академии космофлота. – Она что-то не договаривала.

– Но почему вы сами не бежали раньше? – подивился ар-

хеолог.

– Потому что для взлета такого корабля нужны минимум два пилота.

– Я – не пилот...

– Зато ваш друг – военный пилот запаса. – При этих словах Иммы Дерпфельд гордо приосанился. – И мы вместе поднимем корабль со дна моря.

– Судя по проведенной биокоррекции, Крто давно запланировал побег, – усмехнулся профессор Рассольников. – Среди людей вы оба не будете смотреться красавцами, но отличить вас будет трудно.

– Имма – красавица, – произнес Крто веско. – По канонам сухопутной Эгеиды она самая красивая женщина – наша Елена Прекрасная.

– Елена Прекрасная? – переспросил Дерпфельд. – Ну, хорошо, пусть будет Елена Прекрасная. Послушайте, Крто, у меня к вам один вопрос... – Теперь, когда Крто из местного чиновника довольно высокого ранга превратился в беглеца, тон Дерпфельда мгновенно переменился. Автоматически вместо уважительных интонаций появились снисходительные. Крто заметил эту перемену. И Платон, и Имма заметили тоже. Как отнеслась Имма – неизвестно...

– Вот что, Крто, – продолжал Дерпфельд. – Скажи мне: когда тела убитых членов экипажа «Елены» хоронили, вы при этом присутствовали?

Крто издал короткий писклявый звук и не ответил.

– Так вы присутствовали?

– Да. Ведь я был стражем. Но я никого не убивал. Никого из них. Они уже были мертвы.

– Речь не о том. Меня интересует другое. Из тел извлекали внутренности?

– Зачем? Ведь их не собирались утилизировать и отдавать на корм броненосцам. А в пещеру не проникала вода.

– А зачем их хоронили? Их тоже могли скормить какой-нибудь местной живности.

– Это старый обряд. Все жертвы принадлежат тверди...

– Хватит! – закричала Имма. – Об этом потом! Сейчас главное – добраться до корабля.

– Надо забрать вещи из тайника, – напомнил Крто. – Не забудь свою подводную капсулу и сервисный браслет.

Платон вспомнил про ожерелье... М-да. Иногда хорошо, когда тебя стережет личный коп. Так, на всякий случай. Что-то вроде внешней совести, очень похожей на внешний желудок.

Имма вернулась, одетая в комбинезон космофлота, с самодельным мешком из кожи морского льва за плечами.

Когда они выбрались из черной норы на свет, Платон заметил, как горят ее щеки даже под слоем белой пудры. Имма, наконец, покинет Эгеиду... Долгожданный день наступил.

Однако в глайдере было лишь четыре места. И хотя грузоподъемности хватило бы на целый десяток космических рейнджеров, но разместиться в этой скорлупке пятерым бы-

ло делом невысказанным. Решено было оставить весь багаж. Однако взять резак было просто необходимо: Дерпфельд получил его под личную ответственность от службы безопасности – такие вещи не бросают где попало. Даже в тайниках.

Имма предложила, что сядет на колени Крто, и они как-нибудь поместятся. Да, она была невысокого роста, но зато Крто и Стато куда массивнее людей. Да и Платон с Дерпфельдом отнюдь не маленького роста.

– Одного повесим снаружи на тросе в кресле, – предложил Платон.

Имма покачала головой:

– Снаружи никому быть нельзя, иначе эффект невидимости пропадет.

– Выход один, – вздохнул Стато, – я должен добираться туда своим ходом.

Да, придется оставить стража: из всех пятерых он один мог плыть морем.

– Вот что, – предложил Крто, – возьми наши три кресла-антигравы. Да еще одно у Дерпфельда. Как только энергия кончится, выбрасывай стульчак и пересаживайся на следующий. Лети на максимальной скорости. Потом, когда иссякнут запасы энергии всех кресел, плыви. Думаю, часа за четыре ты доберешься. А мы за это время активизируем корабль и будем тебя ждать.

– Только без меня не улетайте! – взмолился Стато. – А то Слокс...

– Мы будем ждать, – пообещал Дерпфельд. Как-то само собой получилось, что он принял командование в их маленьком отряде.

ГЛАВА 12

ВЕЧНЫЙ БОЙ

Документ 12.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Объект готовится к решающим действиям. Ожидая прибытия группы «2». Подтвердите время и место. Гости направляются к Джи-джику.

Один важный факт Имма в своем рассказе опустила. А именно: однажды она и Крто уже посещали корабль. Отчаянное это путешествие было предпринято после внезапно разразившегося скандала еще до появления Кормана. Имма упрекнула Крто, что тот не хочет бежать с планеты, а надеется удержать Имму здесь навсегда. Он вяло оборонялся и возразил: пока они точно не знают, где корабль, думать о бегстве не имеет смысла, надо подождать. Не знают, где корабль? Это почему же? Не только знают, но и могут найти. У Иммы сохранился сервисный военный браслет, с которым она никогда не расставалась, чтобы сохранить связь с кораблем. Разумеется, она рисковала. Но предать корабль она не могла. Не говоря о том, что сохранялся крошечный шанс на спасение. Достаточно набрать секретный код корабля, и браслет приведет их к «Елене Прекрасной». И вот, спу-

стя почти девять лет после аварии, сервисный браслет пилота привел Имму, а вернее Киру Коровину к ее кораблю. Для Иммы Крто перекупил у кладовщика «Гибрида» индивидуальную воздушную шахтерскую капсулу, какими пользовались сотники. Крто погрузился и утянул капсулу с Иммой за собой. Корабль лежал на границе предельных погружений для уроженца Эгеиды. На этой глубине эгеец мог находиться лишь несколько минут. Человеку без скафандра и специальных тренировок погрузиться на такую глубину вообще невозможно. Корабль они не видели – была включена система защиты. Плыть пришлось по сигналу сервисного браслета. И лишь когда браслет коснулся поверхности шлюзового люка, пленка невидимости на мгновение спала, и корабль пропустил гостей внутрь шлюза. Вода немедленно была откачана, раздвинулись блестящие двери, украшенные голограммами космofлота. Знакомый коридор, освещенный синими огнями. Корабль был целехонек. Как будто и не было аварии! Имме вдруг почудилось, что сейчас навстречу выйдет капитан Эклскон. У Иммы подкосились ноги.

– Приветствую вас на борту корабля, пилот-практикант Кира Коровина! – обратился к ней приятный человеческий голос. Имма вздрогнула всем телом. В первую минуту она подумала, что кто-то остался на корабле и жил здесь все эти годы. Но потом поняла, что ошиблась: это звучал голос искина – мозга корабля. – Кто вас сопровождает? – Поскольку корабль назывался «Еленой Прекрасной», то голос был жен-

ским. Впрочем, боевые корабли в космолинге, как и в староанглийском, женского рода.

– Мой гость, – произнесла Кира-Имма дрожащим голосом.

– Я произвела идентификацию. Он может находиться на корабле только вместе с вами. Если вы покинете корабль, а он останется, гость будет уничтожен.

– Да, – прошептала Имма.

– Что вы намерены делать, пилот-практикант?

– Поднять корабль.

– Невозможно. У вас нет лицензии. К тому же кораблем такого класса должны управлять два пилота. Такова инструкция.

– Но произошла авария...

– Я помню. Поэтому любой пилот, имеющий лицензию, может управлять мной. Так что прошу спустя тридцать минут покинуть мои палубы.

– Подожди! Разве я не могу остаться?

– Корабль находится на обитаемой планете, входящей в Лигу Миров. Длительное пребывание на корабле невозможно.

– А я могу выйти на связь?

– Можете. Приказать активировать тахионную связь?

– Имма! – Крто ухватил ее за шкирку и встряхнул. – Опомнись! Через тридцать минут ты покинешь корабль. А еще через тридцать ты будешь мертва. И я вместе с тобой.

– Елена! Позволь нам остаться.

– Нет. Инструкцией запрещено проживание на корабле кого бы то ни было. Если появится второй пилот, вы можете активизировать корабль и взлететь.

– А что еще запрещено?

– Прикасаться к системам управления корабля, пока у тебя нет напарника. Проникать в рубку. Производить самостоятельно манипуляции непосредственно с оборудованием корабля. Отдавать мне приказы...

– А что я могу? – Имма чуть не плакала. Ей казалось, что «Елена» над ней издевается.

Впрочем, так оно и было. «Елена» защищала себя, а не пилота-практиканта Киру Коровину.

– Вы можете взять необходимое оборудование из складских помещений. Взять личное оружие, на которое имеете разрешение. Можете воспользоваться миниглайдером.

Вот тогда-то Имма и вспомнила про невидимый на радарх глайдер, они с Крто забрали его из грузового отсека и укрыли на Черной скале.

Профессор Рассольников и Дерпфельд прибыли на Эгиду во всеоружии: у них было подводное оборудование, домус-блок, землесосы для раскопок и... именно все это «было». Потому как осталось далеко-далеко от их убежища на

макушке Черной скалы. А соваться в домус-блок под носом у веселиста Слокса никому не хотелось. Даже тот автономный костюм-адаптер, что был у Платона с собой, сгорел во время взрыва глай-дера. Из подводного оборудования осталась только воздушная камера Иммы, которая хранилась на Черной скале. Куда ни кинь, как говорится, всюду черная дыра... Но тут Дерпфельду пришла в голову отличная мысль:

– На корабле наверняка есть куча космических скафандров...

– Ну конечно! – хлопнула себя по лбу Имма. – Мы с Крто спустимся вниз, а потом Крто доставит вам два скафандра. «Елена» его пропустит по приказу моего браслета. Так мы проникнем на корабль, а уж когда очутимся внутри, то веселисты нам будут не страшны. Так ведь?

– Отлично!

Она даже не спросила, что думает о ее плане Крто. Как-то само собой так вышло, что Имма теперь советовалась только с Платоном и Вилом Дерпфельдом. Крто схватил ее за руку и стиснул пальцы.

– Что с тобой? – она попыталась высвободить руку.

– Я еще здесь...

– Ну да, да... – Она ненатурально рассмеялась и сделала вид, что не поняла его слов. – Мы улетаем. Надо торопиться.

Что думал эгеец, людей не интересовало – они распоряжались, он должен был исполнять. Крто молчал, хмуря брови. Эгеец так привык имитировать человеческую мимику, что

обида сама собою отобразилась на его человекоподобном лице. Вот только нос побелел – совершенно по-эгейски.

Глайдер снизился и завис над гребнями волн. Открыли боковые дверцы, и пена летела в кабину. Океан был в тот день и вправду виноцветный. Огромная чаша.

Только некому взять ее в теплые ладони и поднести к губам живительную влагу. Да и где те уста, что смогут вместить в себя все воду Океана? Впрочем, живительная– это, скорее, для красного словца... Влага благодаря стараниям Брегена теперь почти что ядовита.

– Будь осторожен, Крто, – предупредила его Имма. – Для того чтобы открыть дверь, у нас есть три минуты.

Эгеец ничего не ответил и прыгнул в воду, обдав людей фонтаном брызг. Имма погрузилась следом. Платон смотрел им вслед.

– Биокоррекция... – вдруг сказал археолог.

– Что?

– Крто прошел биокоррекцию. Пусть легкие и система кровообращения у него все те же, но теперь вместо хвоста у него ноги, и он не может плыть с прежней скоростью. Ему придется погружаться и всплывать гораздо дольше...

– Он знает об этом? – спросил Дерпфельд. Платон усмехнулся:

– Знает или нет, но догадается непременно. Он может всплыть, так и не добравшись до корабля. Что мы тогда будем делать?

Платон следил на экране навигатора за погружением Крто.

– Они уже достигли шлюза. Открывают...

Крто находился под водой дольше положенного. Каждая секунда была на счету. Наверняка глайдеры веселистов кружат вокруг Дальнего, как хищные ча-вики, и в любую минуту могут засечь беглецов.

– Они внутри... Ну, все! Теперь остается ждать, когда архонт вытащит нам скафандры, – облегченно вздохнул Дерпфельд.

И они ждали. Минута за минутой. Но Крто не появлялся.

– Неужели не могут найти! – раздражился сержант. – Тупицы! Нас в любой момент могут обнаружить.

И тут они увидели, что к ним мчится глайдер. Как только их отыскали?... Платон навел цифровой бинокль и вздохнул с облегчением:

– Это Бреген.

– Я бы не особенно радовался, – сухо заметил сержант.

Глайдер подлетел к беглецам почти вплотную. Сквозь прозрачный корпус было видно, что внутри сидят трое: пилот, Бреген и его охранник. Глава филиала в домашнем халате – для него вся планета давным-давно собственная просторная квартира с о-очень большой кладовкой. Теперь хозяин обнаружил в этой кладовке беспорядок. На макушке глайдера красовалась лазерная пушка. Бреген высунулся наружу и крикнул:

– Ребята, неужели вы нашли корабль! Какие вы молодцы!

Вы даже не представляете.

– Представляем! И даже очень, – отозвался профессор весело.

– Ну и отлично! А теперь можете сказать «бай-бай» дяде Брегену и удалиться.

– К сожалению, у нас нет такой возможности – Слоксу не нравятся наши планы.

– Прошу вас, скройтесь. Кораблем займусь я. Вам он совершенно ни к чему. Вы будете в безопасности: мои люди проводят вас в космопорт и посадят на ближайший челнок.

– Нет, мне этот план не нравится! – отвечал Дерпфельд, в свою очередь высовываясь из кабины глайдера. – Мы решили покинуть планету на этом корабле. Так что не беспокойтесь и отправляйтесь по своим делам!

– Не хотите разговаривать – как хотите. – Бреген захлопнул дверцу.

– Режим максимальной защиты! – крикнул Дерпфельд компу, что управлял глайдером.

И тут же вся кабина сделалась дымчатой. Очень вовремя. Потому что лазерная пушка ударила по кабине. Однако не причинила никакого вреда: Бреген не учел, что глайдер-невидимка был позаимствован с военного линкора. Напрасно несколько секунд лазерные лучи полосовали крошечную капсулу, в которой застыли два человека. Никакого эффекта.

– Только бы Крто не всплыл... – проговорил Дерпфельд сквозь зубы. – Надеюсь, у этого хвостатого хватит на это ума.

– Ума, может, и хватит. Но хватит ли кислорода?

Платон глянул на катящиеся внизу волны. Если эгеец покажется на поверхности, то Бреген его тут же прикончит – в этом сомневаться не приходилось. Платон невольно жмурился, когда лучи лазерной пушки полосовали кабинку их крошечного глайдера.

Бреген, видя, что огонь пушки не дает никакого эффекта, велел прекратить бесполезную стрельбу. Два глайдера висели друг против друга, как два чавика над огромной рыбиной, застывшей в глубине, ожидая, когда же она всплывет.

Атлантида вытащил резак из-под сиденья.

– Что ты собираешься делать? – встревожился сержант.

– Отвлеки его как-нибудь. Свяжись с ними по внутренней связи.

– Нас тут же засекут эгейцы.

– Они и так давно нас засекли. Ведь глайдер Брегена сканируется. И они прекрасно видят, что он почему-то тут завис. Так что веселисты пожалуют к нам очень скоро.

– Бреген, сука! – заорал Дерпфельд в переговорное устройство, – ты ответишь за свои фокусы перед трибуналом Лиги Миров!

Секунда... на все была секунда... максимум две. Крикнуть системе защиты: «Отключение», распахнуть дверцу, прицелиться и срезать резакон пушку с Брегеновского глайдера. Платон уложился.

Ругань Дерпфельда еще гремела в наушниках, а пушка уже скатилась по обтекаемому боку машины и булькнула в море. Быть может, кто-то из археологов извлечет ее через пару сотен лет и будет доказывать, что эгейцы были воинственной расой и изобрели лазерное оружие...

– Проваливай отсюда! – крикнул археолог. – Или мы разрежем твою посудину пополам.

– Ребята, какие вы наивные! Вы что же думаете, я сидел здесь почти десять лет зря? – отозвался в переговорник Бреген. – Я знал, что когда-нибудь явятся агенты Лиги Миров и постараются извлечь корабль. И вот вы здесь... Охрана моя наготове, и вскоре здесь появится сорок глайдеров, набитых лучшими охранниками. Так что это вам придется убраться. Но лично вам я не хочу зла, уверяю вас. Мое предложение в силе: отправляйтесь на космодром.

Среди волн вскипел небольшой бурунчик, и на поверхность вынырнул Крто.

Охранник Брегена тут же выстрелил в эгейца, но промахнулся. Крто даже не пробовал нырнуть. Еще один выстрел.

Этот тип прожжет скафандры, которые тащит с собой эгеец. Вот черт! Сержант перевел бластер из импульсного на непрерывный режим и высунулся из кабины. Луч лазера срезал руку охранника, и обрубок упал в волны вместе с бластером.

Сорок глайдеров почему-то не появлялись. Атлантида неспешно поднял резак и полоснул, по глайдеру Брегена. Половина кабины рухнула в Океан. Бреген и его люди остались в кабине, будто три поносника в общественном туалете, с которого сорвало крышу. Глайдер стал медленно вращаться. Потом включился маршевый двигатель и машина, покачиваясь, понеслась над волнами. Вскоре покалеченный глайдер Брегена превратилась в точку на горизонте.

Дерпфельд тут же опустил малютку-глайдер к самой воде.

– Я притащил три скафандра... – сообщил Крто.

У него шла носом кровь. Забраться в глайдер у эгейца не было сил. И ему спустили вниз трос-сейвер с поясом антигравом.

– А зачем третий скафандр? – спросил Дерпфельд.

– Для меня...

– Ты умеешь им пользоваться?

– Нет. Но вы мне поможете.

– Конечно. Но ты, кажется, не подумал о том, что тебе может грозить заключение за взятки, сокрытие информации, незаконную биокоррекцию и прочие твои маленькие подвиги. – Кажется, сержант получал явное удовольствие, унижая архонта, превратившегося в беглеца.

– Вы обещали мне и Имме защиту, – напомнил Крто. Платон помог заползти эгейцу в серебристый кокон скафандра.

– Да, если у тебя есть информация...

– Я спас Имму. Мы показали вам корабль. Разве этого мало?

– Незаконная биокоррекция – тяжкое преступление. – Дерпфельд готовил глайдер к консервации и погружению – не бросать же эту игрушку на поверхности, но это ответственное занятие не мешало ему издеваться над эгейцем.

– Вил, прекрати, – одернул его профессор Рассольников. – Если мы вернем корабль Лиге Миров, вам, Крто, ничто не грозит.

– Не верь ему, Крто! – засмеялся Дерпфельд. – Он же археолог, никто не уполномочивал его вести с вами переговоры.

Рябь пошла по воде. Мутная линза стала еще больше мутнеть, уплотняться и... Вот! Теперь уже нет сомнений. Перед ними лежал корабль. Громада удивительной формы, при взгляде на невероятные обводы огромного корпуса мурашки невольно бежали по спине.

Прекрасна!

«Елена Прекрасная»-она и в самом деле была мощью немых еще дюз, хищным, нацеленным в неведомое пространство носом, лихо закрученными в тугие спирали генераторами вдоль изогнутого для броска через бездонные пространства корпуса.

Корабль был в идеальном порядке. Будто не было никакой аварии. Будто не лежал он десять лет на дне Океана, наращивая день за днем и год за годом раны, покинутый всеми, но ждущий своего часа. Нигде ни одного повреждения на ячеистой структуре прочного корпуса или переборок. Зубья люков тут же расходились, едва Имма касалась голограммы своим браслетом.

– Приветствую вас на корабле, пилот-практикант Кира Коровина, – голос искина звучал, как живой. Немедленно представлялась красавица лет тридцати с ореолом золотых коротко стриженных волос и холодной белозубой улыбкой. – У вас есть тридцать минут, чтобы получить необходимое оборудование.

– Со мной на корабль явился пилот запаса космофлота Лиги Вил Дерпфельд! – с нескрываемым торжеством в голосе сообщила Имма.

– Ваш браслет, пилот запаса!

Идентификация длилось чуть дольше секунды.

– Приветствую вас, пилот второго класса Вил Дерпфельд. С вами находится гость корабля?

– Профессор археологии Платон Рассольников. У него есть пропуск службы Безопасности...

– Нет, пропуск мне не нужен. Меня интересуют пилоты. Гости могут посещать корабль, но вход в рубку им запрещен. Открыть доступ в рубку, пилот второго класса Вил Дерпфельд?

Перед ними сверкало кольцо защиты. В широком желобе струилось расплавленное серебро генератора силового поля. Воздух слегка подрагивал. Пробриться сквозь этот сверкающий экран не мог ни человек, ни андроид, ни робот.

– Открыть доступ! – потребовал Дерпфельд.

– Идентификация генотипа! – немедленно отозвалась защитная система рубки – уже своим мужским хрипловатым голосом.

– Провести идентификацию, – подтвердила «Елена» одобрительно, будто умная мамаша любовалась не менее умным сыночком.

А что если корабль не признает нового пилота? Платон почувствовал, как бегут по спине мурашки. Казалось невероятным, чтобы в соревновании этой умной неуязвимой громады с двумя жалкими человечками громадина уступила и захотела подчиняться.

– Генотип совпадает. Защита снята, – признался «защитник» рубки. И «Елена» повторила за ним эти четыре слова как заклинание.

Серебро в кольце застыло. Дерпфельд опасно перешагнул через рубеж. И следом Имма.

– А что же нам делать? – спросил профессор Рассольников.

– Займите места в пассажирском салоне, – посоветовал Дерпфельд. – Мы скоро взлетаем.

– Но мы не можем взлететь без Стато! – напомнил Крто.

Все посмотрели на эгейца. Как будто только теперь заметили, что он все еще с ними.

– Не волнуйся, мы подождем, – снисходительно бросил сержант.

– Идемте, я вас провожу, – Имма демонстративно шагнула назад через серебряное кольцо. – На корабле отличный пассажирский салон. Вам понравится.

Она вдруг переменялась. Приосанилась и сделалась как будто выше ростом. Кто бы мог подумать, что она, Имма, будет когда-нибудь командовать таким кораблем! Ну, не командовать, конечно, но сядет сейчас в кресло второго пилота. Пилот Кира Коробина... Звучит...

Имма не преувеличивала: пассажирскому салону мог позавидовать любой межзвездный лайнер класса «люкс». Вход напоминал триумфальную арку, свод просторного салона из гластика – имитация бездонной небесной синевы. Адаптивные кресла с компенсаторами, огромные обзорные экраны. Платон огляделся. Да, это не полицейское корыто в ржавых разводах блевотины...

– Кира! – услышали они голос Дерпфельда по внутренней связи. – Компьютер рубки сообщает, что к кораблю подплывают живые существа, предположительно, эгейцы. Она направляются к шлюзу.

– Ну и что! – весело отвечала Кира. – Они не смогут открыть люк.

– Почему нет? У них могли остаться браслеты кого-то из

членов экипажа.

– Не имеет значения. Военным сервисным браслетом пользоваться нельзя, если он не совпадает с генетическим кодом. Снятый с руки браслет умирает через трое стандартных суток.

– Ты уверена?

– Конечно! Но они, кажется, этого не знают.

Имма включила экран наружного обзора и замерла. Прямо на них плыли десятки, сотни эгейцев. Нет, не просто эгейцев. У них были человеческие лица и руки. И впереди плыло существо с лицом капитана Эклсона. Чуть позади – пилот Эрп, но с эгейским хвостом, а рядом – Валентина. Опять же – лишь наполовину в человеческом обличье – эгейский хвост раздваивался плавником. Они подплыли к шлюзу, а за ними остальные... мелькали знакомые лица. Вот еще один Эрп и еще один капитан – лица у этих как-будто размыты потоком воды. Мелькнул третий Эклс-кон – знакомые черты едва угадывались. Напрасно эгейцы пытались открыть шлюз – ни один из сервисных браслетов в чужих руках (или щупальцах) не включался.

Имма застыла неподвижно. Перед экраном мелькали призраки... Экипаж вернулся к своему кораблю.

– Что делать? – вновь услышали они голос Дерпфельда из рубки.

– Прикажи им уйти... –предложил Платон.

Сержант предложил, но «призраки» не пожелали подчи-

ниться. Они метались, как отбившиеся от косяка рыбыны, тыкались в корпус «Елены», обшаривали входные люки – все напрасно. Имма смотрела на них, и ее била дрожь. Крто попытался обнять ее, но она оттолкнула его руки.

– Если я включу защитное поле и начну подъем, они погибнут, – сообщил Дерпфельд. – Но сейчас нет военных действий. Мне не хочется получить тридцать лет на планете Алькатрас.

– Не надо... Это же экипаж... – взмолилась Имма, не в силах оторвать взгляд от обзорного экрана. Сразу два капитана Эклсона прижимались лицом к экрану. А из-за их плеча выглядывала почти настоящая Валентина.

Платон вспомнил сеанс сканирования. Нет, не ради веселья эгейцы уничтожили экипаж. Совсем не ради...

– Пока они там, мы не можем взять на борт Стато, – напомнил Крто. – Я знаю, что делать. Запишите мой крик ужаса и через усилители подайте сигнал наружу. Ни один эгеец не выдержит, услышав такой сигнал в воде... все удерут...

Крто взял в руки капсулу переговорника. От его пронзительного крика у людей заложило уши.

И они удрали, как предсказывал Крто... Исчезли, будто растворились в синей воде. Призраки наконец оставили «Елену Прекрасную».

Имма несколько минут смотрела на опустевший экран. Не было больше ни Эклсона, ни Валентины, ни Эрпа... И она тоже взвизгнула по-эгейски и кинулась в рубку – готовить

корабль к взлету.

– Вил! Имма! – связался Платон с рубкой по внутренней связи. – Как у вас дела?

– Готовимся к взлету.

– Вы обещали спасти Стато! – напомнил Крто. Его голограмма слегка рябила – множественная биокоррекция давала помехи при передаче изображения.

– На Стато никто не обратит внимания, – вмешался Дерпфельд.

– Сначала не обратит, – возразил Крто. – Но ему придется вернуться на острова Блаженства или хотя бы на Дальний... Неважно – куда. И тогда его тут же схватят.

– Он все равно обречен...

– Как легко вам говорить! – возмутилась Имма. – Стато наш друг. Крто, мы его спасем! Я не отдам команду на взлет!

– Никто не виноват, что в глайдере было лишь четыре места, – хмыкнул Дерпфельд. Он, казалось, не обратил внимания на протест Иммы. – Надо готовить корабль. А Стато, если у него достаточно высокий IQ, сообразит, что надо затаиться на Дальнем и не высовываться, пока здесь не появятся представители Лиги Миров – расследовать захоронения. Тогда в нужный момент он выскочит из кустов и сообщит о своем участии в деле спасения корабля. Простой план. И лучше всего для Стато додуматься до него.

– Что вы намерены делать? – спросил Крто.

– Взлетать.

– Стато погибнет!

– Как и другие эгейцы.

– У нас есть система оповещения, – напомнила Имма. – Мы можем выбросить в воздух предупреждающее устройство, и оно объявит на космолинге приказ всем обратиться с места старта. Симпьютер тут же переведет все на эгейский.

– Тогда добавь такую фразу: «Безопасная зона – остров Дальний». Если Стато услышит, он поймет, – предложил Платон.

– Неужели на этом идиотском корабле нет средства спасти одного-единственного эгейца! – возмутился Крто. – На что он тогда годен, эта куча старого хлама!

– Прошу не оскорблять меня! – отозвался искин корабля. – Неужели во время инструктажа вас не предупредили, что ругать корабль недопустимо?

– Я...

– Что касается спасения гуманоидов и негуманоидов, находящихся снаружи, то на корабле существуют индивидуальные спасательные шлюпки. Радиус действия в космосе – 0,5 парсека. Радиус действия на планете класса «терра» – 180 километров. Как вы могли забыть о спасательных шлюпках, пилот-практикант Кира Коровина? – упрекнула «Елена» с чисто женской язвительностью.

– За десять лет многое можно забыть. Особенно то, что зубрил в академии. Сейчас... – Имма засуетилась, вставила пластину сервисного браслета в отверстие панели управ-

ления. – «Елена»! – крикнула она срывающимся голосом. – Выпустить индивидуальную спасательную шлюпку. Крто, дай код сервисного браслета Стато.

Все, затаив дыхание, наблюдали за голограммой полета спасательной шлюпки. Едва вылетев из воды и набрав высоту, она стала снижаться. Стато был где-то близко. И вдруг шлюпка повернула назад.

– В чем дело?

– Шлюпка не может связаться с сервисным браслетом.

– Стато! Жмот! – Имма чуть не плакала. – Я же говорила, что ему нужна новая сервисюга. Крто... почему он не купил новую сервисюгу? Почему?

– Над нами воздушный линкор класса «Икар», – сообщила «Елена». – Советую свернуть спасательную операцию и подготовиться к взлету.

– Двухминутная готовность к взлету! – приказал Дерпфельд и толкнул Имму в бок.

– Имма, сделай что-нибудь! – закричал Крто.

– Двухминутная готовность к взлету, – повторила Имма неживым голосом.

– Двухминутная готовность к взлету, – отозвалась рубка корабля.

– Дать предупреждение об опасности на поверхность. Сообщить: «Все живым существам покинуть зону взлета. Зона безопасности – остров Дальний», – не скрывая торжества в голосе, произнес сержант Дерпфельд.

Платон тем временем опустился в пассажирское кресло, и компенсаторы включились сами собой. Интересно, на что способен корабль? И что если жажнуть сейчас по Столице и... Он знал, что ему не осуществить свои кровожадные планы, но было приятно представить, как этот веселист Слокс медленно поджаривается в потоках красного и синего огня. И Брегена поджарить вместе с ним. Но нет. Не получится. Слокса, может быть, и сцапают агенты Службы Безопасности и притащат в герметичной камере пред очи Галактического трибунала, чтобы веселист отчитался за все свое веселье сполна. А вот Бреген будет день за днем пожирать планету. И остановится лишь тогда, когда окончательно выжрет все сколько-нибудь ценное. Тогда, может быть, на тихой бедной Эгеиде настанет мир... или ничего не настанет.

Есть высшая справедливость, и иной нет: рано или поздно Бреген умрет, несмотря на все ухищрения современной медицины. И в этом шанс для планеты – она, наконец, избавится от присосавшегося к ее телу монстра. Пока явится новый, пока будет озираться, входить в курс дела и во вкус, произойдут крошечные подвижки...

Платон вздохнул. Нет, планетарный политик из него дерьмовый. И самое лучшее – не думать вовсе о таких планетах, как Эгеида.

Океан стал непроницаемо черен. Потом где-то в глубине закрутился светящийся шар и медленно начал всплывать. Цвет воды менялся каждый миг, сначала стал синим, потом изумрудно-зеленым, и, наконец, вода закипела белой пеной. Корабль взлетел. Он рванулся в бурлящем столбе воды к небу. И Стато, засевший меж камней, запыхавшийся, исцарапанный, наблюдал, как покидает планету его господин. Ему почему-то представлялось, что именно Крто управляет этим чудо-кораблем, состоящим – так почудилось Стато – лишь из сетки слепящего золотого огня. Будто огромная горящая птица рвалась в небо в ореоле синего и белого света. И два глайдера веселистов, неосторожно зависшие слишком близко, вспыхнули, как комья сухих водорослей, и исчезли. А в светлом послеполуденном небе на мгновение образовался черный туннель, сверкнули звезды, золотая птица превратилась в золотую стрелу, полыхнуло белым так, что Стато невольно зажмурился, а когда осмелился распахнуть глаза, и туннель, и корабль исчезли, лишь золотые искорки медленно кружились в воздухе и гасли, не достигнув поверхности виноцветного моря.

Когда взлет закончился, включилась искусственная гравитация, и можно было покинуть свои кресла, Имма прошла в пассажирский салон.

Крто сидел в кресле и что-то жевал. По подбородку текла красная слюна.

– Что с тобой?

Крто выплюнул перемолотые в песок окровавленные камни себе на колени. Взял кусочек кровавой кашицы, размял меж пальцев. Имма брезгливо передернула плечами. Крто поднял голову и посмотрел на нее. Лицо у него было совершенно человеческое, мимика – почти человеческая. Но когда он бледнел, то бледнел лишь нос. Вот и сейчас – белый нос, будто изо льда. А губы в крови. Это сочетание человеческого и нечеловеческого было нелепо.

– Я предал Стато, – сказал Крто. – И потому должен вернуть ему клятву верности.

– Где ты взял камни?

– На дне. Рядом с кораблем. Я знал, что вы не будете ждать эгейца. С той минуты, как вы велели мне спускаться вниз. Как своему рабу. Моя жизнь для вас ничего не значила. И жизнь Стато тоже. Но ты теперь вернешься... как хотела...

– Ты тоже хотел удрать с этой планеты.

– Я? Зачем? Что мне делать в иных мирах?

Имма смутилась, но лишь на мгновение.

– Это полетный страх. Мы проходили в Космической академии. Такое бывает. Но скоро пройдет.

– Подожди! – Он взял ее за руку, запрокинул голову и положил ее ладошку себе на лоб.

– Что ты делаешь?

– Запоминаю тебя... – отвечал Крто, продолжая сжимать ее руку. – Для эгейцев жизнь – одна из эмоций. Они чувствуют каждый миг, осознают ежечасно: жизнь! И небо над головой, и море – бесценный дар. Постоянно вертится над головой составленный из бесконечных восьмерок цветков. Его сохранить. Его и другие чувства. А все остальное – прах. Остальное не стоит помнить. В самом деле, о чем еще рассказать потомкам? Кто построил самый большой дворец? Все равно он давным-давно под водой. Наша способность переживать каждый миг – удивительный дар – куда более ценный, чем добытые Корма-ном десять миллиардов. – Он отпустил ее руку. – Теперь, даже если ты уйдешь, я буду помнить тебя каждую секунду.

– Привет! – сказал Андрей Королев. – Рад, что вы вернулись целым и невредимым, господин Бреген.

Начальник отдела по внешним контактам сидел в кабинете Брегена за столом начальника с таким видом, будто это его кабинет и его стол. По бокам от Андрея стояли двое здоровяков в хамелеоновой форме космических рейнджеров.

– Почему вы не выслали мне помощь, как я просил? – сухо осведомился глава филиала, делая вид, что ничего не произошло. И странное поведение начальника отдела внешних сношений – всего лишь досадное недоразумение. – Я ждал

глайдеры...

– Вы пытались захватить корабль, – скучным голосом сообщил Андрей. – Что приравнивается к заговору против Лиги Миров.

– Вы не оказали мне помощь – а это гораздо хуже. Вы уволены из фирмы «Гибрид». И поверьте – фирма вас «отблагодарит».

– Кажется, вы мне угрожаете? – Королев наигранно изобразил изумление.

– Нет. Я всего лишь объясняю, что с вами будет.

– Я – агент Службы Безопасности. А это ребята из отряда «2». Могучие ребята. – Андрей откинулся в кресле.

Агент службы безопасности? Бреген ушам не поверил. А как же... зачем...

– На вас и ваших хозяев у Службы Безопасности 142 файла компромата, – с милой улыбкой сообщил Андрей.

– Так вас... вас... – Бреген упал в кресло. И вдруг вся его уверенность пропала. – Вас послали, чтобы...

– Я только исполняю свой долг. Я спас корабль от ваших цепких пальцев. Я разоблачил заговор в фирме «Гибрид».

ГЛАВА 13

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Документ 13.

Островитянин 7 – центру» (Совершенно секретно)

«Елена» покинула планету. Я не нашел нужным мешать сержанту Дерпфельду и пилоту-практиканту Кире Коровиной проводить активизацию и взлет корабля. Операция по нейтрализации объекта проведена успешно. Господину Брегену и всему руководству фирмы «Гибрид» может быть предъявлено обвинение по 14 пунктам обвинения. Среди них – попытка захватить корабль класса «Вечный бой», что приравнивается к измене уставу Лиги. Так же стоит упомянуть использование запрещенных веществ под названием «крот» во время разработки старого шельфа и нанесение невосполнимого ущерба планете класса «Терра», что карается законом Лиги Миров. Обратите внимание на архонта и К. К. – они очень важные свидетели.

– Пересадочная база! С вами говорит «Елена Прекрасная». Класс корабля «Вечный бой».

– Да ну! А если я Гектор, то...

– Мои позывные «Стены Илиона». Прошу связать меня с представителем командования Лиги Миров.

– «Елена Прекрасная», с вами говорит Сергей Спайс.

Служба Безопасности. Кто управляет кораблем?

– Пилот второго класса Вил Дерпфельд. Мне необходим канал секретной связи. Передаю зашифрованное сообщение. Учтите, что шифру уже десять лет. Так что ищите в архиве.

– Кто с вами из членов экипажа? Кто спасся?

– Читайте сообщение. Срочно.

– Кто знает, – рассуждал Дерпфельд, – может, после этого удачного старта меня вернут в военный флот? За этот подвиг мне могут простить неудачу в Тухлом Яйце. Все-таки я вырвал корабль из лап эгейцев.

– Ты? – изумилась Имма. Или, вернее, Кира. Ибо она требовала, чтобы ее именовали Кирой. Крто прежде, чем сказать «Кира», издавал короткий писклявый звук – и произносил «Кира» как приговор.

– Мы... – уточнил Дерпфельд. – Но все же я тоже сделал немало.

– Зато наше дело не слишком продвинулось, – съязвил Платон, чтобы опустить сержанта на твердь. – Ведь мы так и не нашли убийцу Кормана.

– Почему? – Дерпфельд загадочно улыбнулся. – Дело Кормана очень даже продвинулось. И у меня есть версия... Достаточно убедительная и... – он замолчал.

– И кто же убийца?

– Как только мы вернемся на Райский уголок, и я уточню кое-какие факты, вы узнаете имя. А пока придется немного потерпеть.

Платон отключил связь с рубкой и покосился на Крто. Эгеец не принимал участия в разговоре. Он дремал, закрыв глаза. Казалось, его совершенно не интересует, что происходит на корабле. Он почти не разговаривал, лишь односложно отвечал на вопросы, когда к нему обращались.

Иногда Крто что-то напевал.

К своему изумлению, профессор узнал мотив знакомой песенки «Греки сбондили Елену по волнам»...

Интересно, где ее слышал эгеец?

Майор Спайс выслушал рассказ профессора Рассольникова и сержанта Дерпфельда очень внимательно, не перебивая. Он умело изобразил изумление: как будто только что узнал об убийстве экипажа и проделках веселистов и Брегена.

– Жители Эгеиды убили экипаж? Невероятно.

– Именно. С нами свидетели – член экипажа пилот-практикант Кира Коровина и эгеец Крто. Судя по всему, экипаж погиб во время принудительного сканирования. Эта процедура запрещена уже более тридцати лет. Судя по всему, Император и его люди наблюдали, как гибнут астронавты во время сеанса прямого сканирования.

– Что за жестокость!

– Это не жестокость. Это теория. Они считают, что, убивая, становятся равными людям.

Майор Спайс казался почти юношей. Впрочем, юность его была фальшивой. После тяжелого ранения медики провели вынужденное омоложение организма. Так что майор в свои пятьдесят выглядел девятнадцатилетним. Только глаза юноши были слишком черные и какие-то неживые. Настолько неживые, что Платон заглянул под кресло, на котором сидел майор: вдруг наружу вывесился рыбий хвост или... Нет, хвоста профессор не обнаружил. И даже кресло было самым обычным – без антигравитационного диска.

– Я бы хотел попросить вас не сообщать прессе и вообще никому не сообщать известные вам факты, – очень вежливо попросил майор Спайс, глядя в упор на археолога.

– Ну, разумеется. – У профессора не было желания общаться с интернетчиками. – Вот только... Ответьте на такой вопрос. Почему вы бросили «Елену Прекрасную» на произвол судьбы?

– Бросили? Отнюдь. Мы разрабатывали план спасения корабля. И не только корабля, но и всей планеты. Планомерно и шаг за шагом. Вы же со своими дилетантскими фокусами все чуть не погубили. И то, что вам удалось поднять корабль – всего лишь счастливая случайность и непродуманные действия господина Брегена и этого... как его... веселиста.

– А экипаж? Вы оставили людей на растерзание.

– Мы ничего не могли сделать. Никто бы не смог.

– А Кира?

– Что – Кира? – майор вдруг покраснел. Но то была краска

не стыда, а гнева. – Что Кира? Мы не знали, что она жива. В конце концов, она выкрутилась.

– Но вы ее не искали.

– Послушайте, вам всего лишь повезло. А мы работали много лет. Вели наблюдения, вербовали агентов. Так что не приписывайте себе наши заслуги.

– Вы и нас завербовали? – поинтересовался Платон Рас-сольников.

– Зачем же? Вы все и так сделали без всякой платы. И закончим этот разговор.

ГЛАВА 14

Документ 14.

Островитянин 7 – центру.

(Совершенно секретно)

Возможна деструктуризация фирмы «Гибрид» и передача отдельных ее филиалов в руки внешнего управления.

– Доктор Ежевикин, вы арестованы! – сообщил Дерпфельд старику.

Пожилой доктор сидел за столом в своем номере и собирался куснуть бутерброд с зеленой икрой, да так и застыл.

– Неуместная шутка, сержант! – голос Ежевики-на был строг. Врачи всех времен и всех планет разговаривают такими голосами. Наверное, еще со времен Гиппократы научились. Да и как же иначе – они распорядители жизни. Властители на час... На месяц... А кому – на годы. Властитель должен говорить весомо и строго.

– Это не шутка. – Сержант уселся напротив старика.

Номер был неплох, и даже очень неплох. Конечно, не столь шикарен, как номер Альфреда Кормана, но Платон даже не пытался прикинуть, сколько кредитов надо выложить за одни сутки пребывания в таком номере.

– Знаете, я ведь не подозревал вас сначала, хотя должен был. Ваши годы и ваша профессия меня сбили со следа, – продолжал свои рассуждения полицейский.

– Подозревать меня... О чем вы? – Ежевикин передернул плечами. И, наконец, откусил свой бутерброд. Жевал медленно. Очень медленно. Смакуя.

– О том, что ваше появление здесь – нонсенс. Кто вы такой, чтобы Корман оплачивал ваши счета? Сами вы не слишком были богаты. Вам отдыхать где-нибудь на Гее-Квадриус... И к тому же вы не были членом Клуба. И все же оказались здесь.

– Я друг и врач...

– Да, конечно. Рассмотрим вопрос в обратном порядке: вы – врач. Но разве Корман был тяжело болен? Разве он нуждался в постоянном присутствии врача? Я узнал: он был здоров, как бык. Тем более что на Райском уголке великолепная система медицинского обслуживания. Нет. Ваше присутствие как врача – совершенно ни к чему.

– Что вы знаете... – попытался возразить Ежевикин и отложил надкушенный бутерброд.

– Да уж знаю! Много чего! – повысил голос Дерпфельд. – И второе: на Райский уголок приглашают за свой счет друзей на пару дней – не дольше. Дольше живут здесь только любовники и любовницы. В любовники вы вряд ли годились... К тому же у Кормана была Елена. И потом, как я выяснил, вы не особенно были дружны, долго не встречались. И случайно сошлись на пересадочной базе. Корман похвастался и рассказал о деньгах. Вы сумели уговорить взять вас с собой. На несколько дней. Ну, как же, старик... тоже хочет немного

отдохнуть.

Ежевикин брезгливо скривил губы.

– Ну и что?

– А потом Елена Прекрасная, Райский уголок, бешеные деньги... Кто не позавидует?.. И к тому же у вашего друга слабость: загадывать всем загадки, воображая, что никто не сможет их решить. Он и вам загадывает загадку. Шифрограмму его счета. А вы умный человек, доктор. Вы отгадали. Соблазн велик... Имея десять миллиардов, можно сделать биокоррекцию и стать молоденьким парнишкой, жениться на Елене... Вы стали нагонять на Кормана страх, чтобы он поверил, что за ним следят жители Эгеиды. Вы знали, что он как истинный кладоискатель непременно оставит записки-намекы. И этот ложный след уведет нас на Эгеиду. Так и вышло. Мы пошли не туда. Но мы вернулись, дорогой доктор. Я вас почти извиняю. Ведь во всем виновата Елена... Ну, конечно, Елена! Пред ее чарами ни один мужчина не может устоять. Или деньги? Может быть, деньги сильнее?

– Не говорите чушь! – заорал Ежевикин, внезапно потеряв все свое великолепное самообладание и разом сделавшись очень старым и жалким...

– Отчего же... Елена так прекрасна. Но дело за небольшим. Надо завладеть десятью миллиардами. Ведь, имея десять миллиардов, в нашем мире можно получить все.

– Мне надоело слушать вашу ерунду. – Ежевикин в ярости брызгал слюной.

– Когда Елена ненароком обмолвилась, что вы обожаете разгадывать шарады и все время торчите за компом, я получил разрешение немного перетряхнуть ваш комп... И ничего не нашел. Вы уничтожили всю память. Так, чтобы уже ничего нельзя было восстановить. Это меня насторожило. И потом... – Дерпфельд ухмыльнулся. – Только вы могли выпотрошить труп и извлечь внутренности. Только вы могли проникнуть в морг и провести все нужные операции.

– Да кто угодно! В любом номере!

– Нет, не в любом, уважаемый доктор Ежевикин. Такой номер на всем Райском уголке один-единственный. Никто из местных врачей не посещал Кормана – наша служба автоматически фиксирует вызовы медиков. Вы имели доступ в номер Кормана и доступ к инструментам морга.

– Его выпотрошили эгейцы!

– Ха-ха... – торжествующе рассмеялся сержант. – Тут вы и погорели. Это вы хотели, чтобы я так думал. Эгейцы потрошат только своих соплеменников. А людей – нет. Тут вы прокололись, уважаемый доктор.

– Все это вам придется доказать! – заявил Ежевикин. У него тряслась голова. Тряслись руки. В маленьких старческих глазах блеснули слезы.

– Разумеется. Кто бы спорил. У меня есть доказательства. – Дерпфельд выложил перед ним на стол карточку. Ту самую, которую нашел Платон. Со строками из «Одиссеи». – Перед смертью Корман нацарапал на этой карточке несколь-

ко строк. Вы знаете, что у черных археологов принято оставлять послания друг другу. Иногда иносказательные, иногда зашифрованные. Так вот, Корман оставил эту писульку профессору Рассольникову. Слишком заумную, но мы поднапряглись и смогли ее расшифровать.

Платон решил, что Дерпфельд блефует. Надо предупредить, что с Ежевикиным блеф не пройдет. Он не поверит на слово и...

– И что же такое написал мой друг Корман? – спросил Ежевикин, он достал платок и вытирал нос и глаза, и тяжело сопел, но сумел взять себя в руки.

Дерпфельд процитировал:

«Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий Боги, чтоб славною песнею были они для потомков».

– Бред! Это ничего не значит! – Ежевикин ненатурально рассмеялся.

– Напротив! – Дерпфельд подался вперед. Это значит очень много. Во-первых, это объясняет гибель экипажа корабля «Елена Прекрасная» – ту версию, которую втюхала Корману Кира Коробина. Якобы людей прирезали ради зрелища. Ради того, чтобы была сложена песня, как говорит Гомер.

Платон подивился, как Дерпфельд произносит имя Гомера. Как будто он был знаком с ним.

– А во-вторых... – Дерпфельд сделал эффектную лаузу. – Эта фраза из восьмой песни.

– Ну и что?

– А то, что у вас номер «8» временного пропуска.

– Простое совпадение.

– Э, нет... Как вы помните, на Райском уголке пропуск высокопарно именуется песней... И последнее: именно эти строки служили кодом счета господина Кормана.

Что стало с Ежевикиным! Лицо его вдруг перекошилось. Губы задрожали... Но лишь миг, миг...

– Все это лишь косвенные улики. Меня никто не осудит и...

– Зато мне выдадут разрешение проверить ваши счета. И десять – или восемь... уж не знаю, сколько осталось миллиардов, невесть откуда явившиеся на ваших счетах, будут очень весомой уликой.

Ежевикин был задержан. Попав в «собачью будку», он спик. Доктор не был членом Клуба, никто не ходатайствовал, не поручался, не просил принять во внимание... С ним, обладателем миллиардов, обращались, как с нищим. Деньги еще далеко не все решают в нашем мире. У Ежевикаина вдруг открылась масса болезней, и его перевели в госпиталь, но оставили под охраной. Если его осудят, это будет пожизненное заключение. И профессор Рассольников посочувствовал старику.

Деньги на счетах Ежевикаина удалось обнаружить, но куда меньше, чем планировалось. Дерпфельд заявил, что найдено всего три миллиарда. Сказать к слову, кабинет сержанта был

бедноват. Серые стены, дешевенькое кресло без антиграва, огромная пальма в пластиковой кадке и старый комп – может быть, чуть помоложе, чем ископаемый монстр архонта Крто на Эгеиде. Для состоятельной планеты – преступная бедность.

«Сержанту пора брать взятки», – решил Платон.

– Ну что ж, поделим тридцать миллионов на двоих, – предложил профессор Рассольников, – по-моему, это не так уж и мало.

– Тридцать миллионов? Откуда ты взял такую цифру? – вполне искренне удивился сержант.

– Посчитал. Ведь нашли три миллиарда...

– Неправильно.

– Один процент... – начал было Платон Атлантида и замолчал, понимая, что сейчас его бессовестно надуют.

– Именно. Но из этой суммы оплачены расходы на операцию по обнаружению пропавших сумм. В том числе перелет на планету Эгейское море, транспортировку оборудования и дачу взяток на Эгеиде.

Профессор вспомнил космическую тюрьму и почему-то решил не спорить.

– Сколько мне причитается? – спросил он без всякого энтузиазма.

– Ты остался должен еще тысячу двести кредитов, но управление тебе их простит, если ты обратишься с заявлением.

– Как я рад... – Очень хотелось сделать какую-нибудь гадость копу на прощание. Но профессор не мог придумать – какую.

Дверь распахнулась, и в конуру Дерпфельда влетела Елена. Прекрасная, как всегда, но в самом дурном расположении духа.

– В чем дело? – крикнула она, кидаясь в атаку. – Что за дела! Где моя награда? Ты обещал, что...

– Леночка, дорогуша, пришлось из твоей доли оплатить питание в отеле и прочие расходы... – открыл встречный огонь сержант. – Счета из магазинов, заказы по Галактическому сервису...

– То есть? – Она замерла с широко раскрытыми глазами и открытым ртом. Зубы ее светились – буквально.

– Ты еще должна пятьдесят тысяч...

«Сейчас у нее будет шок, и она впадет в кому», – решил профессор.

Елена завизжала и стала сыпать ругательствами не хуже пленника космической тюрьмы.

– Вы же обещали... Если я выйду за Кормана и помогу вам проследить происхождение его миллиардов... Вы же клялись...

– Ты сама подписала обязательство, что отказываешься от претензий на состояние мужа...

– Ты клялся, что оно незаконное...

– Так и вышло.

– А награда?

– Я тебе все объяснил. Ведь это Рай! Здесь все безумно дорого.

– Больше не буду на вас работать!

– Твое право.

– Ты не нашла нового миллиардера? – поинтересовался

Платон.

– Красивых баб полно на каждом углу... – Елена заплакала.

– Может быть, ей тоже подать заявление, чтобы простили долг? – предложил профессор – ему искренне хотелось чем-то помочь.

– Вряд ли... – с сомнением покачал головой сержант. – Она – наш платный агент. И при исполнении каждого задания сумасшедший перерасход средств. Сколько раз ее предупреждали! Ладно, попробую что-нибудь сделать.

– Тони, ты очаровашка... – Елена обняла Атлантиду и чмокнула в щеку. Пахло от нее какими-то дурманящими духами. – Жаль, что меня выставили из «Эдема»... Нам там было хорошо... – И она упорхнула из комнатухи Дерпфельда.

ЭПИЛОГ

Документ 15.

*Отрывок из допроса гражданина планеты Эгейское море
Слокса во время предварительного следствия.*

Обвинитель: Вы признаете себя виновным в убийстве?

Слокс: Нет.

Обвинитель: Тогда кто виновен в гибели экипажа?

*Слокс: Никто. Они сами покончили с собой. Попросили
выдать им оружие и убили себя.*

*Обвинитель: Биокорректор свидетельствует, что вы
провели сканирование в замкнутом контуре внешности
тридцати одного члена экипажа. Вы знали, что подобные
операции запрещены Лигой Миров.*

*Слокс: Это произошло десять лет назад. Тогда запрет
не был повсеместным.*

На пересадочной базе «Сирена» профессор Рассольников встретил Киру Коровину. Она сидела за столом в строгой форме пилота космофлота. Форма строгая, но ворот расстегнут, чтобы можно было разглядеть ожерелье из розового и черного жемчуга. Биокоррекция мало изменила ее облик. Она стала повыше, потоньше. Лицо осталось прежним: вздернутый носик, пухлые губы. Только волосы у нее были теперь нестерпимо яркие: сверкающее золото – да и только.

– Кира! – Платон едва не назвал ее Иммой, но вовремя

спохватился. – Ты, я вижу, процветаешь!

– Тони! Как я рада! – Она обняла его и чмокнула в щеку. Пахло от нее теми же духами, что и от Елены. Радость была вполне искренней. – Представь, Лига Миров выплатила мне жалованье пилота... заметь, не пилота-практиканта, а пилота III класса за десять лет. Это очень приличная сумма. Я уж думала – не заглянуть ли на Райский уголок... Но передумала.

– Летаешь?

– Да, на пассажире... Третьим пилотом. В свободное время изучаю Контактную психологию. Сдам экзамен – отправлюсь консультантом на какую-нибудь планету пустынного типа. Обожаю кактусы. – Получилось достаточно кокетливо и почти искренне.

Платон невольно поправил цветок «mamillaria blossfeldiana» в петлице.

– А как же карьера пилота?

– Это только поможет. Первому пилоту это просто необходимо. – Она запнулась. – Ведь это очень важно! – Она сделала заметную паузу. Будто подталкивала: спроси.

И Платон спросил:

– Как Крто? Что-нибудь знаешь о нем? Чем он занят?

– Сделал очередную биокоррекцию. Нет, серьезно. Я не шучу. Он недавно связался со мной по Интернету. Теперь он внешне немного похож на тебя. Носит белый костюм и белую шляпу. А в петлице у него кусочек коралла.

Профессор рассмеялся.

– Не может быть...

– Правда, правда... Сам он сейчас на Крабионе, налаживает там добычу золота с помощью грибов. Дело не особенно прибыльное, но на биокоррекцию, как видите, хватило.

– Звал к себе?

– За спасение корабля Крто получил полную амнистию и гарантию безопасности. А вот Бреген... Все знали, что «Гибрид» заставляет эгейцев работать на недопустимой глубине, но закрывали глаза. Но как только Брегену пришили попытку захватить корабль, тут припомнили и эгейцев, и нарушение экологического законодательства, и «кротов», и незаконное использование вооруженной охраны...

– Как посмотрю, Крто держит тебя в курсе своих дел. Хочешь отправиться в составе Кризисной комиссии на Эгеиду?

– Нет уж! С Эгеидой покончено. Навсегда. У меня теперь вся Галактика.

– А у Крто?

Она передернула плечами:

– Крто – не человек... Если бы он был человеком... – Она вздохнула и покачала головой. – Душа эгейца – кусок льда. Да, кусок льда, хотя они постоянно кричат от боли.

– Кусок льда? А мне казалось, что Крто рисковал своей шкурой ради тебя.

– Знаю. Но только не надо меня этим попрекать. И не будем об этом.

Бедняга Крто. У него вся Галактика теперь. Не хватало одной малости – счастья.

– Кстати, как поживает Стато?

– Ты не знаешь? – Кира вздохнула и скорчила болезненную гримасу. – Он погиб... Слокс его прикончил. – Она прикрыла лицо ладонями, но тут же справилась с собой. – По ночам мне все время снится Океан. Виноцветные волны бегут к берегу...

– Прекрасная планета.

– Да, прекрасная. – Она попыталась изобразить улыбку. – А на Крабионе тоже есть море. Наверное, не такое, как на Эгеиде...

– Не волнуйся, из Эгеиды скоро сделают Райский уголок... – Ему самому не понравилось то, что он сказал. – Кстати, почему ты заставила Стато словчить? Изображать, что карту острова передала мне Елена и...

– Я боялась. После истории с Корманом смертельно боялась сказать кому-нибудь, кто я... Но корабль нужно было найти и спасти. И я... решила... действовать.

– Спасти корабль? Зачем? Лично тебе – зачем? Прежде время от времени ты могла приходить туда. Корабль принадлежал только тебе... А теперь? Тебя даже не взяли третьим пилотом на «Елену», которую ты спасла. Ты не сожалеешь о прошлом?

– Сожалеть о прошлом – самое глупое, что можно придумать... Так говорил Крто. И я с ним абсолютно согласна. Во

всяком случае – «Гибриду» дали под зад коленом. А «Елена» вновь принадлежит Лиге Миров, а не кучке проходимцев...

– А ты... твоя жизнь?

– Я получила всю Галактику. И потом для пассажирского лайнера, летающего на Крабион, требуется второй пилот. При условии, что у него есть диплом по космической психологии.

«Бабам не верить», – вспомнил профессор Рассольников принцип сержанта Дерпфельда и рассмеялся.

– Я как-нибудь загляну на Крабион, – пообещал Атлантида.

ЭПИЛОГ 2

Но для того, чтобы отыскать ответ, не нужно задавать исследовательскому компу сложные задачи... Надо всего лишь прожить еще один кусок жизни. Прожить так, как живут эгейцы: ощущая каждый миг жизни, как ступени непрерывной лестницы. И тогда лабиринт сам займет в нужную минуту нужное положение. И сквозь бесчисленные прозрачные галереи можно будет различить одновременно и сверкающие золотые дары, и синее небо, заключенное в полукружье каменной арки.

Профессор Рассольников послал профессору Биттнеру сообщение:

«Могу вынести дары из Хрустального лабиринта. Обеспечьте заказчика».

В прозрачных галереях Гласса не нужны красные полосы на стенах и клубки ниток, чтобы выйти назад. Это информационный лабиринт. Здесь нить, ведущая к цели, сама цель. Мысль, которую нельзя потерять, которую нельзя изменить. И вся проблема в том, чтобы выбрать эту цель-мысль и следовать за ней с первой секунды погружения в лабиринт. Радость открытия отравляла одна мысль: тайну лабиринта Платон раскрыл с подачи Кормана...

Да, подсказка была. Но только подсказка. Корман, как всегда, не довел свое открытие до конца. Корман вошел в лаби-

ринт с мыслью, что отыщет хрустальную глыбу и сотворит Елену Прекрасную. Он блуждал по лабиринту, думая только о будущей скульптуре, высек ее, и тут же выход открылся. А все трое суток, что, изнемогая, черные археологи бродили по бесчисленным галереям, Корман пытался отыскать золотые дары... Но лабиринт не открывает своих сокровищ случайно. Тут же напрашивалось решение: а что если войти в лабиринт с мыслью о сокровищах и дарах. Другие и шли... и, может быть, находили. Но эта цель внутри самого лабиринта, и назад Хозяин уже ни за что не отпустит. Корман решил проблему выхода. Но не смог при этом найти дары.